

АЛИСА В ЗОМБИЛЭНДЕ

Хроники белого кролика - 1

ДЖЕНА ШОУОЛТЕР

Отрубите им головы

Она не успокоится, пока не отправит каждый ходячий труп обратно в могилу. Навечно.

Если бы кто-нибудь сказал Алисе Белл, что вся ее жизнь изменится за одно биение сердца, она бы рассмеялась. От счастья к трагедии, от невинности к гибели? Да, ради Бога. Но именно столько и понадобилось. Один удар сердца. Взмах ресниц, вдох, секунда, и все, что она знала и любила, исчезло.

Ее отец был прав. Монстры существуют.

Чтобы отомстить за свою семью, Али должна научиться сражаться с нежитью. Чтобы спастись, она должна научиться доверять самому худшему плохишу, Коулу Холланду. Но у Коула свои секреты, и, если Али не будет осторожна, эти секреты могут оказаться еще опаснее, чем зомби.

Автор: Джена Шоултер

Книга: Алиса в Зомбилэнде

Серия: Хроники белого кролика — 1

Переводчики: Talita (1–4 главы), Victoriĵa_16 (5-18 главы)

Редакторы: AFIR (1–2 главы), Bad girl (2–4 глава), Shottik (5-18 главы)

Русифицированная обложка: Inventia

Предисловие

Предисловие от Алисы

Скажи мне кто-нибудь, что вся моя жизнь изменится за одно биение сердца, я бы рассмеялась. От счастья к трагедии, от невинности к гибели? Да ради бога! Но именно столько и потребовалось. Один удар сердца. Взмах ресниц, вдох... секунда — и все, что я знала и любила, исчезло.

Меня зовут Алиса Белл, и в ночь на мой шестнадцатый день рождения я потеряла любимую маму, обожаемую сестренку и отца, которого никогда не понимала, пока не стало слишком поздно. Тот самый один удара сердца, когда весь мой прежний мир рухнул, а вокруг образовался новый.

Отец был прав. Монстры ходят среди нас.

По ночам эти живые мертвецы, эти... зомби... поднимаются из могил и жадно ищут то, что утратили. Жизнь. Они станут питаться тобой. Заразят тебя. А потом убьют. И если это случится, то уже ты будешь вставать из могилы. Это замкнутый круг, и ты бежишь по нему, как мышь внутри утыканного иглами барабана — истекаешь кровью и постепенно умираешь по мере того, как острые кончики вонзаются в тебя все глубже и глубже... и нет способа отворотить неминуемую смерть.

Зомби не ведают страха, не знают боли — зато они чувствуют голод. О да, они очень, очень голодны. Есть лишь один способ их остановить... но я не стану говорить тебе, какой именно. Это надо видеть. Могу сказать лишь одно: чтобы вывести зомби из строя, мы должны сражаться с ними. А чтобы сражаться, нужно подобраться к ним поближе. А чтобы подойти поближе, нужно быть довольно смелым и больным на всю голову.

Но знаешь что? Пусть лучше все вокруг считают меня ненормальной, и я умру в бою, чем всю оставшуюся жизнь буду прятаться от правды. Зомби существуют. Они рядом.

И если ты не будешь начеку, они и до тебя доберутся.

Итак. Да, надо было слушать отца. Он снова и снова предупреждал меня никогда не выходить ночью из дома, никогда не бродить по кладбищу на собственный страх и риск и никогда, ни при каких обстоятельствах не доверять тому, кто пытается подбить тебя на первое или второе. Жаль, что он не последовал собственному совету и доверился мне — мне, убедившей его нарушить оба правила.

Как бы я хотела вернуться назад, поступить совсем по-другому! Я бы сказала сестре «нет». Я бы никогда не стала умолять маму поговорить с отцом. Я сдержала бы слезы. Я бы заткнулась, проглотила эти мерзкие слова. Или просто, помимо всего этого, еще хотя бы раз обняла сестренку, маму и папу. И сказала бы, как сильно их люблю.

Если бы... да, если бы...

Глава 1

Вниз по "зомбичьей" норе

Шесть месяцев назад

— Пожалуйста, Алиса. Ну, пожалуйста.

Я лежала, развалившись на одеяле на заднем дворе, и плела ожерелье из маргариток для своей сестренки. Солнце ярко светило, пушистые белые облака плыли по бескрайнему голубому небу. С наслаждением вдыхая густой аромат жимолости и лаванды — аромат жаркого алабамского лета — краем глаза я подмечала, казалось бы, совсем незначительные детали. Длинную, многоногую гусеницу. Бабочку с помятым крылышком. Упитанного белого кролика, проشمывнувшего к дереву.

Восьмилетняя Эмма в розовой, расшитой блестками балетной пачке танцевала вокруг меня. И при каждом движении ее косички задорно подпрыгивали. Эмма была миниатюрной копией нашей мамы... и полной моей противоположностью.

Обе они могли похвастать длинными, прямыми темными волосами и прекрасными, чуть раскосыми золотистыми глазами. Мама была невысокой, всего метр шестьдесят сантиметров, и я сомневалась, дорастет ли Эмма хотя бы до метра пятидесяти пяти.

Ну а я? У меня волнистые белокурые волосы, большие голубые глаза и длиннющие ноги. Со своими метром семьюдесятью семью я была выше многих мальчишек в школе и вечно привлекала к себе внимание: никуда не могла пойти, не поймав несколько "ну и дылда!" взглядов.

Мной парни никогда не интересовались, зато, сколько парней и мужчин просто на слюну исходили при виде моей мамы — не сосчитать!.. а сколько восхищенно присвистывали — фу, гадость! — стоило ей за чем-то наклониться?!

— Ал-лиса. — Неожиданно возникнув рядом, Эм топнула ножкой в попытке привлечь мое внимание. — Ты меня вообще слушаешь?

— Милая, мы уже сто раз все это обсуждали. Может, твое выступление и начнется еще при свете дня, но закончится-то уже после заката. А ты ведь знаешь, папа ни за что не разрешит нам находиться вне дома после наступления темноты. Да и мама согласилась записать тебя в балетный класс, только когда ты поклялась, что не станешь дуться, если придется пропускать занятия или — что? — выступления.

Перешагнув через меня, Эм поставила свои изящные розовые туфельки по обе стороны от моих плеч, став для меня всем, что я могла видеть. Ее хрупкое тело отбрасывало достаточно тени, чтобы закрыть от меня яркого солнца и, подсвеченная его золотыми лучами, она вперилась в меня умоляющим взглядом.

— Сегодня твой день рождения, — знаю, знаю, я забыла поздравить тебя утром, да и в обед тоже... но на прошлой неделе я помнила, что тебе скоро исполнится шестнадцать... и даже сказала об этом маме, не так ли?.. и теперь вот вспомнила, так что, разве это не считается? Конечно, считается, — прибавила Эм, прежде чем я успела ответить. — Папа просто обязан выполнить любое твоё желание. Так что, если ты попросишь его отпустить нас и... и... — в ее голоске зазвенело такое отчаянное желание, — и попросишь, чтобы он пришел и посмотрел, как я танцую, он тебя послушает.

Мой день рождения. Ну да. Родители тоже о нем забыли. Опять. И в отличие от Эм, они

так и не вспомнили о моем празднике... да и не вспомнят. В прошлом году отец был немного занят, заглывая порцию за порцией односолодового виски и бормоча что-то про монстров, которых видел только он сам, а мама была немного занята, прибирая за ним бардак. Как всегда.

В этом году мама спрятала для себя записки с напоминанием в ящиках комода (я на них натыкалась и не раз), и кроме того, — как и заявила Эм — моя сестренка неоднократно намекала, а потом и в открытую сказала: "Ух ты, скоро у Алисы день рождения, думаю, она заслужила вечеринку!" — ну, и? — этим утром я проснулась... а воз и ныне там. Ничегошеньки не изменилось.

Ну и ладно. Я стала на год старше, мне, наконец, стукнуло заветные шестнадцать... но жизнь осталась прежней. Честно говоря, меня это мало заботило. Я уже давно перестала обращать на это внимание.

А вот Эм — нет. Она хотела того, чего я никогда не получала: безраздельного внимания со стороны родителей.

— Раз уж сегодня мой день рождения, так может, ты что-нибудь для меня сделаешь? — шутливо спросила я, пытаясь отвлечь сестренку от мыслей о ее первом выступлении на сцене и роли принцессы, для которой, по ее словам, "она была рождена".

Эм уперлась кулаками в бока, всем своим видом выражая праведное негодование — мое любимое зрелище в целом мире.

— Эй! Я как раз и делаю тебе подарок, позволяя уговорить папу.

Я попыталась сдержать улыбку.

— Что, правда?

— Да, потому что я знаю: ты так сильно хочешь увидеть мое выступление, что у тебя аж пена изо рта идет.

Вот же паршивка! Но можно подумать, я могла спорить с ее логикой. Я ведь и правда хотела посмотреть ее танец.

Я хорошо помню ту ночь, когда Эмма появилась на свет.

Дикая смесь страха и эйфории выжгла эту картину в моем сознании. Как и в случае со мной, родители решили позвать акушерку на дом, чтобы, когда наступит час «X», маме не пришлось бы покидать жилище.

Но даже эта затея провалилась.

К тому моменту, как начались схватки, солнце уже село, и папа отказался открывать дверь акушерке — слишком боялся, что монстры прорвутся следом за ней.

Поэтому именно отец помогал Эмме появиться на свет. Мама ужасно кричала, а я, спрятавшись под одеялами, плакала и тряслась от страха.

Когда все, наконец, стихло, я проскользнула в родительскую спальню, желая убедиться, что все остались живы. Мама без сил лежала на кровати, а папа суетился вокруг. События этой ночи основательно выбили меня из колеи, и, если честно, я задохнулась от ужаса. Малышка Эмма вовсе не была красивой. Красная, сморщенная, да еще и с жутчайшими темными волосами в ушках. (Рада сообщить, что те волосы у нее выпали.) Мама счастливо улыбнулась и поманила меня подойти познакомиться с моей "новой лучшей подружкой".

Я устроилась рядом с мамой на взбитых подушках, и она передала мне извивающийся сверток. На меня уставились прекрасные глаза — только сам Господь мог создать такую прелесть, — розовые губки недовольно морщились, крохотные кулачки хаотично молотили воздух.

— Как же нам ее назвать? — спросила мама.

Сестренка обхватила мой палец своими коротенькими пухлыми пальчиками — такие нежные, теплые! — и я решила, что, в конце концов, волосы в ушах — не так уж и ужасно.

— Лили, — ответила я. — Назовем ее Лили.

У меня была книга о цветах, и главу о лилиях я просто обожала.

Тихий смех мамы словно омыл меня.

— Мне нравится. Как насчет Эммалин Лили Бэлл? Полное имя Наны — Эммалин, и мы назовем малышку в честь моей мамы, как назвали тебя в честь папиной. Будем звать наше маленькое чудо для краткости Эммой — и только мы трое будем знать замечательный секрет: ты моя Алиса Роуз, она — Эмма Лили, а вместе вы — мой идеальный букет.

Я даже и думать не стала:

— Хорошо. Договорились!

Эмма что-то булькнула, видимо, тоже согласилась с нами.

* * *

— Алиса Роуз, — окликнула меня теперь уже подросшая Эмма. — Ты опять где-то витаешь — и это тогда, когда ты мне больше всего нужна!

— Ладно, хорошо, — вздохнула я. Просто не могла отказать сестренке. Никогда не могла и никогда не смогу. — Но я поговорю не с папой. Я пойду к маме и заставлю ее убедить его.

Первая искорка надежды вспыхнула в глазах Эммы.

— Правда?

— Правда.

Ослепительная улыбка расцвела на ее мордашке, и сестренка снова пустилась в пляс.

— Пожалуйста, Алиса. Поговори с ней сейчас. Я не хочу опоздать, а если папа согласится, нам надо будет выехать пораньше, чтобы я успела разогреться на сцене вместе с остальными девочками. Ну, пожалуйста. Сейча-а-ас.

Я села и надела ожерелье ей на шею.

— Ты ведь понимаешь, что шансов почти нет, правда?

Главное правило семьи Бэлл гласило: ты не выйдешь из дома, если не можешь вернуться засветло. Здесь папа соорудил какие-то «укрепления» против монстров, чтобы ни один не смог пробраться к нам. Так что да, после заката мы сидим дома и не высовываемся. Любой, кто остался снаружи, в огромном страшном мире, автоматически становился совершенно беспомощной жертвой в разгар сезона охоты. Из-за папиных паранойи и галлюцинаций мне пришлось пропустить кучу школьных и спортивных мероприятий.

Я даже на свидания никогда не ходила. Ну да, я могла бы пойти пообедать с кем-то на выходных или согласиться на прочее старомодное дерьмо в том же духе, но, если честно... Я не хотела ни с кем встречаться. Объяснять кому-то, что у отца не все в порядке с головой или что он иногда запирает нас в "специальном" подвале, который сам выстроил, как дополнительную защиту от несуществующего бугимена? Ага, просто мечта всей жизни.

Эм обняла меня.

— Ты справишься, я знаю. Ты всё можешь!

Ее вера в меня... такая искренняя, бесхитростная.

— Сделаю всё, что смогу.

— Ты сможешь... ой, фу! — С гримасой ужаса сестренка отскочила от меня как можно

дальше. — Ты вся грязная, мокрая — так и я из-за тебя стану грязной и мокрой!

Рассмеявшись, я погналась за ней, и, завизжав, Эм бросилась прочь. Вообще-то я облилась из шланга примерно полчаса назад, в надежде охладиться. Конечно, ей я об этом не скажу — ну как не помучить немножко младшую сестру! Святое дело!

— Жди здесь, ладно? — Мама может сказать что-то, что ранит чувства Эм, я могу сказать что-то, из-за чего сестренка расстроится, что вообще меня об этом попросила, и расплечется. А я не выносила ее слез.

— Хорошо-хорошо. — Эмма примиряюще подняла руки — просто сама невинность.

Ага, можно подумать, я куплюсь на такие поспешные обещания.

Конечно же, она собиралась увязаться следом и подслушивать. Такая врушка!

— Обещай.

— Ты что, мне не веришь? — Она прижала свою изящную ручку к сердцу. — Это обидно, Алиса. Очень обидно.

— Во-первых, мои искренние поздравления. Актриса из тебя, конечно, никудышная, но за последнее время ты здорово прибавила, — сообщила я, демонстративно поаплодировав. — Во-вторых, пообещай, или я продолжу работать над своим загаром — хотя, чувствую, что так никогда и не добьюсь нужного оттенка.

Ухмыльнувшись, Эм поднялась на цыпочки, развела руки в стороны и медленно повернулась на одной ноге.

Солнце выбрало именно этот момент, чтобы послать один янтарный луч, создав идеальное освещение для идеального пируэта.

— Ладно, ладно, обещаю. Довольна?

— Всеобъемлюще. — Может, Эм и врушка, но никогда не нарушала данного слова.

— Сделаю вид, будто поняла, что это значит.

— Это значит... ладно, неважно. — Знаю, я просто тянула время. — Пойду к маме.

С радостью приговоренного к смерти я встала и повернулась к дому — двухэтажному зданию с фундаментом из коричневого кирпича и полосатыми коричнево-белыми деревянными стенами, которое построил папа в расцвет своего "созидательного" периода.

Нечто приземистое, крайне невзрачное и совершенно, стопроцентно незапоминающееся. Но, как уверял папа, именно к этому он и стремился.

Подопшвы шлепанцев щелкали по земле, словно задавая ритм для мантры у меня в голове.

"Не. Трусь. Не. Трусь".

Наконец я остановилась у застекленной кухонной двери и увидела, как мама бежит от мойки к плите и обратно. Я наблюдала за ней, чувствуя, как в животе поднимается легкая тошнота.

"Ну, не будь тряпкой. Ты справишься".

Я толкнула дверь. На кухне пахло чесноком, маслом и томатной пастой.

— Привет, — окликнула я, надеясь, что голос звучал не слишком заискивающе.

Мама подняла взгляд от шумовки с дымящейся лапшой и улыбнулась.

— Привет, детка. Ты насовсем или забежала на минутку?

— На минутку. — Вынужденное заточение по ночам побуждало меня проводить как можно больше времени вне дома днем, и неважно, обгорю я до черноты или нет.

— Ну, ты как раз вовремя. Спагетти почти готовы.

— Ага, здорово.

Летом мы ужинали строго в пять часов. Зимой — в четыре. Таким образом, независимо от времени года, мы оказывались в безопасности в своих комнатах до заката солнца.

Отец укрепил стены за счет каких-то стальных конструкций, а все двери и запоры сделал просто сверхнадежными. И да, вся эта подземная конструкция больше смахивала на футуристическую темницу, но попробуйте-ка убедить нашего чокнутого строителя в обратном.

"Ну, давай же. Просто скажи ей".

— Ну... э-э... — Я переступила с ноги на ногу. — Сегодня мой день рождения.

Мамин рот открылся, и краски схлынули с ее щек.

— О... детка. Мне так стыдно. Я не хотела... я должна была вспомнить... я же даже записывала где-то... С Днем рождения, — неловко закончила она и огляделась, словно надеясь, что откуда-то из воздуха материализуется подарок, повинувшись ее силе мысли. — Мне ужасно стыдно.

— Да ладно, не переживай.

— Я обязательно что-нибудь придумаю, чтобы все исправить, обещаю.

"И вот тут-то и начинаются переговоры".

Я расправила плечи.

— Ты серьезно?

— Конечно.

— Хорошо, потому что у Эм сегодня выступление, и я хочу туда пойти.

И хотя мама просто-таки источала раскаяние, она затрясла головой еще до того, как я успела закончить фразу.

— Ты же знаешь, папа никогда не согласится.

— Ну, так поговори с ним. Убеди его.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что, — выдавила она.

Я любила маму, правда любила — но боже, иногда она умудрялась выводить меня, как никто другой!

— Потому что почему? — настаивала я.

Даже если мама расплачется, я не отстану. Уж лучше она, чем Эм.

Мама развернулась, грациозно, как сестренка, и вывалила содержимое кастрюли в дуршлаг. Клубы пара поплыли к потолку, кружась вокруг нее, и на мгновение собственная мать показалась мне какой-то феей из снов.

— Эмма знает правила. Она поймет.

Так же, как раз за разом приходилось понимать мне, пока я не бросила попытки хоть что-то изменить? Меня затопила злость.

— Почему ты так поступаешь? Почему вечно соглашаешься с ним, хотя знаешь, что он чокнутый?

— Он не...

— Нет, чокнутый! — Я топнула ногой, так же как Эм несколько минут назад.

— Тише, — предостерегающе произнесла мама. — Он наверху.

Ага, и готова поспорить, уже пьян, как сапожник.

— Мы уже обсуждали это, дорогая, — добавила она. — Я верю, что твой папа видит то, что остальным не дано. Но прежде, чем бросать камни в него или меня, вспомни Библию.

Некогда и нашего Господа и Спасителя подвергали гонениям. Тысячи людей не верили Иисусу.

— Но папа — не Иисус! — Да он даже в церковь с нами редко ходит.

— Знаю, но ведь я не об этом. Я верю, что вокруг нас существуют силы. Силы добра — и зла.

"О нет. Только не еще один спор на тему добра и зла. Я просто не выдержу".

Я верила в Бога, верила, что существуют ангелы и демоны, но ведь нам же никогда не придется сражаться с мировым злом лично, ведь так?

— Лучше бы ты с ним развелась, — пробормотала я, а потом прикусила язык, поняв, что ляпнула, но все равно, не собиралась извиняться за сказанное.

Мама работала на дому семь дней в неделю медиком-фонотипистом и вечно что-то печатала на своем компьютере. В свободное время, вроде этого чудного субботнего вечера, она выступала в роли папиной сиделки: мыла его, ухаживала за ним, заботилась. Но заслуживала-то она намного большего. Молодая — особенно для матери с двумя детьми, обалденно красивая, добрая, веселая — она заслуживала, чтобы ее саму кто-то холил и лелеял.

— Большинство детей хотят, чтобы их родители жили вместе, — довольно резко заметила мама.

— А я не как все. Вы, ребята, об этом позаботились. — Мой голос прозвучал еще резче.

Я просто... я хотела того, что было у всех остальных детей. Нормальной жизни.

Гнев мгновенно улетучился, и мама вздохнула.

— Алиса, дорогая, я понимаю, это тяжело. Я знаю, что ты хочешь больше свободы, и однажды ты ее получишь. Окончишь школу, найдешь работу, переедешь, поступишь в колледж, влюбишься, станешь путешествовать по всему свету — в общем, делать все, чего только сердце пожелает. Но сейчас ты живешь в доме своего отца, и он устанавливает правила. И ты будешь следовать этим правилам, и уважать его авторитет.

Цитата прямиком из Официального справочника для родителей, абзац сразу под заголовком "Что сказать, когда у тебя нет ответа на вопрос ребенка".

— И возможно, — прибавила мама, — когда у тебя появится своя собственная семья, ты поймешь, что все, что делал твой отец, он делал ради нашей защиты. Он нас любит, и наша безопасность для него важнее всего на свете. Не надо его за это ненавидеть.

Ну, разумеется. Все эти разговоры о добре и зле всегда крутились вокруг понятий любви и ненависти.

— А ты сама когда-нибудь видела хоть одного из его монстров? — спросила я.

Пауза. Нервный смешок.

— Я уже тысячу раз отказывалась отвечать на этот вопрос, так почему ты решила, будто сегодня я перемену решение?

— Ну, считай это запоздалым подарком на день рождения, раз уж мне не светит получить то, что я действительно хочу. — Удар ниже пояса, да, но опять же, я не собиралась извиняться.

Она вздрогнула.

— Я не хочу обсуждать это с вами, девочки, потому что не желаю напугать вас еще больше.

— Но мы же ничего не боимся, — набросилась я на нее.

— Нет, боитесь!

"Успокойся. Глубокий вдох... выдох..."

Нужно действовать с умом. Если я психану, то меня просто отошлют в мою комнату и все дела.

— За все эти годы ты же должна была увидеть хоть одного монстра. В смысле, ты же почти всегда с папой. Даже по ночам, когда он патрулирует дом с пистолетом в руках.

Потому что именно эту картину я увидела, когда единственный раз осмелилась спуститься в холл после полуночи, чтобы попить — забыла накануне принести стакан к себе в комнату. Мой собственный отец расхаживал туда-сюда, сжимая пистолет и поминутно выглядывая в окна.

Мне было тринадцать, и я чуть не умерла от инфаркта. Ну, или от стыда, потому что едва не обмочилась.

— Ладно. Раз хочешь знать — я тебе отвечу. Нет, я не видела монстров, — призналась мама, не особо-то меня удивив. — Но я видела разрушения, которые они причиняют. И прежде чем ты спросишь, откуда я знаю, что это именно их рук дело, позволь заверить: я видела вещи, которые по-другому объяснить просто невозможно.

— Например? — Я украдкой оглянулась. Эм устроилась на качелях и сейчас летала туда-сюда, однако не выпускала меня из виду, зорко следя за развитием событий.

— Вот об этом я все же тебе не скажу, — ответила мама. — Есть вещи, о которых тебе лучше не знать, и неважно, что ты думаешь. Ты еще не готова. Дитя с молоком справится, а мясом подавится.

Но я не ребенок! Бла-бла-бла, неважно. Тревога исказило личико Эммы. Я заставила себя улыбнуться, и она мгновенно расцвела, словно дело уже было в шляпе. Будто я не разочаровывала сестру уже миллионы раз.

Как тогда, когда ей хотелось присутствовать на выставке поделок в школе, где выставлялся ее глобус из папье-маше.

Как тогда, когда их отряд девочек-скаутов отправился в лагерь. Как тысячи раз, когда звонила ее подруга Дженни и приглашала к себе с ночевкой. Наконец, Дженни перестала звонить.

Напряжение росло...

"Нельзя снова облажаться..."

Я посмотрела на маму. Она по-прежнему стояла спиной ко мне и колдовала над спагетти. Хотя на самом деле, она просто тянула время: поддевала вилкой каждую макаронину персонально, проверяя ее на гибкость, да так, будто это было делом всей ее жизни. Ага, плавали — знаем.

Она всегда старалась обойти проблемы и как раз сейчас демонстрировала это умение во всей красе.

— Забудь о монстрах, о том, что ты видела или не видела. Сегодня мой день рождения, и я всего лишь хочу, чтобы мы пошли на выступление моей сестры, как нормальная семья. Вот и все. И ничего больше. Я не прошу луну с неба. Но если у тебя духу не хватает — ладно. И папа пусть прячется. Я позвоню кому-нибудь из школьных друзей, и мы пойдем без вас. — До города полчаса езды, так что вариант пешей прогулки исключался. — И знаешь что? Если ты вынудишь меня так поступить, то разобьешь Эм сердце, а этого я тебе никогда не прощу.

Мама шумно вдохнула и замерла. Видимо я ее до чертиков шокировала.

В нашей семье я всегда была тихоней. Я почти не скандалила, редко выходила из себя. По большей части я просто со всем соглашалась и плыла по течению.

— Алиса, — наконец окликнула мама, и я стиснула зубы.

"Ну вот. Сейчас откажется".

Слезы от разбившихся надежд обожгли глаза и выплеснулись на щеки. Я вытерла лицо тыльной стороной ладони.

— Какое там не прощу. Да я тебя просто возненавижу.

Мама оглянулась на меня и вздохнула. Ее плечи поникли в знак поражения.

— Ладно. Я поговорю с ним.

* * *

На протяжении всего представления Эм сияла.

Она просто царила на сцене, переплюнув всех соперниц вместе взятых. Честно, она затмила остальных девочек. И это я вам не как сестра говорю, действительно так все и было.

Эм кружилась, улыбалась, ослепляла — и все, кто видел ее танец, замирали в восхищении, так же как и я. Точно. Когда два часа спустя занавес опустился, я едва не лопалась от счастья.

И, наверное, я оглушила тех бедных людей, кому не повезло сидеть передо мной. Кажется, я хлопала громче всех — и уж точно свистела так, что у соседей едва кровь из ушей не шла.

Но окружающим оставалось лишь смириться.

Это. Был. Лучший. День. Рождения. В жизни! В кои-то веки Бэллы пришли на школьное мероприятие, как нормальная семья.

Разумеется, папа едва все не испортил, бесконечно поглядывая на часы и в сторону черного входа, словно ожидая, что кто-то вот-вот взорвет водородную бомбу. Поэтому, к моменту, когда зрители поднялись с мест, чтобы стоя поприветствовать девочек, он умудрился так накрутить нас с мамой, что у меня просто поджилки тряслись, невзирая на безумное счастье.

Но и тогда я не проронила ни единого слова в укор. Папа все же пришел — чудо из чудес. И черт с ним, что этому чуду предшествовала бутылка его любимого виски, а самого папу пришлось впихивать на пассажирское сидение, как крем в трубочку. Главное — он пришел!

— Пора домой, — бросил отец, уже пробираясь в сторону выхода. При росте метр девяносто три папа возвышался над всеми остальными родителями. — Хватай Эм и уходим.

Невзирая на его недостатки, на то, какой характер приняло его самолечение, я любила отца и знала, что он ничего не может поделать со своей паранойей. Папа перепробовал все: разрешенные препараты — безуспешно, терапия — стало только хуже. Он видел монстров, которых больше никто не видел, и отказывался верить, что на самом деле их нет, и никто не пытается сожрать его самого и перебить всех родных.

В какой-то мере, я даже понимала папу. Однажды, примерно год назад, Эм рыдала, не попав на очередную пижамную вечеринку. Я, в свою очередь, набросилась на маму, и она была настолько поражена моей неожиданной вспышкой, что рассказала о том, с чего же началась "битва моего отца со злом".

В детстве он присутствовал при жестоком убийстве своего отца. Все произошло ночью, на кладбище, куда его отец пришел, чтобы навестить могилу бабушки Алисы. Увиденное нанесло ему глубокую душевную травму. Так что да, я его понимала.

Но становилось ли мне от этого легче сейчас? Нет. Он же взрослый. Разве ему не

положено решать все свои проблемы с присущей мудростью и зрелостью? В смысле, сколько раз мне самой говорили: "Веди себя не как ребенок, а как большая девочка, Алиса", "Взрослые никогда так не делают, Алиса!".

Что я думаю по этому поводу? Ребята, если чему-то учите — подайте пример. Но что я могла понимать, я ведь не взрослая, а только должна вести себя соответствующе. А, и у меня еще обалденное фамильное древо: убитые и искалеченные родственники на каждой узловатой ветке. Не очень-то честно требовать от меня идеального поведения.

— Идем, — снова рявкнул отец.

Мама тут же бросилась к нему и заворковала, пытаясь успокоить и утешить:

— Тише, милый. Все будет в порядке.

— Мы не можем здесь оставаться. Надо ехать домой, там безопасно.

— Сбегаю за Эм, — вызвалась я. Первые искры вины вспыхнули в груди, жала, словно иглами. Может, я потребовала от него слишком много. И от мамы, которой пришлось отдрать отца от крыши машины, когда мы, наконец, покинули наш противомонстровый гараж. — Не волнуйся.

Юбка пугалась вокруг ног, пока я пробиралась сквозь толпу и дальше за сцену. Повсюду сновали маленькие девочки — и на каждой было больше макияжа, лент и блесок, чем на тех стриптизершах, которых я однажды видела по телевизору. Нет, конечно, не специально — просто гоняла по каналам и нечаянно остановилась на том, который мне смотреть не следовало. Вокруг мамы и папы обнимали своих дочек, хвалили их, дарили цветы — в общем, на все лады поздравляли маленьких балерин с замечательным выступлением.

Я? Ну а мне пришлось хватать сестру за руку и бежать прочь, таща ее за собой.

— Папа? — спросила Эм, ничуть не удивившись.

Я оглянулась на нее через плечо. Сестренка побледнела, а золотистые глаза смотрели с ангельского личика с недетской мудростью.

— Ага.

— Насколько все плохо?

— Не особо. Ты все еще можешь появляться на людях, не краснея.

— Будем считать это победой.

Будем.

В вестибюле толпились люди, гудя, точно пчелы; кто-то просто прохаживался, кто-то пробирался к дверям. Вот там я и обнаружила папу. Он замер у стекла, сканируя взглядом ярко освещенную стоянку. Лампы отбрасывали блики на наш "Тахо", который мама припарковала вопреки всем правилам как можно ближе к зданию, так, чтобы можно было быстро выйти из машины и быстро вернуться в нее. Лицо папы приобрело какой-то землистый оттенок, а волосы стояли торчком, словно он уже сотню раз в волнении их ерошил.

Мама по-прежнему старалась его успокоить.

Слава богу, она ухитрилась убедить отца оставить дома оружие. Обычно он таскал пистолеты, ножи и метательные звездочки всюду, куда бы ни отважился выбраться.

Когда я подбежала, папа развернулся, схватил меня за плечи и затряс.

— Заметишь что-нибудь в тени — что угодно — хватай сестру и беги. Слышишь? Хватай ее и беги обратно в здание. Запритесь, спрячьтесь и позовите на помощь. — Его полубезумные синие глаза ярко сияли, зрачки то расширялись, то сужались.

Теперь вина уже не просто тихо грызла меня — она ударила во всю силу, накрыла с

головой.

— Обязательно, — пообещала я и похлопала отца по руке. — Не волнуйся за нас. Ты же сам учил меня, как отбиваться, помнишь? Я защищу Эм. Любой ценой.

— Ладно, — ответил папа, хотя довольным вовсе не выглядел. — Ладно.

Я не лгала. Не знаю, сколько часов мы провели на заднем дворе, отрабатывая приемы защиты.

Конечно, все эти уроки были направлены на то, чтобы какой-нибудь псих не пообедал моими жизненно важными органами — но самозащита есть самозащита, ведь так?

Каким-то чудом мама убедила отца отпустить меня и мужественно выйти в такой страшный мир, поджидавший нас снаружи. Всю дорогу люди бросали на нас озадаченные взгляды, которые я предпочитала не замечать. Мы дружно шагали в ногу, всей семьей: мама с папой впереди, мы с Эм следом, держась за руки, под зловещий саундтрек из стрекота сверчков.

Я оглянулась вокруг, пытаюсь увидеть мир глазами папы. Длинное черное пятно смолы — камуфляж злоумышленника? Море машин — идеальное место для засады? Лес, поднимавшийся на холмах позади — благодатная почва для существ из ночных кошмаров?

Высоко над головой сияла полная луна. Облака все еще плыли по небу — правда, теперь окрашенные в жутковатый оранжевый цвет. И неужели это, — да ну, нет, конечно, — но я замедлила шаг и моргнула. Точно. Так и есть. Прямо надо мной плыло облако в форме кролика. Забавно.

— Посмотри на облака, — указала я Эм. — Ничего не замечаешь?

Сестренка помедлила, приглядываясь.

— Это... кролик?

— Точно. Я его еще утром заметила. Наверное, решил, что мы просто потрясающие.

— Ну, ведь так оно и есть!

Папа заметил, что мы отстали, подскочил, схватил меня за руку и потащил за собой, быстрее... еще быстрее... а я сжала крепче ладошку Эм и тянула ее следом. Уж лучше рискнуть плечом сестренки, чем оставить ее позади хоть на секунду. Папа нас любил, но я побаивалась, что он мог бы уехать и без нас, если счел бы это необходимым.

Отец распахнул дверь машины и практически зашвырнул меня внутрь, точно футбольный мяч. Эм постигла та же участь. Устроившись на сиденьях, мы обменялись еле слышными репликами.

— Веселуха, — одними губами сказала я.

— С Днем рождения, — так же беззвучно отозвалась Эм.

Запрыгнув в машину, папа тут же заблокировал двери и попытался пристегнуться, но у него так сильно дрожали руки, что, в конце концов, отец сдался и бросил это занятие.

— Не смей ехать через кладбище, — предупредил он маму, — но довези нас домой как можно быстрее.

Мы и сюда добирались в объезд, невзирая на дневной свет, благодаря чему и без того долгая дорога стала еще длиннее.

— Конечно. Не переживай. — Двигатель "Тахо" ожил, и мама сдала назад.

— Пап, — начала я, стараясь звучать как можно убедительнее. — Если поедем длинным путем, то придется тащиться вдоль стройки. — Мы жили как раз на окраине большого, прекрасного города Бирмингем, где трафик сам по себе был монстром, почище папиных. — Это же минимум полчаса лишних! Ты же не хочешь, чтобы мы столько торчали в пробке по

темноте, да? — Он бы накрутил себя так, что мы бы двери выгрызли, только бы убраться подальше.

— Милый? — позвала мама. Машина выбралась с парковки и остановилась на развилке, где надо было повернуть направо или налево. Если поедem налево, то никогда не доберемcя. Серьезно. Если придется слушать папину истерику дольше получаса, то я просто из окна выкинусь, да еще Эм прихвачу из чувства сострадания. Если же повернем направо, то дело ограничится короткой поездкой и недолгим приступом паники, который вскоре пройдет. — Я так помчусь, что ты и не заметишь кладбища.

— Нет. Слишком рискованно.

— Ну, пожалуйста, папочка, — попросила я, вовсе не пытаясь никем манипулировать, как раньше с мамой. — Ради меня. В честь моего дня рождения. Я больше ничего не попрошу, честное слово, хотя вы, ребята и забыли про мой праздник, и я никогда не получала подарков.

— Я... я... — Его взгляд метался, сканируя близлежащие деревья на предмет угрозы.

— Пожалуйста. Эм нужно уложить в кровать и поскорее, а то она превратится в Лилию с шипами. — Мы дали ей это прозвище давным-давно. Сестренка тогда устала, хотела спать и устроила нам сущий ад.

Эм надула губы и шлепнула меня по руке. Я пожала плечами, мол, ну а что, ведь так оно и есть.

Папа тяжело выдохнул.

— Ладно. Ладно. Только... езжай, как ветер, малышка, — попросил он, целуя маме руку.

— Обязательно. Обещаю.

Родители обменялись нежными улыбками. Я чувствовала себя так, будто подглядываю; некогда они частенько наслаждались такими вот моментами взаимопонимания, но с годами улыбки на их лицах появлялись все реже.

— Ну ладно, поехали. — Мама крутанула руль вправо и, к моему несказанному удивлению, действительно помчалась со скоростью звука, перестраиваясь из ряда в ряд, гудя при обгоне и подрезая другие машины.

Вот это да! Когда мама пару раз пыталась научить меня водить, то жутко нервничала, отчего и я начинала дергаться. Мы не выезжали далеко и не разгонялись выше сорока километров в час даже по близлежащим окрестностям.

Мама старалась поддерживать непринужденный разговор, а я поглядывала на часы на телефоне. Тик-так — и вот мы проехали уже десять минут безо всяких происшествий. Осталось всего двадцать.

Папа по-прежнему сидел, прижавшись носом к окну; от его неровного дыхания стекло запотевало. Может, он все же наслаждался видом гор, долин и густыми зелеными кронами деревьев, мелькавшими в свете фонарей, а не высматривал монстров.

Ага. Ну да.

— Ну, как я выступила? — шепотом спросила меня Эм.

Я сжала ее ладошку.

— Просто супер.

Она нахмурила темные бровки, и я поняла, что это значит. Подозрительность.

— Честно?

— Честно. Всех уделала. Остальные девчонки рядом с тобой — просто отстой.

Эм прикрыла ладонью рот, пытаясь не захихикать.

Я не удержалась и добавила:

— А тот мальчик, что тебя крутил? Думаю, ему хотелось столкнуть тебя со сцены, чтобы люди, наконец, обратили внимание и на него. Честно, все только на тебя и смотрели.

На этот раз Эм рассмеялась, не в силах остановиться.

— Так что, хочешь сказать, когда я споткнулась, никто не заметил?

— Споткнулась? Когда? То есть, это была не часть партии?

Сестренка дала мне "пять".

— Хороший ответ.

— Милый, — окликнула мама голосом полным дурных предчувствий. — Включи нам какую-нибудь музыку, ладно?

Ой-ой. Похоже, она хочет отвлечь папу. Я подалась вперед и выглянула. Ну, разумеется. Мы приближались к кладбищу. По крайней мере, вокруг нет других машин, так что никто не увидит, как мой отец сорвется. А это неизбежно. Я чувствовала, как в воздухе нарастает напряжение.

— Никакой музыки, — отрезал папа. — Мне нужно сконцентрироваться, оставаться начеку. Нужно... — Он замер и так вцепился в подлокотники, что костяшки побелели.

Повисла тишина — тяжелая, давящая тишина.

Дыхание отца становилось все чаще и чаще... и вдруг он закричал так пронзительно, что я съежилась на сиденье.

— Вон они! Они сейчас на нас набросятся! — Отец схватился за руль и резко его вывернул. — Разве не видишь? Мы несемся прямо на них. Разворачивай! Надо повернуть назад.

"Тахо" сильно вильнул, и Эмма закричала. Я схватила ее за руку, снова сжала — наверное, слишком сильно, но я не собиралась отпускать сестренку.

Сердце бешено стучало в груди, а на лбу выступил холодный пот. Я пообещала сегодня защитить сестру — и я это сделаю.

— Все будет хорошо, — заверила я ее.

Эм тряслась так, что ее дрожь передалась и мне.

— Милый, послушай, — мягко позвала мама. — В машине мы в безопасности. Никто нас не тронет. Нам надо...

— Нет! Если мы не повернем, они проследят нас до дома! — Отец совершенно обезумел и не слышал ничего из того, что говорила мама. — Нам нужно развернуться. — Он снова крутанул руль, резко — и на этот раз машина не просто вильнула вбок, ее занесло.

Мы все кружились, кружились, кружились. Я сильнее сжала руку Эммы.

— Алиса, — заплакала она.

— Все хорошо, все хорошо, — как заведенная повторяла я. Мир крутанулся, превратился в размытое пятно... машина накренилась... отец выругался... мама ахнула... машина накренилась сильнее... сильнее...

"Замри!"

Помню, мы с Эм любили играть в эту игру. Врубали на полную катушку рок на нашем айпоне и дергались, как припадочные. Потом одна из нас кричала "замри!", и мы резко обрывали танец, застывая на месте, и старались не рассмеяться, пока кто-то не кричал волшебное слово...

"Танцуй!"

Как бы мне хотелось заорать тогда "замри!", переделать сценарий, пересадить действующих лиц. Но ведь жизнь не игра, правда?

"Танцуй!"

Машина взлетела в воздух... перевернулась... рухнула на дорогу вверх тормашками... и снова перевернулась. Скрежет покореженного металла, звон разбившегося стекла, крики боли наполнили воздух. Меня мотало на сидении, мозг превратился в вишневое желе, я наталкивалась на какие-то предметы, пока из меня не выбило дух.

Когда мы, наконец, остановились, я была настолько оглушена, сбита с толку, что мне казалось, будто машина все еще движется. По крайней мере, крики прекратились.

Я ничего не слышала, только в ушах немного звенело.

— Мам? Пап? — Пауза. Тишина. — Эм? — Снова никакого ответа.

Я нахмурилась, огляделась. Все вокруг было словно в дымке, что-то теплое и мокрое текло по лицу, глазам, но предметы я различала вполне ясно.

И то, что я увидела, совершенно уничтожило меня.

Теперь уже закричала я.

Мама, вся расплосованная осколками, залитая кровью.

Эмма, безжизненно обвисшая на своем сидении, голова вывернута под странным углом, щека разорвана.

Нет. Нет, нет, нет.

— Папа, помоги. Нужно их вытащить!

Тишина.

— Пап?

Я осмотрелась внимательнее — и поняла, что его нет в машине. Лобовое стекло вылетело, и отец неподвижно лежал на осколках в нескольких метрах от нас. Вокруг него в свете фар стояло три человека.

Нет, это не люди. Они просто не могли ими быть. Обвисшая рябая кожа, грязная, порванная одежда. Колтуны на покрытых пятнами "скальпах", и зубы — такие острые — и эти твари... кидались на моего отца и исчезали внутри него, лишь чтобы вновь появиться секундой позже и... и пожирали его.

"Монстры".

Я боролась с ремнями, отчаянно желая вытащить и спрятать Эм — Эм, которая не двигалась и не плакала, — изо всех сил пытаюсь добраться до отца, помочь ему. В запале я ударилась виском обо что-то твердое и острое. Жуткая боль вспыхнула в голове, но я продолжала бороться, даже когда уже не было сил... в глазах потемнело...

Баю-бай, Алиса. Больше я ничего не помнила.

По крайней мере, на какое-то время...

Глава 2

Море крови и слёз

Они мертвы. Моя семья мертва. Ушла туда, откуда нет возврата. Я поняла это, как только очнулась на больничной койке, а склонившаяся надо мной медсестра отказалась говорить, где они, старательно избегая моего взгляда.

Когда же пришел доктор с ужасными новостями, я просто отвернулась и закрыла глаза. Это всего лишь сон. Страшный сон, а стоит мне проснуться, и мы снова все вместе будем жить дальше.

Но время шло, а я все не просыпалась.

Между тем выяснилось, что в автокатастрофе, в которой погибли мама, папа и... и... (я не могла о ней вспоминать. Просто не могла!) Уф... иными словами, при аварии, в которой погибла моя семья, я почти не пострадала. Сотрясение мозга, пара сломанных ребер, вот и все. И знаете, это казалось таким несправедливым! Мне следовало бы быть разодранной в клочья, как мама. Загипсованной с головы до ног. "Да что угодно!"

А вместо этого, не считая ушибов и пары царапин, я была в полном порядке.

В порядке. Ну да, как же.

Несколько раз приходили мамини родители, горько оплакивая потерю близких. Я виделась с ними за пару недель до аварии, когда мама повезла меня и... (мой подбородок задрожал, но я упрямо стиснула зубы, чтобы унять дрожь) когда мама повезла нас к ним в гости. Мы пробыли у бабушки с дедушкой несколько часов — вполне достаточно, чтобы пообедать и вдоволь наболтаться о всякой чепухе.

Хотя бабуля с дедулей всегда очень хорошо ко мне относились, любимицей их я точно не была. Наверное, слишком напоминала им своего отца, которого они никогда не считали достойным их единственной дочери.

И, тем не менее, бабушка с дедушкой сказали, что не собираются бросать меня в беде. Что я перееду к ним, и они обо всем позаботятся.

Итак, теперь я стану жить в их двухэтажном доме, на сторонний взгляд таком же обычном, как и мой собственный. Но только на сторонний — для меня этот переезд сродни выходу в открытый космос. Ведь мне впервые придется спать не в доме моего отца — укрепленном убежище, которое он построил ради моей безопасности. Однако меня это ни капли не волновало. И это при том, что я никогда не ночевала у подруг, никогда не засыпала где бы то ни было, кроме своей кровати... И опять же, мне все равно.

Я должна была что-то чувствовать, хотела чувствовать, но из меня словно выкачали все эмоции, — осталась только оболочка... пустая оболочка.

И уж, конечно, меня не трогали разговоры в пользу бедных. Врачи и медсестры с их бесконечными "мне так жаль" и "все будет хорошо" зря только воздух сотрясали. Им жаль? Ну и что с того? Это не вернет мне мою семью. У меня все будет хорошо? Да бросьте. Ничего хорошего уже не будет.

Да и что они знали об утратах — разве теряли они в одно мгновение сразу всех любимых людей? А об одиночестве? Вот закончатся их смены, и все они пойдут по домам. Обнимут своих детей, посидят вместе за ужином, поболтают о том, как прошел день. А я? Я больше никогда не смогу насладиться такими простыми вещами.

У меня больше не было ни матери, ни отца, ни сес... семьи.

Черт, да я, похоже, даже рассудка лишилась. Эти монстры...

Ко мне в палату навевались полицейские, а еще социальный работник и психотерапевт. Все пытались выяснить подробности произошедшего. Особенно копы — всё спрашивали про стаю бродячих собак, якобы напавших на моих родителей.

Собаки. Никаких собак там не было и в помине, но версия полицейских казалась куда правдоподобнее, чем то, что я на самом деле видела.

Поэтому я и промолчала. Мы перевернулись и разбились. Копы и так это знали, а больше им знать и не надо. Я никогда не расскажу им про монстров — зачем? Наверняка, мне просто что-то привиделось из-за сотрясения мозга.

Как и не расскажу, что, когда я впервые пришла в себя, мама еще была в машине. Когда же я очнулась второй раз, она... ее тело уже лежало снаружи, в свете фар — как и останки папы, — дергалось и извивалось, пока твари ныряли внутрь него, исчезая на несколько долгих секунд и снова появляясь. Кожа мамы вздувалась волдырями, словно от ожогов, чернела и наконец, лопалась, выплескивая вялые фонтанчики крови.

Я боролась изо всех сил, но никак не могла выбраться и помочь маме, удерживаемая припаянным к сиденью ремнем. Когда же полные злобы глаза монстров впились в меня, когда твари медленно, шаг за шагом, стали подбираться к машине, я запаниковала, отчаянно стараясь спасти мою... еще одного члена моей семьи.

Но прежде чем до кого-то из нас успели добраться... бродячие собаки — да, это были бродячие собаки, в который раз убеждала я себя, — появилась еще одна машина и обратила тварей в бегство. Хотя нельзя сказать, что они именно бежали. Кто-то шел вприпрыжку, кто-то плелся, едва переставляя ноги, кто-то, казалось, скользил над землей. Что случилось потом, я не очень хорошо помню. Какие-то обрывки. Яркий свет в глаза. Звук ножовки по металлу. Крики мужчин. Затем пара чьих-то сильных рук подхватила и понесла меня куда-то, что-то острое вонзилось в предплечье, чем-то закрыли мне рот и нос, закрепив это что-то носовым зажимом... Потом — провал.

— Привет. Ты Алиса, да?

Я моргнула, стряхивая с себя туман ненавистных воспоминаний, и повернула голову к двери. Красивая девчонка, — возможно, моя ровесница — стояла на пороге. Прямые черные волосы, большие, обрамленные длинными темными ресницами, карие глаза и идеальный загар. Одета в потрясную розовую футболку с длинным рукавом, с надписью "Я из гениев" и нарисованной стрелкой, указывающей вверх. А еще такое короткое микромини, что оно едва прикрывало ее бедра. На самом деле, его точнее было бы назвать пляжной юбкой.

Что и говорить, моя тоненькая уродливая больничная пижама с потайными завязками с ее прикидом и рядом не валялась.

— Я Али.

Это были первые слова, которые я произнесла за время, показавшееся мне вечностью. Отвыкшее горло саднило, голос хрипел. И я просто не могла позволить, чтобы кто-то снова называл меня Алиса. Последний человек, который так... неважно. Я просто не могла.

— Я Али, — повторила я.

— Клево. А я Кэтрин, но все зовут меня Кэт. Только, чур, никаких шуточек про кошек, а то придется тебя проучить! Когтями, разумеется. — И, угрожающе выставив на меня длинные ухоженные ногти, продолжила: — По правде говоря, я уже давно перестала мяукать.

Мяукать?

— Что-то мне подсказывает, что тебя не назовешь милой киской. — Я понятия не имела, откуда вдруг вылезло мое чувство юмора, но не стала с ним бороться. Мне понадобятся все силы для сражения с кое-чем другим. — А как насчет бешеного питбуля?

Ее губы дернулись в шуточном подобии оскала:

— Ха-ха. Бешеная псина — это про меня. Будет обидно, если ты не станешь меня так называть. — Кэт плавно и грациозно покачалась с пятки на носок. — Ах да. Зачем я пришла-то. Э-э... Давай сперва кое-что проясним. Моя мама здесь работает, вот и взяла сегодня меня с собой. Сказала, что тебе нужна подружка... или что-то типа того, чтобы ты могла... ну, мол, такая трагедия...

— Я в порядке, — выпалила я.

Опять эта тупая фраза.

— Да знаю я, знаю. Так ей и сказала. — Кэт прошагала к единственному стулу в палате и, подтащив его к моей койке, плюхнулась на него. — А еще люди не любят откровенничать с незнакомцами. Да и странно это было бы как-то. Но она моя мама... а тебе нужна "жилетка", чтобы выплакаться... ну, и что, по-твоему, я должна была сказать? Не пойду? Даже я не настолько бессердечна.

Нет уж, ее жалость мне точно без надобности.

— Можешь сказать своей маме, что я тебя обругала и вышвырнула вон.

— К тому же, — продолжила Кэт, словно меня и не слышала, — я убеждена: "жизнь слишком коротка, чтобы тонуть в печали". Ну, и как бы там ни было, уверена, ты уже поняла, какая я обалденная компания. Ох, и знаешь еще что? Открылась вакансия в моей пятерке фаворитов — нет, речь не об отстойной телефонной зацепалке, а о кружке лучших друзей, — и я как раз ищу кандидата на верхнюю строчку. Будем считать наш междусобойчик твоим собеседованием.

Непонятно как, но ее небольшая речь снова пробудила во мне вспышку прежнего чувства юмора.

— Смотрю, быть твоей самой близкой подругой — та еще работенка, да? — не удержалась я от шпильки.

— А то! — Кэт взбила волосы. — Не хочу хвастаться, но у меня очень высокие запросы.

— Хм, а мне казалось, что лучше, когда запросы низкие.

— Посредственности не запоминаются. Можешь записать это, подчеркнуть, обвести в кружок и нарисовать звездочку. Золотую. — И, переведя дыхание, прибавила: — Ну а теперь давай выясним, похожи ли мы.

Ла-адно. Почему бы и нет? Разыграем сценку собеседования до конца. Всего-то и надо — делать вид, будто мне это офигенно интересно.

— Конечно. Давай.

— Так... ты осталась одна, да?

Что называется, с места в карьер. Ну, по крайней мере, она не стала говорить банальности или ходить вокруг да около. Может, поэтому я выдавила хриплое "да". Большого от меня еще никто не добивался.

— Хреново.

— Ага.

— Будешь это? — Кэт указала на ванильный пудинг, принесенный мне кем-то из посетителей.

— Не-а.

— Клево, а то я умираю с голода. — С широкой белозубой улыбкой она конфисковала пудинг и ложку, откинулась на спинку стула и, попробовав кусочек лакомства, аж застонала от удовольствия. — Ну, так что, продолжим?

— М-м, ладно. — Похоже, мне еще сотню раз предстоит мычать, пока мы договорим. Даже сидя, Кэт была сродни энергетическому торнадо, с которым я понятия не имела, как себя вести.

Тем временем моя потенциальная лучшая подруга, насладившись еще одной ложкой пудинга, вновь подала голос:

— Ну, поехали. Знаешь, мы с моим парнем решили провести все лето вместе, а потом ему вдруг понадобилось навестить неведомую родню в какой-то тьмутаракани. По крайней мере, так он мне сказал. Ну, поначалу все было нормально, мы болтали каждую ночь, а потом — бум! — и он просто перестает звонить. Я же, как верная подружка, без конца набирала его номер, посылая сообщения — вовсе не навязчиво, клянусь, я ведь перестала где-то после тридцатого «абонент не отвечает». А неделю спустя, этот гад окончательно меня добил — позвонил вдрызг пьяный и такой: "Эй, детка, привет, я так соскучился, а что на тебе надето?" — словно и не исчезал никуда! Ну, я и ответила, что это не его собачье дело.

Повисла пауза.

Кэт выжидательно смотрела на меня, сунув в рот очередную ложку пудинга. Мне так и хотелось оглядеться, чтобы убедиться: вся эта информация что, предназначалась мне? Конечно, те несколько подруг, с которыми я общалась за эти годы, тоже обсуждали своих парней, но не в первую минуту знакомства и не с таким обилием деталей.

— Ну? — между тем подтолкнула Кэт.

А, да. Наверное, сейчас мне полагалось вынести вердикт. Права она или нет.

— Ты... права?

— Вот именно! А еще — он назвал меня чужим именем. Не во время секса или чего-то такого, иначе я бы его просто убила, а труп было бы весьма проблематично вымалывать у меня прощение. По телефону, во время нашего последнего разговора.

У меня ушла минута, чтобы проследить за полетом ее мысли и ухватить, наконец, самую суть ее откровений.

— Это отстой? — я хотела сказать утвердительно, но фраза опять прозвучала, как вопрос.

— Я знала, что ты меня поймешь! Мы словно близнецы, разлученные в младенчестве. Ну, так вот, только мы повесили трубки, вернее, я бросила трубку — хорошенькая такая пощечина мерзавцу, до сих пор себя за нее хвалю — и тут снова звонок. Да, да, опять мой парень. Он: "Привет, Рина". Я: "Что? Рина? И какого черта ты этой Рине звонишь?" Он начал мне вешать лапшу, но я-то не дура — поняла, что он грязный кобель, лживый потаскун, и между нами все кончено.

— Ну и хорошо. — Так, так. Кто бы мог подумать? Я все-таки способна говорить утвердительно. — Изменщики — просто уроды.

— Хуже. Вот начнутся занятия, уж он у меня попляшет, я ему устрою веселую жизнь, и в прямом, и в переносном смысле. Этот гад обещал любить меня... и только меня одну!.. веки вечные, до конца мира плюс еще немножко, и ему придется заплатить за предательство. А Рина пусть его хоть досуха высосет — надеюсь, помрет от какой-нибудь страшной болезни! Она не стоит моего драгоценного внимания.

Школа. Фу. Вот и еще один момент моей жизни, которому предстоит измениться.

— А где ты учишься?

— Высшая школа Ашера. Лучшая в мире.

— Туда ходили мои родители.

И снова фу. К чему я сейчас их вспомнила? Я вцепилась пальцами в простыню, жалея, что нельзя забрать свои слова обратно. Я могла делать вид, будто все нормально, но только если разговор не затрагивал личных тем.

— А ты? — спросила Кэт, не акцентируя внимание на моем промахе.

Слава богу.

— Академия Карвера.

Хотя больше нет. Мои дедушка с бабушкой жили в... районе школы Ашера. Похоже, после летних каникул нам с Кэт предстоит часто видеться. Я уже было открыла рот, чтобы сказать ей об этом, но в последнюю минуту передумала. Нет смысла подпитывать ее энтузиазм.

— Это Ракеты, что ли? — прыснула Кэт. — Мы надрали вам задницу в прошлом году и на поле, и на площадке. Тигры, вперед! Ты наверняка рыдала по этому поводу, так что вынуждена предупредить — в этом году вы снова проиграете, и тебе опять придется плакать. Извини. Чем скорее смиришься, тем легче тебе будет. — Расправившись с пудингом, Кэт узурпировала мою чашку с водой и, отодвинув соломинку, стала пить прямо через край. — Ну, а у тебя есть парень?

— Нет.

Одна черная бровь вопросительно приподнялась, накрашенные прозрачным блеском губы поджалась.

— А девушка?

— Нет.

— Плохо. Не в смысле, что ты не встречаешься с девушкой — хотя это было бы круто: ты стала бы моей первой подружкой-лесбиянкой, и мне не пришлось бы переживать, что ты уведешь у меня друга, как эта шлюшка Рина, — а в смысле, что у тебя нет парня. Ты бы познакомила меня с кем-то из его друзей, а я бы смогла послать своему бывшему фото нашего якобы страстного романа. Слушай, хочешь, я притащу коляску и повезу тебя кататься? Сможем спуститься в кафетерий и перехватить по гамбургеру. Не особо вариант, конечно, но после пудинга мне до чертиков хочется мяса. Да, и на будущее — голодная я психованная.

Выбраться из палаты? Снова увидеть мир?

— Нет, спасибо. — Я зарылась в гору подушек, как ящерица в песок, и притворно зевнула. — Я немного устала.

Кэт подняла руки в жесте "сама невинность и понимание", напомнив мне... никого не напомнив, и встала.

— Больше ни слова. Все поняла. Я сваливаю, а ты отдыхай. — Но дойдя до дверей, она задержалась на пороге и оглянулась. — Знаешь, а ты мне нравишься, Али Белл. Конечно, мне надо еще пару раз тебя навестить, чтобы понять наверняка, но да, думаю, мы крепко сдружимся, и ты взлетишь на верхнюю строчку моей "пятерки".

И с этими словами она исчезла.

Так вышло, что после нашей встречи я задержалась в госпитале всего на одну ночь. Я не видела Кэт все оставшееся лето — наверное, это к лучшему. Она милая девушка, а я — не лучшая компания, и пообщайся она со мной подольше, могла бы изменить свое мнение о том, насколько я ей подхожу. "Давай станем близкими подругами" превратилось бы в "Ой-ой-ой, пожалуйста, больше никогда ко мне не приближайся!". Вряд ли я вообще вошла бы в ее "пятерку фаворитов".

Скажите, я была депрессивной неврастеничкой?

К моему ужасу, дедушка с бабушкой не купились на вялые заверения, что "все в порядке" и часами, днями, неделями пытались меня подбодрить. Они чудесные люди, правда, но я знаю, до какого отчаяния их доводила.

Родственники говорили, мне нужно поплакать. Так станет легче. Вот только я никак не могла сказать им, что словно держу слезы под замком. Каждый день я чувствовала, как они жгут мне глаза, но капли так и не собирались и не проливались наружу. И, если честно, меня это не сильно волновало. Плакать не хотелось. В глубине души я смирилась с тем, что заслужила страдать... сгорать изнутри.

На самом деле, я заслуживала гораздо худшего.

В день похорон я ошеломила всех, включая себя саму, спросив, можно ли мне не ездить на кладбище. Просто... даже думать не хотелось, что предстоит увидеть место, где моя семья проведет остаток вечности, что они годами будут гнить там, прежде чем окончательно исчезнуть с лица земли. И даже если это и можно было расценить как самое худшее наказание, мне все равно хотелось запомнить семью прежними, полными жизни и энергии. Но, конечно, бабушка с дедушкой не разрешили мне остаться дома.

По дороге туда я пристроилась на заднем сидении их "седана". Сегодня они с ног до головы оделись в черное, и я тоже. Мне купили новое модное платье. Честно, не стоило так тратиться. Я бы лучше нацепила мешок из-под картошки. Это был ужасный день, и хорошо бы моя одежда это отражала.

Ладно. Мне не хотелось думать о себе. Бабуля распустила свои каштановые, длиной до плеч волосы, пытаюсь скрыть бледные щеки, сжимала дрожащей рукой платок и постоянно промокала заплаканные глаза. "Она ведь тоже потеряла семью, — напомнила я себе. — Не я одна тут страдаю". Нужно было помочь бабушке принять утрату, вести себя подобающе, но... я просто не могла.

— Скажешь пару слов в память, кхм, почивших? — спросил дедуля, прочистив горло. Его седые волосы так сильно истончились и поредели, что по бокам образовались внушительные залысины. И, да, дедушка безуспешно пытался прикрыть их зачесом. Как же мама любила подшучивать по этому поводу. — Али?

Я и секунды не раздумывала над ответом.

— Нет, спасибо.

Бабушка повернулась ко мне. Ее веки опухли, покраснели, тушь потекла. Мне пришлось отвести взгляд. Эти золотистые глаза были слишком знакомыми, и боль в них... слишком походила на ту, что испытывала я.

— Ты уверена? — спросила бабушка. — Твоя мама наверняка хотела бы...

— Уверена, — выпалила я.

Стоять перед всеми и делиться дорогими воспоминаниями... Меня прошиб холодный пот. Ни за что. Никогда.

— Это возможность попрощаться, Алиса, — мягко сказала бабуля.

"Меня сейчас вывернет".

— Зови меня Али. Пожалуйста. И я... я не могу сказать им "прощай".

Я даже не собиралась этого делать. Где-то в глубине души я все еще надеялась, что однажды утром открою глаза, и все произошедшее окажется просто дурным сном.

Она устало вздохнула и отвернулась обратно.

— Хорошо. Не думаю, что ты поступаешь правильно, но ладно.

— Спасибо.

От облегчения я обмякла на своем сиденье.

Остаток пути прошел в молчании, лишь время от времени тишину нарушали всхлипы. Чего мне не хватало, так это моего айпода. Включила бы "Skillet" или "Red", представила, что танцую с... сама с собой. Но я не ездила за вещами. Мне не хотелось туда возвращаться. За меня домой отправилась бабуля — она и собрала все, на ее взгляд, необходимое. Моя бабушка-технофобка, вероятно, понятия не имела, для чего вообще нужен крошка Нано.

Наконец мы приехали и пошли к месту захоронения. Никакого отпевания, все церемония пройдет здесь. Но разве так можно? Мама любила ходить в церковь, а папа ненавидел могилы и погиб рядом с кладбищем, — а точнее, рядом с именно этим (как же мерзко!) — и они собирались похоронить его здесь? Все это было настолько неправильно, что вывело меня из себя.

Папу следовало кремировать. Но кто меня спрашивал? Я всего лишь дочь, из-за которой его убили.

А сейчас при свете дня, — ну или того, что должно было быть дневным светом — я разглядывала место, уничтожившее мою жизнь. Небо затянуло серыми тучами, моросил дождь, словно мир оплакивал свою потерю. И хотя я была всецело за такое сопровождение, папа бы этого не одобрил. Он любил солнце.

Справа от меня виднелся холм с парой деревьев, вокруг надгробий торчало несколько кустарников, во все стороны тянулись буйные заросли пестрых цветов.

Однажды и на могилах моих родных вырастут такие же кусты и цветы. А прямо сейчас там были просто три больших пустых ямы, в которые вот-вот опустят закрытые гробы.

И снова пришлось выслушивать бесконечные "мне жаль" и "все будет хорошо". Да чтоб вас всех. Я постаралась отключиться от происходящего, от всего того, что говорилось во время церемонии, и просто смотрела по сторонам.

Собравшиеся рыдали в платочки. Пришли даже мои прежние соседи, мистер и миссис Флэнаган со своим сыном, Кэри. Он милый парень, чуть старше меня. Я сотни раз думала, будь я нормальной девчонкой с нормальной жизнью, сидела бы у окна, смотрела на его дом. Воображала, как сосед подошел бы ко мне, позвал на свидание. Как мы бы сходили куда-нибудь на ужин, Кэри проводил бы меня до двери и поцеловал. Первый раз в моей жизни. Представляла, как он сказал бы: "Мне плевать, чокнутая у тебя семья или нет, я люблю тебя, несмотря ни на что".

Но мечты не сбылись. Кэри так меня и не пригласил.

Теперь он грустно мне улыбнулся, а я отвела взгляд.

Когда пастор закончил читать молитвы, а бабушка с дедушкой произнесли прощальное слово, все встали, сбились в группы и принялись болтать, делиться воспоминаниями. Вокруг меня собралось слишком много людей. Они ободряюще хлопали меня по плечу, обнимали — я не оценила этих жестов и не отвечала на них. Просто сил не было положить конец этому бессмысленному спектаклю так, чтобы не ранить ничьих чувств.

Мне хотелось оказаться в своей кровати, забраться под одеяла и сделать вид, будто моя прежняя счастливая жизнь вернулась.

— Она была такой жизнерадостной девочкой, правда? — заговорил кто-то из стоявших рядом. Какая-то женщина — я никак не могла вспомнить, кто она, но знала, что уже когда-то ее встречала — смотрела на самый маленький гроб. Слезы катились по ее покрасневшим щекам.

— Нам будет так ее не хватать. Помню, как-то однажды...

Она все говорила и говорила. А я вдруг словно разучилась дышать. Открыла рот, чтобы попросить ее заткнуться, но слова не шли. Попыталась уйти, но ноги отказывались двигаться, словно их залили цементом.

— А еще однажды в школе она помогла...

В ушах так звенело, что я не разбирала отдельные слова. Неважно. Понятно, о ком она говорит, и, если эта дамочка не уберется от меня подальше, я сорвусь. Я уже летела все глубже и глубже в бездну, захлебываясь безмолвным криком.

— ...а остальные девочки ее просто обожали...

Черт! Все ниже и ниже... теряя остатки самообладания...

Я напредила себе, что все это заслужила. Как часть причитающегося мне худшего. Мои слова, мое упрямство сгубило семью, поэтому они лежат сейчас в этих коробках. Поступи я иначе — хоть в чем-нибудь — и родные остались бы живы. Но я сделала то, что сделала. Вот и стою здесь. А они лежат там.

— ...обладала таким редким, исключительным талантом, одухотворенностью, и я...

Бездна снова завертела меня, уничтожая, поглощая, кусочек за кусочком. Пусть эта женщина заткнется. Пусть. Она. Просто. Заткнется. Сердце словно прилипло к ребрам, ритм сбился; если она не замолчит, я умру. Я знала, что умру.

— ...часто говорила мне, что хочет быть похожей на тебя, когда вырастет. Она так тебя любила...

"Заткнись, заткнись, заткнись!" Но дама все говорила и говорила мне о моей... сестре...

...об Эмме...

...Эмма... умерла... моя лилия... умерла...

Я пообещала уберечь ее. И не смогла.

Из моего горла вырвался крик, а потом еще один и еще. Я больше не осознавала, что происходит вокруг, зажала уши, чтобы не слышать дикий ужас в своем голосе, и рухнула на колени.

Нет, не просто на колени. Я проваливалась все ниже и ниже, в пропасть, бесконечную пучину отчаяния, крича, крича от всепоглощающего горя, от переполнявшей душу скорби.

Кто-то похлопал меня по спине, но я все не успокаивалась, кричала так громко и долго, что сорвала голос. Потом поперхнулась, закашлялась; по щекам струились слезы — мне казалось, что они собирались вокруг меня и я тону в настоящем озере печали. Тело сотрясали рыдания, глаза опухли. Я не могла дышать, не хотела больше дышать. Смерть стала бы избавлением.

Не знаю, что случилось после. Второй раз в жизни я потеряла сознание. Может, я больше не очнусь...

* * *

Разумеется, очнулась. Все последующие дни я пыталась смириться с мыслью: самое

худшее, что могло со мной приключиться, уже случилось. Не помогло. Какая неожиданность. Но в какой-то момент я, наконец, поняла: все произошедшее вовсе не дурной сон. Теперь это моя новая реальность, и лучше научиться с ней жить, иначе слезы никогда не иссякнут.

Каждую ночь я сидела на подоконнике единственного в комнате окна и смотрела на свой новый двор. Две сотни гектаров деревьев, цветов и холмов — плюс забор, обозначающий границы владений. За оградой виднелся холм, выхваченный из темноты серебристо-золотым лунным светом, но из-за крутизны склона я могла разглядеть лишь толстые стволы высоких деревьев.

Я устала, но не собиралась спать. Каждый раз во сне я видела аварию. Уж лучше вот так сидеть и выглядывать папиных монстров — не знаю, хотела ли я доказать себе, что они существуют или наоборот. Сколько раз я заставляла отца за этим занятием...

Папа обычно патрулировал дом с ружьем наперевес, хотя я никогда не слышала выстрелов. Теперь я задумалась — а был ли от оружия толк? Эти монстры просачивались сквозь кожу, словно призраки... или демоны, в чем я сильно сомневалась.

"Чушь собачья. Не бывает никаких монстров".

Вот только после трагедии мне несколько раз казалось, что я их видела.

Как раз в эту секунду ветви кустов зашевелились. Я прильнула ближе, так, что расплющила нос о стекло. Ветер, наверное, хотя мне привиделось, будто ветви деревьев потянулись друг к другу. Ветви, не руки. А на них листья, а не ладони.

В темноте, привлекая мое внимание, мелькнуло что-то белое. Я сглотнула. Нет, это же не сутулая женщина бежит меж деревьев, а обычный олень. Наверняка олень, только...

Олени ведь не носят свадебных платьев, правда?

Я врезала кулаком по стеклу, да так, что окно содрогнулось, и женщина (в смысле, олень) ринулась прочь, мгновенно пропав среди деревьев. Несколько долгих минут я ждала, но она (то есть, животное) так больше и не появилась.

К рассвету я чувствовала себя так, будто мне песка в глаза насыпали. Надо остановиться, хватит уже себя мучить. Иначе придется сдаться и признать, что я унаследовала папино безумие.

Ну что за очаровательная ирония!

Но эта мысль не вызвала горького смеха или приступа слез — я даже под одеяло прятаться не стала. Нет, просто принялась планировать следующее ночное дежурство.

Глава 3

Все жутьче и жутьче...

Летние каникулы пролетели как-то уж очень быстро, и наконец, настал первый день моего предпоследнего года обучения. Высшая школа Ашера находилась на окраине Бирмингема, всего в десяти минутах езды от дома бабушки с дедушкой. Тигры, вперед! На автобусе десятиминутная поездка растянулась на добрые две трети часа. Но знаете, я радовалась каждому мигу дополнительного времени. Как тогда в больнице я проговорилась Кэт, мои родители окончили Ашер, и все, о чем я могла сейчас думать — не висят ли их фотографии на какой-нибудь доске почета.

Проверять я не собиралась. Если увижу лица мамы с папой, то, скорее всего, расклеюсь прямо там, в коридоре, хотя со дня похорон ничего такого не случилось. Ага, мне нравилось думать, будто теперь я сильнее, лучше себя контролирую, но не стоит испытывать судьбу.

Сев впереди, прямо за водителем, я так всю дорогу и ехала, глядя строго вперед. Ни с кем не разговаривала, первая выскочила из дверей и зашагала так быстро, что сумка при ходьбе билась мне о спину.

Подойдя к школе, я остановилась, широко распахнув глаза и чувствуя, как желудок завязывается узлом. Как. Много. Ребят! Высокие и низкорослые, чернокожие и белые, мальчишки и девчонки, богачи и бедняки, стильные и потрепанные, стройные и не очень, закутанные и практически раздетые — каждый спешил присоединиться к товарищам, от души радуясь встрече. Все наперебой делились новостями, смеялись.

Само здание оказалось огромным и выглядело немного странно, потому что... Ух ты, а "Тигры" всерьез подошли к оформлению школы. Я никогда не видела столько черного и золотого. Черные кирпичи в стенах чередовались с золотистыми, у каждого дерева — а их там росло немало — ствол выкрашен в черный, а листья — в золотой. На цементной дорожке нарисованы черно-золотистые тигровые следы, ведущие прямым ходом к входным дверям до самых металлодетекторов. Какой-то шутник прицепил на рамки усы, а по обеим сторонам уши, так что издали детекторы напоминали тигриные морды.

На заметку: никогда не отзываться плохо о кошках джунглей. А то меня, пожалуй, головой в унитаз сунут за кощунство.

Я обратилась к секретарю за картой, лишь затем, чтобы мне в ответ вздохнули и молча указали на лежавшую на стойке стопку, откуда я и позаимствовала нужный проспект, пробормотав "спасибо". Я уже знала свое расписание, так что оставалось лишь найти дорогу к нужному классу. С ориентированием у меня вечно были проблемы.

Когда я уже собралась уходить, откуда-то из подсобного помещения вышла женщина и, заметив меня, направилась прямым ходом в мою сторону, протянув руку с аккуратным маникюром:

— Ты Алиса Белл.

— Али, — поправила я, отвечая на приветствие. Она крепко сжала мою руку. Даже чересчур крепко.

— Я директор этой школы. Доктор Райт. И не думай, будто сможешь звать меня мисс Райт, просто Райт или "Эй, леди!". Я свое звание заслужила — и тебе придется обращаться ко мне по всей форме. Понятно?

— Да.

Я постаралась, как можно ненавязчиво рассмотреть директрису. Темно-каштановые волосы обрамляли приятное лицо. Смуглая кожа, карие глаза, практически говорящие "я не шучу!", и губы бантиком.

— Если что-то понадобится, — сказала доктор Райт уже на ходу, — сразу обращайся к кому-то из моих помощников.

— Спасибо. Я...

Но она уже ушла, не потрудившись дослушать.

Я пробралась в переполненный, облепленный постерами "Тигры рулят!" коридор: кругом сновали парни и девчонки, кидали друг другу большой мяч (разумеется, черно-золотой), повсюду звенел смех. Наверное, я слишком медленно двигалась, потому что пару раз меня чуть не снесли с ног.

Из чувства самосохранения прижавшись к шкафчикам, я дождалась, пока толпа поредет, и станет возможно идти дальше без риска для здоровья. А пока старалась не вспоминать прежнюю школу и не думать о том, что после уроков мне уже не придется бежать в начальные классы, чтобы забрать свою...

Нет, не надо об этом.

— Али?

Я оторвала глаза от пола и уставилась на симпатичную брюнетку, стоявшую лицом ко мне в центре группы девочек.

— Кэт! В смысле — бешеный питбуль! — Я была настолько рада увидеть знакомое лицо, что сделала то, чего не делала все лето — улыбнулась.

Кэт ответила мне улыбкой, вроде бы искренне радуясь встрече, и помахала, приглашая присоединиться.

Когда я приблизилась, она обняла меня так, будто мы вечность не виделись.

— Так-так, посмотрите-ка, кого Кэт в коготках принесла! Поняла, в чем соль? Ну, разумеется. Все мои шутки просто обалденные. Но оставим в покое мое исключительное чувство юмора. Я так рада тебя видеть! — Кэт оглядела меня с ног до головы и снова улыбнулась, на этот раз лукаво. — Смотри-ка, а ты горячая штучка! Отлично выглядишь!

А вот это точно неправда. Я нацепила простенькие кеды, рваные джинсы и самую старую футболку, которую только смогла у себя найти. Ткань была настолько поношенной, что я выглядела, как... фу, как оборванка. Просто не хотелось вырядиться — ведь праздновать мне было нечего.

Психолог, к которому меня заставили обратиться родные, сказала бы, что я упрекаю себя в том, что выжила, когда все моя семья погибла. (Если она еще раз это произнесет, я себе уши отрежу и оставлю ей на память). Спасибо, уже сама догадалась. Вот только легче не становилось.

— Ну? — поторопила меня Кэт. — Не хочешь сказать мне, как здорово я выгляжу?

Я оглядела ее с головы до ног.

— Нет, ты выглядишь не здорово. — И прибавила, прежде чем подруга успела надуться: — Ты выглядишь потрясающе.

Кэт сегодня надела облегающий черный топ, джинсы от Miss Me с низкой талией и туфли с блестками. Темные волосы красивыми волнами спадали на одно плечо.

— Пять баллов, Али! — восхитилась Кэт. — Ну а теперь, давайте я вас познакомлю. Леди, это Али, моя совершенно исключительная подруга.

Я замерла, ожидая, что Кэт сейчас расскажет им, где мы встретились. Но нет, "бешеный

питбуль" не стала развивать тему, и мне захотелось просто задушить ее в объятиях.

— Али, это Рив, Поппи и Рен.

Так-так. Никаких тебе непритязательных имен, вроде Джейн, Бет или Келли.

— Привет, — поздоровалась я обычным своим жалким голосом.

Девушки оказались потрясающими красотками, как и сама Кэт. Такие изумительные лица только на обложках увидишь. Да еще и в обалденных нарядах, которые кроме как в журналах мод не найдешь.

Журналы. Ну да, иначе и не объяснишь. Кэт точно выписала каждую из девочек по каталогу "Безупречные лучшие подруги". Я же рядом с ними чувствовала себя неряхой из низшего класса, словно меня выбрали из еженедельника "Бездомные дворняжки".

— Приятно познакомиться, — произнесла Рен, великолепная афроамериканка с совершенно потрясающими глазами цвета жженого сахара.

— Подруга моей подруги... — подхватила Поппи, веснушчатая рыжуля, которой точно на роду написано выйти замуж за принца.

— Я устраиваю вечеринку на этих выходных. — Рив отбросила с плеча темные волосы. У нее были изумительно правильные черты лица и кожа потрясающего золотистого оттенка бронзы. — Просто небольшой междусобойчик в честь того, что мы пережили первую неделю учебы. Ну, первые три дня.

И почему занятия всегда начинаются посреди недели?

— Ты должна прийти, — прибавила Рив.

— Я, э-э...

Я никогда не ходила на вечеринки, но, конечно же, без конца слышала о них от приятелей. Поэтому знала, что:

1) Окажусь в доме с кучей едва знакомых людей.

2) Окажусь в доме с кучей едва знакомых пьяных людей, потому что выпивка точно будет (и это я слышала не только от друзей. Мама в свое время заставила меня просмотреть столько экстренных выпусков новостей о последствиях внешкольных развлечений подростков, что чуть мозги не закипели).

3) Все это будет происходить ночью.

Когда-то я безумно хотела куда-нибудь отправиться ночью. Отдала бы что угодно за простую прогулку под луной. Руку, ногу... как насчет души?

А что теперь? Да я от одной мысли в ужас приходила.

— Ну конечно, она придет, — ответила за меня Кэт. — Уж я об этом позабочусь. Ладно, идите, идите. Нам с Али нужно немножко посплетничать наедине. — Она расцеловалась с каждой из подруг, распрощалась с ними, а потом снова повернулась ко мне: — Ну что, получила расписание?

Я не стала заострять внимание на том, что Кэт только что поручилась за мое присутствие на вечеринке. Не стоит расстраивать ее яростными (и ребяческими) воплями: "Ты никогда, никогда не заставишь меня прийти!".

— Да.

Я напрягла память и на одном дыхании выпалила все уроки, молясь про себя, чтобы хоть один совпал.

— Клево! Значит на составление плана по захвату школы у нас ланч и весь последний урок. Я уже все решила. Мы с моими девочками станем всем заправлять. А теперь идем, провожу тебя к твоему классу. Он через две аудитории отсюда, так что прогулка предстоит

неблизкая.

— Тебе тоже туда?

— Не-а. Сюда. — Кэт указала пальцем на дверь всего в паре шагов от нас.

Я взглянула на часы, затем в дальний конец коридора. Оставалось всего шесть минут до звонка.

— А ты не опоздаешь на свой урок?

— Ага, но не волнуйся. — Расплывшись в своей фирменной хитрой ухмылке, подруга взяла меня за руку. — Пусть это станет моим благим делом на сегодня. Кроме того, так ты будешь мне обязана. И да, я всегда спрашиваю со своих должников. Спроси любого. В школе нет никого, кто не задолжал бы мне услугу. Правда-правда.

С этими словами изящная Кэт без проблем стала прокладывать себе путь сквозь толпу, приказывая людям убраться с дороги или показывая им средний палец, если они делали или говорили что-то, что ей не нравилось. А сама тем временем спокойно продолжала болтать со мной, проводя краткий «курс по выживанию» в данном заведении.

— Она — страхолюдина. Он — бабник. Этот милый, но едва не помер от передоза в прошлом году, так что не трать время. А она — двуличная, лживая, подлая ведьма. Да-да, Трина, это я о тебе, — повысила голос Кэт. — Кстати, — прибавила она, обращаясь уже ко мне, — Трина ругается, значит, ругаться — позор, значит, мое золотое правило: никогда не ругаться. У меня есть стиль. В отличие от Трины, уродины из Бирмингема. — Последняя фраза, разумеется, прозвучала громче всего остального.

Я почти ждала, что миловидная, но довольно мускулистая Трина подлетит к нам и познакомит зубы Кэт со своим кулаком, однако упомянутая "ведьма" лишь развернулась и пошла дальше, бросив на обидчицу взгляд, обещавший возмездие.

Так-так. Замечочка: никогда не связываться с Триной. Даже аккуратная одежда не могла скрыть ее мускулистые руки и татуировки. Остриженные, чуть прикрывавшие уши волосы обнажали шею, испещренную шрамами. Шрамами, похожими на следы зубов.

И мне точно надо прекратить тереть собственную шею, пока меня не парализовало.

— Он гей, но скрытый, — продолжила Кэт, словно ничего и не случилось, — так что послушай моего совета, даже не пытайся. А вот его друг — денег куры не клюют, но совершенно безмозглый. Ой, а вот она такая плакса, что если соберешься просто с ней поговорить — запасись салфетками. О, а от этой группы можешь шарахаться, как от чумных — толку с них никакого. Вот она — неплохая. А он... блин! — Подруга резко остановилась, мне пришлось сделать то же самое. — Смейся, будто я сказала что-то обалденно веселое.

Смеяться? Серьезно, что ли? А я вообще помню, как это делается?

Кэт шлепнула меня по руке и яростно прошептала:

— Смейся!

Ладно, я выдавила смех. Стыдно признать, но прозвучало так, будто я проглотила лягушку, и она колотилась в моей гортани. Даже Кэт в ужасе так рот разинула, что я увидела ее миндалины.

Правда, подруга быстро оправилась, перекинула волосы через плечо и рассмеялась своим чудесным смехом.словно ангел сыграл на арфе, сидя на радуге. Так нечестно!

— И зачем мы так делаем? — тихонько спросила я.

— Не оборачивайся, но там мой бывший.

Скажите, ведь не я одна воспринимаю фразу "сейчас не смотри" как "посмотри именно сейчас"? Конечно, я обернулась.

— Плохая Али! — Кэт снова шлепнула меня по руке. — Плохая, плохая, плохая Али! Ты что, не можешь сдержаться?

— Прости. — Я потеряла руку.

Прекратила ли я смотреть в ту сторону? Нет. И не просто туда смотрела, я пялилась. Не отводя глаз.

Справа от нас стояла группа из восьми парней. Если бы мне понадобилось наглядное пособие для описания серийного убийцы — теперь я бы его получила. Даже восемь пособий. Все высокие, тренированные, мускулистые. У большинства татуировки на руках и пирсинг на лице. Несколько носили металлические цепи словно бы вместо ремней, но на этих телах их можно было расценивать лишь как оружие.

Доказательство: у двоих на лодыжках над грязными ботинками виднелись электронные браслеты людей, находящихся под домашним арестом.

Парни дружески пихались, смеялись и хлопали друг дружку по плечу. Один даже схватил приятеля за пояс, нагнул, не давая вырваться, и стал ерошить волосы. Тому оставалось лишь терпеть такое обращение, пока остальные указывали на него пальцами и обзывали на все лады.

— Раньше их было больше, — произнесла Кэт. — Двое умерли в прошлом году от какой-то болезни, что превращает кровь в токсичную грязь, и ты практически гниешь изнутри. Это не заразно — по крайней мере, так заявили пресловутые "специалисты" в брошюрах, которые разослали всем студентам, ведь поднялась такая паника. Но, знаешь, странно, что двое парней умерли одновременно.

Я уловила в голосе подруги какую-то необычную нотку.

— Ты их знала?

— Да. Думала, никогда не перестану плакать. Наверное, ужасно так говорить, но я в какой-то мере рада, что они ушли вместе. Эти ребята были лучшими друзьями, никогда не расставались. Ой, что-то наша беседа принимает странный поворот. Мои извинения.

— Все нормально, — заверила я, хотя как раз нормально себя и не чувствовала. Мне больше никогда не хотелось думать о крови и смерти, тем более — говорить о них. — Так который из них твой? — спросила я, меняя тему и возвращаясь к ныне здравствующим ребятам.

Кэт с отвращением фыркнула:

— Вон тот, блондин. И он был моим. Был. Больше между нами ничего нет, и никогда не будет.

Я просканировала взглядом группу. Двое чернокожих (один из них бритый на лысо), двое брюнетов (один с волосами цвета воронова крыла) и двое блондинов. Я собиралась присмотреться к блондинам — правда собиралась! — но, зацепившись взглядом за парня с настолько черными волосами, что они отливали синим, дальше продвинуться не смогла.

Он был в ярко-красной бейсболке с какой-то надписью, которую я не разобрала. И единственный не скакал, а стоял, прислонившись спиной к шкафчикам и скрестив руки на груди, и наблюдал за приятелями с ленивой усмешкой.

До того красив, что у меня, наверное, точно слюнки потекли. Быстро и, надеюсь, незаметно проверив это предположение — очень странно, но по подбородку не текло — я вдруг поняла, что гадаю, какого же цвета у незнакомца глаза. Наверное, карие. Или даже светло-карие. Так или иначе... ух ты. Надо же. Видели застывшего в свете фар оленя? Приятно познакомиться, я Али.

— Эй, кошечка Кэт! — окликнул кто-то. Я заставила себя прекратить пялиться на Красную Бейсболку и взглянула... да, это был один из блондинов. — Иди-ка сюда и поздоровайся со мной как следует. Ты же знаешь, тебе этого хочется.

— Чего мне хочется, так это чтоб ты шел ко всем чертям, — отозвалась подруга.

— Ой, ну ладно тебе. Не надо так, малышка. — Парень оказался самым высоким из блондинов, с холодными карими глазами и таким лицом, что, увидав его, сам дьявол сбежал бы за угол, зовя мамочку. И хоть я и не могла понять, как такой персонаж мог завоевать девушку вроде Кэт, я легко могла представить его в роли обманщика. Должно быть, это и есть легендарный бывший. — Ты меня так любишь, просто удержаться не можешь.

— Надеюсь, Рина наградила тебя каким-нибудь венерическим заболеванием.

Парни вокруг засмеялись. Удивительно, но и блондин продолжил улыбаться как ни в чем не бывало, вместо того чтобы прикончить Кэт на месте.

— Малыш, это грубо. Я просто дразнил тебя, назвав другим именем.

— Оба раза?

Ага. Так и есть, бывший. А "двуличная, лживая, подлая ведьма" Трина, видимо, та самая Рина, с которой этот кадр крутил роман на летних каникулах. И, честно? Это просто в голове не укладывалось. Как можно было предпочесть Кэт — одной из самых красивых и женственных девушек, которых я только видела, грубую суровую Трину?

Так или иначе, это действительно оказался бывший ухажер Кэт. Помимо лица серийного убийцы он мог похвастать черными лентами, вытатуированными вокруг запястий, и кастетами, изображенными на костяшках пальцев.

— И, кстати, я не злюсь, — прибавила подруга. — Ты солгал мне, я лгала тебе. Мы в расчете.

Наконец блондин перестал улыбаться.

— Когда ты мне лгала?

Подруга подарила ему сладчайшую улыбку, словно вся его веселость передалась ей.

— Каждый раз наедине. Вообще-то, мне вовсе не было хорошо, если понимаешь, о чем я.

— Врет, — подал голос один из приятелей блондина.

Тот оттолкнул "помощника" в сторону.

— Ну, не надо так, — умоляюще обратился отвергнутый поклонник к Кэт, и, я готова побиться об заклад, он уже почти не шутил. В темных глазах мелькнуло отчаяние.

— Не смей указывать, что мне делать. И кстати, вот сейчас я совершенно серьезно. — Кэт показала бывшему средний палец с двух рук, и вся компания зашлась в новом приступе смеха.

Самоуверенности у блондина поубавилось, однако он пообещал:

— Я заставлю тебя передумать и завоюю обратно. Это просто вопрос времени.

— На самом деле вопрос времени, когда я скормлю твои яйца своему псу. — Наклонившись ко мне, Кэт прошептала: — Напомни, чтобы я купила собаку.

Черноволосый красавец, наконец, обратил на нас внимание — ну да, я снова на него пялилась, — и Кэт со всеми ее проблемами напрочь вылетела из моей головы. Фиолетовые. Его глаза оказались совершенно потрясающего фиолетового цвета. Я никогда не видела такого красивого оттенка.

Должно быть, линзы. Верно?

Он бегло окинул Кэт взглядом и усмехнулся в знак приветствия. Я на нервной почве

едва не стала грызть ноготь — жуткая привычка, от которой мне удалось избавиться несколько лет назад. Посмотрит ли незнакомец на меня?

Ответ: да.

Когда наши глаза встретились, у меня пересохло во рту, и я позабыла обо всем на свете. Больше ничего не видела, да и не хотела видеть. И в какой-то миг мы вдруг словно оказались не по разные стороны коридора... а стояли, крепко обняв друг друга, и целовались. Чудо из чудес — парень был почти на голову выше, отчего я рядом с ним казалась Дюймовочкой. Как здорово! И, о боже, как же мне нравилось то, что мы делали...

Я никогда раньше не целовалась, но его язык определенно находился у меня во рту, а мой — в его, и мы практически впивались в губы друг друга.

— Али, — выдохнул парень, сжимая меня крепче.

— Коул, — прошептала я в ответ.

Мне все было мало, я никак не могла от него оторваться. Теплый. Такой теплый, а я так мерзла все лето. И неважно, сколькими одеялами укрывалась — меня все равно бил озноб. Мне хотелось остаться вот так, с этим парнем, навечно.

Я запустила пальцы в его волосы, сбив бейсболку с головы. Красавец чуть наклонил голову, поцелуй стал глубже, жестче.

— Так вкусно, — хрипло прошептал парень. От него пахло сандалом и чем-то фруктовым. Вроде только что развернутой клубничной конфеты.

— Все разговоры — потом. А сейчас — целуй...

— Али. Али! — Кэт встала передо мной, хмурясь и водя рукой перед моим носом. — Ау! Кто-нибудь есть дома?

Я моргнула и поняла, что нахожусь на том же самом месте, что и раньше. А потом поняла еще одну вещь: я не пересекала коридор, не встречала на полпути этого парня — которого назвала Коулом — и не запускала пальцы ему в волосы. Не касалась его и совершенно точно не целовалась с ним, хотя мои губы покалывало, и я никак не могла восстановить дыхание.

— Ты в порядке? — Кэт явно беспокоилась.

Подруга была настолько миниатюрной, что я без проблем глянула через ее плечо на противоположную сторону коридора. Почти все уже разошлись — может, потому что звонок, призывавший на занятия, уже стихал. Вот черт. Черт, черт, черт. Сколько же я пялилась на этого парня?

По крайней мере, он тоже не отводил от меня глаз. А может, это не так уж и хорошо. Его взгляд был хмурым — такое лицо обычно видишь у парня в темном переулке за секунду до того, как тебя швырнут в грязь и украдут сумочку. Один из друзей тянул красавца за руку, пытаюсь привлечь его внимание.

Красная Бейсболка осканился на меня, развернулся и потопал прочь. Оставшиеся парни последовали за ним. Один пробормотал: "Не расскажешь, что вообще произошло, приятель?".

Я прислонилась к шкафчикам, пытаюсь обрести равновесие. Только теперь, когда незнакомец, наконец, отвернулся и ушел, у меня получилось отдышаться.

— Тот, в кепке, — обратилась я к Кэт. — Как его зовут?

Наверное, стоило сначала убедить подругу в моем душевном здоровье, но мне уж очень хотелось узнать о парне больше. Ну и в самом деле, кого я прямо сейчас могла убедить, что не свихнулась?

Кэт низко опустила голову, словно та вдруг стала слишком тяжелой, однако по-прежнему пристально на меня смотрела.

— А что? Хотела бы с ним познакомиться?

Я открыла рот... и тут же закрыла. Мне хотелось понять, что сейчас произошло. С чего мне вдруг привиделось, будто... я с ним целуюсь. Как видение могло быть настолько реальным, что я чувствовала жар тела этого парня, его силу. настолько реальным, что мое собственное тело отреагировало.

— Просто интересно, — наконец произнесла я, стараясь изобразить безразличие, которого на самом деле и в помине не было. Однако ответ получился совершенно честным. Мне действительно было интересно.

Но Кэт на мою уловку не купилась.

— Это Коул Холланд, и да, подруга, тебе точно не стоит с ним встречаться. Поверь мне. Я так и замерла, как громом пораженная. Так его и правда зовут Коул? Но... откуда я могла это узнать?

"Да просто услышала, как кто-то назвал его Коулом, вот и все. Обычная игра подсознания".

Наверное. Возможно.

— Почему? — хрипло спросила я.

— Потому что мне совершенно точно можно верить. Эй, мы же не первый день знакомы, так?

Если бы я не находилась в таком эмоциональном раздрае, то закатила бы глаза.

— Не с чего мне тебе верить. Почему мне лучше с ним не встречаться?

— О. Ну для начала, потому что ты его боишься.

— Вовсе я его не боюсь.

Кэт встала на цыпочки и хлопнула меня по макушке.

— Раз уж ты не в состоянии признать такую малость, как насчет довода номер два? Он — главарь этой банды бешеных животных и крайне опасен.

Опасный. Ну да, я заметила.

— Ты встречалась с одним из его друзей.

Кэт развела руки, словно говоря "ну, а я тебе о чем?".

— И погляди, к чему это привело: мне изменили и разбили сердце. — Коридор наполнился тихим стуком закрывающихся дверей. Подруга огляделась. — Идем. Договорим по пути к твоему классу.

Теперь по пустынным коридорам двигаться было легко, и мне бы расслабиться... но я никак не могла отделаться от чувства, будто меня к чему-то подключили. Наверное, к батарейке. Меня переполняла энергия, в ушах тихонько гудело, даже лампы на потолке, казалось, сияли ярче.

— В общем, Коул — самый худший из этой компании, — начала Кэт. — Он прикажет — и остальные рысью несутся выполнять команду. Они часто прогуливают школу и занимаются... ну, думаю, ты и без меня отлично поняла. Со мной, конечно, поняла бы лучше, ну да ладно. И да, ты, наверное, думаешь, будто я точно знаю, чем они промышляют, но Лёд просто исключительно умеет хранить секреты. Да уж. В любом случае, видимо, эти ребята постоянно влипают во всяческие неприятности, потому что вечно ходят пораненные. А я говорила, насколько они замкнутые? Коул — хуже всего, но Лёд сразу следом за ним в очереди претендентов на титул главного молчуна, уж поверь.

— Лёд?

— Мой бывший.

— Я поняла, но это же...

— Прозвище, да. Однажды зимой он нечаянно запер дверь дома и не мог попасть внутрь. Когда его нашли, он уже льдом покрылся и весь обморозился. Ему едва не ампутировали все конечности. Честно-честно.

— Правда? — Я не заметила, чтобы у блондина чего-то не хватало, а раз они едва не ампутировали ему руки-ноги, то наверняка должны были отрезать несколько пальцев — самую уязвимую часть руки.

— Ладно, Льду только палец на ноге оттяпали, но обморожение — это тебе не шутки. Так или иначе, единственные девчонки, сопровождающие парней в этих маленьких частных приключениях — это Маккензи Лав — бывшая Коула — и Трина, которую ты имела несчастье повстречать ранее.

Коул по-прежнему водится со своей бывшей? А вот это действительно плохая новость. Хотя какая мне разница? Я что, хотела, ну не знаю, сходить с ним на свидание, выйти за него замуж, родить от него детей? Мне просто нужны ответы. Честно.

То, что произошло в этом коридоре — вернее, не произошло — сводило меня с ума. То есть у меня всегда было богатое воображение — взять хотя бы монстра в свадебном платье, которой мне якобы привиделся — но вот такие фокусы сознания, где я будто бы зажигаю посреди школы со странным незнакомым парнем... это уже чересчур.

— Кстати, предупрежу, — продолжила Кэт. — Если станешь с ним встречаться, Маккензи загонит тебя в угол и застрахует до смерти. О, а еще от тебя отвернутся все друзья, и ты прославишься как ходячая неприятность.

Такое я бы смогла пережить. Опять же, не то, чтобы я собиралась иметь что-то общее с Коулом.

— От тебя отвернулись, когда ты стала встречаться со Льдом?

На миг — только на миг — черты Кэт омрачила печаль. Но затем подруга перебросила волосы через плечо и с улыбкой ответила:

— Я всегда славилась как грандиозная ходячая неприятность, и, хоть никто еще не понял, теперь я еще большая головная боль, чем когда я и Лёд... или мы со Льдом? Никак не запомню. Ладно. Теперь, когда мы расстались, я еще большая головная боль, но уверена, ты научишься ценить эту мою сторону.

— Уже ценю, — ответила я совершенно искренне.

Мы поравнялись с красной дверью, Кэт остановилась и указала на нее пальцем.

— Тебе сюда.

Когда я заглянула в оконце на двери, мне захотелось сбежать. Или вырвать. Нет, и то, и другое. Куча ребят, ни единого пустого места. Учитель уже стоял за столом и вел урок. Стоит мне войти, как повиснет тишина и все на меня уставятся.

Наверное, я позеленела и затряслась, потому что Кэт спросила:

— Волнуешься?

— Да, совсем не... много. — Никогда не умела врать. — Давай прогуляем? — с надеждой спросила я.

Можно будет начать заново на втором уроке.

— Нет, не хочу и даже не собираюсь выяснять, что же значит это твое «не... много». Хочу войти уже в свой класс. В конце концов, разве есть место лучше, чем в центре

внимания?

Ой, нет, нет. Я сделала шаг назад.

— Тогда подожду тебя снаружи.

— Все нормально, — безжалостно пресекла мои попытки к бегству Кэт. — Ты им понравишься. А если нет — что ж, дай знать, на кого мне обрушить свою кару. Кстати, это моя специализация. — Подруга хлопнула меня по попе. — А теперь иди уже, детка.

— Кэт, постой. Я...

— Слыхала про принцип хирургического вмешательства^[1]? И напоследок. Может, через несколько месяцев ты и выпустишься полноценной тигрицей, но до тех пор... — Она открыла дверь и втокнула меня внутрь. — Придется терпеть боль.

* * *

Я пережила первый урок с минимальными потерями для гордости. Так называемый учитель поставил меня перед всем классом и вынудил рассказать немного о себе и о том, почему я опоздала. Похоже, исключений здесь не делали. Даже в первый день занятий и даже для новичков, которые, видимо, были обязаны мгновенно разобраться в карте.

Мои мысли по поводу? Мистер Батл, — которого я теперь вечно буду звать мистер Засранец, — просто пытается самоутвердиться, цепляясь к ученикам. Ну да ладно. Обошлось без рубцов на сердце, потому что очень милый парень с карими щенячьими глазами ободряюще мне улыбнулся и, стоило мистеру Засранцу отвернуться, покрутил пальцем у виска, указывая на нашего преподавателя, чем вызвал у класса хохот и отвлек внимание от меня.

Второй урок проходил здесь же, но третий — уже в другом помещении. Тем не менее, я успела вовремя, и конфузов не возникло. Никто не пытался со мной заговорить, кроме низенькой полной мисс Мейерс. Она стягивала свои седые волосы в пучок и носила чересчур большие очки, то и дело норовившие сползти ей на нос, но неприятной не казалась.

— Я так рада начать новый учебный год вместе с вами! — воскликнула она, хлопая в ладоши. — И вы, конечно же, тоже обрадуетесь, когда узнаете, что я для вас подготовила. Кстати, у нас здесь курс литературного творчества, если вдруг кто-то забрел к нам по ошибке. Никого? Да? Отлично. Давайте начнем!

Я подперла ладонью щеку и собралась внимательно слушать — правда-правда — но мысли уплывали совсем в другую сторону. Хотелось бы сказать, что я размышляла над своим будущим, придумывала способы улучшить общее состояние моей психики... в общем, занималась чем-то полезным. Но нет. Мой мозг уехал в Коулхолландвиль и отказывался возвращаться.

Вопросы возникали один за другим. Что же произошло в коридоре? Почувствовал ли что-то Коул, глядя на меня? Судя по тому, как Холланд оскалился, словно я, пусть и, не произнеся не слова, сбила его с толку... вероятно. Но опять же, вдруг, это он от раздражения. Я ведь практически изнасиловала его взглядом.

И что, если я впаду в транс... или называйте это как хотите... и в следующий раз, как увижу Коула?

Отчаянно желая получить ответ на последний вопрос, после первого и второго урока я по всей школе выглядывала Холланда: в многочисленных коридорах, на лестнице и да, даже притормаживала мимоходом у мужских туалетов, но тот словно испарился.

Может, это и к лучшему. Он меня пугал.

Ну вот, наконец, я это признала. Я побаивалась большого плохого и явно привычного к насилию парня. В моей жизни было достаточно насилия, спасибо большое. Кроме того, если я с ним действительно заговорю, возможны лишь три варианта развития действий:

1) Он пошлет меня в ***.

2) Расскажет всем, что я *** ненормальная.

3) Спросит, кем я себя, ***, возомнила, потому что совершенно точно не видел меня прежде.

Я не была знакома с Коулом, но легко могла себе представить, как он ругается. И много. Кэт точно такого бы не одобрила.

— ... думаю, вы сочтете ее работу символом... — голос мисс Мейерс ворвался в мое сознание, пытаюсь вернуть к действительности, но мучившая меня дилемма вновь одержала победу.

Вот бы рассказать маме о Коуле и том, что произошло. Благодаря общению с папой, она понимала странности во всем их многообразии и проявлениях. И не стала бы надо мной смеяться. Не потащила бы бегом на прием к психотерапевту. Просто усадила бы рядом и помогла найти разумное решение.

Я так скучала по маме. Ну почему под конец я так себя с ней повела?

Так-так. Ну, надо же. А я все еще могла думать о ком-то другом, кроме Коула Холланда.

Ни в коем случае нельзя рассказывать о случившемся бабушке с дедушкой. Да они просто с ума сойдут — хоть и внешне не покажут. При мне они всегда будут улыбаться и делать вид, будто все в порядке. Так и не узнают, что однажды я нечаянно подслушала, как они шептались у себя в спальне.

"Бедняжка. Терапия совсем не помогает. Как думаешь, она вообще когда-нибудь оправится?"

"Не знаю. Мне невыносимо видеть, как она страдает, но я ничего не могу поделать. Она просто мне не позволит".

"Знаю. Никогда не чувствовал себя настолько беспомощной".

Они пытались вытащить меня в кино, на каток, за покупками — туда, где, по идее, должно понравиться девочке моего возраста. Но я всегда отвечала отказом. И каждый раз бабушка с дедушкой целовали меня в лоб и говорили: "Ну, может, в следующий раз".

Не желая пугать их еще больше, я плотала вертевшееся на языке "может, никогда". Большую часть времени я сидела в своей комнате, и мне это нравилось.

Мои дни проходили одинаково. По утрам я читала книги серии "Железные феи", по вечерам слушала подборки песен, которые папа сделал для мамы. (Я жила в ее старой комнате и нашла мамин кассетник). Ночами выглядывала в окно монстров. По будням ходила в школу, по выходным в церковь. И все.

Звонок ворвался в мои мысли, словно кто-то врезал кулаком по стеклу. Я аж подпрыгнула. Мисс Мейерс за столом собирала свои книги, ребята уже потянулись прочь из класса. Я сложила вещи и уже хотела последовать их примеру, как...

— Алиса Белл, — позвала мисс Мейерс.

Я встретилась с ней взглядом:

— Пожалуйста, лучше Али.

Она кивнула и тепло мне улыбнулась.

— Я ознакомилась с выпиской о твоей успеваемости из академии Карвера, и мне понравилось то, что я увидела. Судя по твердой пятерке, там ты в классе не спала.

Ой.

— Честное слово, я сейчас не спала.

Учительница улыбнулась шире, давая понять, что не обиделась.

— Знаю, чтение и письмо не всем по вкусу, но дай мне завтра еще один шанс, ладно?

Если же тебе не понравится то, что я говорю, и мне не удастся тебя заинтересовать — что ж. Можешь спать или витать в облаках — как хочешь, так и называй.

Справедливо.

— Обещаю.

— Хорошо. — Мисс Мейерс кивком указала на дверь. — Ступай. Уверена, тебе есть, куда поспешить.

Я вышла в коридор... и взмолилась, чтобы прямо сейчас настал конец света. Там стояли Лёд и один из его свирепо выглядящих дружков, поджидая меня. Точно меня. Завидев цель... на мне словно мишень нарисовали... они тут же двинулись в мою сторону.

Наверняка пригрозить, чтобы я держалась подальше от Коула.

Как унижительно! Я продолжила идти, и парни, не останавливаясь, пристроились по обе стороны. Меня накрыла волна тестостерона, едва не отгородив весь остальной мир.

— Привет. Я Лёд, — заговорил утрашающего вида блондин.

Вблизи я разглядела, что его глаза не карие, а красивого черничного оттенка с шоколадными искорками.

У меня заурчало в животе. Ну да, я проголодалась, наверное, поэтому глаза Льда напомнили мне о всяких вкусностях. И что с того? Аппетит — это хороший знак, у меня его все лето не было.

— А это мой приятель Бронкс, — прибавил блондин, так и не дождавшись от меня ответа.

— Али. — Либо я не заметила второго парня тогда в коридоре... что вряд ли... либо он опоздал на занятия. — Бронкс, да? Ты оттуда?

— Не-а, — ответил за друга Лёд.

Сам Бронкс не проронил ни слова, но смотрел на меня очень выразительно. В сочетании со штангами в обеих бровях и выкрашенными в ярко-синий цвет волосами взгляд получился не просто демонический, а прямо-таки дьявольский.

— Ладно, — ответила я. А что тут еще скажешь?

По пути нам повстречалась группа спортсменов. К моему вящему удивлению, они практически размазались по шкафчикам, лишь бы убраться с дороги двух моих высоченных, мускулистых сопровождающих. Я просто-таки чуяла исходящий от бедняг страх — едкий запах заполнил воздух, обжигая ноздри.

Как странно.

В моей прежней школе спортсмены заправляли всем и вся, их слово было законом, а единственное, что их волновало — следующая игра. Наверное, во всех школах по-разному.

— Ребята, — раздался голос доктора Райт. Я услышала стук каблуков директрисы еще до того, как заметила ее в конце коридора. — Вы же не обижаете мисс Белл, так? — спросила она, подходя к нам и пристально глядя на Льда. — Не хотелось бы испортить вам конец дня, оставив после уроков.

— Все спокойно, доктор Райт, — по-военному четко заверил Лёд, одновременно с моим:

— Все в порядке.

Похоже, мы ее не убедили.

— Что вы от нее хотите?

— Просто поболтать, чего же еще? — улыбнулся Лёд, изображая полную невинность.

— Зачем?

Неужели все директора такие зануды?

— Потому что она симпатичная? — скорее спросил, чем ответил Лёд.

М-да, если б я сейчас упала лицом в грязь, и то было бы не так неловко.

Судя по прищуренным глазам, подозрения доктора Райт не развеялись, однако она промчалась мимо нас, не пытаясь остановить.

— Просто следите за языками, или мне придется позвонить вашим опекунам, — бросила директриса через плечо.

Лёд вздрогнул. Бронкс насмешливо отсалютовал вслед мегере.

— Так откуда ты знаешь Кэт? — спросил меня Лёд, возвращаясь к беседе.

Учитывая сосредоточенный взгляд, больше он ходить вокруг да около не собирался.

Я расслабилась. Они ждали меня не из-за Коула и не потому, что я, возможно, — а может, и нет — им чем-то приглянулась.

— Мы случайно встретились на летних каникулах.

По счастью, врать не пришлось. Не уверена, как именно надо вести себя с бывшим своей подруги.

— А где? — спросил Лёд с деланной небрежностью, совершенно не соответствующей жесткому взгляду.

— Ну... хм... — И как мне ответить, не сболтнув лишнего о себе?

Парни "сопроводили" меня за угол, зажав плечами и вырулив в нужную им сторону. Я-то, понятно, хотела вовсе не туда, а к своему шкафчику. Что же. Разберусь. Может, насилия мне и не хочется, но постоять за себя смогу, даже против таких здоровяков. Папа об этом позаботился.

На самом деле мне раз... или даже не раз... удавалось и отца уложить на лопатки. То через плечо опрокину, то в глаз засвечу, однажды даже нос ему разбила. Каждый раз, когда я побеждала, папа с такой гордостью улыбался.

Глаза защипало... подбородок задрожал. Черт, мне надо сосредоточиться на том, что происходит здесь и сейчас.

Что там Лёд спросил? Ах да.

— Если интересно, где я встретила Кэт, то ее и спрашивай.

Ну вот. Вроде ответила, а вроде и нет. Кстати, при следующей встрече надо будет отвести подругу в сторонку и попросить выкинуть из головы все подробности нашего знакомства.

Лёд отпрянул так, словно я его в живот пырнула.

— Жестоко, Али, очень жестоко. Ну, хоть намекни. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста.

Очаровательно. Но разве можно забыть, что этот парень изменил Кэт?

— Ладно, вот тебе подсказка, — быстро сориентировалась я. — Там было много людей. Кое-кто кричал, некоторые даже вертелись. И определенно было много прикосновений.

Доктора вечно так и норовят пощупать больных.

В следующий миг мне предстало более очевидное подтверждение таившихся во Льеде преступных наклонностей. Приветливая маска спала, открыв жесткие темные глаза и сжатые

в ярости губы.

— Она кого-нибудь касалась? Кто-нибудь ее трогал?

"Чувак, ты целое лето ею не интересовался!"

— Было приятно с тобой поболтать и все такое, но мне, правда, надо...

Мы обогнули еще один угол, я врезалась во что-то твердое и от неожиданности отступила назад.

Бронкс поймал меня, но тут же отдернул руки, словно я наградила его ожогами третьей степени.

— Простите, — пробормотала я, обращаясь к человеку, с которым столкнулась.

Девушка, на несколько сантиметров ниже меня. Шелковистые черные кудри до середины спины, лицо, которое Бог, наверное, использовал, создавая своих излюбленных ангелов. Идеальный макияж. Легкий загар ничуть не портит идеальную же кожу. Дорогая, вызывающая и в то же время элегантная одежда смотрится изумительно. Розовый кашемировый свитер и кокетливая белая юбка. Настоящий бриллиант в море стекляшек.

Я, конечно, не заглядываюсь на девушек, но... ого. Эта могла очаровать любого. Даже Кэт с ее подругами с обложки не шли ни в какое сравнение.

— Это что, твоя новая фанатка? — спросила незнакомка Ляда невероятно презрительным тоном, явно предназначенным мне.

А может, она вовсе не такая очаровательная. Мне мерзкие штучки никогда не нравились.

— Отвали, Маккензи, — проворчал Лёд.

Маккензи. То есть Маккензи Лав. Так это и есть бывшая Коула Холланда?

"Ну, разумеется". Я едва сдержала горький смех. Красивые парни всегда встречаются с красивыми девушками. Так устроен мир. И да, по этим правилам, моя судьба — обрести счастье с каким-нибудь нелюдимым долговязым угрюмцем с трагическим прошлым. Ну, чудесно.

— Коул вас ищет, — рявкнула Маккензи. — Так что миссионерскую прогулочку придется отложить.

Вот и повод уйти. Я все равно уже попрощалась, так что протолкнулась мимо Маккензи и вошла... в кафетерий. Так вот куда они меня вели. Что ж, как раз время ланча. Неудивительно, что в животе урчало. От запаха еды и тысячи других ароматов и манекенщица бы озверела.

Ребята уже выстроились в очереди. Я понятия не имела, что где, поэтому стала оглядываться, пока не заметила в дальнем углу знакомое лицо.

Кэт помахала мне, приглашая присоединиться. За спиной Лёд окликнул меня, пытаюсь вновь обратить на себя внимание, за что Маккензи обозвала его идиотом. Мысленно плюнув на обоих, я стала пробираться к подруге. Чем дальше я продвигалась, тем яснее чувствовался запах жира. А еще сахара, духов и одеколона. Все это смешивалось в приторное мускусное облако. Ну вот, весь аппетит отшибли.

— Что ты делала со Льдом? — спросила Кэт, как только я плюхнулась рядом.

Не злится. Хорошо.

— Он с еще одним парнем, Бронксом, поджидал меня после урока. Лёд спросил, где мы с тобой встретились.

Весь румянец схлынул со щек Кэт.

— Что ты ему сказала?

Я слово в слово повторила свой ответ, молясь, чтобы он оказался верным. Облегчение Кэт было практически ощутимым, на лицо вернулись краски. — Супер! Ты справилась почти так же гениально, как я бы на твоём месте. Мне так важно было её доверие.

— Спасибо.

— Только никому не говори, где мы на самом деле познакомились, ладно? — попросила Кэт, умоляюще глядя на меня.

Без проблем. Но с чего бы ей это скрывать?

Но не успела я спросить, в чём дело, как подтянулись остальные девочки из её свиты. Я поприветствовала каждую слабой улыбкой, потому что больше сейчас из себя выдавить просто не могла.

Пока подружки увлеченно делились свежими сплетнями о незнакомых мне людях, я почувствовала, как волоски на шее встали дыбом. Поборовшись несколько минут с неприятным ощущением, я сдалась и обернулась, ища источник дискомфорта.

Через несколько столов от нас сидела вся банда из коридора. Коул... пялился на меня. И это ещё мягко сказано. Прямо-таки не сводил с меня прищуренных пронизывающих глаз. Если бы взглядом можно было метать кинжалы, в мою грудь бы уже парочка вонзилась (нет-нет, не подумайте, он вовсе не туда смотрел).

Собравшись с духом, я посмотрела ему в глаза, выжидая, что же дальше. На этот раз видения не возникло. Никаких виртуальных поцелуев. Наверное, тот утренний случай был единичным. Просто случайностью.

Ну и хорошо. Я не расстроилась. Все равно так даже лучше. И вот почему: ангелоподобная Маккензи примостилась возле Коула и собственнически обняла его за плечи, тем самым приказывая мне держаться подальше. Она тоже смотрела на меня, что-то нашептывая Холланду на ухо. Не нужно быть телепатом, чтобы понять: красотка замыслила мою социальную смерть.

Ну и ладно. Я все равно не стремилась стать всеобщей любимицей.

"Что?" — беззвучно спросила я Маккензи. Кстати, совершенно справедливый вопрос. Что я ей сделала? Да ничего.

Она провела языком по зубам, прежде чем прорычать Коулу что-то вроде: "Позволь проучить её. Всего разок. Пожалуйста".

Ответ я не расслышала.

Кэт похлопала меня по руке:

— Ты меня слышишь? Потому что идеи, которыми я тут так щедро делюсь, просто на вес золота! А именно: если решила захватить власть, придется сбросить нынешнюю королеву с пьедестала. Хорошо бы пинками, кулаки тоже сойдут.

— Прости, отвлеклась, — покраснела я. — А кто нынешняя королева?

— Бывшая того парня, которого ты только что мысленно раздевала, — ответила Рив. — Кстати, требую место в первом ряду, когда разразится война между Маккензи Лав и Али?..

— Белл, — подсказала я.

— Али стопроцентно победит, — заявила Кэт, — но решит уступить трон мне, я уверена.

Меня передернуло. И с чего они решили, будто я хочу с кем-то соперничать?

— Не нужен мне никакой трон.

— Вот видите? — гордо вздернула подбородок Кэт.

— Похоже, ты понравилась Коулу, потому что он только что на тебя заглядывался. До сих пор заглядывается, — поправила Рен, посмотрев мне за спину. — Скорее всего, Маккензи попытается убить тебя еще до конца недели. Но знаешь что? Коул не стоит таких усилий. Он погубит тебя, разрушит всю твою жизнь.

Поппи крутила между пальцев прядь своих дивных рыжих волос.

— Последняя девушка, на которую он так смотрел, потом год пролежала в больнице загипсованная с головы до ног.

— Какая девушка? — неожиданно для себя спросила я.

— Не было никакой девушки, — нахмурилась Кэт. — Я бы такое запомнила.

— Она права, — печально вздохнула Рен. — Девушки не было. Мы просто проверяли, как ты отреагируешь. Реакция неправильная. — Она повернулась к Кэт. — Ты ей рассказывала, как встречалась со Льдом? Как из-за него тебя едва из школы не исключили?

Кто-то похлопал меня по плечу. Я подняла глаза и встретилась взглядом с темноволосым парнем из класса Засранца. Тем самым, который всех рассмешил и отвлек от меня.

За столом воцарилась тишина.

— Не бойся Маккензи, — заговорил парень. Ага, значит, весь кафетерий заметил ее безмолвное обещание меня уничтожить. — Она неплохо дерется, но лишь пока стоит. Свалишь ее на землю — и считай, что уже выиграла. — С этими словами он выпрямился и пошел прочь.

В замешательстве, я повернулась к девочкам. Все четверо глядели на меня, открыв рот. Кэт, Поппи и Рив — с благоговением. Рен — так пристально, что мне стало не по себе.

Я только руками развела.

— Что?

— Коулу о-очень не понравится, что у него появился соперник, — с ухмылкой ответила Кэт. — Это был Джастин Сильверстоун, и он никогда ни с кем не разговаривает, кроме своей сестры. А ты определенно не его сестра.

Поппи кивнула с энтузиазмом.

— Я честно думала, что он гей.

— Он не гей! — возмущенно стукнула ее Рен.

Рив положила руки на стол и наклонилась ко мне.

— Так как тебе это удалось, Али?

— Что удалось? — переспросила я, совершенно сбита с толку.

— Привлечь его внимание, — пояснила Рен голосом не менее жестким, чем взгляд ее глаз цвета карамели. — Джастин круглый отличник, не пропустил ни дня занятий, у него уже все будущее распланировано. Он много путешествует. Не то чтобы ты не могла заинтересовать кого-то вроде Сильверстоуна, но он такой замкнутый.

Я неловко поерзала на стуле.

— Да не пыталась я его привлечь. Единственный парень, с которым я здесь говорила — Лёд, и то лишь потому, что он сам меня подкараулил.

— Угу, — с недоверчивым весельем промычала Кэт. — Что ж, давай поглядим, заметил ли Коул твоего неожиданного гостя.

Я в ужасе распахнула глаза и попыталась схватить ее за руку.

— Не надо...

Поздно. Кэт уже повернулась. И секундой позже уронила челюсть.

Не выдержав, я тоже посмотрела в ту сторону. Увиденное шокировало меня до глубины души. Не я одна сегодня удостоилась смертоносных взглядов. Коул так смотрел на Джастина, словно хотел содрать с него кожу и попрыгать на ней как на танцевальной платформе.

— Это вовсе не из-за меня, — выдавила я.

Такого просто быть не может.

Но где-то в глубине души надеялась, что все же может.

Глава 4

Что за чертова, чертова чепуха!

В ту ночь я устроилась на подоконнике, вглядываясь в темноту. К моему изумлению, ни Коул, ни Маккензи не искали со мной встречи, не обмолвились со мной ни словом. Равно как и остальные их друзья. И этот парень — Джастин — тоже больше не подходил. И если кто-то кому-то что-то обо мне и сказал, я этого не слышала.

Итак. Либо Маккензи передумала меня "проучить", или что там она считала нужным сделать, либо кто-то ее остановил. Коул? Тогда это значило бы, что она его послушалась и ей важно его мнение... а он приказал ей держаться от меня подальше. Но это невозможно. Ну, с чего ему меня защищать?

Вздыхнув, я потеряла виски, пытаюсь унять подступающую головную боль. Если не перестану обо всем этом думать, то у меня просто мозг взорвется. Вдобавок, есть проблемы поважнее. Я провела остаток дня с Кэт, доехала домой на автобусе... снова не поднимая глаз на окружающих... и заперлась у себя в комнате. В итоге бабушка с дедушкой все-таки позвали меня, чтобы расспросить, понравилась ли мне новая школа, завела ли я друзей. Повисла неловкая пауза, а родные всё смотрели на меня, словно ожидая подробного отчета. Смутившись в миллионный раз за день, я совершила ошибку, рассказав им о своем опоздании и нотации от мистера Б. (Честно говоря, я уже забыла, как его на самом деле зовут, а сознаваться бабушке с дедушкой, что окрестила учителя Засранцем, как-то не хотелось).

Разумеется, они тут же осведомились, не надо ли им позвонить психологу-консультанту и сообщить, как со мной грубо обошлись. А заодно потребовать, чтобы учителя сильно на меня не наседали. Конечно, мило с их стороны, но я ответила категорическим яростным отказом, чем, наверное, удивила бабушку с дедушкой, но, по крайней мере, они не стали настаивать. Лучше умереть, чем прославиться на всю школу как "Пино Гриджо" (так меня называли родители каждый раз, как когда я на что-то жаловалась. Эм в таких случаях именовали "Пино Нуар").

Итак, ужин съеден, посуда помыта и убрана, бабушка с дедушкой мирно уснули в своей комнате, а я снова закрылась у себя. Золотой полумесяц и целая россыпь звезд сияли на безупречном черном бархате неба. Легкий ветерок раскачивал ветви и листья, придавая всей этой красоте какой-то сверхъестественный оттенок.

Я заступила на уже привычное еженощное дежурство и принялась напряженно ждать, вглядываясь в темноту, надеясь хоть краем глаза увидеть мою монстроподобную невесту. Пока безуспешно.

Прождав так... о, всего-то несколько часов, я уже начала зевать — усталость грузом давила на плечи, — но упорно продолжала сидеть дальше. Мне хотелось окончательно убедиться, что монстры существуют... или наоборот, не существуют.

Любопытный факт, который я отметила за время бдений: мое Невестище являлось не каждую ночь, а где-то примерно раз в семь-четыренадцать дней. Я вела записи, решив, что ее визиты как-то связаны с определенной фазой луны, но нет. Луна оказалась ни при чем. Похоже, чудище вообще появлялось спонтанно. Но, даже не видя ее, я чувствовала, словно она... или кто-то еще... за мной наблюдает.

Паранойя, точно. Я даже не была стопроцентно уверена, что Невестище действительно

где-то там бегают. Но однажды... может, даже сегодня... выясню наверняка, если продолжу придерживаться плана.

Каждое утро я обшаривала лес позади дома и иногда находила следы. По большей части большие, словно сюда приходил мужчина в сапогах. Но были и поменьше, словно от женских теннисок.

Эти следы, по идее, должны были убедить меня, что я не свихнулась, но в глубине души все равно оставался страх. А вдруг я вижу то, что хочу видеть, вдруг эти следы лишь плод моей фантазии? Или... может, это просто какие-то ребята играли в прятки, а я, дурочка, тут монстров себе понавыдумывала?

"Да-да, отца ты тоже когда-то считала дурачком", — с горькой усмешкой подумалось мне.

Прошел еще час, а я все сидела и ждала.

И еще несколько часов. "Боже, дай мне сил". Если Невестище и сегодня не появится, то стану выглядывать ее завтра — и послезавтра, и послепослезавтра — столько, сколько понадобится. И не сдамся.

Ладно, ближе к двум часам ночи, я все же стала подумывать о капитуляции. Невестище редко приходила после двух, а у меня и так глаза закрывались, и челюсть уже болела от зевков. Я боролась с разочарованием, злостью, но, если честно, была немножко рада. Раз нет монстров, значит, не придется с ними сталкиваться.

Да-да. Мой план подразумевал близкое знакомство с тварью.

Я встала, в последний раз оглядела лес. Сейчас лягу, прочитаю немного и... за деревом мелькнуло белое платье. У меня перехватило дыхание, а по спине поползли ледяные пальцы ужаса. "Ладно, выходит, все-таки придется с ней столкнуться".

Уровень адреналина в крови подскочил, побуждая меня поторопиться. О том, чтобы остаться дома и не высовываться и речи быть не могло.

Я схватила бейсбольную битку, позаимствованную у бабушки.

Надо было уже давно с этим разобраться, но я позволяла страху и воспоминаниям о случившемся после аварии управлять мной. Но теперь я умнее, сильнее. Смогла пережить первый день в новой школе. Значит, смогу набраться смелости, высунуться в страшные сумерки и выяснить, что же там носится по лесу.

— Прости, пап, но придется нарушить твои правила, — прошептала я.

"Монстры хотят сожрать твою плоть, органы, — словно донесся до меня его голос из прошлого. — Если эти твари тебя увидят, то попытаются поймать. А если поймают, то примутся пожирать".

"Откуда ты знаешь? — помнится, спрашивала я. Не потому, что не верила, а просто пыталась поймать отца на слове и показать ему, как он заблуждается. — За тобой хоть раз охотились?"

"Несколько раз, но им так и не удалось меня поймать".

"Так если тебя ни разу не ловили, откуда ты знаешь, чего они захотят?"

"Я чувствовал их злобные намерения".

"Пап, ты не можешь..."

"Могу. Вдобавок несколько лет назад я нашел книгу, где все о них написано".

"И ты веришь какой-то книге? Да это наверняка все выдумки".

На миг папа задумался. "Ну... нет. Там говорится, что ружьями монстрам не навредишь — но ведь ружьем кому угодно навредишь. И я поговорил с остальными, такими, как я..."

"Ага, в чате, — сухо вставила я. — Где ты, сорокалетний мужчина, прикидывался семнадцатилетней девчонкой. Клево".

"Да, и все они там сказали то же. Что монстры хотят нас сожрать".

Я затолкала воспоминание обратно на задворки памяти, где уже теснились вина, скорбь и миллион других вещей, и на цыпочках спустилась с лестницы. Вышла через заднюю дверь и замерла на крыльце, давая глазам привыкнуть к темноте. Духота ночи обволокла меня жарким одеялом, которое невозможно было стряхнуть. Стрекотали сверчки, пели цикады. Шуршали листья, перебираемые ветром.

Я вдыхала ароматы ночи... и уловила самый мерзкий запах на свете. Честно, даже если сунуть голову в задницу дохлой лошади, и близко такой гадости не почувешь. (Нет, я не проверяла. Но сильно подозреваю). Словно тухлые яйца смешали с собачьим дерьмом и приправили струей скунса.

Крепче сжав биту, я осмотрела двор. Кузнечики прыгали во все стороны. Когда деревья качались, соломенно-желтый лунный свет танцевал с колеблющимися тенями... но на меня так никто и не выпрыгнул.

Ладно. Хорошо. Я смогу, я справлюсь. Медленно, шаг за шагом, я приблизилась к ограде. Меня так трясло, что чуть руки-ноги не сводило, но я заставила себя двигаться дальше.

Наконец я добралась до калитки, ведущей в лес. По спине стекали капельки пота, больше всего на свете хотелось убежать обратно в комнату. Я снова прислушалась, вдохнула эту жуткую вонь и закашлялась. Она стала сильнее, висела в воздухе и буквально обжигала горло.

Трясущейся рукой я отперла задвижку. Когда калитка со скрипом отворилась, я подняла биту и встала в боевую позу, словно сейчас забью неведомого противника до смерти — кроме шуток! Прошла, казалось, вечность... но ничего не случилось. Никто не попытался на меня напасть.

"Ну же, Белл. Ты справишься, помнишь?" Сантиметр за сантиметром я выползла за пределы ограды, миновала кусты и ступила в чащу, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Я же видела мельком это подвенечное платье... вот... тут.

Замах...

Пустота. Ничего.

Я замерла, руки дрожали. Лунный свет не мог пробиться сквозь густые кроны деревьев, и в темноте не было видно, есть на земле следы или нет. Сердце загрохотало в груди, затем внутри меня словно вспыхнула какая-то искра, крохотный электрический импульс.

Позади хрустнула ветка.

Я резко развернулась, замахнулась... снова ничего. Я сглотнула, пытаюсь протолкнуть вставший в горле комок.

Никогда не могла понять этих дурочек из фильмов ужасов, которые, услышав страшные звуки, прутся в одиночку посмотреть, что же там такое... и в итоге их или режут или мучают. Всегда думала, что, вызови они полицию, дождись помощи... да чего угодно... могли бы избежать такой ужасной участи.

А теперь я их поняла. Ну, кому я могла рассказать о своих подозрениях? Все бы решили, что я чокнутая, как отец. Меня бы заперли, накачали медикаментами... забросили.

Так что я смирилась с неизбежным, совсем как очередная дурочка из ужастика, и отправилась дальше в лес. И еще дальше...

Снова за спиной хрустнула ветка, снова я развернулась, занеся битую для удара... и снова на меня никто не кинулся, но на этот раз я что-то увидела.

И едва не упав, с трудом выдохнула:

— Эмма?

Сестренка стояла всего в нескольких шагах от меня: темные волосы завиты в кудряшки, розовая воздушная пачка облаком клубится вокруг талии. Пострадавшая в аварии щека совершенно невредима. Ни шрама, ни царапины. Лишь здоровая, загорелая кожа.

Недовольная гримаска кривила ее похолодевшие на розовый бутон губы.

— Тебе нужно вернуться в дом, — сказала Эм полным страха голосом и посмотрела куда-то себе за плечо. — Алиса, сейчас же.

Реальность происходящего просто поражала. Я даже уловила детский аромат сестренки, такой свежий, что он каким-то образом заглушил вонь гнили. Спотыкаясь, я подошла к Эм и потянулась к ней.

— Алиса, — нетерпеливо повторила сестренка.

Мои руки прошли сквозь нее, как сквозь туман.

От разочарования хотелось закричать. Это всего лишь галлюцинация. "Хотя какая разница?" Эм здесь, со мной, а я так по ней скучала. Так что, да, если здравый смысл решит пробудиться и прогнать это видение прочь, я просто так не сдамся. Моя Эм. Здесь.

— Как ты, сестренка?

— Тебе нужно вернуться, Алиса. Уже почти слишком поздно.

— Слишком поздно для чего? — Я бы все отдала, лишь бы обнять Эм, обнять крепко-крепко и никогда больше не отпускать.

Полные слез янтарные глаза встретились с моими.

— Пожалуйста!

Я сделаю ради нее что угодно — только пусть не просит расстаться с ней.

— Ты пойдешь со мной?

— Алиса! Прошу, ты должна... — Ее образ замерцал, а голос стал затихать. — Пожалуйста.

— Нет! — крикнула я. На секунду увидеть любимую сестру, чтобы миг спустя ее потерять... разве есть что-то ужаснее? — Не уходи. — "Ты мне нужна. Настоящая или нет — неважно".

Но Эм уже исчезла, ее сладкий аромат развеялся в воздухе. Перепугавшись, я закрутилась на месте, выглядывая, куда же она подевалась.

Сокрушающее разочарование сменилось дарящей жизнь надеждой. Может, Эм ушла не навсегда? Может, она не просто так зовет меня в дом, а хочет поговорить там?

Я пулей промчалась обратно по лесу, захлопнула за собой калитку и влетела в дом. Бегом поднялась по лестнице, не волнуясь, слышат меня родные или нет. Кажется, целая вечность прошла, пока я добралась до спальни и влетела внутрь.

— Эмма?

Тишина. Я обыскала все, каждый уголок и щелку, но... сестры здесь не было.

Я ждала пять минут, десять — но она все не появлялась.

Значит... и не собиралась?

Надежда умерла, разочарование обрушилось с новой силой. Мой подбородок задрожал.

— Эмма, — позвала я.

Но тишину нарушал лишь тихий шелест потолочного вентилятора.

Отстраненно я заметила, что оставила шторы открытыми, и пошла их задернуть.

Но едва коснувшись пальцами ткани, застыла на месте.

Невестище и, по всей видимости, ее Жених, стояли прямо за калиткой, залитые лунным светом. И пялились на меня, оскалив зубы — очень острые зубы.

Ее свадебное платье превратилось в грязные ошметки, глаза запали. Кожа изрыта, как после оспы, сквозь поры сочится что-то черное. На голове не было фаты — но там вообще-то и волос особо не было, только редкие длинные пряди с запутавшимися в них листьями.

Мужчина рядом с ней стоял в столь же рваном и грязном смокинге. Те же запавшие глаза, изрытая кожа и жидкие волосы. По подбородку Жениха стекала и капала странная черная жижа.

Невестище резко вытянула вперед руку, словно пытаюсь до меня дотянуться.

Я отпрянула, споткнулась, да так и села на пол. От удара мозг заработал и, возможно, проснулся здравый смысл. У монстров был шанс на меня напасть, однако они им не воспользовались. Значит, это просто чья-то шутка. Небось, два чудака вырядились в лохмотья и специально разрисовали лица. Но... кто бы стал так шутить? Кому бы пришло в голову заниматься подобным, да еще так долго? Кто знал, что именно это для меня мучительнее всего?

Да никто.

Похоже, придется поработать над моей теорией. Собравшись с духом, я заставила себя встать и подойти к окну, осторожно выглянуть... но парочка исчезла. Пропала.

Я едва не застонала с досады.

Какого черта происходит? Что я видела? И как могла говорить с сестрой?

Упав на колени и обхватив голову руками, я подумала, что стала еще хуже папы. Нет смысла это отрицать или надеяться на лучшее.

"Ох, папа". Мне стоило обходиться с ним мягче. Проводить больше времени в его обществе. С большим пониманием относиться к психозам отца, больше сопереживать. Успокаивать, а не жаловаться на него.

Стоило. Вот только это понимание несло с собой боль, а не утешение.

Глава 5

Смертоносный кролик возвращается

На следующее утро мои глаза болели от усталости, когда я шла по коридорам школы Ашер. "Вперед, Тигры!" На стенах появилось еще больше плакатов, и теперь к ним добавился серпантин. Я просидела всю ночь у окна, отчаянно желая увидеть Эмму и пугаясь мыслей о воображаемых монстрах.

Серьезно, я такая жалкая?

Я знала, что не могла долго функционировать без сна. Мои мысли превратились в кашу... очевидно... и мое тело налилось тяжестью, шаги давались с трудом. Последнее подтвердилось, когда я столкнулась с кем-то. Девушкой, которую я не узнала. Я пробормотала извинения, и она убежала, не сказав ни слова.

"Подумаешь об Эм, монстрах и своем идиотизме позже. Сначала переживи этот день". Хороший совет. Скрестив руки, я послушалась и повиновалась. Вообще-то, был способ гарантировать мое послушание. Кэт. Она могла бы меня отвлечь. Только вот, пробираясь сквозь толпу, я обнаружила, что вместо нее ищу Коула Холланда.

Мои ладони вспотели, когда я приблизилась к коридору, где видела его вчера. Вдалеке я слышала, как открываются и закрываются шкафчики, разговоры и смех, стук ботинок. Ближе... неужели он снова там? Я расправила плечи, заворачивая за угол, готовясь на всякий случай к столкновению.

Хорошо. Он был там.

"Веди себя спокойно, Белл". Он прислонился к шкафчику, засунув руки в карманы джинсов. На нем была синяя кепка. На его лицо падали тени, скрывая великолепные фиолетовые глаза, но я увидела свежий синяк на подбородке и царапину на нижней губе.

Он подрался.

На нем была черная футболка, неприлично обтягивающая его накаченные мышцы. Ремень на талии, и я готова поклясться, что на его конце были следы засохшей крови. Свежеотполированные ботинки, но сильно потертые.

Рядом с ним стояли его друзья, хотя на этот раз их было не так много. У каждого из них были синяки... на лице, шее, руках, костяшках пальцев... кто-то выглядел хуже, чем другие. Оба запястья Льда были забинтованы, скрывая его татуировки.

Ладно, серьезно. Они, наверное, были членами бойцовского клуба.

— Привет, Али. — Упс. Лёд заметил, что я пялилась на него. Вместо того чтобы указать на это, он одарил меня широкой улыбкой. — Хорошо выглядишь сегодня.

— Спасибо, — ответила я, стараясь не нервничать. Ладно, я надела свои лучшие джинсы и серо-белый кружевной топ, который делал мою грудь больше, чем она была на самом деле. Ну и что. Это ничего не значило.

— Почему бы тебе не исполнить свою мечту и не поговорить с нами? — добавил он, таким мягким, очаровательным и сладким, как сахарная вата, тоном.

Я посмотрела на Коула, гадая, не позовет ли он меня подойти ближе. Теперь он тоже смотрел на меня, но не улыбался. Он хмурился.

В тот момент, когда наши взгляды встретились, весь остальной мир исчез...

... мы стояли в центре теперь уже пустого коридора. Его сильные руки обнимали меня, притягивая ближе к своему телу. Тепло окутало меня, от него пахло высушенным на солнце

белым и сандаловым деревом. На этот раз запаха клубничной конфеты не было, но это не имело значения. У меня все равно потекли слюнки.

Фиолетовые глаза смотрели на меня, как будто я была самой прекрасной вещью в мире.

— Прикоснись ко мне.

Я тут же подчинилась, проведя пальцами по его груди, шее и волосам. Никакой кепки. Никаких синяков.

— Вот так?

— Да, вот так. — А потом он поцеловал меня, проникая языком в мой рот и беря под свой контроль.

Наши головы двигались в разные стороны, делая поцелуй глубоким. Щетина на его челюсти царапала мою кожу, но даже это было волнующе, чудесно и совершенно маняще.

Мой второй поцелуй, ошеломленно подумала я, и он был даже лучше первого. На вкус он был, как мята и корица, и я решила, что это сочетание — мой новый любимый вкус. Необходимое начало каждого дня. А его руки... о, что он делал своими руками.

Он точно знал, что делает. Очевидно, у него был опыт, большой опыт, играть на девушке, как на пианино.

Игра... это слово пронеслось у меня в голове. Было ли это для него игрой? Или что-то большее? Например, отношения? Заговорит ли он со мной, когда поцелуй закончится? Или он не захочет иметь со мной ничего общего? Не подумают ли его друзья, что я легкомысленна? Посмотрите, как быстро я попала в его объятия. Стали бы меня называть шлюхой Ашера, которая целуется со всеми подряд?

Отлично. Просто замечательно. Теперь мои мысли могли вторгаться в мои безумные галлюцинации, и я...

— Эй, Али!

...я моргнула, поцелуй исчез, а весь остальной мир вернулся. Я видела реддеющую толпу, слышала хлопанье шкафчиков вперемешку с топаньем шагов. Я почувствовала коллаж различных парфюмов, некоторые были сладкими, другие пряными.

Передо мной стояла хмурая Кэт.

— Вот и ты, — сказала она. — Вернулась из своего умственного отпуска. Ты знаешь, что стоишь в центре социальной Сибири, мешая пройти?

— Извини, — ответила я.

Она вздохнула.

— Знаю, люди говорят, что извинения — это признак слабости, но я думаю, что это признак силы... когда люди говорят это мне. Просто сделай одолжение, запомни мои следующие слова, как прекрасных бабочек, и никогда не забывай их. Если ты не сотрешь Коула Холланда из памяти, ты окажешься с разбитым сердцем, как и я.

Я не смогла удержаться и оглянулась через ее плечо. Коул...

Шел ко мне, в каждом его шаге чувствовалась решимость. Его лицо было злым. Он сжимал кулаки так, что я увидела стесанные костяшки. Должно быть, он много дрался прошлой ночью. Мне стало жаль того, с кем он дрался.

"Ты стоишь на месте! Хочешь, чтобы его гнев обрушился на тебя?" Наверное, он хочет знать, почему я продолжаю его преследовать.

Я думала, что сегодня поведу себя по-взрослому, но нет. Как трусиха, я быстро сказала:

— Спасибо за совет. Правда, я обязательно воспользуюсь им. — Буквально. — Увидимся за обедом, хорошо? — Прежде чем Кэт успела засыпать меня вопросами, я

развернулась и направилась в противоположном направлении, проделав долгий путь до женского туалета перед первым уроком. К счастью, Коул так и не догнал меня. А может, он даже и не пытался, что более вероятно. С такими мускулами, как у него, он мог бы обогнать гепарда.

Наклонившись над раковиной, я побрызгала на лицо холодной водой, быстро вытерлась бумажным полотенцем, пока ни одна капля не намочила рубашку, и изучила свое отражение. Мои щеки были румяными, нижняя губа красной и распухшей. Должно быть, я жевала ее во время видения.

"Это лучше, чем, если бы Коул ее жевал, верно?"

Времени на то, чтобы придумать правдоподобный ответ, не было. Маккензи Лав вошла в женский туалет, явно с каким-то заданием. Сегодня ее темные локоны были собраны в высокий хвост, несколько прядей спадали на лицо. Ее макияж был безупречен, за исключением сине-желтого пятна на левой щеке. Пятно, подозрительно похожее на синяк. На ней был топ на пуговицах с длинными рукавами и мягкие, струящиеся брюки. Стильно, удобно, но совершенно неуместно для жары на улице.

Как хищник, она сузила глаза и сократила расстояние между нами. Должно быть, это и есть тот самый "угроза", о которой меня предупреждала Кэт.

— Я не знаю, кем ты себя возомнила и что ты делаешь, — огрызнулась она, — но я убью тебя, если ты причинишь вред одному из моих друзей.

Да. Это было оно.

— Кажется, мы не знакомы, меня зовут Али Белл, и занимаюсь своими делами. Тебе тоже стоит попробовать. — Поскольку Маккензи была на несколько дюймов ниже меня, ей пришлось поднять голову, чтобы встретиться со мной взглядом. В кои-то веки мой рост сделал меня безумно счастливой.

Она нахмурилась и оскалилась идеально ровными белыми зубами.

— Тебе лучше следить за своим языком. Поверь, ты не хочешь увидеть меня в гневе.

— Или что? Ты вырастешь на несколько дюймов, накачаешь мускулы и позеленеешь? — Извините, но я не была человеком, которого легко запугать. За исключением кого-то с черными волосами и фиолетовыми глазами, конечно.

Маккензи нахмурилась, пытаясь придумать ответ. Готова поспорить, что я первая, кто когда-либо выступал против нее. Хотя я не могла представить, чтобы Кэт струсила или отступила перед кем-то.

— Я не хочу опаздывать на урок, — сказала я, решив закончить все здесь и сейчас, — так что, может быть, найдешь меня позже и скажешь мне любое оскорбление, которое придумаешь.

Я пронеслась мимо нее... она все еще хмурилась... и увидела Коула в конце коридора. Чудо из чудес, он последовал за мной.

Он заметил меня и направился ко мне. Мне просто не могли дать передышку, да? Звонок прозвенел, когда я поспешила к нему. Да, к нему. Хорошей новостью было то, что мне не придется иметь с ним дело. Прежде чем он смог поймать меня, я добежала до своего класса и влетела внутрь, закрыв за собой дверь.

Конечно, я снова опоздала. Мистер Засранец заставил меня встать перед классом и извиниться. Это было бы не так уж плохо, но через окно в центре двери я увидела, как Коул смотрит на меня. Либо это его обычное выражение лица, либо у меня большие проблемы.

Только когда села на свое место, я потеряла его из виду. Какое облегчение! Я успешно

избежала двух столкновений с ним. Теперь мне предстояло избегать его всю оставшуюся жизнь. Я никак не могла объяснить, что дважды произошло в том коридоре. Не вспыхнув от смущения. Никак не могла объяснить, почему это произошло, или даже как.

Я не видела его по пути на второй или третий урок, и каким-то образом мне удалось сдержать клятву, данную мисс Мейерс. Очко в мою пользу! Когда прозвенел звонок на обед, я ожидала, что Лёд и Бронкс будут поджидать меня. Но их нигде не было. Два очка! Я ожидала, что Коул выйдет из ниоткуда и попытается поймать меня, но он этого не сделал. Победа! Похоже, обо мне забыли.

Запихнув учебник и конспекты в шкафчик, я пошла в столовую. Кэт, скорее всего, спросит о том, что было сегодня утром, а объяснять, что я представляла себе, как занимаюсь сексом с другом твоего бывшего, не хотелось. Она задаст новые вопросы, а у меня все еще не было ответов. Ну, кроме того, что у меня серьезные проблемы.

Не успела дойти до дверей столовой, как на моем пути возникла Маккензи. Я едва не врезалась в нее.

— Ты куда не пойдешь, — сказала она. — Не в этот раз.

— Нам действительно нужно проводить еще одну беседу? — спросила я, вздохнув. Я обнаглела, когда сказала ей, чтобы она нашла меня позже.

— Да. Нам нужно "провести еще одну беседу", — передразнила она. — Я видела, как Коул ждал тебя возле туалета. Ты убежала от него. Почему? — Маккензи даже не пыталась скрыть свою ярость. — Считаешь себя недотрогой? Для этого уже поздно. Насколько мне известно, ты не можешь отвести от него глаз.

Жар обжег мои щеки. Неужели Коул рассказал что-то своим друзьям или они что-то растрепали. В любом случае, люди заметили.

— Почему тебя это волнует? — огрызнулась я, прерывая ее. — Как я слышала, ты с ним больше не встречаешься.

Ее глаза начали гореть от злости, будто в них взорвалась бомба.

— Ты понятия не имеешь, что происходит между мной и Коулом.

— Ты права. И это меня не касается, — сказала я, не обращая внимания на то, что какая-то часть меня хотела знать правду.

Она прикрыла глаза.

— Я уже сказала, что убью тебя, если ты причинишь ему вред. Это все еще, правда. Но теперь, советую тебе держаться от него подальше, иначе я вытру пол твоим лицом, прежде чем причиню боль.

Ладно, с меня хватит. Она подтолкнула меня прямо к краю моего терпения.

— Если ты хочешь, чтобы я расплакалась и пообещала сделать все, что ты хочешь, попробуй угрожать чем-то более оригинальным. — Более здравомыслящий и рациональный человек упомянул бы тот факт, что мы с Коулом никогда не говорили друг с другом... и явно не собирались этого делать.

Но в последнее время я была не совсем в здравом уме.

Она встала на цыпочки, чтобы посмотреть мне прямо в глаза.

— Я способна на такое, что ты даже представить себе не можешь.

— Могу сказать то же самое о себе.

— Смелые слова. Покажи же мне, на что ты способна.

— Может, уже отстанешь от нее, Цветочек, — раздался сзади знакомый голос.

Маккензи нахмурилась.

— Бездомная кошечка. Мчишься на помощь бедной подружке?

Ухмыляясь, Кэт подошла ко мне.

— Именно. Но для начала кое-что проясню, я пришла на помощь тебе. Моя Али ниндзя. Когда я встретила ее в первый раз, вокруг нее валялись люди и стонали от боли. И это правда. Кроме того, я не хочу, чтобы ее отстранили от занятий через два дня только потому, что она оказала услугу всей школе и накормила тебя твоими собственными зубами. Тем более, такие как Коул — это твой круг общения. Она не виновата, что он практически съел ее глазами. На самом деле, я удивлена, почему он еще не съел Али, ведь она такая аппетитная.

Маккензи сжала кулаки. Я на всякий случай встала перед Кэт. Никто не ударит моего друга и останется живым, чтобы об этом рассказать. Это был мой новый девиз, которого я собираюсь придерживаться.

— Теперь у тебя проблемы, — пропела Кэт.

Маккензи медленно разжала пальцы.

— Ты этого не стоишь, — огрызнулась она на брюнетку.

— Думаешь? Спроси у Льда, — сказала я. — Она стоит всего.

Смеясь, Кэт помахала Маккензи, взяла меня под руку и развернула, ведя нас к пустому столику. Маккензи осталась на месте, о чем-то задумавшись.

— Как ты, наверное, уже поняла, в этом месте есть только два человека, у которых хватит смелости противостоять ей, и я одна из них, но я и представить себе не могла, что второй окажешься ты, — сказала Кэт, в ее голосе звучало ликование. — Я так рада, что мы встретились летом.

— Я тоже. — Я заметила, что все в столовой смотрят на нас, молча, даже не двигаясь. Я потерла ладонями о бедра — это помогло мне успокоиться. Неужели они слышали наш разговор с Маккензи?

Зашагав быстрее, я заметила Коула. Он сидел за тем же столиком, что и вчера, в окружении своих друзей. На несколько секунд мы встретились взглядами. Я затаила дыхание, ожидая видения. Но... оно так и не появилось.

Не знаю, чего он ожидал... и ожидал ли он вообще чего-нибудь; на его лице не отразилось никаких эмоций, пока Маккензи не подошла к его столику и не села рядом с ним. Она обхватила его лицо и пальцами погладила его щеки. Нахмурившись, он вырвался из ее объятий, и между ними завязался негромкий, сердитый разговор. По крайней мере, думаю, что это был гнев. Он сменил хмурый взгляд на угрожающий. Почесал затылок, будто сдерживался от того, чтобы не задушить девушку.

— И она отправляется в очередной умственный отпуск, — пробормотала Кэт.

"Возьми себя в руки, Белл".

— Прости, — ответила я.

Рен, сидевшая за нашим столом, сказала:

— После этого ты не сможешь отрицать, что не заинтересована Коулом.

Ну, отлично. Я так отвлеклась, что не заметила ее. По крайней мере, сегодня она не выглядела угрюмой; лицо выражало умиротворение. Но... на ней была рубашка с бахромой?

Рив и Поппи сидели рядом, вся компания оказалась в сборе. Они тоже, похоже, недели бахрому. Неужели я каким-то образом начала (ужасную) тенденцию?

— Нет, — сказала я. — Он мне не интересен. — Я уже становилась одержимой им.

— Ох. — Плечи Рен поникли, словно она была цветком, который оставили в вазе без

ВОДЫ.

— Мне казалось, ты сказала, что мне нужно держаться от него подальше.

— Я передумала, — весело сказала она, накручивая пряди своих волос. — Вы были бы потрясающей парой. Просто потрясающей. — Теперь она звучала слишком весело.

Я не знала, что об этом думать, поскольку слышала, что она считает его худшей из неприятностей.

— Али, Али, Али, — сказала Кэт и цокнула языком. — Не грусти. Ты принимаешь правильное решение. Коул однажды съел фунт ржавых гвоздей и утверждал, что на вкус они как слезы единорога, смешанные с пылью фей. Честно-честно. Я была там.

Рив кивнула.

— Меня там не было, но я могу в это поверить. Однажды я видела, как он избил учителя за то, что тот спросил его, чему будет равна функция X минус Y .

— Парня положили в больницу на три месяца, — сказала Поппи, постукивая ногтем по подбородку. — Или это был студент, которого он отлупил за то, что тот посмел ответить лучше, чем он?

— Возможно, и то, и другое. Он избил достаточно людей, чтобы основать новую страну. А для тех, кого он бил в горло, можно создать соседний город. — Хрупкие пальцы Рив дрогнули на ее собственном горле, как будто она испытывала боль. Затем она добавила: — В последний раз, когда он это сделал, это была самая потрясающая вещь, которую я когда-либо видела, — и усмехнулась. — О, о. — Она хлопнула в ладоши. — Думаю, это видео еще на YouTube. Дай мне свой номер, я скину тебе ссылку.

— Может быть, Али повезет, и Коул не отшлепает ее, — сказала Рен.

Все остальные девушки разразились смехом, отчего щеки Рен покраснели.

— Уверена, она первая, с кем он так поступит, — сказала Кэт с усмешкой. — Он, наверное, уже тысячу раз представлял себе это.

Мои щеки покраснели, и я сделала мысленную пометку: "Как только вернешься домой, наведи справки о Коуле Холланде". Я не поверила даже половине того, что рассказали мне эти девушки. Тем не менее, мое любопытство разгорелось.

Хотя я не была уверена, как долго еще у меня будет телефон, я продиктовала девочкам свой номер. Дело в том, что мои бабушка и дедушка, вероятно, не будут продолжать оплачивать счет.

Они любят говорить: "Зачем тебе мобильный телефон, если у нас дома есть стационарный?" Я знала, что они оплачивали его летом, потому что мобильный был последней вещью, которую родители купили мне, и я бы сошла с ума без него.

В нем хранились фотографии Эммы, а также ее сообщения. Даже когда она была совсем маленькой, у нее был свой телефон, потому что папа хотел, чтобы мы всегда были на связи, на всякий случай. И нет, я не посмотрела ни одной фотографии и не прочитала ни одного сообщения, у меня просто не хватило духу. Пока что. Но однажды я это сделаю. Надеюсь.

— Вот. Съешь это. — Кэт протянула мне половину своего бутерброда с арахисовой пастой. — Если я знаю свою Али, а я уверена, что знаю, то ты проигнорируешь мой прекрасный совет и будешь играть за Коула. И если ты собираешься преследовать такого человека, как он, тебе нужно поддерживать свои силы.

— Я не буду его преследовать. — Я же не настолько сумасшедшая? — Но спасибо за бутерброд. — Я забыла про свой обед и съела бутерброд, как будто это была манна небесная. — Итак... вы с кем-нибудь встречаетесь?

— Да, — ответила Рен. Она пила воду из бутылки. — Он окончил школу в прошлом году и теперь учится в Англии. Я обычно вижу его по выходным. Он учится на медика, а я планирую стать медсестрой. Когда он окончит университет, мы поженимся, и наша жизнь будет идеальной.

Поппи пожала плечами.

— Пошел только первый месяц учебы, и я пока что свободна, осматриваюсь, хожу по магазинам, пока не найду того, кто мне нужен. К сожалению, в этом году нет претендентов.

Рив перекинула свой хвостик через плечо.

— У меня никого.

— Не лги Али. — Кэт ткнула в нее пальцем. — Когда она и Коул пожениются в тюрьме, потому что мы все знаем, что Коул будет именно там, она найдет тебе кого-нибудь. — Яркие карие глаза посмотрели на меня, пригвоздив меня к месту. — Она влюблена в Бронкса уже два года.

Ее слова удивили меня. Я никогда бы не догадалась.

— Но он похож...

— На серийного убийцу? — спросила Кэт, изогнув бровь.

Ну, да. Но не мне судить об этом. Бронкс, может, и производил впечатление серийного убийцы, но я была одержима парнем, которого он считал своим лидером.

— Я пыталась переубедить ее, — сказала Рен.

— Много раз, — добавила Поппи, кивнув.

Рив покраснела. Она подняла подбородок и сказала:

— Бронкс более чем ясно дал понять, что я его не интересую, так что мои чувства не имеют значения.

Открыв бутылку с водой, Рен сказала:

— И сколько раз я говорила, что без него тебе будет лучше?

— Очень много раз, — повторила Поппи.

— Кроме того, — продолжала Рив, — я решила сказать Джону Клэри "да" и теперь мы идем на свидание.

— Джон Клэри! — сказали девочки в унисон.

Затем:

— Он так идеально тебе подходит!

— Такой красавчик!

— Он может поднатаскать тебя по математике!

Мне нечего было предложить. Я понятия не имела, кто такой Джон Клэри.

Пока девчонки задавали ей миллион вопросов, прозвенел звонок, давая понять, что пора идти в класс. Бедная Рив. Она чувствовала себя комфортно, будто стояла обнаженной перед классом, рассказывала доклад о Салемском суде над ведьмами и используя собственное тело в качестве наглядного пособия для пыток.

Попрощавшись, я встала. Повернувшись, я с кем-то столкнулась. Я пробормотала извинения, прижав руки к твердой груди, пытаюсь восстановить равновесие.

Я забыла, что хотела сказать, когда поняла, что мои руки находятся на груди Коула Холланда.

"Мои руки действительно лежали на груди Коула Холланда".

Я посмотрела вверх... вверх... вверх... это был он. Я резко вдохнула, уловив аромат сандалового дерева и чуть не застонала. Он пах так же, как и во время... О, небесный пот.

Это тоже была галлюцинация? Здесь и сейчас? Я впиалась пальцами в его грудь. Он был твердым, теплым. Что означало... это реальность. Это происходило сейчас.

У меня вырвался вздох, и я попыталась отойти назад, но ударилась о скамью. Я не могла пройти вперед. Он был слишком большим и закрыл проход.

Мой желудок начал делать дурацкие салты, решив, что этого недостаточно, он устроил полноценный цирковой номер на трапеции.

— Так-так, — сказала Кэт чересчур радостно. Остальные девочки хмуро посмотрели на Коула, а затем разбежались. — Ты пришел проводить нас с Али в класс или как, здоровяк?

Челюсть Коула напряглась — верный признак гнева, неприкрытой агрессии и... я могла представить... что он однажды станет чемпионом мира по боксу в тяжелом весе.

— Ну, так что? — сказала Кэт.

— Али. — Его взгляд не отрывался от моего лица.

Одно слово, и все же его голос... взволновал меня. Глубокий, насыщенный и хриплый, как будто мое имя пропустили через мясорубку. Почему это было так возбуждающе? И почему голос, который я слышала сейчас, был таким же, который я слышала в своих видениях?

— Я? — Мой голос был писклявым. — Почему?

Глупый вопрос. Я знала причину.

Слава Богу, он проигнорировал меня, сказав Кэт:

— Отпусти поводок Льда. Ты не даешь ему жить.

Ее глаза сузились — верный признак агрессии.

— Он заслуживает этого. Этим летом он не удержал своего малыша в штанах. — Слова пронзили ее как удар хлыста.

— Это не так, — огрызнулся Коул с непоколебимой уверенностью.

— Так.

— Нет.

— Да!

— Нет, — сказал он, теперь уже спокойно, несмотря на ее растущий гнев.

Моя голова металась туда-сюда, как будто я наблюдала за теннисным матчем, но Коул не сводил с меня глаз, и у меня не было сил отвернуться.

— Да, да, да! — крикнула она, топнув ногой.

Наконец он посмотрел на нее, освобождая меня от силового поля своего потустороннего взгляда.

— Нам что, пять лет?

— Шесть. — Кэт уперла руки в бока. — Тогда скажи, что Лёд был верен мне, потому что ты был рядом с ним каждую минуту?

Он замолчал.

— Так я и думала. Али? — сказала она, и я поняла, о чем она спрашивает. Хочу ли я, чтобы она осталась со мной?

— Все в порядке, — сказала я, все еще писклявым голосом. "Ну же, отрасти пару женских яиц, которые, как думает Кэт, у тебя уже есть. Еще есть время, чтобы одержать победу в этом раунде". Я пережила ад на земле. Это ничем не отличается.

Коул снова посмотрел на меня, ожидая.

— Все в порядке, — повторила я, скорее для себя, чем для Кэт. По крайней мере, мой голос звучал увереннее. Я поговорю с ним, получу ответы на свои вопросы, и, бум, все

вернется на круги своя.

— Просто помни, что я тебе сказала. — Она ушла, оставив меня наедине с Коулом.

Что она мне сказала? Что он опасен... да. Что он все еще тусуется со своей бывшей... да. Что он любит избивать людей и бить в горло... в этом еще нужно убедиться.

— У тебя сейчас урок у миссис Хелдермон, — сказал он, это было заявление, а не вопрос.

— Да. — Я удивилась, и не только потому, что он не злился, как раньше. — Откуда ты знаешь?

Он потер заднюю часть шеи, как делал это во время разговора с Маккензи. Пожалуйста, скажите мне, что это не было признаком раздражения.

— Мой класс находится рядом. Вчера я видел, как ты заходила в ее класс.

А я не видела его... хотя искала. О, как я искала. Либо мне не хватало наблюдательности, либо его способность маскироваться была невероятной.

— Пойдем, — сказал он.

И мы пошли. Все, кто нас видел, оборачивались. Друзей толкали, и их головы быстро поворачивались в нашу сторону. Как будто мы были на экране, где показывали новое реалити-шоу... Последний герой: Старшая школа Ашера... а они были нашими фанатами.

Когда мы оказались вне зоны слышимости, Коул сказал:

— Что бы ты ни делала со мной каждое утро... — в его голосе послышался намек на гнев, — ...тебе нужно прекратить это.

Мой взгляд метнулся к его лицу так быстро, что я чуть не споткнулась.

— Что бы я с тобой ни делала? А как насчет того, что ты делаешь со мной?

— Что я делаю с тобой?

Я не собиралась упоминать о своем сумасшествии, пока он не подтвердит это.

— Это ты мне скажи. — Потому что он мог говорить о чем-то другом. Может он хотел, чтобы я перестала смотреть на него, как я сначала подумала. Может быть, хотел, чтобы я перестала общаться с его друзьями, даже когда они загоняли меня в угол, как бешеное животное.

Мы продолжили идти молча. Я ждала, пока он заговорит первым, но у меня не хватило силы воли, и, в конце концов, не сдержалась.

— Итак... с кем ты дрался?

На секунду заколебавшись, он ответил:

— Ни с кем, кого бы ты знала.

Ииии снова молчание.

Ладно. Он сам со мной хотел поговорить, задал мне два вопроса и теперь ему нечего мне сказать. Я чувствовала... облегчение. Да, облегчение, а не огромное разочарование.

Слишком долго... то есть, мучительную вечность спустя... мы добрались до моего класса и остановились.

— Спасибо что проводил, но давай больше не будет это повторять, — пробормотала я. Мне не нужны ответы. Я могу жить без них.

Он уперся рукой в стену, не давая мне сбежать.

— Прости за Маккензи, — сказал он, и на миг мне показалось, что его злость ушла. — Она больше не побеспокоит тебя.

Ну, это было хоть что-то.

— Я ее не боюсь, — честно ответила я.

Его губы дернулись, будто он боролся с улыбкой.

— А стоило бы. Она может быть... злой. Очень злой.

Как он хотел ее назвать? Неужели это знак? (Кэт бы так гордилась мной. Я даже мысленно не могла ругаться.)

— Я все равно ее не боюсь.

Он улыбнулся.

— Ты хоть раз с кем-нибудь дралась? — Другой рукой он взял прядь моих волос и начал наматывать ее. — Потому что ты похожа на сказочного персонажа.

— На злою ведьму? — Я не могла не спросить.

— Нет. На Принцессу.

Эм, он только что сделал мне комплимент? Не думаю. В его голосе было что-то резкое.

Я заметила двух ребят, стоящих в стороне, которые хотели войти в класс, но не могли, потому что мы стояли у них на пути. Я обхватила запястье Коула и опустила его руку. Ребята обошли нас, но я не отошла от него. Стояла так близко к нему, что чувствовала, как бьется его сердце.

— Да, я дралась, — сказала я, вспоминая, о чем он меня спрашивал. С моим отцом, во время тренировок.

Коул наклонил голову, его фиолетовые глаза были напряженными.

— В рукопашную? — спросил он.

О-о-о. Я увидела его глаза. Теперь попала в настоящую ловушку. Они такие красивые.

— А есть еще какой-то способ?

— Поверь, их очень много. И с кем же ты дралась?

— Ни с кем, кого бы ты знал, — сказала я, подражая его ответу. Если бы я сказала ему правду, он бы подумал, что отец позволял мне побеждать, или, что еще хуже, что я была главной ведьмой, раз дралась с собственным отцом. И я не смогла это опровергнуть!

Он снова усмехнулся. Я забавляла его, и понятия не имела почему. Что же, он сбил меня с толку. Зачем предупреждать о своей бывшей? Зачем пытаться успокоить меня? Зачем делать что-то еще?

Я изучала его лицо, пытаюсь найти ответы, но так и не нашла их.

— Али?

— Да. — Мой взгляд опустился на его губы. Я заметила, что из рассеченной губы виднелась свежая капля крови. Держу пари, он смог бы одолеть моего отца, а на оставшиеся силы воплотить в реальность два моих видения.

— Я спросил, правда ли, что твоя фамилия Белл.

Смена темы заставила меня нахмуриться, но я быстро справилась с замешательством, не обращая внимания на свои глупые мысли.

— Да. Белл. А что?

— Твоего отца звали Филипп Белл. А маму — Миранда Брэдли.

Он сказал, звали. А не зовут. Он знал. Я прокашлялась и выдавила из себя:

— Верно, но откуда ты это знаешь? — Я никогда даже не упоминал их имена при Кэт.

— Мой отец учился с ними.

Кто-то другой знал их и мог оплакивать их потерю. Как странно обнаружить, что у людей, с которыми я прожила большую часть своей жизни, была жизнь до меня, без меня. На каком-то уровне я это понимала, конечно, понимал, но услышать правду — это совсем другое дело.

— Твой отец учился в этой школе?

Он кивнул.

Теперь у меня появились еще около тысяч вопросов. Проводили ли наши родители время вместе? Были друзьями? Врагами? Говорил ли его отец что-нибудь о моем? Как его отец узнал обо мне... рассказал ли Коул обо мне? Но я не задала ни одного вопроса. Если бы спросила, он бы задал свои вопросы, а я не была готова говорить о том, что произошло летом.

— Мой отец хочет знать...

— Спасибо, что предупредил о своей девушке, — перебила я, давая понять, что наши родители не являются предметом обсуждения. Я не была уверена в своей реакции и не собиралась рисковать. — Мне уже пора идти.

Секунду помолчав, он снова кивнул.

— Хорошо. Но, к сведению, Маккензи не моя девушка.

Я не знала, что ему ответить на это, поэтому вошла в класс. Дайте мне золотую звезду... потому что я не стала оборачиваться, чтобы узнать смотрел ли он еще на меня. Но думаю, все же смотрел, потому что моя шея сзади горела.

* * *

Я без проблем добралась до последнего урока и заставила себя выслушать последнюю лекцию на сегодня, об уравнениях и как правильно их расшифровывать... при этом стараясь не думать о Коуле Холланде. Вперед. Наконец прозвенел звонок... и я с грустью осознала, что не стала умнее.

Кэт весь урок смотрела на меня, двигая бровями, и после звонка схватила меня, прежде чем я успела убежать, и потребовала рассказать в мельчайших подробностях о том, что было между мной и Коулом.

Самозатворничество закончилось, и я думаю, что была рада этому. Мне нужен был совет. Я пересказала разговор дословно, и ее волнение улеглось.

— Ладно, я не знаю, как оценивают крутость и отстой в академии Карвера... о, я не говорила, что в прошлом году мы надрали вам задницу и в футболе, и в баскетболе?... но здесь, в Ашере, мы считаем это серьезным отстоем.

Я не обиделась. Мне понравилась ее честность.

— Что я должна была сказать?

Она посмотрела на меня и стала говорить шепотом.

— Коул, ты большой сильный зверочеловек. Я знаю, бугимен думает, что ты выпрыгнешь из его шкафа, но думаю, что ты... Эй, ты подслушиваешь наш разговор, Маркус? — крикнула она. — Да, верное решение. Беги.

Я молча моргала. Никогда не смогла бы назвать Коула зверочеловеком.

— На чем я остановилась? — спросила Кэт. — Ладно, забудь. Судя по твоему выражению лица, ты еще не готова к урокам флирта. Давай я просто подниму тебе настроение. Пойдем в кафе "Белла" и выпьем столько латте, что будем писать кофе целую неделю.

Вдруг я услышала пение ангелов.

— Я бы не отказалась.

Она улыбнулась.

— У меня всегда самые лучшие идеи, верно?

На улице было пасмурно. Густые темные облака, казалось, готовы были разорваться в любой момент... кроме одного. Оно было белым и пушистым, идеальным во всех отношениях... и по форме напоминало кролика.

Кровь в моих венах превратилась в лед, заставив резко остановиться. В последний раз, когда видела такое облако, то потеряла всё и всех, кого любила.

Логически я понимала, что облако не определяет мое будущее и даже не предсказывает его, но...

Мир вокруг вдруг начал вращаться. Машина за машиной проносились мимо меня, парковка извивалась и кипела от размытых движений и неясных звуков. Кто-то сигналил. Кто-то ругался. Я не могла заставить себя двигаться. Я могла только смотреть в ужасе.

— Али?

Голос Кэт доносился издалека, как будто она стояла в конце длинного, узкого туннеля. Стану ли я причиной того, что Кэт попадет в аварию? Погибнет ли она у меня на глазах? Выживу ли я без единой царапины?

Наконец, я взяла себя в руки и отошла в сторону.

— Али? — повторила она.

Я посмотрела на нее. Ее озабоченный хмурый взгляд почти сравнял меня с землей.

— Я не могу, — сказала я, качая головой. — Я просто не могу. Прости. — Мои мысли затуманились, отчего закружилась голова. Я повернулась и побежала, просто побежала, в сторону школы.

Я слышала, как она звала меня, знала, что она побежала за мной. Входная дверь раскачивалась на ветру. Подловив момент, я пробежала через нее и помчалась по коридору. Я не видела доктора Райт, но слышала, как она звала меня. Пройгнорировав и ее, я заметила туалет (для мальчиков), где закрылась в одной из кабинок. Задыхаясь, я села на крышку унитаза, подтянула колени к груди и боролась со слезами.

Прошли минуты, а может быть, часы, но ни Кэт, ни доктор Райт так и не нашли меня.

Что мне делать? Что мне делать, черт возьми? Я уже пропустила свой автобус и не хочу звонить бабушке, чтобы она забрала меня. Просто... я не могла сесть в машину сегодня. Ни с кем. Если бы кто-то умер из-за меня, я бы никогда не смогла избавиться от чувства вины.

"Ты ведь понимаешь, что ведешь себя глупо, верно?"

Да, понимаю. Но помогло ли это мне? Нет.

До моего дома было всего несколько миль. Я решила пойти пешком. Да, это было идеальное решение. Никаких машин, заодно получу столь необходимую физическую нагрузку. Наконец я успокоилась.

Дождь может начаться в любой момент, и, к тому времени, как вернусь домой, я, вероятно, промокну до нитки, но все будут в безопасности. Это главное.

Глава 6

Совет умирающей гусеницы

Ужин был напряженным. Бабуля вернулась домой раньше, и не застала меня дома. Поэтому забеспокоилась. Она звонила мне много раз, но я не отвечала. Знала, что она будет настаивать на том, чтобы приехать за мной, а мои протесты останутся без ответа. Поэтому я сразу отправляла ее на голосовую почту, слушала ее сообщения, и каждый раз писала ей ответ, сообщая, что я уже в пути и со мной все в порядке.

— Какой смысл от телефона, если ты им не пользуешься, — пробормотала она.

— Я пользуюсь им, — сказала хриплым голосом. Мой нос был холодным и заложенным, и если я чихну еще раз, то, надеюсь, сдую эту штуку с лица. — Я писала тебе сообщение. — Несколько раз.

Ее морщинистое лицо скривилось от отвращения, и она стала старше, чем была на самом деле.

— И я не знала, как ответить! Я никогда не вводила в телефон ничего, кроме номера.

— Я научу тебя, — сказала я, и одной этой мысли было достаточно, чтобы заставить меня нервничать. Я уже знала: ей придется много раз поправлять очки, повторять информацию, как будто я говорила по-гречески, пока она, наконец, не попросит меня записать все на понятном ей языке. Но не было такого языка, который она могла бы понять, поэтому мы никогда ничего не добьемся.

— Ты научишь меня? — спросила бабушка.

Видите? Уже заставляет повторять.

— Да.

— Ты, девушка, у которой даже не хватает ума не выходить под дождь, пока я не приеду за тобой?

Подчеркивая собственную глупость, я чихнула.

— Да.

— Все. Я отвезу тебя к врачу. — Она бросила свою салфетку на стол. — Небось, заработала себе пневмонию!

— Я не больна, бабушка. Честно. — Я же не пошла в лабораторию, не попросила блюдо с их самым вкусным вирусом и не стала его есть.

Она глубоко вдохнула... выдохнула... затем подняла салфетку.

— Хорошо. Если завтра у тебя не будет температуры, то научишь меня писать смс.

Супер. Спасибо.

— Что ты делала, когда мама опаздывала? — Я раздавливала вилкой горох по своей тарелке. — У нее никогда не было мобильного.

Дедуля нахмурился.

— Так вот что сегодня было? Решила напугать нас, чтобы мы не забрали у тебя телефон? Честно, Али. Это было лишним. Мы бы не стали делать ничего подобного.

— Все было совсем не так, — сказала я. — Мне захотелось прогуляться. — И это была стопроцентная правда. — Из-за плохой погоды я знала, что ты не разрешишь, если расскажу тебе. Кроме того, я боялась, что в меня ударит молния и, если телефон будет у уха, меня ударит током. Смс было лучшим вариантом. — Опять же, это правда, но с опущенными важными деталями.

— Тогда не ходи больше домой пешком, — сказал дедушка строгим голосом. Но в его глазах было видно, что он волновался. За последние несколько дней он потерял несколько седых прядей, отчаянно державшихся на голове. Из-за меня? — Я не пытаюсь... Как сейчас говорят подростки? — спросил он бабушку.

— Влезать в ее дела, — сказала бабушка. Даже не улыбнувшись.

— Верно, — ответил он. — Мы не пытаемся влезать в твои дела, Али.

Ого, ничего себе. Ладно. Они пытались быть со мной на одной волне. Возможно, они смотрели программу о том, как общаться с подростком, и, готова поспорить, залезли в компьютер, изучая подростковый сленг, расшифровывали слова и обсуждали, как лучше их использовать.

Как это... мило.

Черт возьми! Их милота заставила меня чувствовать себя виноватой.

— Эти леса опасны, — продолжал дедушка. — Там бродят дикие животные, и постоянно находят трупы животных.

Я вспомнила Жениха и Невестицу, которых видела. Или не видела. Неважно. Они были двуногими животными, определенно, и я никогда не хотела встретиться с ними лицом к лицу без бейсбольной биты в руках.

— Простите, — сказала я после очередного чиха. — Мне жаль.

Бабушка пробормотала что-то еще о пневмонии.

— Я опоздала на автобус, — добавила я, — и не хотела вас беспокоить. — Еще одна натянутая правда. — Этого больше не повторится. Обещаю. — И это была чистая правда, без всяких уклонений. Я больше никогда не заставлю их волноваться.

— Ты не беспокоишь нас. — Бабуля потянулась и похлопала меня по руке. — Мы любим тебя и просто хотим... — К тому времени ее подбородок дрожал слишком сильно, чтобы она могла продолжать. Слезы наполнили ее глаза, но она быстро вытерла их тыльной стороной ладони. Затем прочистила горло. — Что ж... — Высморкавшись, она продолжила. — Ты спрашивала о своей матери. Когда она начала встречаться с твоим отцом, она каждую ночь была дома. А если они куда-то уходили, он всегда приводил ее домой до темноты. Мы всегда были так впечатлены этим и не понимали... Не бери в голову.

Знали ли они почему? А мама? Или папа ждал, пока не заберет ее и не пометит?

Ох, мерзость. Думать так о своих родителях... мерзко, просто мерзко.

— Мама когда-нибудь упоминала о друге под фамилией Холланд? — спросила я, вспоминая, что рассказал мне Коул. Или пытался рассказать.

Бабушка сжала губы, пока размышляла над моим вопросом.

— Холланд... Холланд... нет, эта фамилия мне не знакома.

— Твоя мама была ужасно застенчивой. По правде говоря, ей было тяжело заводить друзей. И на свидания ходила редко, — сказал дедушка, проглотив кусочек жаркого. — На самом деле, твой папа был первым ее парнем.

Моя мама? Застенчивая? Для меня она всегда была энергичной, полной жизни. Прямо как Эмма.

— Твой папа заставлял ее улыбаться и постоянно убеждал делать глупые вещи, — сказала бабушка с мягкой улыбкой. — Однажды они оделись в самые отвратительные наряды, которые я когда-либо видела, и пошли обедать. Я уверена, что люди косо смотрели на них, но когда они вернулись, то так смеялись, твоего отца чуть не стошнило.

Я не могла себе этого представить. Для меня он всегда был серьезным, немного

слишком целеустремленным, даже когда был пьяным.

Мы закончили ужин в тишине, затем я отправилась в свою спальню. Это была единственная комната на втором этаже, и у меня была своя ванная. Моя мама провела здесь свои подростковые годы.

"Как выглядело это место?" — думала я. После переезда бабушка собрала все вещи и превратила эту комнату сначала в детскую, потом в швейную, а теперь в комнату для гостей.

Я ничего не стала менять в этой комнате. Стены были такими же голыми, как и тогда, когда только въехала в дом. Я спрятала коробки с семейными фотографиями, которые мне подарила бабушка, в шкаф.

Я не доставала их, не повесила ни одной рамки. Черт возьми, даже не взглянула на них. Максимум, что я сделала, это перебрала мамины старые вещи, и то только потому, что бабушка достала их. Думаю, она хотела восстановить связь с ребенком, которого потеряла.

Воссоединиться. То, чего я никогда по-настоящему не пробовала сделать, поскольку грусть, которая пришла с такой попыткой, переполняла меня, заставив остановиться. Но я должна преодолеть эту грусть, не так ли?

Иначе навсегда останусь плохой дочерью и ужасной сестрой. Я имею в виду, что построила свою новую жизнь на концепции, что мои мама, папа и сестра никогда не существовали, но они заслуживали лучшего. Заслуживали признания, почетного места.

Пора взрослеть.

Я села перед шкафом и, не глядя, открыла ближайший ящик. Когда вытащила стопку рамок, пыль поднялась и заставила меня снова чихнуть. Но нет, у меня не было ни пневмонии, ни даже простуды. И, да, мое тело становилось горячее с каждой секундой, как будто действительно начинался жар, но это было вызвано эмоциями, а не вирусом.

Слезы, о которых я и не подозревала, текли по моим щекам, и мое зрение, наконец, прояснилось. С фотографий смотрела моя мама, выглядевшая очаровательно в золотистом платье, с волосами, уложенными в прическу, которую можно было назвать "крысиное гнездо".

Но какая же у нее была прекрасная, сияющая улыбка. Рядом с ней стоял мой папа, симпатичный и высокий, в черном смокинге, с золотым цветком, нарисованным краской, прикрепленным к лацкану пиджака, его рука обвивала мамину талию. А хмурый взгляд говорил: "Заберите меня отсюда".

Они были так молоды. Это их выпускной? Если да, то это значит, что мой отец вышел ночью. Неудивительно, что он хмурился. Но бабушка говорила, что он никогда не выводил маму на улицу после наступления темноты. Так что... может быть, он не согласился вести ее на бал, но повел в другое место, днем, чтобы компенсировать свой отказ.

Почему я никогда не спрашивала их об их подростковом возрасте? Теперь уже слишком поздно.

Я продолжила поиски и наконец, нашла фотографию Эммы. Ее темные волосы распадались изящными локонами, потому что я часами завивала каждую прядь, и все потому, что она "всегда хотела иметь волосы, похожие на твои, Алиса". Каким-то образом она убедила мою мать купить ей платье девочки, несущей букет на свадьбе... хотя она не была таковой.

Это ужасное платье было пушистым, белым, с завязками на талии и с большим количеством кружев, рюшей и лент, чем обычно можно найти под рождественской елкой. Но тогда Эмма могла бы продать дьяволу отпуск в огненном тропике Ада.

Улыбнувшись, я провела кончиком пальца по стеклу. "Я так скучаю по тебе, Эм". Мое зрение затуманилось во второй раз, когда новые капли слез стекли вниз и приземлялись на бант на ее талии.

Я так сильно хотела, чтобы она появилась. Хотя бы еще раз.

— Я встретила парня, — сказала я ее фотографии. — Даже немного поговорила с ним, не показавшись совсем идиоткой. Он красивый, крутой и... и я вроде как... представляла, как мы целуемся.

Я знала, что она сказала бы что-то вроде: "Фу, какая гадость. Он засунул свой язык тебе в рот?"

Я бы рассмеялась и сказала ей, что да, он сделал это, и мне это очень понравилось, а она бы ответила: "Двойная гадость!" И я бы снова рассмеялась.

Теперь она никогда не испытает свой первый поцелуй. Никогда не пойдет на свидание. Никогда не будет водить машину. Никогда не спросит меня о сексе. Я никогда не смогу читать ей лекции, как мама читала мне. "Убедись, что ты выбрала кого-то действительно особенного. Того, кого ты любишь, и кто любит тебя. Твоя девственность — это дар, и ты не можешь отдать ее дважды. И, дорогая, дождись, пока не будешь абсолютно готова, а не только потому, что тебе любопытно или потому, что парень бросит тебя ради другой, если вы этого не сделаете. Если он бросит тебя из-за чего-то подобного, значит, он использует тебя и, в конце концов, все равно бросит".

В другом ящике я нашла дневник, перевязанный шнурком. На нем не было надписей, но я знала, что он принадлежал моей матери, потому что пах ее духами. Писала ли она что-то, что никто не должен был знать? Я осторожно вскрыла переплет и прочитала первую страницу.

"Битва началась". Почерк был аккуратным, но не таким, который я знала. Может быть, это все-таки не моей матери. "Зло здесь, оно реально и, если мы не будем осторожны, поглотит нас. Но этого можно избежать. Мы можем победить. Мы должны победить. Но слишком много людей не знают правды, а без правды мы погибнем. В чем же правда? Мы — духовные существа, душа — наш источник силы... и разум и эмоции, и мы живем в теле. Зло таится в духовной сфере. Некоторые люди могут видеть их, оставаясь в теле. Большинство — нет".

Ох. Я не хотела думать о том, как устроен мир вокруг меня, не тогда, когда сталкивалась с таким количеством гадостей в своем собственном. И почему моя вселюбящая и все успевающая мама писала об этом? Я с хлопком закрыла дневник.

Когда потянулась к ящику, чтобы достать что-то еще, мой телефон пискнул. Я поставила дневник и фотографию Эммы к стене, еще раз улыбнулась ей, а затем подошла к своему столу. Пришло сообщение от Кэт. Ладно, должна признаться. Я подписала ее Мяу.

"Что случилось с тобой сегодня? Куча укропа, вот что!"

"Куча укропа?"

Пришло второе сообщение. "Дурацкая автозамена. Чушь собачья!"

В другое время я бы посмеялась над этим. Сглотнув, я плюхнулась в кресло и напечатала: "Прости. Я психанула".

"Да! Но почему?"

Что нужно на это ответить? Я не знаю, как объяснить облако в форме кролика или мою паранойю, не показавшись, ну, параноиком. "Просто не хотела ехать в машине".

Прошло несколько секунд, прежде чем она ответила.

"Точно, машины... Твоя семья. Теперь я поняла. Ты в порядке?"

После разговора с бабушкой и дедушкой? "Мне стало лучше". И как здорово иметь такую подругу, как Кэт. Она видела меня настоящей, и все равно я ей понравилась. Она немного знала о том, что произошло, но не пыталась выяснить подробнее. Не делала вид, что ничего не произошло, и не сыпала банальностями.

"Хорошо. Только должна предупредить. Я пошла к Коулу после того, как ты меня бросила".

"Что! И???"

"Он пошел за тобой. Я так понимаю, вы не встретились?"

Он пошел за мной? Зачем? Удивившись, я встала, подошла к окну и села на подушку, которую положила на карнизе. Гроза прошла, и небо прояснилось. Солнце уже садилось, небо было в дымке из розовых, желтых и фиолетовых оттенков... мой новый любимый цвет. Поскольку Невестище появилась вчера вечером, сегодня она не появится. Она никогда не появлялась две ночи подряд или три, четыре, пять дней после своего появления.

"Нет", — ответила я Кэт.

"Плохо. Думаю, он предложил бы тебе прокатиться с ним. Готова поспорить, ты бы с радостью согласилась:)"

Может быть. Да. Нет. Определенно нет. Я бы отказалась. Он может и крепкий, как гвозди, но я все равно не хотела бы подвергать его опасности. Глупое кроличье облако, которое, вероятно, ничего не значило.

Итак... как бы человек с волевым характером, как у Коула, справился с отказом? Он привык добиваться своего. Один взгляд на него, и любой человек, у которого есть хоть капля мозгов, мог это понять. (Уверена, что уже не прошла этот критерий.) Попытался бы он уговорить меня? Или просто перекинул бы меня через плечо в стиле пожарного и донес до своей машины?

Вопрос получше: Почему второй вариант вызвал у меня желание улыбнуться?

Телефон еще раз пискнул. "Или, лучше сказать, ты бы накинулась на него?"

"Ни за что", — ответила я. Даже если бы захотела, то сдержалась.

"Хорошая девочка. Помучай его. О! В пятницу игра, а в субботу вечеринка. Думаю, Коул придет на обе вечеринки, чтобы увидеть тебя. Увидимся!"

Я быстро ответила ей: "Правда?"

Ничего. Никакого ответа.

"Кэт? ОН БУДЕТ ТАМ???"

Опять ничего.

"Если ты не ответишь, Бешеный питбуль, я скажу всем, что прозвала тебя Принцесса Флаффи."

По-прежнему ничего.

"Завтра у нас будет серьезная ссора!" Написала я ей.

Иии все еще ничего.

Она умная девочка, поэтому поймет, что ссора со мной, будет как картофельное пюре. Когда дело касалось ее, я становилась кашей.

Время отвлеклась. Вздохнув, я открыла компьютер и стала искать любую информацию о Коуле Холланде.

В течение следующего часа я узнала, что у Коула нет страницы в Facebook или Twitter. А если и есть, то он не подписан своим настоящим именем. Никто из девчонок не прислал мне

ссылку на видео в YouTube, поэтому я могла только предположить, что избиение — это еще одна "правдивая история".

Единственные статьи, где он упоминался, были о смерти его друзей, которые умерли от болезни, как и говорила Кэт. Это назвали посттравматическим синдромом. На школьном сайте о нем не было никаких упоминаний. Он не состоял ни в каких клубах, командах или комитетах.

Информации о его бывшей тоже нет. И я перепробовала все возможные способы, чтобы найти хоть что-то, что угодно.

Я не знала настоящих имен Льда и Бронкса, поэтому не стала их искать.

Заинтересовавшись, я искала свое имя, чтобы посмотреть, что другие смогут выяснить обо мне, если проведут небольшую разведку самостоятельно. Первое, что всплыло? Статья об аварии и трагической девочке-подростке, которая потеряла все.

С гораздо большим усилием, чем нужно, я выключила компьютер. Я ненавидела, что кто-то может прочесть это и пожалеть меня.

Желая отвлечься от своих мыслей, я приняла душ, оделась в майку и пижамные шорты и высушила волосы. Девушка, смотревшая на меня из зеркала, удивила.

Под ее слишком яркими голубыми глазами залегли синяки. Щеки были впалыми, хотя и покрасневшими. Губы — опухшими от того, что она так часто их жевала. Она выглядела хрупкой. Хрупкой. Внезапно слова Коула о сказке обрели смысл. Он не делал мне комплиментов. Он думал, что я Золушка, которой нужна крестная фея, и не могу противостоять Маккензи. И он мог быть прав. Сильный ветер может сломать меня пополам.

Мне нужно начать заниматься спортом. И мне нужен сон. Что-нибудь. Мама пришла бы в ужас, увидев меня в таком состоянии. Отец не заметил бы, если бы ему кто-нибудь не сказал... он был бы слишком пьян... но усадил бы меня за обеденный стол и прочитал бы мне нотацию.

"Если ты не будешь тренироваться, как ты сможешь защитить себя от монстров?" Такими были бы его первые слова. Эмма бы забеспокоилась... забеспокоилась, как в моем видении... и больше всего на свете я ненавидела беспокоить ее.

Я подошла к окну, чтобы закрыть шторы. Решив сегодня не следить за лесом. Не буду вскакивать от каждого жуткого свиста ветра, от каждой извивающейся тени. Я помолюсь и постараюсь уснуть. Если дурные сны попытаются поглотить меня, то буду читать.

Не успела я полностью закрыть шторы, как мою кожу начало покалывать, а маленькие волосинки на затылке поднялись... как будто за мной кто-то наблюдал. Мое сердце бешено колотилось, пока я выглядывала наружу, лихорадочно ища.

Не было никаких признаков Невестищи и Жениха. Вообще никаких признаков жизни. Дрожа, я полностью закрыла шторы, отгородившись от ночи. Но не ушла. Я постояла там минуты две, пытаюсь взять свое тело под контроль.

Стиснув зубы, я рывком раздвинула шторы. И увидела движение слева. Я сфокусировалась на нем и подумала, что вижу высокое, мускулистое тело, одетое в черное. Мне показалось, что тело остановилось, повернулось... и фиолетовые глаза встретились с моими.

* * *

"Случится ли со мной когда-нибудь что-нибудь обычное?" — задавалась я вопросом на следующее утро, идя к школьному автобусу. После того, как мне показалось, что увидела

Коула, я легла спать, как и планировала, но меня разбудили плохие сны. Я пыталась читать, но в итоге начала ворочаться и думать о фиолетовых глазах.

Видела я их по-настоящему, или мне показалось?

Конечно, мне показалось. Коул никогда бы не стал стоять возле моего дома, чтобы понаблюдать. К тому же, он не знал моего адреса. Я даже Кэт его не сказала.

Погрузившись в свои мысли, я не вспомнила о том, что нужно опустить голову и отвести взгляд. В задней части автобуса я заметила Джастина Сильверстоуна с его темными волосами и карими глазами щенка.

Он тепло улыбнулся и помахал мне рукой. Я не смогла сделать вид, будто не заметила его, он бы обиделся. А я не могла его обидеть, потому что была ему вроде как должна. Когда я потащила свой тысячефунтовый рюкзак в конец автобуса, то заметила, что темноволосая девушка, которая сидела напротив него, смотрит на меня. Я не знала ее и с легкостью проигнорировала.

Джастин подвинулся к окну, освобождая место для меня. Я села рядом.

— Привет, — сказал он. От него приятно пахло какими-то фруктовыми хлопьями и зубной пастой.

— Привет. — Его волосы не были каштановыми, как я предполагала. Утреннее солнце бросало яркие лучи через стекло, подчеркивая пряди. Он был рыжим. На самом деле, пряди вдруг стали выглядеть так, словно они горели.

— Меня зовут Джастин.

— Знаю. Мы виделись в столовой, и девочки мне все рассказали. Я удивлена, что тебя зовут не Туз или Киллер.

Его глаза вспыхнули раздражением.

— Почему? Что они рассказали тебе обо мне?

Я не поняла, что сказала такого, что разозлило его, и поспешила успокоить.

— Только твое имя и тот факт, что ты держишься особняком, но в школе у всех, кажется, есть прозвища. Кэт, Лёд, Бронкс. — И, поскольку я не хотела выделять дружков Коула, то придумала несколько. — Медвежонок Бу, Мармеладка, Веснушка.

Он перестал злиться и рассмеялся.

— Неплохое предположение. А что насчет тебя?

— Меня зовут Али.

— Просто Али? Не Ангел или Снежинка?

Я постаралась не рассмеяться.

— Снежинка? Серьезно? Это все что ты смог подобрать мне?

Он протянул руку и зажал прядь моих волос между пальцами, напомнив мне о Коуле.

— Да. Не убивай гонца, но оно тебе подходит.

— Может, я только немного обижу гонца. — Я чувствовала себя с ним непринужденно. Он мне нравился. И, что самое приятное, он, наверное, жил недалеко от меня, так как мы ездили на одном автобусе. Может быть, мы могли бы, не знаю, проводить время после школы. Очевидно, мне нужно пересмотреть привычный распорядок дня. — Кстати, я так и не поблагодарила тебя, — сказала я. — Извини за это.

— Поблагодарить меня за что?

— За то, что помог мне с мистером Засранцем в первый день, а также за наводку о Маккензи.

Рассмеявшись, он приподнял бровь. Его смех был таким теплым и естественным, как

будто он находил развлечение во многих вещах и не боялся получить удовольствие.

— Засранец? Ты любишь прозвища, не так ли?

Я пожала плечами.

— Кстати, секрет мистера Баттла, заключается лишь в том, что он любит, когда ему льстят. Если ты скажешь ему, что он самый умный учитель, который у тебя когда-либо был, он будет твоим на весь год.

Мистер Баттл. Точно. Как я могла забыть?

— Так вот, что ты сделал?

— Я немного усовершенствовал слова, но да.

— Это так по-мужски, — ответила я, фыркнув. — Значит, ты много говорил и держал его за плечо.

— Это средневековые методы. Почувствуй разницу.

Теперь я приподняла бровь.

— Покажи как надо.

— Хорошо. Учись. — Его выражение лица приобрело благоговейный оттенок. — Черт возьми, мистер Баттл. Мой голова болит от информационной перегрузки. Отличная работа, чувак.

Автобус наехал на кочку, и мы подпрыгнули на своих местах.

— Значит, ему нельзя говорить, что он явно добавил "веселья" в "похороны"? — В тот момент, когда я сказала это, то захотела забрать слова обратно. Совсем не собиралась говорить о похоронах.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, скажи ему об этом. Я даже провожу тебя к его кабинету, как только мы приедем в школу, — сказал Джастин, но через секунду он, должно быть, заметил мой дискомфорт, потому что быстро сменил тему. — Итак... я заметил, что ты тусуешься с Кэт.

— Да.

— И давно ты с ней познакомилась?

— Летом. А что?

Помолчав, он пожал плечами.

— В прошлом году она тусовалась с друзьями Коула Холланда и определенно сделает это снова. Как только кто-то нарушает их внутренний круг доверия, этот кто-то не покидает его без боли. Я бы на твоём месте был осторожен, иначе она утянет тебя за собой.

Мне нравилась Кэт. Очень. Мне все равно, с кем она общается или встречается, даже если у этого "кого-то" был Коул на быстром наборе. Что касается второго предупреждения Джастина, я не была уверена, что происходит между мной и Коулом... что-то? Что-нибудь? Ничего?.. Но не собиралась обсуждать это с ним. Я едва ли могла обсудить это с самой собой.

— Так ты его знаешь? Коула? — Я спросила, не меняя тему, но давая понять, что отношения исключаются из меню.

Джастин перестал улыбаться.

— Ага.

— Много ли кто вошел в этот круг доверия?

— Нет. Эй, мы приехали.

Я оглянулась, и точно, автобус остановился перед школой, все остальные встали, выходя на улицу. Никогда еще поездка не заканчивалась так быстро.

Я встала и пошла к выходу, Джастин следовал за мной по пятам. Мой взгляд автоматически устремился в небо. Длинная полоса голубого цвета, толстые облака, проплывающие мимо... но никаких кроликов. "Спасибо тебе, Господи".

Джастин был рядом со мной, когда мы вошли в здание.

— Мы должны потусоваться в эти выходные, — сказал он.

— Да, я... — Обещала пойти на вечеринку Рив. Ну, Кэт пообещала за меня. Поскольку я обожала ее, то должна была задуматься над этим вариантом. Просто на всякий случай. И надо же, как я изменилась за несколько дней. Раньше искала причину, любую причину, чтобы не идти. Теперь же я действительно подумывала о том, чтобы сходить. — Подожди. Я не уверена...

— Неважно, — пробормотал Джастин, его голос стал хриплым от смущения. — Не беспокойся об этом.

— Нет! — Я остановила его. — Не бери в голову. Я не планировала отказывать тебе. Просто думала, как нам лучше провести время.

Он одарил меня еще одной теплой улыбкой, демонстрируя ровные белые зубы и счастье.

— Да?

Я усмехнулась.

— Да.

Конечно, именно тогда я и столкнулась с Коулом. Буквально налетела на него. Я смотрела на Джастина, не обращая внимания на дорогу, и врезалась прямо в твердую грудь Коула.

Его руки обвилились вокруг моей талии, не давая мне отскочить. Я машинально схватила его за рубашку и сжала. Он был таким сильным, таким крепким, что не сдвинулся ни на дюйм.

— Прос... — Наши взгляды встретились, мой синий с его фиолетовым, и снова весь мир исчез. Только на этот раз мы не целовались. Мы...

...сражались?

Вокруг царил ночь, полная луна истекала кровью со своей высоты, практически капая багровыми каплями на небо. Деревья окружали нас. Коул прижался спиной к моей. Мы были одни... если не считать около двадцати монстров, медленно приближавшихся к нам.

У каждого из них были спутанные волосы, выпадавшие клочьями, и обвисшая, покрытая язвами кожа. Впалые глаза. Щеки в крови. Грязная, рваная одежда. Каждый из монстров стонал, создавая злобный хор.

Меня трясло так, что легкие сжимались в тисках. Коул держал два клинка. Как я узнала, что это были клинки, если я никогда раньше не слышала этого термина, я не знала. Все, что я знала, это то, что я была напугана. Это оружие было длинным, толстым, острым и покрытым черной слизью, как и монстры.

— Как только я скажу, ложись, — потребовал он.

— Когда? На счет три? — Мой голос пискнул от истерики. Монстры, монстры, так много монстров, здесь, там, везде. Это они съели моих родителей? Я следующая? Или Коул?

— Один, — сказал он.

Ближе... еще ближе...

— Два...

О, Господи. Все. Это конец. Мы не сможем отбиться от такого количества

— Три!

Я легла, опустившись как можно ниже. В видении я наблюдала, как Коул крутил клинками, перерезая горло двум монстрам. Крови не было, тела дергались... дергались... и снова поднимались.

Я должна встать. Должна помочь ему. Он не сможет бороться с ними в одиночку. Не со всеми. Я должна...

— ...Али!

Мир вновь обрел четкость. Я стояла в коридоре, вокруг меня были дети, а не монстры. Коул все еще стоял передо мной, все еще держал меня, и ужас наполнял его красивые глаза. Черные волосы падали ему на лоб, как будто он раз двадцать провел по ним руками. Сегодня он был без кепки. На его щеках был лихорадочный румянец, вероятно, зеркальное отражение моего.

В ужасе мы отпрянули друг от друга, оба тяжело дыша. Кожа покрылась липким потом, а в желудке поселилась смесь кислоты и осколков стекла. "А почему бы и нет?" — спросила я со смехом, граничащим с той же истерикой, которую испытала в видении. Со мной продолжало происходить странное дерьмо. Каждый день происходило что-то новое. С каждым разом все хуже.

Коул отошел от меня. Тогда я заметила Маккензи. Она подошла к нему сзади, обхватила за талию. Она потянула его назад... назад, подальше от меня.

Она была потрясающей, ее темные локоны, свободно спадали каскадом, а глаза сверкали яростью, пронзая меня. Несмотря на дневную жару, на ней был свитер и брюки. Деловой наряд придавал ей профессиональный вид, как у человека, которого можно увидеть по телевизору, рассказывающего о последнем мировом кризисе.

Джастин положил руку мне на плечо, сжимая достаточно крепко, чтобы на нем появились синяки.

— Ты в порядке?

Я не могла отвести взгляд от Коула. Почему он так хмуро смотрел на меня? Он тоже видел сражение? Если да... то как? Почему? Что все это значит?

Коул увидел Джастина и перестал пятиться. Нахмурившись, он шагнул вперед, приближаясь к Джастину и сжимая кулаки. Он собирался ударить Джастина?

Я не могла этого допустить. Схватив Джастина за запястье, я повернула нас и повела за угол, оставив Коула позади.

— Вы с Коулом встречаетесь? — спросил Джастин, серьезным тоном.

— Нет.

— Ты уверена, потому что он...

— Уверена. Слушай, я не пойду на первый урок. — Я не могла высидеть часовую лекцию. Просто не могла. Я уже была на грани панической атаки. Эти монстры... Коул... — Мне нужно идти.

Я продиктовала Джастину свой номер телефона, сказала, чтобы он позвонил мне в выходные, а потом оставила его. И бросилась искать Кэт. Она всегда говорит что-нибудь смешное, успокаивая меня. Мне нужно успокоиться. Я не могла продолжать в том же духе; я сломаюсь, и неизвестно, что выльется наружу.

И может быть... может быть, я расскажу ей о видениях. Она может посмеяться надо мной, может перестать говорить со мной, но я должна рискнуть. Слишком много вопросов и слишком мало ответов. К тому же она знала Коула гораздо лучше, чем я. У нее может быть информация, которая поможет. Мне нужно не только успокоиться, но и попросить о

помощи.

Через несколько минут я нашла Рив и чуть не завывала от пьянящей смеси надежды и облегчения.

— Где Кэт? Мне нужно с ней поговорить.

— Ее сегодня не будет, — ответила Рив, хлопывая свой шкафчик.

Надежда сдулась, как воздушный шарик.

— Почему? Она в порядке?

Она перекинула волосы через плечо — это действие было для нее таким же естественным, как дыхание.

— Она не сказала. Просто сообщила, что увидится со мной завтра, на вечеринке. Ты ведь придешь?

— Да. Нет. Может быть. — После этого видения я ни в чем не была уверена. Было ли это предупреждение? Как кролик в небе? Если я рискну выйти ночью, увижу ли я еще больше монстров?

— А как насчет сегодняшней игры? — спросила она.

— Мне нужно идти, — снова заговорила я.

Не став дожидаться ее ответа, я ушла. У меня не было машины, чтобы уехать куда-нибудь. Я плохо знала школу, и понятия не имела, где находится кладовка уборщика или пустой класс. Но не могла позвонить бабуле, чтобы она приехала за мной, потому что мне пришлось бы притвориться больной... хотя, какое тут может быть притворство?.. она бы забеспокоилась, если бы оказалась права... "я знала, что у тебя пневмония"... и настояла бы на том, чтобы отвезти меня в больницу.

Сзади послышались чьи-то шаги. Жесткая рука обхватила меня за талию. Я сжала обе руки в кулаки, готовая причинить вред тому, кто меня схватил. Но это оказался Коул, и по какой-то странной причине это окончательно успокоило меня... несмотря на то, что он был главным источником моей паники.

Он силой меня куда-то повел.

— Пойдем. Нам надо поговорить.

Глава 7

Из Куколки в Бездну

Коул увлек меня на улицу, провел через залитую солнцем парковку, на которой теперь не было ни учеников... ни свидетелей... к коричневому "Jeep Wrangler". А может, это был белый джип. Из-за грязи, налипшей на бока, было трудно сказать.

Крыша была снята, а двери отсутствовали. Внизу на ковриках виднелись сухие листья и пятна чего-то темного. Заднее сиденье было убрано, образовав широкое открытое пространство.

Сев на пассажирское сиденье, я пристегнулась, пока он садился на место водителя. Быстро оглядев небо, поняла, что... слава Богу... кроличьего облака все еще нет.

— Доктор Райт будет... — начала я.

— Ей все равно, где мы, — перебил он.

— Откуда ты знаешь? Ты отпросился?

Молчание.

Думаю, это подразумевает большое жирное "нет".

— И куда ты меня везешь? — Что бы он ни ответил, я бы не испугалась. Даже если бы он сказал "на скотобойню" или еще хуже "в караоке-бар". (Я была ужасной певицей). Мы планировали поговорить!

Он включил радио, из динамиков внезапно зазвучала песня "Since October", и выехал на дорогу, из-под колес поднялся дым, залетая внутрь открытой машины. Ладно. Поняла. Он захотел поиграть в молчанку. "Приготовься к поражению, Коул Холланд!"

Пока ветер трепал мои волосы, я изучала его профиль. Его нос был с горбинкой, как будто его ломали не один раз. Рана на губе немного зажила, а синяк на челюсти потускнел. Подбородок упрямо выпирал, и мне стало жаль всех, кто когда-либо бросал ему вызов.

Примерно через десять минут езды, когда мимо проносились горы и деревья, он выключил музыку и бросил на меня быстрый взгляд.

— Что?

Видите? "Я выиграла".

— Просто смотрю.

Он выпятил челюсть.

— Тот парень. Джастин.

Когда он больше ничего не сказал, я спросила:

— А что с ним не так?

— Ты с ним встречаешься?

Безумие! Джастин спрашивал то же самое о Коуле. Добавьте сюда реакцию, которую я получила от Кэт, Рив, Поппи и Рен по поводу моей связи с Коулом и Джестином, и одно стало предельно ясно: разговор с парнем в школе Ашера был эквивалентен выбору обручальных колец.

— Нет. Тебе какая разница? — Я услышала в своем тоне интерес и сморщилась. По сути, исходя из кодекса парня, я только что сказала что-то вроде: "Пожалуйста, скажи мне, как сильно ТЫ хочешь со мной встречаться. Пожалуйста. Я умоляю тебя".

К счастью, он проигнорировал это и спросил:

— Как ты вчера добралась домой?

— Пешком.

Он бросил на меня взгляд, в котором было много непристойного.

— Никогда больше так не делай, хорошо? Эти леса опасны.

Все, что я могла сделать, это пролепетать.

— Во-первых, ты говоришь как мой дедушка. Во-вторых, я думаю, это совершенно очаровательно, что ты считаешь, что можешь мной командовать. — Забудем о жалости к любому, кто осмеливался бросить ему вызов. Я хотела бросить ему вызов! — В-третьих, откуда ты знаешь, что я ходила через лес? Насколько ты знаешь, я живу за школой.

— Ты больше этого не сделаешь. — Уверенно сказал он, подобно летящей стреле.

Я должна была узнать правду.

— Ты был на моем заднем дворе прошлой ночью? — Вот так. Лучше узнать суровую правду, преодолевая себя, чем трусить и гадать над ответом.

Минуту помолчав, Коул все же ответил:

— Да.

Подождите. Что?

— Зачем?

Он снова включил музыку. Мне захотелось сделать потише, но в итоге поступила как мисс Мейерс, и как хотела бы моя мама, я держала руки при себе. Это была его машина. Он мог делать все, что хотел. Однако за пределами машины...

Через некоторое время он заехал на парковку рядом с круглосуточным магазином. Там стояло еще несколько машин, и люди входили и выходили из магазина. Коул вынул ключ из замка зажигания, окончательно выключив музыку.

Он задумался на мгновение, затем сказал:

— Я дам тебе свой номер телефона. — Коул смотрел на лобовое стекло с таким мрачным выражением лица, что я заподозрила, что все, что привлечет его внимание, сразу же умрет. — Если тебя надо будет подвезти домой из школы, позвони или напиши мне, и я что-нибудь придумаю.

Что это было? Неужели, плохой мальчик Ашера предлагал стать моим шофером. Моим. Странной девушки с проблемой пристального взгляда.

— Хорошо? — настаивал он. — Сделаешь?

Он говорил серьезно. Действительно предлагал подвезти меня.

— Меня есть, кому подвозить, — объяснила я. — Я просто решила не ехать с Кэт.

Его мрачное выражение лица было направлено на меня, вызывая дрожь.

— Во-первых, это все, что ты хочешь мне сказать?

— Ну, да. — А что он хотел услышать? Что это самый милый жест на свете, и прямо сейчас я чувствую себя так, будто танцую по звездам? Мне явно не следовало этого говорить. Того, что я подумала об этом, достаточно, чтобы отправить меня в яму стыда.

— Во-вторых, почему тебя не подвезли?

— Я хотела прогуляться, — сказала, дав ему ту же частичную правду, которую дала своим бабушке и дедушке.

— Тебе лучше не делать этого снова.

— Или что? — спросила. Я не хотела быть легкомысленной. Мне действительно было интересно.

Он стал животным... настоящим зверочеловеком... когда зарычал:

— Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, что ты самый неприятный человек, которого

они когда-либо встречали, или большинство людей в твоей жизни были слишком вежливыми?

— Эй...

Он продиктовал свой номер телефона, и мне пришлось потрудиться, чтобы успеть записать его в своем телефоне.

— Теперь дай мне свой номер.

Потребовалось мгновение, чтобы его слова дошли до меня. В какой причудливый мир я попала?

— Но Коул, я никогда не смогу тебя подвезти. У меня нет машины, так что не...

— Ты хочешь вывести меня из себя? Дай мне свой номер.

Я разрывалась между чувством восторга от его настойчивости... и раздражением. Обида победила.

— Попроси вежливо, — сказала я, и мне вспомнился день, который провела с мамой.

"Мама, ты не получишь награду "Мать года", пока не испечешь мой любимый шоколадный торт".

"Тебе лишь нужно попросить вежливо, дорогая".

Меня охватила тоска по дому.

— Пожалуйста, — процедил Коул.

— Ну, как я могу теперь отказаться? — проворчала я, испытывая искушение дать ему левый номер, просто чтобы доказать свою точку зрения. Но тогда он не смог бы мне позвонить, а я очень этого хотела... хотя понятия не имела, о чем мы будем говорить.

— Я все еще жду, — подсказал он.

Я продиктовала номер.

— Спасибо, — сказал он, и, если не ошибаюсь, в его голосе прозвучала нотка облегчения.

Должно быть я ошиблась. Либо так, либо его фиолетовые глаза уменьшили мое IQ.

— Не двигайся, — сказал Коул и вышел из машины. Затем обошел вокруг и... помог мне выбраться. Вот это да. Никогда бы не подумала, что он проявит знание этикета. — Пообещай, что ты будешь такой послушной до конца дня.

— Думаю, мы узнаем это позже, — сказала я. Его ладонь была мозолистой и шершавой, а кожа теплой по сравнению с моей. Мне это понравилось, я даже задрожала.

— Замерзла? — Он прижал меня к джипу, его руки обхватили мою талию.

— Нет. То есть да. То есть, может быть. Не знаю! — Он хочет поцеловать меня? По-настоящему? Здесь, сейчас, перед незнакомыми людьми? Я остановлю его. Верно? (До, а не после.)

— Не думаю, что ты замерзла, — прохрипел он. — Мне кажется, ты боишься. И правильно делаешь, что боишься.

Я сглотнула.

— Я не боюсь.

— Давай посмотрим, что мне нужно сделать, чтобы изменить это? Мы с тобой отправимся в небольшое приключение. Когда я отдам приказ, ты будешь его выполнять. Вежливых просьб не будет, сколько бы ты ни делала щенячьи глазки.

Я открыла рот, чтобы возразить. Я никогда так не делала!

Он покачал головой, заставив меня замолчать.

— Это для твоей же безопасности.

Я снова открыла рот, чтобы возразить.

Он снова покачал головой.

— Это сделка. Соглашайся, или я отвезу тебя обратно в школу прямо сейчас, и ни на один из твоих вопросов ты не получишь ответа.

Разозлившись, я провела языком по зубам. Коул был скрытным, коварным и манипулирующим, это точно. Жаль, что он мне все еще нравился.

— И какие же вопросы у меня могут быть?

— Возможно, те же, что и у меня.

Не может быть. Невозможно.

— Хорошо, я буду выполнять твои приказы. — Что угодно ради ответов. — Но учти, каждый раз, когда ты отдаешь приказ, я мысленно избиваю тебя.

— Учту, — сказал он, и я уловила нотки веселья в его голосе. — Только, пожалуйста, не бей по моему красивому лицу. Оно мне нравится таким, какое оно есть.

Теперь я постаралась не засмеяться. Как кто-то настолько самовлюбленный может быть таким очаровательным. Но вспомнив Кэт, я поняла.

Его взгляд остановился на моих подрагивающих губах. Он наклонился близко... так близко, что я почувствовала тепло его дыхания, пробирающего меня до дрожи.

— О чем ты сейчас думаешь? — спросил Коул, замерев в миллиметре от моих губ.

"Не смей ему говорить!" Я пыталась придумать выигранный ответ.

— Маккензи сильно расстроится, узнав, что ты был со мной? Не в смысле, что ты был со мной. Я имею в виду... — "Заткнись, идиотка! Достаточно".

Он резко выпрямился, и, похоже, момент поцелуя был полностью упущен.

— Нет. Мы больше не встречаемся. — Мне не дали шанса ответить. — Пойдем. Пора начинать наше приключение. Я хочу показать тебе кое-что.

Позади магазина был густой лес, который тянулся до дома моих бабушки и дедушки. Я нахмурилась. Значит, поездка в магазин заняла больше времени, чем думала. Я вспомнила, как мы ехали и поняла, что Коул несколько раз возвращался назад, поворачивал не туда. Для этого не было причин... если только он не был таким же параноиком, как я, и не думал, что за нами следят.

— Ты проводишь меня домой? — спросила я, не уверенная в своих чувствах по этому поводу.

Продемонстрировав еще лучший этикет, чем раньше, он убрал ветку с моего пути.

— И да, и нет. Теперь помолчи, пока я не разрешу говорить. Ты отвлекаешь меня, а мне нужно сосредоточиться, иначе мы наткнемся на какую-нибудь растяжку.

Прекрасный уклончивый ответ, приправленный мнимой вежливостью. Подождите.

— Ты сказал "растяжки"?

— Ты отвлекаешь меня, — сказал он нараспев.

— Ты раздражаешь меня, — пропела я в ответ. Но затем прикусила язык и замолчала, пока мы пробирались через кусты, толстые корни деревьев и валуны, поднимались и спускались с холмов.

К тому времени, когда мы достигли ограды моего заднего двора, мои бедра горели, а сердце бешено колотилось в груди.

Для себя я сделала заметку: нужно начать тренироваться. По крайней мере, воздух, который я так тяжело вдыхала, нес в себе нотки хвои и полевых цветов, гниль исчезла.

— Видишь эти следы? — спросил он, указывая на землю.

Ужас охватил меня, когда я увидела те самые следы, которые заметила две ночи назад. Я даже могла различить следы своих теннисных туфель... но не тапочек Эммы.

— Да. Вижу.

Он посмотрел на меня.

— Ты знаешь, кто их оставил? Помимо тебя, конечно.

— Нет. — Может быть. Я облизала губы. — А ты? И откуда ты знаешь, что я была здесь?

— Смотри и учись. У тебя рост 170 см, размер ноги небольшой, и на твоей подошве отчетливо виден зигзагообразный узор.

Этого не заметил бы обычный человек. Как... и откуда... он это знает?

Он скрестил руки на груди.

— Так ты никого здесь не видела?

— Помимо тебя? — спросила я, пытаюсь понять, к чему именно он клонит.

— Да, помимо меня.

Я не могла сказать правду. Просто не могла.

— Сначала ты мне ответь. Ты знаешь, чьи эти следы?

— Да. — Ответил он, не колебавшись.

Не удержавшись, я сделала шаг к нему.

— Чьи?

— Ты мне скажи.

Я удержала себя на месте, боясь, что попытаюсь прижаться к нему.

— А я и не говорила, что знаю.

— Ты побледнела. Этого достаточно.

— Я... я...

— Мне нужно услышать ответ.

Нервно, я покачала головой.

— Нет. Не скажу.

Коул уставился на меня, нахмурившись, в его глазах промелькнула угроза.

— Ты действительно отвлекаешь меня, Али. Я не должен говорить с тобой об этом. И я не смогу... никак не смогу... сказать тебе все прямо. Ты должна сама сказать мне то, что я знаю.

Черт возьми! Неужели Коул намекал на то, о чем я подумала? Что он тоже видел монстров, но не мог признаться в этом, пока не признаюсь я? Но если признаюсь, а он имел в виду совсем другое...

— Давай попробуем по-другому, — предложил он. — Твой отец мертв, так? Погиб этим летом.

Я тут же повернулась к нему спиной.

— Я не буду об этом говорить, — ответила. Думаю, Коул искал обо мне информацию, как и я о нем.

— Он погиб в автокатастрофе ночью, на кладбище, — не унимался Коул. — Ты была с ним. Ты видела что-нибудь... странное?

— Я не буду говорить об этом, — повторила я, уходя от него. Если бы рассказала, то расплакалась бы перед ним, а я категорически отказывалась это делать.

Крик сорвался с моих губ, когда ноги оторвались от земли.

Что-то тугое обхватило мою лодыжку, поднимая вверх... вверх... пока я не повисла на

ветке дерева вверх ногами. Кровь прилила к лицу, голова закружилась.

— Какого черта! — крикнула я. Раскачиваясь взад-вперед, посмотрела вверх. Толстая веревка обхватывала мою лодыжку... веревка, окрашенная под кору дерева.

Кто-то понаставил растяжек ловушек на моем заднем дворе. Или это одна из растяжек Коула?

Он сократил расстояние между нами и присел прямо передо мной. Внезапно наши лица оказались в миллиметре друг от друга.

— Сними меня! — потребовала я.

Его улыбка была, какой угодно, только не приятной.

— Твои любимые приказы. Попроси вежливо.

Как он смеет повторять мои слова!

— Ты не мог бы... спустить меня... вниз? — Я попыталась ударить его, испортив свою просьбу.

Удивив меня, Коул рассмеялся и отпрыгнул на приличное расстояние.

— Сейчас, сейчас. Не обязательно меня бить. Я с радостью помогу. Потом, — добавил он.

— Потом? Что значит потом? Сделай это сейчас!

— После того, как мы поговорим.

Серьезно? Я начала раскачиваться вперед и назад снова и снова, пока не получился большой размах. Он встал во весь рост, представляя собой отличную мишень.

— Что ты... Ох! — Коул согнулся, тяжело дыша.

Я ударила его головой в живот. Удовлетворение переполняло меня, когда сказала:

— А теперь?

Когда он перестал дышать как старик, подключенный к кислородному баллону, то встал прямо возле меня, и мой лоб оказался напротив его живота. Смелычак. Чтобы я не шевелилась, он положил руки мне на талию. "На мою голую талию", — осознала я со вспышкой паники. Моя рубашка задралась, зацепившись за нижнюю часть лифчика.

— Дурацкая гравитация! — Быстрым движением я схватила подол рубашки и потянула вниз.

— Хватит двигаться, а то зацепишь мою любимую часть тела. Мне очень нравится мое... достоинство. — Коул убрал мои руки, и моя рубашка снова задралась и зацепилась за лифчик. — Подожди. Я сам. — Он заправил рубашку в пояс моих джинсов. — Лучше?

— Да, а теперь спусти меня отсюда! Кто вообще это сделал?

— Я, — заявил он.

Я попыталась встретиться с ним взглядом, но он был слишком высоким.

— Ты сделал это?

— Разве не это я только что сказал?

— Но зачем?

— Ты скажи мне.

Только не снова.

— Коул. Пожалуйста. Попробуй вести себя так, будто ты никогда не был в тюрьме, и сними меня уже отсюда.

Коул нетерпеливо вздохнул.

— У Али злой язычок. Неплохо. Но я уже сказал тебе. Я сниму тебя... после того, как мы поболтаем. Так что давай сделаем это. Твой отец когда-нибудь говорил с тобой о чем-то

странном?

Ужас охватил мое сердце, больно сжимая.

— О чем?

— Ты. Скажи. Мне.

Тьфу!

— Я не знаю тебя. Не доверяю тебе. Поэтому не буду говорить с тобой об этом.

Он еще раз вздохнул.

— Тогда мы сделаем по-другому. Ты узнаешь меня получше. Идешь на игру? И на вечеринку Рив?

Забавно, что я даже не думала над ответом.

— На игру нет, но думаю пойти на вечеринку.

— Ладно, позволь мне перефразировать. Ты идешь на вечеринку. Ты идешь с кем-то?

— Нет. — Подождите. Да. Я собиралась с Кэт, не так ли?

— Хорошо. Буду ждать тебя там.

Мои глаза расширились настолько, что я боялась, что они выпадут из моей головы. Коул будет ждать меня там... это типа свидание?

— Нет, — сказал он, покачав головой. — Это не свидание. Тебе не нравится делиться своей историей с незнакомыми людьми, а мне не нравится встречаться с незнакомыми девушками.

Отлично. Я не сразу осознала осознавать, что спросила о не-свидании вслух.

— Значит, мы на одной волне, — сказала, пытаюсь прийти в себя. — Но давай кое-что уточню, мы не будем говорить о следах и всех этих странностях, а просто проведем время вместе и поболтаем? — Я застонала, поняв, что вокруг будут люди.

— Да. У тебя с этим проблемы?

Большие. Но я сказала:

— Хорошо. Я сделаю это, если ты настаиваешь, но только потому, что думаю, что нам нужно продолжить этот разговор. Например, тогда, когда ты будешь более сговорчивым. Так что, ты снимешь меня? Я не хочу заболеть.

— Нет. Но если ответишь еще на один вопрос, то я сразу же сделаю это.

Дурацкая веревка, вынуждающая меня говорить.

— Спрашивай.

— Происходит ли с тобой что-нибудь необычное, когда ты смотришь на меня? Что-то, что не происходит ни в какое другое время, только утром, когда ты впервые видишь меня.

Он не мог знать. Просто не мог... если только тоже не видел что-то. Коул намекал на это раньше, но я решила, что он имеет в виду что-то другое. "О, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пусть это будут видения".

— П-почему ты спрашиваешь?

— Так что? — настаивал он.

— Да. — Я не могла сказать больше. — А с т-тобой? — Серьезно, мне нужно прекратить заикаться. Это унижительно!

— Да.

Он согласился. Это гораздо больше, чем я ожидала.

— Что ты видишь? — прошептала я, чувствуя, как меня охватывает нетерпение. Мне нужно знать.

— Я расскажу тебе, но не здесь и не сейчас. Записывай то, что видишь, и я тоже буду

это делать. После школы мы обменяемся записками. Таким образом, никто из нас не сможет заявить, что другой лжет. Но если дашь мне пустую записку, я заставлю тебя пожалеть об этом.

— Как страшно, — сказала я с наигранным страхом. Коул и был страшным. — Но то же самое касается и тебя.

— Ладно.

Теперь, когда мы все решили...

— Мы возвращаемся в школу? Ты снимешь меня?

— Я же сказал, что сделаю это, верно? — Он наклонился и вытащил маленький... О, Боже, меня собирались убить. У него в руках был арбалет.

Он вытянул руку и направил оружие на верхнюю часть веревки. Его палец нажал на спусковой крючок. Я закричала, боясь, что стрела пробьет ногу.

Начала махать руками, но так и не почувствовала землю. Коул поймал меня как раз перед приземлением. Он перевернул меня, как будто я весила не больше мешка с перьями, и моя голова закружилась. Прошло много времени, прежде чем я почувствовала, что могу стоять самостоятельно. Отошла ли я от него? Нет. Он не позволил мне, крепко держа за талию.

— Зачем тебе такое оружие? — спросила я. Оружие, которое он, очевидно, взял с собой в школу... и прошел через охрану.

— Ты скажи мне.

Хватит!

— Забудь. — Я решила, что ненавижу эти три слова на его губах. Определенно. — Это не имеет значения.

Его пальцы надавили на мою талию.

— Нужно ли мне напоминать, что об этом разговоре никто не должен знать, даже Кэт, или ты и так это понимаешь?

Да, я хотела рассказать Кэт о видениях. Но все эти события стали тревожным сигналом. Никаких разговоров. Ни сейчас, ни когда-либо. Даже о мелочах. Как странно называть видения мелочами. Но по сравнению с этим все было мелочью.

— Уже знаю, — сказала я.

— Хорошо. Пока этого достаточно.

Глава 8

Начало тупика

К тому времени, как я вернулась домой из школы, мои нервы были на пределе. Коул привез меня обратно, как и обещал, но я сразу же столкнулась с мисс Мейерс, и она спросила меня, почему я пропустила ее урок.

— У меня... были... проблемы. — Это все, что я смогла вымолвить.

— Отмазка — это всего лишь вишенка на мороженом, зараженном кишечной палочкой, мисс Белл.

Я закашлялась, когда она ушла.

После этой восхитительной встречи Коул игнорировал меня за обедом.

"А что? Думала, что он будет расшаркиваться?"

Ну, да. Немного. Он похитил меня, связал, как индейку на День благодарения, намекал на секретные вещи, обещал поделиться тем, что происходит с ним по утрам, пригласил меня на не-свидание, только чтобы дать мне не нужную информацию? Привет, противоречивые знаки. Но ладно, неважно. Он мне не нужен. Я строила планы до него и могла строить планы после него.

Вот только он ждал меня после последнего звонка.

Коул мне записку, и я сделала то же самое. Мы ни слова не сказали друг другу. Он был непоколебим во время обмена. Я же? Меня трясло, как пациента с прогрессирующей болезнью Паркинсона.

Я побежала в свою комнату, заперла дверь и легла на кровать, доставая из кармана маленький сложенный листок бумаги. Я отчаянно желала прочитать ее в автобусе, но сумела себя остановить. Не хотела, чтобы посторонние увидели это.

Уверена, что Джастин стал бы допытываться. Мы снова сидели рядом, болтали, и, в общем, он неоднократно предупреждал меня о Коуле.

"Он прохвост".

"Он разобьет тебе сердце... и, возможно, лицо!"

"Все боятся его не просто так. Он отправил в больничку более ста человек!"

Неужели никто в школе Ашера не мог не преувеличивать?

Когда Джастин понял, что я не хочу говорить о Коуле, он удивил меня, предложив пойти с ним на вечеринку Рив. Я почти отказалась, ведь планировала поболтать с Коулом, и он дал понять, что мы не пара. Но опять же, меня могли не подвезти. Кэт может быть слишком больна, чтобы отвезти меня.

Джастин, должно быть, почувствовал мое нежелание, потому что добавил:

— Пойдем как друзья. Это будет весело.

В конце концов, я согласилась.

Теперь я развернула листик, который дал мне Коул, ожидая увидеть его пустым, несмотря на мою угрозу. Но нет. Там были слова. Прежде чем прочитать их, я закрыла глаза, сделала глубокий вдох... задержала дыхание... Каким бы ни был его ответ, я не буду волноваться... не буду говорить об этом. Останусь спокойной. Мои глаза медленно открылись....

На листике было написано: "Занимаемся всякой ерундой. Целуемся. Деремся".

Ох, слава богу. Прижав листик к груди, я расслабилась. Меня охватило облегчение. У него тоже были видения, а это означало, что в этой области моей жизни я была полностью в здравом уме.

Но за облегчением быстро последовало замешательство. Почему мы видели, что целуемся? Почему видели, как сражаемся с монстрами?

Как это возможно?

Между нами образовалась какая-то ментальная связь? Или мы видели будущее? Это вообще возможно? Я никогда не испытывала ничего...

Подождите. "Кроличье облако, предвещающее смерть".

Я вскочила с кровати и включила компьютер. Небольшое исследование облаков... кхе-кхе... и я узнала об окраске, влиянии на климат, глобальном освещении и бактериях, вызывающих дождь, но не более того. Дерьмо.

В мою дверь постучали.

— Али? — сказала бабушка.

— Да? — Я закрыла ноутбук, не желая объяснять свои поиски, если бабушка заглянет в мою комнату.

— К тебе пришли.

Нахмутив брови, я подошла и открыла дверь, и ухмыляющаяся Кэт влетела в мою спальню.

— Угадай, у кого сегодня счастливый день? У тебя! — Несмотря на ухмылку и дерзкие слова, она выглядела усталой, бледной и с темными кругами под глазами.

Она была одета в футболку с длинными рукавами и джинсы, которым не хватало ее обычной броскости. Почему так много девушек из Ашера носят зимнюю одежду летом? Кэт должно быть либо жарко, либо ее лихорадило.

— Ты в порядке? — спросила я, обнимая ее и ощущая прохладу, идущую от кожи. — Мне сказали, что ты заболела.

— Заболела? Я? Никогда! Мне просто нужно было немного побыть с самой собой. — Она повернулась к моей бабушке. — Было очень приятно познакомиться с вами, миссис Брэдли. У вас прекрасный дом. — Она была такой вежливой.

Это так странно.

Бабуля просияла.

— Мне тоже, дорогая. И большое спасибо за комплимент. Девочки, повеселитесь.

— Так и сделаем, — сказала я.

Бабушка подняла мне большой палец вверх, гордясь тем, что у меня наконец-то появился друг, и оставила меня наедине с Кэт.

— Твои родители разрешили тебе взять отгул просто для того, чтобы отдохнуть? — спросила я, завидуя.

— Да. Мой папа... и моя мама... говорят, что дети тоже заслуживают отдыха.

Моя мама сказала бы ее маме выбросить эту чушь из головы. "Ты никогда не должна отрываться от учебы".

— Уверена, что с тобой все в порядке? Потому что я...

— Мы не будем играть на скрипке, и устраивать грустную вечеринку.

Я не удержалась и фыркнула. Если бы мне нужны были доказательства того, что нам суждено стать друзьями, это бы меня окончательно убедило.

— Ты только что превратила грустную вечеринку в глагол.

— Ну, я крутая. Тебе не интересно, как я узнала, где ты живешь, если ты никогда не говорила мне свой адрес? — Она скрестила руки. — Даже самую малость?

— Что ж, да. И как ты узнала?

Хлопнув в ладоши и покрутившись, она сказала:

— Лёд писал мне весь день, спрашивая, как я себя чувствую. Я сказала ему, что он может быть полезным и узнать о тебе. Я бы написала тебе и спросила, но говорят, что ты провела утро с Коулом, и не хотела прерывать незаконные отношения. И кстати, я хочу услышать всю историю, когда закончу свою. В любом случае, Коул знал твой адрес, непослушный мальчик, Лёд тоже узнал твой адрес, и вот я здесь. — Она раскинула руки. — Во всей моей изысканной славе.

— Подожди. Отойди немного назад. Вы со Льдом снова вместе? — Вся эта переписка должна была означать...

— Нет! Да. Ох, я не знаю. — Она легла на мою кровать, подпрыгнув вверх-вниз. — Я имею в виду, что верю, если парень уходит от тебя, он должен прибежать обратно. Лёд еще не достаточно набегался.

Я на мгновение задумалась.

— Что, если Коул был прав, и Лёд никогда тебе не изменял? — Какими бы грубыми ни были эти парни, я не могла представить себе, чтобы они лгали, ну, хоть о чем-нибудь. Их бы не волновали последствия. Что я могла себе представить, так это то, как они оба встанут перед всеми и скажут: "Я сделал это. Именно так. Я. И что ты с этим сделаешь?"

— Вот тебе бесплатный жизненный урок. Мальчики всегда прикрывают других мальчиков. Они будут врать тебе в лицо и за твоей спиной. — Взбив подушку и удобно устроившись, она сказала: — Теперь твоя очередь. Выкладывай, что сегодня произошло!

Расхаживая перед кроватью, я рассказала ей, что мы с Коулом поехали покататься. Что он попросил меня, как бы это сказать помягче, встретиться с ним на вечеринке у Рив, и это не-свидание, и я согласилась. Она замороженно слушала, как будто я провозглашала, что конец света близок и есть только один способ спастись. Я не стала упоминать ни лес, ни ловушку на дереве, ни видения. Как сказал Коул, это было личное.

— Он никогда не ходит на вечеринки, особенно на не-свидания, — сказала Кэт, глядя на меня. — Думаю, ты ему действительно очень нравишься.

— Думаешь? — Ладно. Я такая жалкая? — Ну, это неважно, потому что я иду с Джастинем Сильверстоуном. Как друзья.

Она медленно улыбнулась.

— Джастин. Тот самый Джастин, который разговаривал с тобой за обедом?

— Да.

— Когда вы успели переспать?

— Мы не спали. Мы просто ехали в одном автобусе и начали разговаривать.

— О, милая... я не могу дождаться... это будет так эпично, и хотя ты не знаешь почему, а я не скажу, потому что это все испортит, ты только что сделала меня самой счастливой девушкой в мире... а теперь я сделаю тебя второй. Я беру тебя шпионить за Коулом. — Ликия, она потерла руки. — Жизненный урок номер два. Шпионаж — это лучший... и единственный... способ узнать правду.

Я уже хотела ее спросить о Джастине, когда мое внимание привлекли два слова. Коул и шпионаж. Не может быть. Просто не может быть. Он поймает нас.

— Держу пари, мы увидим его без рубашки, — сказала она.

— Я в деле, — сказала я.

— Потрясающе! Потому что мы идем сегодня вечером!

"По темноте?" Я чуть не вскрикнула.

— Х-хорошо.

— Ты так рада, — сухо сказала она.

Слишком многое может пойти не так. Что, если я увижу монстров? Как отреагирую? А тут еще и крошечный арбалет, который Коул припрятал в кобуре на ноге. Удивлять его было не самой лучшей идеей.

— Может быть, нам стоит хорошенько подумать об этом. Я не уверена...

Кэт вскочила на ноги и схватила меня за руку.

— Нет. Никаких отказов. Ты еще поблагодаришь меня за это. Обещаю.

— Но...

— Ла-ла-ла-ла, я не слышу тебя.

Эмма сделала бы также, и, кажется, я хрюкнула от смеха.

— Умница, — сказала она, вытаскивая меня из комнаты. — А теперь смотри, как я творю магию.

После ужина я оказалась пристегнутой ремнем безопасности в ее розовом "Мустанге", мчавшемся по шоссе. Каким-то образом она убедила бабушку и дедушку позволить мне остаться у нее на ночь. Это была моя первая в жизни ночевка.

На мгновение мой подбородок задрожал, и мне пришлось несколько раз сглотнуть, но я как-то удержалась от слез. Эмма всегда хотела остаться у кого-то с ночевкой.

— Нервничаешь? — спросила Кэт.

— Немного. — Только если "немного" подразумевает "много". По крайней мере, кролик по-прежнему не появлялся.

— Почему?

Потому что я не ездила вечером на машине после аварии и не могла удержаться от того, чтобы не вцепиться в сиденье, а мой желудок представлял собой извивающийся рвотный пузырь, готовый вот-вот лопнуть.

— Машины. — Только и смогла вымолвить.

— Ох, да. Ну, не волнуйся, я лучший водитель, которого ты когда-либо встречала. Клянусь тебе, положив руку на сердце, что я попадала только в три аварии, где две из них были по моей вине.

Это успокаивает.

— У Коула было около миллиарда, — добавила она, — и ты ездила с ним, верно?

— Верно. — Но с ним я чувствовала себя в безопасности... защищенной. А сейчас? Не очень.

Солнце все еще светило, но быстро садилось, почти не давая света. Хотя остаток света успокаивал. По крайней мере, именно такая мантра звучала в моей голове. Постепенно я расслабилась.

— Куда мы едем? — спросила я. — На игру?

— Нет. Коул никогда на нее не ходит.

— Тогда куда?

— Несколько вещей, которые я узнала о наших парнях, когда встречалась со Льдом. Примерно раз в две недели до них невозможно дозвониться, ни до одного из них. Чем бы они ни занимались, это совершенно секретно. — В конце ее голос приобрел насмешливый

оттенок. — Это было два дня назад, значит, вчера они провели ночь, залечивая свои раны. Эту они проведут, празднуя то тайное, что они празднуют через два дня после исчезновения и через день после исцеления. Они будут в "Сердцах", самом эксклюзивном клубе.

Я выпрямилась. "Раз в две недели". Тот же временной интервал, который я обнаружила для монстров. Это может быть совпадением, но... Коул пытался рассказать мне что-то о следах и ловушках сегодня. У него были травмы в ночь после того, как я увидела Невестище. У нас было видение, как мы вместе сражаемся с монстрами.

Он, должно быть, видел их и в реальной жизни. Он должен был.

— Когда парни пропадают, — сказала я, стараясь не поддаваться волнению, — ты знаешь, где они?

— Нет, но, как я уже сказала, они всегда избитые на следующий день. Некоторые из них даже пропускают несколько дней или недель в школе. Странно, если хочешь знать мое мнение, то доктор Райт никогда не говорит им об этом, так почему я должна это делать?

Еще одна крупная доказательств. Продолжительность времени восстановления. Серьезные травмы от серьезных существ. Действительно ли он и его друзья искали и воевали с этими монстрами?

Если так... значит, монстры были настоящими. Это означало бы, что мой отец был самым здравомыслящим человеком в доме. Это означало бы, что все, что он когда-либо говорил, было правдой, а я ошибочно обвиняла его в паранойе.

— Надеюсь, ты в восторге, потому что этот клуб — просто супер! — сказала Кэт. — Формально детям нашего возраста туда нельзя, но Коула и компанию всегда пускают. Наверное, это связано с их устрашающим видом. В любом случае, Лёд внес меня в список, и поскольку он втайне надеется, что я сделаю именно это и буду шпионить за ним, я просто уверена, что он не вычеркнул мое имя.

Забудь о шпионаже. Я хотела поговорить с Коулом. Хотела задать ему вопросы о монстрах и видениях, оценить его реакцию. Он не сказал бы мне прямо, и я не спросила бы прямо, но, возможно, могла бы обманом заставить его рассказать. Или, не знаю, флиртовать до тех пор, пока он не сможет сдержаться. Я опустила взгляд на свою футболку и джинсы. Как я уже поняла, этот наряд не убедит его выдать какие-либо секреты.

— Э... Кэт?

— Не волнуйся, — сказала она, рассмеявшись, понимая, что именно меня беспокоит. — Сначала мы сделаем остановку. К тому времени, как они приедут в клуб, мы уже будем зажигать, даю слово.

* * *

Зажигать — неподходящий термин. Кэт отвезла нас к дому Рив, и, к тому времени, как Рив закончила с нами, мы были так на взводе, что нас, вероятно, следовало облить из шланга.

Очевидно, летом Рив посещал школу красоты... что привело меня к следующим мыслям. Очевидно, Рив была богатой.

Она жила в высоком и просторном особняке с белыми колоннами, куполообразными потолками, люстрами, усыпанными тысячами хрустальных капель, винтовыми лестницами и плюшевыми коврами с самым искусным плетением. Сзади был бассейн размером с футбольное поле. О, и в доме была отдельная часть для слуг.

Да. Слуг.

Рив одела нас в распутные, слишком обтягивающие наряды и туфли на каблуках. Мой "наряд", или, как мне нравилось его называть, пластырь, состоял из голубого корсета, мини-юбки с темно-синими оборками и рваных леггинсов. Черные ботинки со шнуровкой заканчивались чуть ниже колен.

Из-за своей бледной кожи я никогда не красилась, но Рив точно знала, какие цвета нанести, чтобы мои глаза засияли, щеки стали румяными, а губы напоминали "пухлые сладкие яблоки, которые захотят откусить все мальчишки". Это ее слова, не мои.

Кэт была одета в топ с длинными рукавами, который спускался до самого пупка, что "заставило" ее отказаться от бюстгалтера. По крайней мере, ее ноги прикрывала пара узких джинсов — повезло девушке. Вместо украшений Рив подарила ей мальчишеский галстук, который играл в прятки с ее грудью.

Рив была одета в черно-белое платье в горошек, расклешенное от бедер и заканчивающееся у колен. Она напоминала мне сексуальную домохозяйку семидесятых.

Во время моего преображения приехали Рен и Поппи.

— Не могу поверить, что мы ушли с игры ради этого, — сказала Поппи, одетая в майку, джинсовые шорты и ковбойские сапоги.

— Лучше поддерживать друзей, чем команду, — сказала Рен, — если только ты поклянешься, что мы не идем в клуб, чтобы Али могла подцепить Коула и его язвительную банду.

Кэт подняла руку ладонью вверх.

— Клянусь.

Изучая себя в зеркале в полный рост, Поппи сказала:

— Язвительная банда? Да, они неудачники, но так ли уж необходимо колдовство, Рен?

— Я не ведьма! — сказала Рен, топнув ногой.

— Я тоже. Но парень в Старбаксе приставал к тебе, а не ко мне, а обижаешься ты.

— Он просто хотел приударить за мной.

— Нет.

— Да!

Они продолжали спорить, пока мы шли к внедорожнику Рив. Ночь была в самом разгаре, отбрасывая тени на дом и подъездную дорожку. Фонари на крыльце изредка давали безопасное убежище и заставляли меня идти вперед. Страх не мог управлять мной сегодня ночью. Я не могу ему позволить. Сегодняшний вечер был слишком важен, моя миссия слишком ответственна.

По дороге я заметила облако похожее на кролика. Я попросила Рив сбавить скорость, на мгновение подумав, что мы попадем в аварию. Но, чудо из чудес, я, видимо, ошибалась. Мы благополучно добрались до клуба, без аварий и смертей.

Кэт назвала свое имя двум огромным вышибалам, от которых в любой другой ситуации я бы с криком убежала, и они позволили нам обойти сотни людей, ожидающих у входа. Мы вошли внутрь, громкая, буйная музыка мгновенно ворвалась в мои уши.

— Разве это не прекрасно? — Кэт пришлось кричать, чтобы ее услышали.

Прекрасно не то слово. Я, конечно, видела такие вещи по телевизору. Читала о них в книгах. Слушала рассказы моей мамы. Но это было захватывающе, смешанное со страхом и посыпанное множеством вещей, которые не могли происходить прямо у меня на глазах.

На танцполе мужчины и женщины извивались с гибкостью Цирка дю Солей. В баре парни делали шоты девушкам. В углах происходило множество поцелуев. Я чувствовала

запах пота, духов и еще чего-то, чего не могла определить.

В здании было два этажа. На первом этаже располагался танцпол, а на втором сидели VIP-персоны. Железные перила огибали второй ярус, обеспечивая хороший обзор для тех, кто находился наверху. Там я могла разглядеть черные кожаные диваны и кресла, железные столы и...

Коула.

О, слава Богу, вот и он. Сидел на одном из диванов, лицом ко мне, рядом с ним был Лёд. Он разговаривал с кем-то напротив него и смеялся. Это веселье смягчало его лицо, делая менее страшным и более голливудским. Сегодня на нем не было кепки. Он был одет в черную футболку, которая выглядела так, будто на нее была нанесена краска, и выглядел совершенно сексуально привлекательно, и мне хотелось бы увидеть его нижнюю часть тела.

Я толкнула Кэт в живот и показала пальцем. Она проследила за ним и захлопала.

— Отлично! — Поднявшись на цыпочки так, чтобы оказаться у моего уха, она сказала: — Пора приступить к операции "Парни будут плакать". Первый этап — заставить их обратить на нас внимание.

— Что? — крикнула Рен. — Я думала, мы собирались потанцевать.

— Это мы и сделаем, — сказала Кэт.

— А как насчет шпионажа? — потребовала я. Это мой билет к Коулу.

— Мы не сможем шпионить за ними, если они не будут шпионить за нами, не так ли?

Искаженная логика, но ладно. Я хотела поговорить с Коулом, и поговорила бы с ним, но подумала только одно: "Вот дерьмо, это добром не кончится".

Глава 9

Безумное чаепитие

Хорошо. Итак. ОПБП. Этап первый, часть А: Кэт стащила пиво с подноса проходящей мимо официантки, сделала глоток, затем передала его Рив, которая сделала глоток и протянула его мне.

— Это расслабит тебя, — пробормотала она.

Не сделав ни глотка, я передала пиво Поппи, которая скорчила гримасу и вручила его Рен, которая поморщилась и поставила его на стол. От него пахло соляжкой и заплесневелым хлебом, и, кроме того, я слишком легко вспомнила все проблемы, которые алкоголь создавал моему отцу. Я ни за что этого не повторю.

Этап первый, часть Б: танцевальная программа "двигайся и удивляй". Мы образовали поезд, прокладывая себе путь к центру. Там Кэт каким-то образом заставила всех остальных сделать несколько шагов назад, оставив нас в нашем личном кругу. Любой, кто наблюдал с верхнего этажа, не смог бы нас не заметить.

В отличие от Эммы, я понятия не имела, как танцевать грациозно. Или привлекательно. Но наблюдала за тем, как другие девушки двигают руками и бедрами, и подражала им. Должно быть, у меня получилось, потому что девчонки улыбнулись мне в знак поддержки.

Прошла вечность, когда я подозвала Кэт к себе и она подошла ко мне.

— На самом деле я не хочу, чтобы Коул шпионил за мной. Я хочу, чтобы он поговорил со мной.

— Что ж, он поговорит. Но послушай, что бы ты ни делала, — сказала она, двигаясь позади меня и положив руки мне на бедра, — не смотри вверх. Я сейчас начну второй этап. А третий этап начнется вскоре после этого, и от нас больше не потребуется никаких действий, так что будь готова.

С силой воли, о которой и не подозревала, я взглянула на нее через плечо, а не на парней.

— Я хочу, чтобы это произошло, но у меня плохое предчувствие по поводу правильности наших действий.

— Хорошо. Поверь, мы на верном пути. Итак, поехали! — Как сексуальный котенок, которым я уже начала ее считать, Кэт покружилась вокруг меня и ткнула пальцем в группу ультракрасивых незнакомых парней.

Этап второй: разжигание пламени ревности.

Парни охотно присоединились к нашему маленькому кругу. Уже через несколько минут мужские руки блуждали, а мягкие тела сталкивались с твердыми. Мне было неудобно и неловко и пришлось убирать пальцы одного парня от моей попы, но я продолжала танцевать, полная решимости довести план Кэт до конца. Я ни разу не посмотрела в сторону Коула.

Когда я заметила, что выражение лица Рив было таким же напряженным, как и, вероятно, мое, я повернулась в ее сторону... да, неуклюже... позволяя нам сосредоточиться друг на друге.

Несмотря на то, что один из парней танцевал сзади нее, она улыбнулась мне с облегчением.

Наконец, я начала растворяться в музыке. Мои руки поднялись над головой, а глаза закрылись. Я раскачивалась, кружилась... и врезалась в твердую грудь. Это был парень!

Клянусь. Я подняла голову, готовая сказать незнакомцу, который решил меня преследовать, чтобы отстал. Я...

Я не должна была сомневаться в Кэт.

Фиолетовые глаза смотрели на меня, в их глубине плескалась едва сдерживаемая агрессия. Жесткие руки легли на мою талию, притягивая меня ближе... ближе... ближе... пока нас не разделяли лишь миллиметры.

Слово "отвали" так и не сорвалось с моих губ. И, как это ни странно, видений тоже не было.

— Давай потанцуем, — сказал он.

— С тобой? — пропищала я. "Возьми себя в руки, Белл". Адреналин забурлил в моих венах. Этот парень возбуждал меня так, как я никогда раньше не ощущала.

Краем глаза увидела, что Лёд присоединился к Кэт. Они спорили и целовались, спорили и целовались. Парень, которого я не знала, встал перед Рив, он хмуро смотрел на Бронкса, который отгонял незнакомых парней от нас. Он выглядел готовым убить любого, кто рискнет протестовать.

Никто не стал.

Другие парни из группы Коула пытались танцевать с Поппи и Рен, но девушки игнорировали их, отворачиваясь.

Коул обхватил ладонями мои щеки и вернул мой взгляд к себе.

— Почему мы не можем потанцевать?

Может быть, потому что на первый взгляд он выглядел так, будто ел щенков на завтрак, а котят на обед? Что касается того, что ему нравилось есть на ужин... это нельзя обсуждать в культурной компании.

— Потому что ты считаешь это глупым? — Слова прозвучали как вопрос, а не как утверждение, как я рассчитывала.

— То, что позволяет парню лапать девушку, вовсе не глупо. Это гениально.

Когда он притянул меня еще ближе, я пробормотала:

— Ничего не знаю об этом.

— Тогда я покажу тебе. А сейчас обними меня.

— Снова приказы. — Но знаете что? Я повиновалась. Даже провела пальцами по его спине и запустила их в его мягкие, шелковистые волосы. Просто не могла удержаться. Прикосновения к нему были навязчивой идеей.

Его зрачки расширились, черный цвет затмил весь фиолетовый.

— Большинство людей так боятся меня, что сразу же повинуются, как только я заговорю.

Просто предположение, но большинство людей не представляли себе его язык у себя во рту.

— Я не большинство.

— Знаю. Чего я не знаю, так это почему ты здесь.

Его язвительный тон сказал мне гораздо больше, чем слова. Мне не были рады.

— Хотела попробовать что-то новое, — сказала я, подняв подбородок. Я не стала упоминать о своих планах поболтать с ним. И все же. В этот момент мне пришлось убедить себя, что есть три вещи, которые я не позволю ему сделать. Первая — смутить меня. Вторая — запугать. Или третья — заставить сбежать.

Его хмурый взгляд стал менее мрачным и более растерянным.

— Что-то новое? Танцы?

Не только это, но я просто сказала:

— Да.

— И ты позволила какому-то незнакомому парню из колледжа облапать тебя? Это глупо, Али.

"Я не буду смущаться, я не буду смущаться".

— Во-первых, он не лапал меня, а во-вторых, ты не лучше него.

Помолчав минуту, он сказал:

— Знаешь, ты ужасно влияешь на мое эго?

Могу сказать то же самое.

— Но я не могу стоять в стороне, — добавил Коул.

Я почти растеклась лужей.

— Мне знакомо это чувство, — призналась я.

Его взгляд опустился на мои губы, задержался на мгновение, а затем снова поднялся. Но это не помешало ему наклониться, прижаться губами к моему уху и сказать:

— Так ты представляла, как целуешь меня. — В его голосе появились хриплые нотки.

Что-то интимное, только для меня, и на моих щеках вспыхнул румянец.

Я хотела поговорить с ним об этом сегодня вечером, но именно он поднял эту тему.

Очко в пользу Али. Я подметила:

— Как и ты представлял, что целуешь меня.

— Знаю. Так как ты заставляешь меня это делать?

— Я? Ты, должно быть, шутишь.

— Да, ты. И я никогда не шучу. — Он крепче прижал меня к себе, как будто ожидал, что я сбегу. — Это должна быть ты. Ничего подобного со мной раньше не случилось.

— Со мной тоже ничего подобного раньше не случилось, так что виноват ты!

Коул поднял голову, изучая меня, и я не была уверена, радоваться или злиться причине такой напряженности.

— Давай посмотрим на это с другой стороны. Ты не думала, каково это будет на самом деле?

Я... не знала, что на это ответить. Мы продолжали двигаться, покачиваясь. Его пальцы сжали мою талию, опустились и остановились на моей попе, но убрать его руки было последним, что я хотела сделать.

— Так что? — настаивал он.

Я решила сказать правду.

— Да, думала.

— Я тоже, — прохрипел Коул.

Мои колени почти подкосились.

— Хочешь сказать, ты...

— Хочу узнать, как это будет в реальности? Да.

Здесь? Сейчас? Моей первой реакцией была паника. Второй — еще большая паника.

— Или нет, — добавил он беспечно. Я почувствовала, как его руки расслабились. — Я привык пугать людей, но не чем-то подобным.

Я крепче прижалась к нему, заставляя остаться со мной.

— Просто... ну, я никогда... — "Замолчи!" Он посмотрел на меня с легким замешательством и недоверием.

— Хочешь сказать, что никогда не целовалась?

Я сжала губы. Он был в таком замешательстве, а его тон граничил с оскорблением.

— Да. И что?

— Просто удивлен, вот и все. Ты это... ты.

Вот это ос-кор-бле-ние.

— Я? — сухо спросила я.

— Да. Горячая, — сказал он.

Подождите. Я? "Горячая?"

Он рассмеялся.

— Тебе и этого никто не говорил, да?

Я только покачала головой.

— Ты явно общалась с идиотами. — Его взгляд опустился на мои губы... и там задержался... он стал серьезным. — Я собираюсь поцеловать тебя, Али.

Здесь? Сейчас? Я снова подумала об этом, и моя паника вернулась, а в голове произошло замыкание.

— Думаю, у меня плохо получится, и мы не очень хорошо знаем друг друга, и ты не... И я не... И мы не можем... — Слова лились из меня, но ничего не получалось толком сказать.

— Очевидно, не знаем. Но у тебя получится. И мы можем. — С этими словами он опустил голову, прижался своими губами к моим и украл мое дыхание.

Остались только Коул, этот момент, его губы... его вкус. Мята и вишня. Его тепло, окутывающее меня. Его сила, окружающая меня. Как будто мы снова на парковке продуктового магазина, и "Jeep" позади меня. Я отдалась ощущениям, забыв обо всем, кроме Коула.

Должно быть, он тоже забыл обо всем, кроме меня, потому что поцелуй изменился с нетерпеливого и любопытного на голодный. Он пожирал меня, и я отвечала тем же. Мои руки блуждали по его спине, ногти царапали. Я была неопытна, да, но, как и в видениях, он точно знал, что делает.

Этот поцелуй... опьянял. Заставлял меня чувствовать самой собой. Так долго я хотела, чтобы моя жизнь была не более чем сном. Теперь, когда эмоции и ощущения захлестнули, я хотела этой реальности. И хотела оставаться в безопасности и силе его объятий. Я хотела отдать ему все. Здесь и сейчас. Хотела, хотела, хотела. "Хотчу прикоснуться к нему. Хочу снять с него футболку". Я потянулась к ее подолу.

Он потянулся к краю моего топа.

Внезапно, Коул исчез.

Подождите.

— Вернись, — потребовала я, странный туман заполнил мою голову.

Я слышала голос издалека. Но не могла понять чей он.

У меня зазвенело в ушах. Дрожая и задыхаясь, я попыталась сосредоточиться на том, что происходит вокруг. Первым я заметила Льда. Должно быть, он оттолкнул Коула от меня, потому что теперь стоял между нами, вытянув руки, увеличивая между нами расстояние. Его рот двигался. Он говорил, но я не могла понять ни слова.

Танцующая девушка врезалась в меня, и я отошла в сторону. Другая девушка, нахмурившись, толкнула меня в сторону. Я споткнулась и упала на пол. Увидев это, Коул разозлился. Попытался добраться до меня, но Лёд остановил его. Конечно, это привело к тому, что его злость перешла на Льда. Коул отдернул локоть и сжал кулак, готовясь ударить

друга по лицу.

Бронкс оказался за спиной Коула и обхватил его грудь большими руками, удерживая в неподвижном состоянии. Коул пытался вырваться, и ему бы это удалось, поскольку он явно самый сильный из троих, но тут в схватку вступил другой парень, который танцевал с Рив.

К счастью, туман в моем сознании рассеялся, а звон в ушах утих. Мир снова обрел четкость. Все тело вспыхнуло от жара. Я только что поцеловала парня на глазах у всех в клубе. И не просто поцеловала, а чуть не съела его.

Еще одна черта, которую я унаследовала от отца. Несколько раз, когда мои родители думали, что мы с Эммой находимся в своих комнатах, они так интенсивно это делали... и мне приходилось молиться, чтобы кто-нибудь прочистил мои глаза наждачной бумагой, а разум — отбеливателем.

Кэт появилась рядом со мной и помогла встать на ноги.

— Что случилось? — спросила она, ошеломленная не меньше меня.

— Не знаю. — Я только хотела поцеловать его, узнать каково это. Планировала остановиться через минуту... может быть, две. А теперь Лёд смотрел на меня с таким видом, будто я вонзила нож в сердце Коула и смеялась, пока он истекал кровью. — Прости. Я не хотела, чтобы это произошло.

Понемногу я отступала от него. Наши вопросы и ответы могли подождать. Я собиралась притвориться, что не нарушила сегодня три правила, и сбежать.

— Али. — Внимание Коула сосредоточилось на мне. Внезапно я стала мишенью, жалкой косулей для голодного льва. — Не смей убежать.

— Прости, — повторила я. Мне нужно было убраться отсюда. Сейчас же.

Вырвавшись из объятий Кэт, я повернулась и протиснулась сквозь все еще извивающиеся тела на танцполе. Прожектор отбрасывал лучи розового, голубого и желтого цвета. Куда мне идти... и как мне туда добраться... я не знала. Я была в нескольких милях от дома, и никак не могла идти в темноте.

— Это становится плохой привычкой, — прорычал Коул, внезапно оказавшись рядом со мной. Его рука обхватила мою талию. — Ты убегаешь, я преследую.

Я не могла заставить себя посмотреть на него. Его выражение лица могло сломить меня.

— Мы не должны делать этого снова, — сказала я. Никогда.

— Почему?

Я заметила, что он и так понял, о чем идет речь.

— Как ты заметил в лесу, я не знаю тебя, а ты не знаешь меня, но мы почти... ну понимаешь... на людях!

— Ну понимаешь. Ты это так называешь?

Он насмеялся надо мной?

— Хочешь, чтобы я ударила тебя?

— Нет, я хочу, чтобы ты успокоилась и выслушала меня.

— Этого не будет.

Он устало вздохнул.

— Даже если пообещаю больше не подходить к тебе на людях?

— Нет, — огрызнулась я и не была уверена, обрадовалась или рассердилась из-за его уверенности.

— Пойдем, я отвезу тебя домой. — Он переплел наши пальцы и пошел впереди меня,

указывая дорогу. Все расступились, как будто он был Моисеем, а они — акулами в Красном море.

— Я не поеду с тобой домой.

— Еще лучше.

Теплый ночной воздух расслабил меня. Не столько жара, сколько свежий, чистый аромат. Ни духи, ни пот не задерживались на ветерке, и я могла глубоко дышать, наслаждаясь. Коул не сбавлял темпа. Он просто шел вперед, к... своему "Jeep". Он припарковался в конце стоянки, под фонарем, под таким углом, чтобы иметь возможность выехать на дорогу. Крыши и дверей не было.

— Я поеду с тобой, — сказала я, — но только ненадолго.

— Прекрасно.

— Почему Лёд на меня обиделся?

Помолчав, Коул сказал:

— Ты новенькая, и мы не знаем, что с тобой делать. Кроме того, я должен проявлять осторожность в общении с тобой, но уже несколько раз нарушал правила и подвергал себя опасности.

Он сказал правду, без утайки, но эти слова меня не успокоили. Он и его друзья обсуждали меня и явно считали меня... сталкером, следящим за ним... подлой.

— Думаю, нам не стоит встречаться завтра. — Слова прозвучали резко. — Будет проще, если мы...

— Мы встретимся завтра. Даже не пытайся отказаться от нашего свидания.

— Свидание! Ты же сказал, что это не-свидание. — Если честно, я уже не была уверена, что хочу с ним встречаться. Я не была готова к такому парню, как и он. Не могла с ним справиться.

— Неважно. Мы должны узнать друг друга получше.

— Узнаем, возможно, — сказала я. — Но я иду на вечеринку с другим парнем. — Не должна была ему объяснять, но не могла удержаться, чтобы не добавить: — Это не свидание, мы просто друзья, но я...

Коул остановился посреди дороги и повернулся ко мне. Его глаза сузились.

— Кто он?

Нет. Я ни за что не скажу ему. Может, у меня и не было опыта общения с парнями, но я знала, что он будет угрожать Джастину, просто чтобы доказать свой статус крутого парня Ашера. Проблема была в том, что он доведет дело до конца.

— Ты ничего ему не сделаешь. Обещай.

Его глаза еще больше сузились.

— Обещаю не убивать его, пойдет?

Ладно, это зашло слишком далеко.

— Почему ты хочешь его убить?

— Не знаю. Просто хочу и все.

Как содержательно. Моей первой мыслью было: "Я должна отменить встречу с Джастином на тот случай, если настроение Коула будет таким же завтра вечером." Второй: "Я не могла позволить настроению Коула диктовать мою жизнь."

— Больше ничего не хочешь мне сказать? — спросил Коул.

Я подняла подбородок в знак неповиновения — должно быть моя новая привычка.

— Нет.

— Ну, еще посмотрим. — Он снова начал идти, потянув меня за собой. Мы подошли к его машине, и он положил руки мне на талию, чтобы помочь сесть. Не успел он поднять меня, как все его тело напряглось. Он принюхался.

Рефлекторно я тоже понюхала воздух.

Пахло гнилью.

Меня охватила паника. Такой же запах был на заднем дворе две ночи назад, когда я выскочила на улицу с бейсбольной битой, намереваясь противостоять Невестище.

Прошло только две ночи. "Слишком рано".

— Коул. Нам нужно уходить.

— Тебе нужно уйти. Я остаюсь.

Я моргнула, и Коул достал арбалет. Мою кожу покрыл холодный пот.

— Коул?

— Возвращайся внутрь, Али.

Звучало как отличный план, учитывая, что у меня нет оружия, но я осталась на месте.

— Пойдем со мной. — Если он останется здесь, один... нет! Я не могла позволить ему, не могла оставить его наедине с опасностью, какая бы там ни таилась. Он мог знать, что это такое, думаю, он и его друзья могли охотиться на это, но я не собиралась смотреть, как еще один человек попадает в руки к монстрам. — Пожалуйста.

— Скажи парням, что мне нужна их помощь, — сказал он, игнорируя мою просьбу.

В этот момент Коул напомнил мне отца: он смотрел во все стороны, напряженный, настороженный, готовый ринуться в бой.

— У меня было еще одно в-видение, — я заикалась, мой разум заиклился на этой мысли. У нас был поцелуй. Почему бы и этому не случиться?

Я должна была рассказать ему все подробности, на которые у меня не хватало смелости раньше. Если промолчу, он останется здесь, не заботясь о своей собственной безопасности.

— Я не знаю, что было в твоём, но в моём вокруг нас были монстры, которые хотели нас съесть. — Слова хлынули из меня потоком. — А другой ночью я видела двух из них за своим окном, по-настоящему, а не в видении. Тогда я подумала, что сошла с ума. — Теперь не была так уверена. — Они наблюдали за мной, и когда я пошла проверить, там были следы. Те самые, которые ты мне показывал.

Коул втянул воздух, показывая, что услышал меня, но даже не взглянул в мою сторону. Он смотрел прямо перед собой, явно ожидая приближения угрозы. Если это произойдет, увидит ли он монстра или нет? Увижу ли я?

— Ты хоть понимаешь, что ты только что...

Вдалеке хрустнула ветка, и он замолчал.

Луч лунного света озарил четверку ковыляющих мужчин, их одежда была грязной и рваной. Глаза впалыми, кожа покрытая язвами, кости пальцев сросшимися и скрюченными. Волосы кусками выпадали с их головы, оставляя их в основном лысыми.

Тошнота накатила на меня с такой силой, что я чуть не согнулась пополам.

— Пойдем со мной, Коул. Пожалуйста!

— Возвращайся в клуб! — крикнул он мне... и помчался в сторону монстров.

* * *

Не было времени осознавать тот факт, что Коул действительно видел монстров, что это не галлюцинация, что мой папа всегда был прав, что монстры съели его и мою маму. Об

этом подумаю позже, и я подозревала, что буду кричать, плакать и злиться.

Сейчас я должна сражаться, должна применить навыки, которым научил меня отец. Я не могла позволить Коулу сражаться с монстрами в одиночку, независимо от того, есть у меня оружие или нет.

Вдох... выдох... как будто я стала частью фильма, и кто-то управлял сценой, мир замедлился вокруг меня. Я смотрела, как бежит Коул и его... о, боже милостивый. Коул раздвоился. Один Коул превратился в двух Коулов.

Отрывок, который я прочитала в том дневнике, внезапно всплыл в моей памяти. "Мы — духовные существа, душа — наш источник силы... и разум и эмоции, и мы живем в теле".

Не может быть. Конечно, нет... но какое еще может быть этому объяснение? Душа Коула только что покинула его тело.

Теперь его было двое, и оба были одеты одинаково. Коул Один... его тело, скорее всего... выглядело крепким, а вокруг Коула Второго клубился какой-то туман. Наверняка его душа.

"Его душа".

Это было слишком тяжело понять. Его тело стояло совершенно неподвижно, в то время как душа продолжала бежать вперед. Я наблюдала, как он натянул арбалет и пустил стрелу. В воздухе у стрелы появились маленькие острые наконечники, и эти наконечники перерезали горло одному из существ.

Я не увидела крови, но рана определенно была. Все тело существа задрожало, затем оно замерло, его голова отделилась от тела, и обе части упали на землю. И все же тело монстра двигалось. Его глаза по-прежнему моргали, а зубы щелкали в сторону Коула.

Даже в таком виде он был еще живым.

Как это возможно?

Коул выпустил еще одну стрелу, попав в другое существо, а через несколько секунд встретил кулаками двух оставшихся. Он наносил удары, уворачивался, крутился, пригнувшись, он достал другое оружие, спрятанное в сапоге. Нож.

Сзади меня раздался стон. Я обернулась. Еще три монстра решили присоединиться к нашей танцевальной вечеринке. Двое мужчин и одна женщина. Я узнала их пол только потому, что мужчины были в смокингах, а женщина — в кружевном розовом платье, застегнутом на талии. Хотя они и не были тем женихом и невестой, от них исходила та же угроза.

У моей паники выросли крылья, и она пронеслась по всему телу. Эти твари убили моих родителей. Эти твари убили моего дедушку. Я не могла позволить им напасть на Коула, пока он занят с остальными. Он проиграет.

Ярость вскипела во мне, затмевая панику. "Эти твари убили моих родителей. Они убили моего деда. Они хотят убить Коула".

Эти твари должны умереть.

Сделав еще один глубокий вдох, я тоже бросилась вперед. Мне ничего не мешало на пути, припаркованные машины выстроились по обеим сторонам, создавая для меня свободный путь. Из их израненных лиц, смотрящих на меня, сочилась черная слизь, и вблизи я увидела, что глаза у них тоже черные, остекленевшие и блестящие от дикой тоски. И хотя один из них сторбился и ковылял на, похоже, сломанных лодыжках, а у другого фактически отсутствовала нога, они двигались с удивительной скоростью.

Как и Коул, я напала в тот момент, когда оказалась рядом с ними... но мои кулаки

прошли сквозь их тела. Я чувствовала только воздух. Ну, воздух и волну отвращения, которая бурлила в моих венах.

Существа тоже потянулись ко мне и тоже промахнулись, но снова волна отвращения превратила мою кровь в едкую кислоту. Я попятилась назад и врезалась в машину. Монстры следили за моими движениями, приближаясь.

Ярость вылилась в звездную вспышку энергии, которая направила меня вперед. На этот раз я попаду в цель. Ничто меня не остановит.

И что вышло? Я оказалась права. Ударила и попала в цель. Волны отвращения сменились ледяным холодом. Мне никогда в жизни не было так холодно. Дрожь сотрясла меня, когда существа попытались вцепиться в мои руки, царапая меня. Я вывернулась из их рук, и мои мышцы напряглись, как будто я никогда раньше их не использовала... и в этот момент увидела себя стоящей возле машины.

Но я же была здесь, сражалась. Не так ли? Или... я стала как Коул? Неужели моя душа теперь каким-то образом действовала вне тела? Но как такое возможно? "Не могу это понять..."

Это замешательство дорого мне обошлось. Чужие пальцы схватили меня за волосы и рывком повалили на землю.

В голове прозвучал совет отца. "Если упадешь, не сдавайся, попытайся встать."

Да! Я же тренировалась. У меня получится сделать это. Я выгнула спину, давая руке больше пространства для удара. Мой кулак врезался в нос существа, отбросив его назад. Я потеряла несколько прядей волос, но освободилась.

Повернувшись, ударила ногой, попав другому существу... женщине... в живот, отбросив ее назад. Она перелетела машину и встала с другой стороны, приходя в сознание. Ее взгляд остановился на мне, и я поняла, что она планирует со мной покончить.

Ей придется встать в очередь. Тот, кого я свалила на землю, перевернулся и пополз ко мне. Я ударила его ногой по руке, потом по челюсти, и, хотя он дернулся, все равно продолжал ползти ко мне.

Как мне вырубить эту тварь навсегда? И где третья?

"Никогда не теряй из виду своего врага. Ты пожалеешь об этом." Мой отец тоже говорил мне об этом.

Как и во всем остальном, он был прав.

Меня схватили уродливые руки. Я почувствовала влажное дыхание на своей шее. Черт! Я откинула голову назад, ударив существо с максимально возможной силой. Его хватка ослабла, даже когда мой мозг запротестовал против этого действия острой болью. Повернувшись, я ударила его в челюсть с такой силой, что, кажется, перебила спинной мозг.

При падении его зубы вылетели, как конфетти. Но приземлившись, он тоже, казалось, ничего не почувствовал. Встал и, хотя его голова оказалась под странным углом, все же двинулся ко мне.

Я понимала, что за пределами нашего маленького бойцовского клуба происходит нечто столь же странное, но пока не могла понять, что именно. Что-то, о чем можно будет подумать позже. Если выживу.

Я должна выжить.

Трое моих противников продолжали надвигаться.

Я ударила одного, затем другого, одновременно пиная третьего. Все трое протягивали ко мне руки, а я уворачивалась, продолжая наносить удары. Чем дольше мы боролись, тем

сильнее билось мое сердце, и тем больше они распаялись. Чем больше распаялись, тем быстрее двигались.

Когда одному из мужчин, наконец, удалось схватить мое запястье, его хватка оказалась настолько сильной, что я не смогла вырваться. Он повалил меня на землю. Я ударила его, как и раньше, но он лишь пошатнулся, оскалив зубы.

Я не могла позволить ему укусить меня. Не могла умереть вот так.

Но как бы я ни крутилась, как бы сильно ни выгибалась, все равно не могла освободиться.

И женщина, и другой монстр опустились на колени рядом со мной. Их было всего трое, но казалось, что у них тысячи рук. Они держали меня, рвали на мне одежду, их лица опускались... опускались... когда они укусили меня, я закричала.

Жгучая, обжигающая боль охватила меня, но не смогла растопить лед, сковавший мое тело. Я была ядовитой смесью слишком горячей и слишком холодной, умирающей... желающей умереть. Их зубы впивались в мою кожу, их лица, казалось, исчезали внутри меня. Чудилось, что они грызут мои кости, не проливая ни капли крови.

Я не переставала бороться, но безрезультатно. Наконец один из них перестал кусать меня, потом другой, а потом и третий. Хоть они держали меня крепко, но смотрели с таким ужасом, как будто попробовали что-то отвратительное.

Вдруг один из мужчин схватился за голову — из его шеи торчала стрела. Он попытался отмахнуться от нее, падая вперед и приземляясь рядом со мной. Освободившимися ногами я смогла ударить женщину ногой в подбородок. Она попятилась назад. Другой монстр отпустил меня по своей воле.

Через мгновение Коул оказался позади женщины, протянул руку и приложил ладонь к ее сердцу. В этом месте вспыхнул яркий белый свет. Это длилось лишь мгновение, по щелчку свет исчез, руки Коула оказались пусты, а женщина исчезла.

Он подбежал к одному из мужчин, затем к другому, выпуская тот же ослепительный белый свет. Через секунду он навис надо мной, и наши взгляды встретились. Мы оба тяжело дышали, мокрые от пота.

— Я... Я... — Не могла говорить. Было слишком больно. Я едва могла дышать. Темнота поглотила меня целиком, и я потеряла его из виду.

"Калечить..." Это слово пронеслось у меня в голове, за ним последовало другое, такое же страшное.

"Убивать..."

Желание сделать и то, и другое переполняло меня. "Калечить... убивать..."

"Уничтожать..."

— Не говори ни слова, — прохрипел Коул. — Помолчи, пока я не соберу тебя воедино.

Я хотела сказать ему, чтобы он помог мне, отвез меня в больницу, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, но как ни старалась, у меня не получилось сказать и слова.

"Калечитьубиватьуничтожать".

Да. Я хочу этого. Должна. После этого станет лучше.

"Калечить..."

Что-то укололо меня в шею.

— Это поможет, — сказал он.

"Убивать..."

Что-то тяжелое упало на меня.

"Унич..."

Я резко вдохнула, когда мой разум затуманился, и мои глаза открылись. Коул все еще сидел надо мной, выглядя обеспокоенным, красивым и удивительно живым. Но боль, хотя и утихала, не проходила. Мне было больно.

— Это был последний, но могут прийти и другие. — Он схватил меня за предплечья и поднял на ноги. Мои колени подкосились, и, подхватив меня на руки, Коул понес к своему "Jeep".

— Мое тело, — сумела прошептать я и посмотрела в сторону машины, где его оставила. Какая странная мысль. Только меня там уже не было. Как... когда...

Я взглянула на свои руки. Мои запястья были в синяках и кровоподтеках, кровоточили, будто их действительно укусили.

Я взглянула на Коула. Он был весь в порезах и синяках.

— Ты... в порядке?

— Я в порядке. — Он посадил меня в машину, занял место водителя и завел двигатель. Сжигая резину на дороге, он кому-то позвонил. — На парковке, — сказал Коул. — Десять трупов. Я проверил, но поблизости больше никого нет. Пока нет. Со мной Али, ее укусили, так что вам придется позаботиться о них.

На этом разговор закончился.

— А как же Кэт и остальные? — спросила я, мой голос окреп, в нем было гораздо меньше раздражения. Не считая нескольких ран с незначительной болью, я снова начинала чувствовать себя нормально.

— Их отвезут в безопасное место.

Пока Коул маневрировал по улице, я обернулась, чтобы просмотреть, какую резню мы, должно быть, устроили на парковке. Но... тел не было. Как и крови. Зато были люди. Много живых, дышащих людей.

Дрожь пробежала по моей спине, когда я вспомнила, что беспокоило меня во время боя. Вокруг ходили люди, разговаривали, улыбались, искали свои машины, но они не обращали внимания на то, что произошло.

— Они не видели нас, — сказала я. Как они могли нас не заметить? Мы были прямо там, прямо перед ними, дрались, стонали... убивали!

Последнее слово эхом отдавалось в моей голове. Убивали. Убивали. Я помогла ему убить тех монстров. И была рада, что мы их убили, но...

— Нас посадят за это?

— Люди видели, как мы стояли там, а не саму драку. Так что нет, тебя не посадят в тюрьму или даже в психушку. К тому же, никаких улик нет.

Я решила верить ему. Иначе сошла бы с ума. "Или уже сошла?" — подумала, когда внутри меня зародился истерический смех. Я надеялась поговорить об этом с Коулом, но не так.

— Не понимаю, что только что произошло. Мы покинули наши тела.

— Да.

— Но как?

Его взгляд метнулся ко мне, затем вернулся к дороге.

— Ты никогда не делала этого раньше?

— Нет! — крикнула я. — Конечно, нет.

— Ну, ты ответила на один мой вопрос. Ты можешь их видеть. Поэтому я отвечу на твой

вопрос. — Как он мог так спокойно говорить. — Ты не можешь бороться со злом в своей естественной форме. С тем, что находится в потустороннем мире, нужно бороться там.

Зло. Потусторонний мир. Значит... монстры были душами? Это объясняло, как они исчезали внутри моих папы и мамы. Это объясняло, почему они могли двигаться, даже после смертельных ран. Это объясняло, почему никто больше их не видел. Но это не объясняло, почему их видела я.

— Если они души, то как смогли оставить следы в лесу? — спросила я.

— Я не говорил, что это они оставили те следы.

— Но...

— И я не говорю, что они не оставляют следов. Они могут оставлять следы. Но ты не можешь всегда винить их. Есть люди, которые преследуют таких монстров.

Подождите. Что?

— Ты?

— И группа других, но это все, что я могу сказать.

Это разочаровывает! Неужели он не видит, как отчаянно я нуждаюсь в этой информации?

И все же я сказала:

— Хорошо. Я не буду спрашивать о "группе других". Но скажи мне хотя бы вот что. Если я сражалась с монстрами, став... душой, почему у меня синяки? И как ты смог ранить их арбалетом?

— Душа и тело связаны. То, что ты испытываешь снаружи, отражается и внутри. Что касается арбалета, я взял его с собой, как и одежду. Все, что было надето на моем теле, было доступно моей душе.

Я больше никогда не выйду без оружия.

— Так что это были за существа?

— Ты правда не знаешь? — спросил он.

— Нет.

Ну, я признала, что мой отец был прав. Зло рядом. Зло реально. Моя глупая вера в то, что мы как-то отделены от него, была разбита, но теперь я поняла, что эти кусочки никогда не удастся склеить обратно.

— И все же ты знала, как с ними бороться.

— Недостаточно хорошо, — огрызнулась я. То, чему учил меня отец в рукопашном бою, помогло, да, но он понятия не имел, с чем ему придется столкнуться, потому что никогда по-настоящему не дрался. Он всегда убегал.

— Расскажи мне все, Али. Пора.

Да, он прав. Наконец то, что я скрывала от других и даже от себя, выплеснулось наружу. Может быть, потому что я никогда не чувствовала себя более уязвимой. Может быть, потому что знала, что Коул мне поверит. В итоге: я должна хоть кому-то доверять, и, к лучшему или худшему, Коул был этим человеком.

— Мой отец их видел. Он так боялся их, что пытался научить нас с сестрой сражаться с ними, на случай, если на нас когда-нибудь нападут. Но мы никогда их не видели и считали его сумасшедшим, поэтому не обращали внимания на его наставления. Хотя вряд ли он знал, что делает. Отец думал, что сможет справиться с ними с помощью пистолета. Потом он умер однажды ночью, вся моя семья погибла, и я впервые увидела монстров. Они... съели моих родителей.

Коул слушал, костяшки пальцев на руле побелели.

— Почему я начала видеть их в ту ночь? Как давно ты их видишь? Знают ли о них другие? Если да, то могут ли они сделать то, что сделали мы?

— Так много вопросов, — сказал он. — Дай мне минуту, обдумать, как тебе это все рассказать.

"Скажи сейчас же," — хотелось крикнуть мне. Но я промолчала. Мне хотелось получить ответы, но в то же время я боялась их. Они изменят мою жизнь.

Снова.

Готова ли я к новым переменам?

Что бы сказал об этом мой отец? Его лицо всплыло в моей памяти: взъерошенные светлые волосы, остекленевшие голубые глаза. После всех ужасных вещей, которые я говорила о нем на протяжении многих лет, после всех случаев, когда отстранялась от него, только он и моя мама были на правильном пути.

"Папа, — обратилась я к небу, надеясь, что он меня услышит. — Прости меня за то, что я сомневалась в тебе. Прости за все ужасные мысли о тебе и за все те моменты, когда я хотела, чтобы мама бросила тебя и вышла замуж за другого. Если бы я могла изменить свою жизнь, я бы сделала это, не подумав. Я бы любила тебя, принимала и помогала тебе."

— Во-первых, давай кое-что проясним, — сказал Коул. — Ты не можешь рассказать о том, что произошло сегодня вечером.

— Знаю.

— Даже Кэт.

— Знаю! — Если я относилась к собственному отцу как к кандидату на смирительную рубашку, то как бы отнеслись ко мне мои новые друзья? Над этим не пришлось долго думать. Меня бы сторонились, смеялись надо мной и публично унижали. Нет, спасибо.

Коул выругался себе под нос.

— Хватай руль и езжай в сторону костюмов. Сейчас же!

— Что... — сказала я, думая, что он оскорбил меня. Ошиблась! Два монстра вышли на дорогу и направлялись прямо к нам. Прямо по пятам за ними шли пятеро в костюмах.

— Али!

Как и было приказано, я схватилась за руль. Коул взял в одну руку нож, а другой схватился за крышу джипа и вылез из открытого дверного проема. Его рука, та, что сжимала нож, вытянулась... и продолжала вытягиваться, эта часть его души поднималась из тела.

Его нож зацепил несколько костюмов, наполняя воздух шипящим звуком.

Кажется, я закричала. Мой мозг был слишком занят, пытаюсь понять произошедшее, чтобы быть уверенной.

— Это живые люди, Коул! — По крайней мере, я так думала.

Через секунду он снова сидел на своем месте и вел машину, убрав нож, как будто ничего не произошло.

— Я не причинил им вреда, просто порезал их, отправляя назад.

Ладно. С этим я справлюсь.

— В следующий раз сделай мне одолжение и едь прямо на монстров. — Подождите. В следующий раз? О, нет, нет, нет. Я не хотела делать это снова. Я усвоила урок.

— Они не были самой большой угрозой.

— Но...

— Если бы Лёд и остальные наткнулись на них, то оказались бы в беде, поскольку их

внимание металось бы между людьми и... как ты их назвала? Монстрами. Так что, отвечая на один из твоих предыдущих вопросов, да, мои друзья могут их видеть. — Он бросил на меня быстрый взгляд. — И теперь у тебя еще тысяча вопросов, не так ли?

— Конечно, нет. Но как их называть, если не монстрами? Почему те люди были в костюмах? Если костюмы защищают, то почему ты и твои друзья их не носите? Или носите? — Видите, всего четыре вопроса.

— Не носим. Костюмы защищают нас от укусов, но также не позволяют нам убивать. Что касается первого вопроса...

Он включил музыку.

Намек понят. Через некоторое время он съехал с дороги, и я подумала, что он остановится. Но нет. Он свернул в лес. Мое сердце начало бешено колотиться, как будто глупый орган хотел убежать. Но Коул знал, куда едет, и никуда не врезался. Наконец он припарковался перед деревянным домиком, фары машины разгоняли тени.

Там же были припаркованы еще два внедорожника. В доме было два окна, закрытые плотными темными шторами, оставляя небольшие щели. Чтобы подсматривать, догадалась я.

Он вынул ключ из замка зажигания, и музыка прекратилась.

— Что это за место, и почему мы здесь? — Если бы он сказал, что мы находимся за городом и он планирует убить меня, потому что я теперь знаю слишком много, думаю, я бы не возражала против этого, если бы мне никогда больше не пришлось сражаться с этими монстрами... или кем они были... снова.

— Ты здесь, потому что не можешь вернуться домой в таком виде, — сказал Коул, указав на мою одежду, наклонив подбородок. — Тебе не помешало бы принять душ и переодеться, а твои раны нужно промыть.

Я осмотрела себя и поморщилась. Он был прав, мне нужно принять душ. Моя одежда была грязной и порванной, а кое-где виднелась засохшая черная слизь. На ногах у меня были царапины и синяки, а костяшки пальцев были размером с мяч для гольфа.

— Это наш загородный дом, мы приезжаем сюда, когда нам нужно отдохнуть.

Не нужно спрашивать, кто такие "мы". Его друзья.

— Значит, это не твой дом?

— Нет. Он недалеко от школы. Нам нравится это место, потому что оно уединенное и круглосуточно охраняется. Здесь ты в безопасности.

Безопасное место меня очень заинтересовало. В данный момент у меня в желудке бурлило столько кислоты, что я хотела засунуть два пальца в рот, пока не стала совсем токсичной. А может быть, это превратило бы меня в нового супергероя, как Питера Паркера и радиоактивного паука. Только я была бы Рвотной Девочкой, способной вызывать у всех отвращение.

— Я же сказала тебе, что не поеду сегодня домой. Я должна была остаться ночевать у Кэт, — пробормотала я. — Могу ли я остаться здесь на ночь, и если да... — нет причин злоупотреблять... — отвезешь ли ты меня домой утром?

— На оба вопроса ответ "да."

Хорошо. Это оказалось легче, чем ожидалось.

— Спасибо. — Получив разрешение с его стороны, я достала свой сотовый из ботинка, чтобы написать Кэт. — Я напишу ей, что мы с тобой переспали. — Просто не буду упоминать о том, что перепихон произошел из-за монстров. — Ничего?

— Да. Без проблем. Это умно. Если она придет ко мне за подробностями, а она придет, то я направлю ее к тебе, так что расскажи ей любую историю, которая, как ты думаешь, удовлетворит ее.

— Спасибо. Куда их отвезут твои ребята?

— Не знаю. Двое из них скажут девчонкам, что дискотека закончилась, и отвезут их к Рив. Они же будут следить за ее домом до конца ночи.

— Отлично. — Одним беспокойством меньше. — Ладно, поехали. — У меня ушло почти десять минут, чтобы правильно написать сообщение... "У Коула. Прости, что слилась! Не сердись, но я проведу ночь с ним. Не звони моей бабушке"... но я все-таки нажала "Отправить".

Хотя знала, что между мной и Коулом ничего не будет... я бы этого не допустила, и, судя по всему, он и не собирался пытаться... я чувствовала себя так, словно только что поставила себе на лоб огромный штамп "Бродяга".

Через две секунды пришел ее ответ:

"Оторвись, грязная девчонка! Жду завтра подробностей. PS: Если увидишь Льда передай ему, что я его ненавижу!"

Такое легкое принятие с ее стороны вызвало во мне чувство вины. Она всегда была добра ко мне, принимала меня с первого дня. Я была обязан ей многим... даже правдой, независимо от того, какой будет ее реакция.

— Ты поступила правильно, — сказал Коул, вероятно, почувствовав мое сожаление.

Я засунула телефон в карман и обхватила колени.

— Знаю. — От этого мне не стало легче.

Он протянул руку и разжал мои пальцы. Коул поднес мои пострадавшие костяшки к губам и поцеловал их.

— Не волнуйся. Теперь ты часть моего мира. Я научу тебя, как выживать в нем.

"Часть его мира". И что это значит?

— Прежде всего, хочу знать, что это за твари. Я спрашивала уже дважды, но ты так и не ответил. Так скажи мне. Научи меня. С чем мы только что боролись?

На этот раз он не стал долго молчать. Произнес одно слово. Всего одно. Но это одно слово навсегда изменило мою жизнь.

— Зомби.

Глава 10

Голодным... Нужны Твои... Мозги

"Зомби". Это зловещее слово крутилось в моей голове снова и снова, пока я стояла под струями горячей воды в душе. Кровь и черная слизь смылись, смешиваясь вместе в сливе. Болела каждая мышца. И теперь, когда адреналин схлынул, мои кости адски горели.

Только благодаря выдержке я держалась на ногах. Мне нужно больше информации.

Зомби. Кем они были?

О, я знала, о чем говорили в книгах и фильмах. Они были живыми мертвецами, без мозгов и охочими до человеческой плоти. Но... теперь я понимала, что они не были людьми. Они не осязаемы для человеческого прикосновения. Это души... как и я.

Как вообще могли появиться злые души?

Была ли я здесь в безопасности? Могут ли зомби в любой момент пройти сквозь стены ванной и напасть на меня? Могли ли проследить за грязным джипом с двумя закусками внутри? Думаю, я могла бы проследить за грузовиком "Хостесс" даже во сне.

Прежде чем поддаться панике, я напомнила себе, что зомби приходили к дому моих бабушки и дедушки, но никогда не заходили внутрь... что вызвало еще один вопрос. Они не могут войти в дом человека? В конце концов, в мой старый дом они тоже никогда не входили. Если бы попытались, вся улица услышала бы стрельбу, которую устроил бы мой отец.

Какую роль во всем этом играл Коул? Я поняла, что он и его друзья сражались с зомби. Но что еще? Они были настолько осведомлены, что тут крылось явно было что-то большее.

Стук в дверь прервал мои мысли.

— Али? Ты в порядке?

Глубокий голос Коула заставил меня вздрогнуть.

— Да. — Он спас мне жизнь сегодня ночью. Если бы не он, я бы стала ужином для зомби.

— Поторопись, хорошо? Ты не очень твердо стояла на ногах, если потеряешь сознание, я ворвусь и начну играть в доктора.

И увидит меня голой. Я тут же выключила воду и вытерлась полотенцем. Белая майка и розовые спортивные брюки лежали на крышке унитаза. Откуда, черт возьми... я обыскала всю ванную комнату, что было несложно, учитывая ее небольшие размеры, включающие только унитаз, раковину и душ. Когда я раздевалась, этой одежды там не было.

Стиснув зубы, я проверила замок, который закрыла в тот момент, когда переступила порог. Ручка не прокручивалась.

Значит... кто-то проник в ванную, положил одежду, а затем снова запер дверь. Не нужно много думать, чтобы понять кто это был. Это сделал Коул, кто же еще? Для него это пустяк. Он постоянно носил с собой оружие, тусовался в клубах для взрослых и каждую ночь сражался с монстрами. Конечно, он мог вскрыть замок.

Одевшись и высушив волосы, я быстро осмотрела свое отражение. И скорчила гримасу. Я всегда была бледной, но сейчас стала еще бледнее. Под глазами залегли тени... глаза казались больше обычного. На челюсти у меня была царапина от того, что зомби толкнули меня на асфальт.

Я бы предпочла иметь тонны косметики, фен и утюжок для выпрямления волос, а также

профессионального стилиста, который бы занялся мной, с этими мыслями я наконец покинула ванную комнату. Облако пара последовало в отведенную мне спальню. Маленькую, но уютную, с чистыми голубыми простынями, множеством подушек и...

Кому нужны была комната? Коул стоял в нескольких футах от меня, скрестив руки на груди. Очевидно, он тоже принял душ, потому что его волосы были влажными. Он не стал надевать футболку и стоял только в джинсах. Босой. Но я устала не на его ноги.

Его грудь была идеально загорелой, мускулистой... и покрытой шрамами. Некоторые напоминали следы от зубов, некоторые — следы когтей.

У него было множество красивых татуировок, несколько рисунков, но в основном слова, написанные чуть ниже ключиц. На обеих его руках были изображены косы мрачного жнеца. Каждый посох начинался у запястий и тянулся вверх, а крюки заканчивались на груди, прямо над именами. От пупка до пояса низко висящих джинсов тянулась дорожка темных волос.

— Мне надеть рубашку? — спросил он усмехаясь.

"Я не стану краснеть".

— Нет. — Он окажет миру услугу, если больше никогда не наденет рубашку, но я не собиралась говорить ему об этом. — Ты в хорошей форме.

— Рад, что ты так думаешь.

Ладно, все-таки я покраснела.

— Я имела в виду... ты... Ох, неважно! — Я слишком устала, чтобы остроумничать.

Коул усмехнулся.

— Что означают слова? — спросила я.

— Это имена, — сказал он, проводя пальцами по чернилам. — Друзья, которых я потерял в борьбе с зомби.

Я поняла, что это способ почтить их память, и в тот момент мне захотелось вытатуировать имена моей семьи на своем теле.

— В мой первый день в школе Кэт упомянула, что двое парней из твоей компании умерли от какой-то болезни в прошлом году. Это как-то связано с зомби?

Он кивнул.

— Их укусили, и они не смогли бороться с инфекцией.

В моем горле образовался ком.

— Меня тоже укусили.

— Да, но я вовремя ввел противоядие, избавив тебя от необходимости бороться с токсином. Ты же помнишь укол в шею, после того как нашел тебя? С тобой все будет в порядке.

Я помнила укол. Постепенно комок растаял, и я согрелась.

— Ты уверен?

— Уверен.

Ну что ж, хорошо.

— Пойдем. — Он протянул руку. — Уверен, ты хочешь узнать ответы на остальные вопросы.

Обрадованная этим предложением, я подошла ближе и переплела наши пальцы. Мозоли на его ладонях успокаивали меня, напоминая о силе и способности убить любого, кто будет нам угрожать.

Колу привел меня в гостиную, где нас ждали Лёд, Маккензи, Бронкс и двое незнакомых мне парней. Они сразу же замолчали, как только заметили меня. Когда их взгляды

переместились на наши сплетенные руки, на их лицах появилось злобное выражение.

Я попыталась убрать руку, но Коул держал крепко. Он упрямо поднял подбородок, напоминая мне меня.

— Хотите что-то сказать? — спросил он них.

Конечно хотели. Они начали быстро тараторить.

Лёд:

— Её не должно быть здесь.

Коул:

— Может и нет, но она здесь.

Неизвестный парень номер два:

— Мы ничего о ней не знаем.

Я бы назвала его Спайк. Его темно-каштановые волосы торчали во все стороны, как будто его ударило током.

Коул:

— Мы это исправим.

Маккензи:

— Она — обуза. Она все разболтает.

Коул:

— Да ладно. Мне практически пришлось выпытывать у нее информацию.

Неизвестный парень номер один:

— А как насчет того, что она с тобой проделывала?

Я бы назвала его Говнюк. Тут объяснения не нужны.

Коул:

— Очевидно, я делал то же самое с ней. Мы не знаем, что и почему вызывает эти видения, но они происходят с нами обоими.

Спайк:

— Ты доверяешь ей?

Коул:

— Слушайте, она остается с нами, и это окончательное решение.

Все остальные: что-то проворчали.

Я заметила, что Коул проигнорировал вопрос о доверии.

— Спасибо, что приняли меня, — сказала я. — Правда. Для меня это много значит.

Это вызвало несколько (еще больше) взглядов в мою сторону. Коул сжал мою руку, но было ли это утешением или предупреждением, оставалось только догадываться... и догадалась, что это предупреждение. Его друзья важны для него, и он не хотел бы, чтобы я умничала.

Я снова попыталась вырвать руку из его хватки, но он не отпускал.

— Не пытайся сбежать, — пробормотал он. — Стой спокойно.

— Я не пытаюсь сбежать, — пробормотала в ответ. — Просто хочу освободить руку, чтобы дать тебе подзатыльник.

Он постарался скрыть свою улыбку, заметив:

— Другая рука свободна.

— Что ж, желание причинить тебе боль уже прошло.

— Да я счастливчик.

— Ты даже не представляешь какой.

— Я понял в ком проблема, — сказал Говнюк.

Проблема во мне? О, а это обидно.

— Я не принесу проблем, — сказала я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. — Либо ты доверяешь мне, либо нет. — Эти люди были его друзьями, и они считали его лидером. Это означало, что его решение должны принять и смириться с ним. — Кроме того, что я могу сделать?

— Рассказать людям, кто мы такие, — сказала Маккензи.

Одновременно с ней Лёд сказал:

— Покажешь не тем людям, где мы храним наше оружие, и превратишь это в еще одну катастрофу.

Катастрофу?

Спайк сказал:

— Помимо этого, она втянет нас в кучу юридических проблем.

Следом последовало:

— Она выставит нас сумасшедшими и засадит за решетку навсегда. — Затем последовала еще одна фраза. — Превратит нас в посмешище. — И, наконец. — Приведет гнездо зомби прямо к нашему дому.

Лаадно. Очевидно, мои слова их не убедили. Поэтому, не стоит даже пытаться.

— Ее можно натренировать, — объявил Коул. — Она уже наполовину приличный боец. Мы можем использовать ее.

Наполовину приличный? Использовать? "Мило". Он знал, как заставить девушку почувствовать себя особенной, верно?

— А стану еще лучше. Вот увидите. Я быстро учусь, и я целеустремленная. Просто дайте мне шанс.

Что я только что сказала?

По дороге в дом я хотела навсегда забыть и никогда больше не встречаться с зомби. Но когда страх прошел, поняла, что имела в виду то, что только что сказала. Наблюдая за ребятами, зная, что они приносят пользу и я могу, хотела попробовать. Я была обязана сделать это для своей семьи.

Ребята засомневались.

— Ты не подходишь на роль охотницы, — сказала Маккензи.

— Подхожу. — Наверное. — Ты просто не видела меня в действии. — Ребятам нужно было время, чтобы обдумать это, иначе один... или все... сказали бы что-то, чего не хотели. То же самое было и со мной. Я поспешила сменить тему. — Пока не забыла, Кэт просила передать тебе, что она тебя ненавидит, — сказала я Лёду.

Его темные глаза пригвоздили меня к месту. С его лица пропала приветливость, которую я видела в школе.

— Ты же не собираешься ей рассказывать о том, что сегодня произошло?

Отлично. Я только что открыла мешок с гадюками.

— Она ничего не собиралась рассказывать Кэт о зомби, и только это тебе нужно знать. — Несмотря на протесты Лёда, Коул добавил: — Если тебе станет легче, я возьму на себя всю ответственность за Али. А теперь дайте нам поговорить наедине.

— Наедине? Не глупи, — огрызнулась Маккензи.

Не обращая на нее внимания, Коул повел меня мимо них, заставляя всех отпрыгивать с дороги или рискнуть получить удар. Он толкнул меня на диван. Нежно, конечно, но с

достаточной силой, давая понять, что я не уйду, пока мы не поговорим.

Пододвинув кофейный столик ко мне, он использовал его как стул, сев прямо передо мной, и зажав мои ноги между своими. Его фиолетовый взгляд впился в меня.

— О чем ты хотела бы узнать в первую очередь?

Я подождала, пока Лёд и Маккензи вместе уйдут в одну из задних комнат, а Бронкс и два других парня выйдут на улицу. Дверь с грохотом захлопнулась за ними.

"Я докажу, чего стою, — сказала я себе. — Они не всегда будут так ко мне относиться".

— Али.

Вопросы. Точно.

— Почему никто, кроме нас, не видит зомби? Почему зомби не видели никого, кроме нас? — На парковке было много людей, которые приходили и уходили, но зомби видели только нас с Коулом.

Кроме... подождите. Они видели мою мать. Однажды она сказала мне, что никогда не видела их, только результаты их зла, но все же они увидели ее и вытащили из нашей машины.

— Зомби — это зло, — сказал Коул. — Абсолютное зло. В них нет доброты, и они хотят уничтожить все добро. Наверное, это напоминание о том, что они потеряли.

Мои брови нахмурились.

— Значит, мы добро?

— Ну, мы, конечно, способны быть хорошими.

— Но я могу назвать тысячу других людей, более хороших... — Пожалуйста, скажите мне, что я не сказала этого только что. — Я имею в виду, тысячу других людей, которые лучше нас по шкале "потенциал для добра", и все же они видят именно нас.

— Люди, которые могут их видеть, такие как мы, притягивают их как магнит. Они чувствуют наш запах, срабатывает инстинкт, и они выслеживают нас.

— Но они охотятся и за обычными людьми, — сказала я.

— Да. Они чувствуют страх так же легко, как и мы, независимо от того, кто его испытывает. Они чувствуют и другие негативные эмоции, хоть и не так сильно, как страх.

— Но страх — негативная эмоция, а ты сказал, что зомби хотят уничтожить только хорошее.

Он покачал головой, жалея что начал этот разговор.

— Они хотят уничтожить добро, но их привлекает зло. Хотя это не значит, что они не будут убивать то, что их привлекает. Понимаешь? Более того, добро не всегда легко уничтожить, как мы доказали сегодня вечером. Как ты думаешь, как зомби поддерживают свои силы в это время? Поедают всех подряд, хороших и плохих, тех кто видит их и нет, охотников и обычных людей.

Каждый раз, когда он отвечал мне, у меня появлялся новый вопрос.

— Но они не едят нашу плоть, тогда что именно?

— Они — души, и поэтому они поедают наши души. Все, что они делают с душой, проявляется на теле, вызывая, тем самым, распространение инфекции.

Вот почему, когда меня укусили, раны болели так сильно, будто я умирала.

— Значит, так появляются другие зомби? И где они живут? Почему они могут выходить только ночью?

Он задумался на мгновение, затем кивнул, как будто принял какое-то решение.

— Давайте пойдем по порядку. Первый вопрос, первый ответ. Да, именно так

получаются другие зомби. У одних инфекция распространяется быстрее, у других медленнее. Некоторые люди могут бороться с инфекцией самостоятельно и выживают. Большинство умирают. Если они умирают, их душа воскрешает, и с каждой ночью она все сильнее принимают свою новую форму.

— И ничего нельзя сделать, чтобы спасти их?

— Нет.

— А как же противоядие, о котором ты говорил? — сказала я.

— Оно не поможет зомби, но, если его быстро ввести в организм человека, инфекция не успеет распространиться, и он не умрет.

— И ты уверен, что ввел мне его вовремя?

— Мы это уже обсуждали.

— И тебе, видимо, придется повторить это еще миллиард раз! Смирись с этим.

Он рассмеялся, и его лицо разгладилось.

— Смерть делает тебя раздражительной. Мне нравится.

— Коул! Я серьезно.

Продолжая улыбаться, он сказал:

— Да. Я уверен, что ввел его вовремя. Я всегда довожу дело до конца и никогда не терплю неудач.

Да, мне нужно обрести такую же уверенность в себе. Я расслабилась.

— Хорошо, а как лекарство попадает в наш души, и где начинается инфекция?

— Это не настоящее лекарство, это духовное лекарство, и оно было введено в твою душу. Вколыв тебе лекарство, я смог вернуть тебя в твоё тело. И прежде чем ты начнешь спрашивать о том, что произойдет, если тебе вдруг дадут лекарство после того, как твоя душа вернется в тело, позволь мне сказать, что на практике бывает и такое. Пока это все, что тебе нужно знать.

— Отлично, но я ничего не поняла.

Он вздохнул.

— Я говорил тебе, что то, что проявляется в твоей душе, проявляется и в твоём теле, верно? Вот почему тебе было больно, хотя твоё тело не пострадало. Вот как то, что я влил в твою душу, попало в твоё тело.

Уже лучше.

— Ладно, а что это за духовное лекарство? — И что теперь текло в моей крови?

— Единственный известный мне способ описать его — сказать, что это разновидность святой воды. Как я уже сказал, оно не лечит зомби и не убивает их, но причиняет им боль. Однако оно слишком ценное, чтобы тратить его без крайней необходимости.

Ошеломленная, я потеряла руки. Мне предстояло узнать гораздо больше, чем я предполагала. Откуда мне было знать, что быть сумасшедшей намного проще?

Он продолжил:

— Возвращаясь к вопросу по поводу времени. Лекарство должно быть введено в душу в течение первого часа после заражения. У нас есть ампулы и шприцы в моем джипе, и я ношу один в кармане, как эпинефрин. Тебе нужно будет сделать то же самое. Никогда не выходи из дома без него.

— Не выйду, — поклялась я.

— Что касается того, где они живут, они создают гнезда. Они собираются вместе в пещерах, в подвалах, везде, где нет света. Они спят днем, потому что их глаза и кожа

слишком чувствительны к солнцу. Твоя душа лучше чувствует себя на свету, но тебя могут увидеть, поэтому даже не пытайся. Кроме того, твои органы чувств еще не натренированы.

— Я даже не знаю, как сделала это сегодня!

— Мы поработаем над этим, обещаю.

Я надеялась на это и еще на тысячу других вещей. Сейчас я чувствовала себя инвалидом.

— Что первое ты заметила, когда оказалась в этой форме? — спросил он.

— Как мне было холодно, — сказала я, и даже воспоминание об этом заставило меня вздрогнуть.

— Именно. Без щита нашего тела мы испытываем сильный холод. Мы более чувствительны. Кроме того, ты никогда... слышишь, никогда... не должна говорить в этой форме, если только не захочешь, чтобы то, что ты говорила, было правдой.

Я снова пробормотала:

— Не понимаю.

— Точно так же, как есть правила природы, есть правила и души. Мы узнали, что все, что мы говорим в форме души, происходит, независимо от того хорошо это или плохо, если сказанное не нарушает чью-то волю и мы в это верим. Так, если ты скажешь: "Этот зомби убивает меня", и поверишь в это, он действительно сможет убить тебя, и ты ничего не сможешь сделать, чтобы его остановить.

После всего увиденного, я не должна была сомневаться в его словах, но это оказалось слишком.

— Значит, мы просто говорим, и бум, это происходит?

— Да. Иногда на это требуется время, но в целом да. — Его рука сжала мое колено. — Просто поверь, позже я смогу доказать тебе, хорошо?

Вместо того чтобы сказать, что ему придется приложить немало усилий для этого, я просто кивнула.

— Хорошо. Есть еще вопросы?

Как мило. Конечно, у меня были еще вопросы!

— Как ты их убил? И что это был за свет в твоей руке?

— Это был очищенный огонь. Зомби сгорают при длительном контакте с ним.

Длительном?

— Мне показалось, это продолжалось всего несколько секунд.

— Ты была в отключке, поэтому не смогла понять. Вот почему мы делаем все возможное, чтобы сначала обезвредить зомби. Чем меньше они сражаются с нами, тем легче нам попасть им в грудь и остаться с целыми запястьями.

Искра возбуждения промелькнула у меня под кожей.

— Смогу ли я создать этот огонь? — Мысль о том, чтобы использовать такое мощное оружие против зомби... о, да! Али это нравилось.

— Со временем у тебя получится. Давай последний вопрос, — сказал он. — Не хочу тебя переутомлять.

Слишком поздно. Но я задумалась на мгновение, пытаюсь выбрать один из бесконечной ямы возможных вариантов.

— Почему зомби не входят в наши дома? Почему они выходят только раз в две недели или около того? Или, как сегодня, раз в несколько дней?

— У кого-то проблемы с математикой. Это было три вопроса.

Я пожалала плечами.

— Я люблю округлять.

У него вырвался смех гораздо более сильный, чем обычные смешки, но в то же время грубый, как будто он давно не испытывал такого веселья.

— Раз у тебя осталось еще чувство юмора, значит, ты чувствуешь себя лучше, чем я думал. — На этот раз он похлопал меня по колену милым, братским жестом, который меня немного раздражал. — Они не входят в наши дома, потому что мы создаем так называемую Линию крови.

— Что это?

— Когда мы специальной смесью химикатов создаем круг вокруг дома, зомби не могут проникнуть внутрь, как бы ни старались.

Ну, тогда.

— Можно мне...

— Я уже разлил смесь вокруг твоего дома.

— Когда? — Зомби были возле дома моих бабушки и дедушки все лето, еще до того, как я встретила Коула.

— Со дня нашей первой встречи.

Вот. Время было неподходящее, поэтому я не собиралась раздумывать над тем, что Коул присматривал за мной с самого первого дня. Мой отец должен был разлить эту смесь около дома моих бабушки и дедушки, когда я училась в младших классах. Но откуда он мог знать об этом?

— Что? — спросил Коул.

— Ничего, — ответила я, еще не готовая озвучить свои мысли.

Он посмотрел на меня с подозрением, но не стал настаивать.

— Хорошо, тогда вернемся к твоему шквалу вопросов. Думаю, остался один. Зомби выходят так редко, потому что им нужно отдыхать и восстанавливать силы. Кроме того, им требуется время, чтобы переварить съеденное.

Они переваривали добро. Какой прекрасный образ.

— Теперь у меня к тебе вопрос. — Он подождал, пока я кивну, прежде чем продолжить. — Ты хочешь с ними сражаться? Знаю, ты говорила об этом, но я хочу быть уверен.

— Да, хочу. — Очень сильно. Чем больше я узнавала, тем больше была уверена в этом.

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты как можно скорее приступила к тренировкам. Каждую ночь некоторые из нас патрулируют город на всякий случай, если они вдруг появятся. Некоторые тренируются. Другие же отдыхают. В те ночи, когда они появляются, мы все сражаемся.

У них все так организовано. Все распланировано. Но я не уверена, что мои бабушка и дедушка согласятся на это.

— Зомби становится все больше, а нас все меньше, и нам нужна любая помощь, которую мы можем получить.

— И ты доверишься мне? — Никто из его друзей не доверял мне, и он избежал этого вопроса, когда они спросили его об этом.

— Я готов дать тебе шанс.

Опять избегание. Неважно. Я хотела этого, и я приму это.

— Я докажу, что вы сможете доверять мне, — поклялась я.

— Если у тебя больше нет вопросов...

Он бы выгнал меня, независимо от того, нужна я ему или нет. Что ж, время для небольшого напоминания.

— В наших видениях мы видели, как целуемся, и это произошло. Мы видели, как вместе сражаемся с зомби, и это тоже произошло. Это должно что-то значить.

Он убрал руки и отодвинулся так далеко, как только смог.

— Ты хочешь сказать, что мы видели будущее? Даже несмотря на то, что некоторые вещи так и не случились?

Почему он отодвинулся?

— Почему бы и нет? Случались и более странные вещи.

Фиолетовые глаза пронзили меня до глубины души, и он сказал:

— Что ж, время покажет. Теперь, думаю, я дал тебе достаточно пищи для размышления. Почему бы тебе не поспать, а утром мы продолжим.

* * *

Плохая новость: мы так и не продолжили утром, потому что к тому времени Коул уже уехал. Никто не сказал мне куда. Худшая новость: меня вез домой недовольный Лёд, о, а у него было много причин для недовольства.

Сначала мы ехали в полной тишине. И мне следовало наслаждаться этой тишиной, пока появилась такая возможность. Вместо этого, я начала изучать небо. И увидела длинную голубую полосу, мягко светящееся солнце, одно облако в форме чайника, второе в форме кресла-качалки и третье в форме...

Нет. Нет, нет, нет. Только не сейчас. Не сегодня. Не с лучшим другом Коула и парнем Кэт, которые то встречаются, то расстаются. Но правду отрицать нельзя. Толстый белый кролик смотрел на меня сверху вниз.

Разум подсказывал сохранять спокойствие, но страх твердил, что Лёд вот-вот разобьется и погибнет.

— Езжай медленнее! — вскрикнула я и мысленно начала молиться. "Отец небесный, я знаю, что не всегда вела себя хорошо".

— Ты хочешь, чтобы у меня лопнули барабанные перепонки? — проворчал он.

"И я очень сожалею об этом, Господи, очень сожалею".

— Я серьезно. Сбавь скорость, или я выпрыгну. Клянусь, сделаю это. — "Спаси нас сегодня, и я буду вести себя лучше".

— Как будто меня это волнует.

— Тогда начну болтать без остановки, пока твои уши не свернутся, спасаясь от звука моего голоса. И не думай, что я шучу. Мои уши когда-то сделали это. — "Я буду вечно благодарна тебе, Господи. Никто и никогда не будет так благодарен тебе, как я. Аминь".

Лёд бросил на меня хмурый взгляд, который вполне подходил его имени, но все-таки сбавил скорость.

— Вот. Довольна?

— Спасибо, — сказала я, но остальную дорогу была напряженной. Но удивительное дело! Через некоторое время мы добрались до моего дома. Живые. "Спасибо тебе, Господи. Спасибо тебе, спасибо тебе".

Припарковавшись на улице у дома моих бабушки и дедушки, Лёд повернулся ко мне.

— Коул сказал, что мы не можем кричать на тебя, поэтому я хочу, чтобы ты обратила внимание на спокойствие моего голоса.

— Ты шутишь?

— Я никогда не шучу.

Также говорил и Коул. Ничего себе. Не могу поверить, что Коул пошел на такие жертвы ради меня. Он ушел, не сказав ни слова, вероятно, чтобы не отвечать на вопросы; как будто его действительно волновало, что со мной случилось. Но, должна признать, мне было любопытно, что он сделает, если его друзья действительно накричат на меня... и я была потрясена тем, что его друзья слушались.

— Так ты заметила мой тон или нет? — настаивал Лёд.

— Заметила.

После этого начались угрозы, что, если я расскажу кому-нибудь о случившемся, даже Кэт, буду поджарена до чертиков. Плевать. Я только что пережила поездку на машине после того, как увидел кролика. Более того, Лёд был человеком, а не зомби, и ему мешал Коул. Он ни за что не пойдет на это.

— Кажется, ты мне уже говорил об этом, — заметила я.

— Тогда позволь повторить еще раз. — И он повторил. Еще три раза, его голос менялся от едва сдерживаемой ярости до снисходительности.

Когда он закончил третий раунд угроз, я сказала:

— Почему бы тебе не рассказать мне, что тебя действительно беспокоит, а? Однажды ты был не против меня, но теперь терпеть меня не можешь.

Он запустил руку в свои волосы.

— Не знаю, что ты с ним сделала. Я имею в виду, ты сексуальная, да, и ты кажешься достаточно милой, но он обычно не защищает новичков. И те ваши видения — это странно. Я просто не доверяю тебе. Я усвоил урок о таких людях, как ты.

— Надеюсь под "такими людьми, как я" ты подразумеваешь замечательных и заботливых.

Лёд задумался, но в конце концов сказал:

— После всего сказанного ты только это хочешь мне сказать?

Я не знала, как относиться к тому факту, что он и Коул одинаково реагировали, когда дело касалось меня.

— Да.

— Ты просто девчонка.

Я расширила глаза в притворном удивлении.

— Не может быть. Ты уверен?

Снова вздохнув, он потер татуировку на запястье.

— Маккензи была права. Ты не подходишь на роль охотницы.

Прежде чем он успел понять мои намерения, я ударила его. Мои больные, распухшие костяшки пальцев врезались в его скулу, отбросив его голову в сторону. Боль пронзила мою руку, но я прикусила язык, чтобы не застонать.

— Ты что-то сказал?

Он выпятил челюсть, потер покрасневшую кожу... и медленно усмехнулся.

— Ладно, теперь я понимаю, почему ты нравишься Коулу. Ты хуже Кэт. И не смей спрашивать у меня, кто ему больше нравится, ты или Маккензи, запомни, я не говорю о его чувствах, ее чувствах, твоих чувствах или о чьих-либо еще. Поняла?

Я и так знала, что далека от нормы, а сейчас получила доказательство. Пока он рассказывал, я перескочила от "Кэт" к "чувствам" и "дерьму" и собрала несколько кусочков

головоломки "Кэт против Льда и Трины".

— Думаю, ты никогда не изменял Кэт. Что тогда... произошло? В ту ночь, когда ты ей звонил, тебя ранили?

— Да, ранили. — Это все что он мне ответил.

Яркие лучи солнца проникали за тонированные окна, заставляя его глаза вспыхивать огнем, делая их коричневым цветом более глубоким. Под глазами залегли мешки, это заставило меня задуматься, выпался ли он прошлой ночью. Скорее всего, нет. Его волосы были взъерошены, а одежда помята, как будто он спал в ней.

Я тоже не выпалась. Хоть Коул уверял меня, что дом находится под охраной, каждый свист ветра заставлял вздрагивать. Я ходила перед единственным окном в моей (отдельной) спальне и, конечно, прислушивалась к двери, пытаясь что-то услышать. Не то чтобы я что-то слышала.

— Ты позвонил Трине сразу после Кэт, потому что... — подсказала я.

Он зарычал.

— Потому что той ночью Трина сражалась с зомби вместе со мной. Она спасла мне жизнь и за это поплатилась. Ее ранили сильнее, чем меня. Я просто, хотел узнать, как она, вот и все.

Понимание пустило корни и укрепилось во мне. Лёд позволил Кэт думать о нем самое плохое, был готов даже потерять ее, хоть и любил, лишь бы сохранить секреты ребят. С этого момента все ожидали от меня такой же преданности.

— Ну, прошлой ночью Кэт попросила меня передать, что она тебя ненавидит. Я не врала. — Я сказала это не для того, чтобы обидеть его; я сказала это, надеясь, что это подтолкнет его к действиям, чтоб вернуть ее.

Его челюсти сжалась.

— Когда Коул позвонил и рассказал, что происходит, я оставил ее прямо посреди нашего разговора о том, чтобы начать все сначала. Она была недовольна.

Уверена, это еще мягко сказано. Кэт наряжалась для него, танцевала с ним, целовала его. Его поступок был равносителен тому, как если бы он оставил девушку в ресторане, ожидая, что она оплатит счет.

— Я скажу ей, что у нас с Коулом возникли проблемы с машиной, и тебе пришлось помочь нам. — Это была правда, ну, не совсем правда. Из-за зомби у нас действительно возникла проблема с машиной. Например, нам нужно было как-то в нее сесть, чтобы уехать оттуда.

— Да, хорошо. — Его плечи опустились от облегчения. — Можешь сказать Кэт, что я помог тебе прошлой ночью. Спасибо.

Он был не рад мне, не забирал свои угрозы назад, но все равно позволял мне вступаться за него. Внезапно я порадовалась, что в моей старой школе у меня не было друзей-парней. От них было больше проблем, чем пользы.

— Так что случилось прошлой ночью? С... зомби? — Это слово прилипло к моему языку. Услышав его, произнесенное собственным голосом, я испугалась тому, насколько радикально изменился мой мир. — Коул упомянул, что они не должны были выходить на охоту.

Если уж на то пошло, откуда они узнали, что мы были в клубе? Понятно, что они могли видеть нас, но не внутри здания. Они не могли видеть дальше кирпича, не так ли? Или у них работали другие органы чувств? Они почувствовали наш запах?

— И почему мы их видим? — закончила я.

— Ты и правда задаешь много вопросов, не так ли, Мисс Вопрос? Боже. — Он пожал плечами. — Коул сказал отвечать на любые твои вопросы, поэтому отвечу, но я даже не знаю, с чего начать.

— А ты попробуй.

— Почему мы их видим? Почему Коул родился с фиолетовыми глазами? Почему у тебя такие бледные волосы? Мы просто рождаемся такими.

— Но я увидела зомби только после смерти отца.

— Иногда требуется какое-то событие, чтобы у человека открылись способности. Другие могут видеть духовную форму с рождения. Почему, мы не знаем.

— Когда эти способности появились у тебя?

Он замолчал, стиснув зубы, и дал понять, что не хочет отвечать. Но промолчал ли? Неа.

— С рождения. Бронкс похож на тебя. Его мать была наркоманкой, и, когда ему было восемь лет, она устала заботиться о нем и бросила его на заброшенной дороге. Ему пришлось идти в холоде и темноте, и страх разрушил барьер, который не позволял ему видеть зомби.

Сочувствие, которое я испытала, едва не разорвало мое сердце на куски. Льду приходилось иметь дело с этим безумием с самого рождения, а Бронкс встретился с чудовищами в восемь лет, после того, как его мать бросила его, столько же было Эмме. Неудивительно, что оба мальчика выглядели закаленными. Неудивительно, что Лёд отказывался мне доверять, а Бронкс не сказал мне ни слова.

— А что насчет родителей Коула? Видит ли кто-нибудь из них зомби?

В его глазах промелькнуло что-то, что я не смогла понять.

— Его отец.

Итак... его отец видел... и мой отец тоже видел... но разница в нашем воспитании была поразительной. Его отец, вероятно, был сильным. Мой — напуганным.

— Как вы узнали друг о друге? О зомби не говорят при первой встрече.

Он провел языком по зубам.

— Как зомби притягиваются к нам, так и мы притягиваемся друг к другу. И после того, что Коул рассказал мне о твоём первом видении с ним в Ашере, ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

— Но он также сказал, что ни у кого не было ничего подобного.

— Ну, не до такой степени — Лёд взглянул на наручные часы, которые он не носил. — Ого. Посмотри на время. Мне нужно ехать.

О, пожалуйста. Ну, ладно. Намек понят.

— Ты идешь сегодня на вечеринку Рив? — спросила я, отстегиваясь.

— Наверное. Кто-то же должен прикрывать Коула.

Жестко.

— Последний вопрос. — Я вышла из машины. Наклонившись и мило улыбаясь, сказала: — Хочешь, я помогу Кэт найти нового парня?

Я закрыла дверь, заглушая его ответ.

Он быстро уехал. Кажется, я его разозлила.

Довольная, что последнее слово осталось за мной, я направилась домой. К моему огромному счастью, бабушка с дедушкой занимались садоводством, и я добралась до своей комнаты незамеченной. Это означало, что появилось время немного поспать, прежде чем они начнут расспрашивать меня о ночевке. Я написала им записку о том, что не спала всю

ночь... это правда!.. и отправилась наверх, чтобы вздремнуть.

По пути наверх мой сотовый завибрировал, сигнализируя о новом сообщении. В спортивных штанах был карман, куда я и спрятала свой телефон. Я прочитала сообщение, и у меня задрожали колени.

На экране загорелось имя "К.Холланд". Он написал: "Увидимся сегодня. Спрячь оружие в своей комнате. Никогда не знаешь, когда оно может понадобиться."

Оружие. Я сильно сомневалась, что он имел в виду бейсбольную битку, которую я хранила там. После того, как увидела, как он расправился с зомби, решила, что Коул подразумевал ножи.

"Это совершенно новый мир, Белл. Лучше привыкай к нему." Я вернулась на кухню, тихо выбрала два самых больших ножа и два поменьше и помолилась, чтобы бабушка не заметила пропажу и не нашла их в моей комнате. Неизвестно, что бы она подумала.

У меня ушло полчаса на то, чтобы решить, куда их спрятать, но в итоге я выбрала подушку для легкого доступа, шкаф, за дверью и стопку книг у окна.

Чувствуя себя слишком взвинченной для сна, я села за компьютер, намереваясь найти что-то о зомби, но небольшие боли не давали мне сидеть спокойно. И хоть я была бодрa, но измотана. Слова начали расплываться перед глазами.

В тот момент я вспомнила слова мамы. "Независимо от душевного состояния, нужно найти способ подзарядиться."

Зевнув, я положила телефон на тумбочку и забралась в кровать, укрывшись одеялом. К моему удивлению, мой разум мгновенно затих, и я погрузилась в глубокий, глубокий сон, в который не смели вторгаться никакие образы. Возможно, тот факт, что у меня наконец-то появилась цель, помог мне обрести это чувство покоя. Может быть, это освободило меня от чувства вины, которое поселилось во мне после аварии. В конце концов, я выжила, когда остальные нет, а тратила свою жизнь впустую, ничего не делая, только переживая. До этого момента.

Теперь я научусь убивать зомби. Сделаю доброе дело. Спасу другие семьи от страданий, которые испытала я.

Мне было почти жаль зомби. Почти. Никогда в жизни я не была так решительна. У них не было ни единого шанса.

* * *

В мою дверь постучали.

— Входи, — прохрипела я, пытаясь разлепить глаза. Я не знала, сколько времени проспала, но ощущала, что нужно еще часов сто, прежде чем даже думать о том, чтобы покинуть уютную постель.

Бабушка заглянула в мою комнату. Ее волосы были собраны в низкий хвост, и на ней было очень мало косметики, но даже в ее возрасте она в ней не нуждалась. Сегодня ее кожа словно светилась, от нее исходила жизненная сила. Впервые я увидела в ней свою мать. Неизменную красоту, нежность.

— Я люблю тебя, бабушка, — сказала я то, чего не сказала матери.

Ее глаза мгновенно наполнились слезами.

— И я тебя люблю. Очень сильно. — Она откашлялась, будто пыталась остановить поток слез. — Так вы с Кэт не спали всю ночь, да?

— Да, — сказала я, желая сказать ей что-то такое, что заставило бы ее улыбнуться. "Мы

не спали всю ночь, из-за битвы подушек!"

— Может быть, в другой раз вы ляжете спать в положенное время.

— Сомнительно, — проворчала я. Думаю, следующего раза не будет. Теперь мои вечера будут посвящены Коулу и истреблению зомби.

— Я помню те дни, — сказала она, тоскливо вздохнув. — Пойдем, детка. Пора вставать. Обед уже на столе.

— Я спущусь через минуту, обещаю.

— Хорошо, но не больше десяти, — ответила она, ее суровый взгляд стал сиять от счастья. Она закрыла за собой дверь, оставив меня одну.

Потянувшись, я поморщилась от боли в мышцах, и схватила свой телефон. Мне пришло три сообщения.

Я протерла глаза от сна и увидела, что первое сообщение было от Кэт.

"Ты обещала все рассказать!"

Второе тоже было от Кэт.

"Где моя информация?"

Третье смс было от Джастина. Я не записала его номер, поэтому цифры были мне незнакомы, но я поняла, что это он, по вопросу.

"Во сколько мне захватить за тобой?"

Однажды он спросил меня, встречаюсь ли я с Коулом, и я ответила "нет". Мой ответ не изменился. Но. Всегда было "но", верно? Прошлой ночью мы с Коулом чуть не занялись сексом на танцполе. Мы вместе боролись с зомби, и он пригласил меня в свою компанию. Он ответил на некоторые мои вопросы и планировал ответить на другие (так он утверждал). Он защитил меня от гнева своих друзей. Возможно, хотел встречаться со мной.

Если бы он спросил, я бы согласилась? Лучше спросить по-другому: была ли я готова к отношениям с таким парнем, как он?

До того, как увидела зомби, мой ответ был отрицательным. После сражения с зомби мне... пришлось передумать, и поняла почему. Я чуть не умерла. И не знала, сколько мне осталось. Я планировала жить полной жизнью, пока у меня был шанс.

Он более опытный, да, у него был властный характер, из-за которого мне всегда приходилось быть начеку, и, конечно, мысль о том, чтобы быть с ним, пугала меня не меньше, чем восхищала, но, если я ему понравлюсь, пойду с ним на свидание. Я больше не позволю страху диктовать мою жизнь.

Я не дам зомби такого повода для радости.

Если Коул не хочет быть со мной, ладно. Ничего страшного. Конечно, я могла бы поплакать несколько дней (недель), но все было в порядке. Он не единственный парень на планете. Верно?

Застонав, я поднялась с кровати, переоделась, расчесала волосы и почистила зубы. Я быстро послала Кэт сообщение:

"Расскажу подробности позже. Обещаю."

Подумав над ответом Джастину, я отправила ему смс:

"Как насчет восьми?"

У меня не осталось времени ждать их ответа, поэтому я спустилась на кухню, чтобы пообедать. Сегодня на обед были сэндвичи с жареной картошкой. Один запах, и я превратилась в прожорливого монстра, мой рот наполнился слюной, а желудок заурчал.

Я залпом проглотила свою порцию.

— Ого, — сказал дедушка, глядя на меня через стол так, словно у меня выросли рога. — Ты никогда не говорила нам, что любишь сэндвичи.

— Я могу приготовить на ужин ветчину, — сказала бабушка, а затем нахмурилась. — Что случилось с твоими руками?

Как можно более женственно, я вытерла горчицу с верхней губы.

— А что с моими руками? — Посмотрев на порезы и синяки, я надеялась, что выгляжу спокойнее, чем себя чувствовала. — А, это. Я упала. — Опять полуправда.

— А выглядит так, будто ты дралась, — сказал дедушка, нахмурившись.

— Он разбирается в этом, — сказала бабушка, кивнув головой. — Твой дедушка в молодости был боксером. Скажу тебе честно, это самое сексуальное, что я когда-либо видела. Он ходил в коротких шортах, и пот всегда стекал по его волосатой груди.

Мерзость!

Они обменялись нежным взглядом, прежде чем дедуля спросил:

— Али?

— Ладно. Хм. Я правда упала. А еще у меня сегодня свидание. Ну, не свидание, а дружеская встреча. — Если они не разрешат мне пойти, я не знала, что делать. — С мальчиком из моей школы.

— Свидание? — Дедушка вздёрнул бровь. — И куда вы пойдете? Во сколько ты будешь дома?

— А если он захочет заняться с тобой сексом? — Бабушка вскочила. — Твоя мама говорила с тобой о сексе?

О, нет. Только не разговоры о сексе. Пожалуйста, только не о сексе.

— Да, мама говорила со мной об этом. — Так, дальше. — У девочки из школы, Рив, есть бассейн, и мы собираемся пойти туда, потусоваться. Кэт познакомила меня с ней, и я обещаю тебе, что не буду ни с кем заниматься сексом. — Мне было неловко даже произносить это слово при них.

И знаете, что? После всего, что произошло прошлой ночью, было странно сидеть здесь, обедать со своей семьей, болтать о том, что многие подростки уже давно обсудили.

— Рив. — Дедуля сжал губы. — По мне, так это выдуманное имя. Что именно вы будете делать на вечеринке? Будут ли там ее родители?

— Мы будем плавать, разговаривать, возможно, играть в видеоигры и пинг-понг, — сказала я, уклоняясь от вопроса про родителей. Они задумались над ответом, но я подозревала, что это будет большое жирное "нет".

Дедушка бросил на меня строгий взгляд.

— Ты же не хочешь, чтобы тебя накачали?

Я... понятия не имела, как на это реагировать.

— Накачали?

— Не притворяйся, что не поняла, юная леди, — сказала бабушка. — Накачали. Напоили.

— Ты имеешь в виду выпивку? — Пожалуйста, пусть они это имеют в виду. Этот разговор принял уже слишком много ужасных поворотов.

Мои бабушка и дедушка одновременно кивнули, и я вздохнула с облегчением.

— Нет, — сказала я. — Обещаю. Никакого алкоголя. — "С моей стороны", молча добавила я. Кто знал, что будут делать другие... после того, как выпьют по рюмке текилы из животов друг друга.

— Тогда ладно. Мы доверяем тебе. До тех пор, пока ты не дашь нам другого повода, — добавила бабушка своим строгим, материнским тоном. — Но мы хотим встретиться с этим мальчиком, поговорить с ним, прежде чем ты уедешь с ним.

Я не позволила себе виновато сглотнуть, хотя очень хотелось.

— Спасибо. Он хороший, обещаю. Но мы не интересуемся друг другом в этом смысле.

— Тогда почему ты идешь с ним гулять? — спросила бабуля, явно раздраженная моей настойчивостью.

— Потому что он пригласил меня.

— Ты его обманываешь? — потребовал дедуля.

— Нет!

— Мы спрашиваем, потому что нам не все равно. — Бабушка скрестила руки, и крошки полетели во все стороны. — Итак. Тебе нужно несколько мертвых президентов?

Мне потребовалась минута, чтобы расшифровать и это.

— Может быть, несколько... Вашингтонов, — сказала я, говоря на их сленге, чтобы сделать им приятное. Они были такими хорошими людьми. Приютили меня, дали дом, еду и даже личное пространство, чтобы я могла оплакивать себя по-своему.

Дедушка достал свой бумажник.

— Что, если возникнет непредвиденная ситуация, и этот парень оставит тебя одну в ресторане? Он ведь ведет тебя поехать в хорошее место, не так ли? Я дам тебе несколько Линкольнов. — Он достал три пятерки, вложил их мне в руку и сомкнул мои пальцы вокруг них.

— Мы не идем никуда есть.

— Какой парень поведет девушку на вечеринку, не накормив ее? Я бы точно не встречалась с ним, — сказала бабушка.

"Кто-нибудь, помогите мне".

— Мы не встречаемся!

У них было еще несколько вопросов о вечеринке... планировала ли я купаться голышом, танцевать стриптиз или играть голой в пинг-понг... после чего меня охватил смертельный страх. В конце концов, мне удалось убедить их, что я не буду снимать одежду, и что мой комендантский час заканчивается в двенадцать тридцать. Мы также договорились, что я позвоню им, если Джастин станет "похотливым".

Мне нравилось, что они заботились обо мне и беспокоились, но, о, вау, это оказалось болезненно. У меня никогда не было такого с родителями, потому что никогда никуда не выходила. Жаль, что я так и не поняла, какое это было благословение, пока не стало слишком поздно.

Вернувшись в свою комнату, я наконец-то решила поискать что-то о зомби, не заснув при этом. Большую часть информации, которую нашла, была получена из фильмов, вымышленных книг, журналах о свиданиях с нежитью и ролевых игр, которые меня сильно раздражали, особенно когда в голове крутились образы голого пинг-понга.

Я не нашла ничего серьезного, но обнаружила несколько форумов, где люди рассуждали о том, существовали ли зомби или нет, что делать, если найдете одного из них, и о возможности воскрешения.

Ничто не совпадало с тем, что рассказали мне Коул и Лёд, и это доказывало одно из двух. Либо мы были самым сокровенным секретом в мире, либо я просто не нашла нужных сайтов. Я склонялась ко второму варианту. Даже моему отцу удалось найти сайт с лакомыми

кусочками правильной информации. Он где-то читал, что оружие не причинит вреда зомби, но просто не верил в это.

Закрыв ноутбук, я заметила фотографию Эммы и дневник, которые оставила на полу возле шкафа. Должно быть, бабушка прибралась и положила их на мой стол. Я поцеловала Эмму, прежде чем взять дневник.

Как я могла позабыть о нем? Именно благодаря ему я узнала о душах и теле прежде, чем Коул рассказал мне. И, возможно, именно отсюда мой отец получил информацию.

Во мне заплясало предвкушение. Я раскрыла дневник и начала читать с того места, на котором остановилась.

"Я всю жизнь видел зло среди нас, но научился бороться с ним намного позже, и то случайно. Я пробовал использовать нож... ничего. Пробовал стрелять... опять ничего. Наконец, когда монстры загнали меня в угол, я так сильно захотел убить их, и в глубине души знал, что смогу. Я просто не знал как. Через долю секунды моя душа покинула мое тело. (Позже я узнал, что причиной разделения было чудо, известное как вера. У тебя тоже может получиться сделать такое и сначала ты не поймешь, как у тебя получилось.) И внезапно я смог прикоснуться к злым существам, которых до этого только видел, но и они смогли прикоснуться ко мне.

После этого у них будто появилось больше решимости убить меня. Они охотились на меня, как на дичь. Какое-то время я убегал. Но они всегда следовали за мной, их тьма тянулась к моему свету.

Мне пришлось самому учиться делать ловушки".

"Научи меня!" — подумала я с волнением.

"Если ты обладаешь способностью видеть их, ты должен обладать и другими способностями. Более развитым обонянием. Предчувствием приближения зла. Огненной рукой".

— Проверю, но не сейчас, — пробормотала я.

"Эти способности присущи нам, но некоторые охотники отказываются подчиняться силе, бурлящей внутри них. Почему? Я всегда задавался этим вопросом. Боятся?"

— Возможно, попробую.

"О, если бы мы всему научились! Существует еще больше способностей, очень много".

Возможно, наши видения с Коулом тоже были одной из способностей.

"Но да ладно. Теперь слушай. Это просто. Есть еще одна способность. Слова. В наших словах есть сила, когда мы полностью верим в то, что говорим, и эта сила доступна даже в этом мире. Существует некая энергия, которая создает все, что мы произносим, позволяя нашим словам быть оружием для нас... но если мы не будем осторожны, они станут оружием против нас.

Как и всему остальному, мне пришлось учиться на собственном опыте.

Но теперь я слушаю. Если в наших словах столько силы, мы должны научиться говорить "умри зомби," верно? Неверно! Сила наших слов, проистекает из силы нашей веры. Скажи, но только честно, ты правда веришь, что когда ты говоришь что-то вроде: "Все зомби мертвы, их больше нет", то это произойдет? Нет, не веришь. Ты не веришь, что такое возможно".

Коул уже рассказывал мне об этом, и, хотя я сначала сомневалась, прочитанное послужило подтверждением. Мне нужно быть более непредвзятой в этом вопросе.

"Более того, мы можем говорить только себе. Мы не сможем что-то говорить другим. Мы можем защитить себя, но не всегда можем защитить других. И иногда для того, чтобы

слова сработали, нужно время. Хватит ли тебе терпения? Как долго ты сможешь верить, прежде чем начнешь сомневаться? Засомневавшись хоть немного, ты сделаешь свои слова бессильными.

Что касается других способностей..."

Я попыталась прочесть дальше, но остальные слова оказались зашифрованы. Зарычав от разочарования, я едва сдержала желание швырнуть дневник об стену. Я ничего не понимала в кодах и не могла поверить, что моя мать могла. Так кто же написал этот дневник и как он оказался у нее?

Может быть, Коул знает, как это расшифровать, а может и нет. И я не собиралась его спрашивать.

Он и его друзья еще не доверяют мне, и я не знала, что они подумают о моей находке. Решат, что обманула их? Я вообще могу их обмануть? Или они подумают, что это способ их отвлечь? Кроме того, мне нужно подумать, не попытаются ли они забрать у меня его.

Ладно, я тоже не доверяла им.

"Ты все равно скажешь "да", если Коул пригласит тебя на свидание, верно?"

Ну, да. И я поняла кое-что еще: настоящая жизнь требует риска.

Мой телефон пискнул. Как и все в этом мире, я бросила свои дела, чтобы проверить, кто мне написал, отложила дневник и взяла сотовый.

Кэт:

"Думаю, тебе нравятся пытки. СКАЖИ МНЕ СЕЙЧАС ЖЕ!"

Я поняла, что пропустила предыдущее сообщение.

Джастин:

"Идеально. Тогда до встречи."

Сначала я ответила с Кэт. Сказала ей, что мы с Коулом провели ночь вместе, но мы только разговаривали и ничего больше. Это была чистая правда. Она была, мягко говоря, разочарована. А когда я сказала, что у Коула возникли проблемы с машиной и что Льду пришлось помогать нам, она перестала отвечать.

Я ответила Джастину, что буду рада его видеть, что тоже было правдой, но потом мне пришлось молиться, чтобы он не воспринял эти слова как-то неправильно. У моих бабушки и дедушки была паранойя по поводу того, что я его обманываю.

Затем задумалась о том, что Коул и его буйные мальчики и девочки подумают о моей дружбе с Джестином. Они были такой эксклюзивной командой. Не терпели посторонних, и все это знали. Включая меня! Присоединившись к ним, мне, вероятно, придется вычеркнуть всех остальных из своей жизни. Джастин мне нравился, но я не стала бы плакать из-за его потери. Но как насчет Кэт? Неужели она, в конце концов, исчезнет из моей жизни? Она уже исчезла из жизни Льда.

Она мне действительно очень нравилась. Кэт была веселой, дерзкой и интересной. Знала себе цену и не боялась рассказать об этом другим.

"Сейчас не время беспокоиться об этом". Сегодня вечером я буду веселиться, будто обычная девушка, такая же, как и все остальные. В конце концов, мне больше не нужно было задавать вопросы Коулу; у меня уже были ответы. Я могла бы пообщаться с Джестином и узнать его получше. Могла бы увидеть Кэт и посмеяться вместе с ней. Я могла бы увидеть Коула, и... кто знает? Завтра уже все изменится.

И тогда я начну разбираться с последствиями.

Глава 11

Красные розы, белые розы... черные розы

Джастин приехал в указанное время. Другими словами, настало время для прожарки. К моему полному ужасу, мои бабушка и дедушка допрашивали его, как будто они были полицейскими, а он — закоренелым преступником. Все, что я могла сделать, это в ужасе наблюдать за происходящим и извиняться.

Вот как это происходило:

Дедушка:

— Какие у тебя планы на будущее?

Джастин:

— Еще не думал над этим.

Дедушка:

— Нет? Ты уже почти доучился, парень. Сейчас самое время разобраться во всем, а не потом. Разве никто никогда не говорил тебе, что нельзя произносить слово "позже" без слова "поздно"?

Джастин:

— Обещаю, я сделаю все возможное, чтобы разобраться во всем.

Дедушка:

— "Сделаю все возможное" — так говорят только неудачники. Почему бы тебе не купить мужскую карту и не перестать валять дурака?

Я:

— Дедушка! Это грубо. Джастин, прости.

Я знала, что это было для моего блага, для моей защиты, что мои бабушка и дедушка беспокоились обо мне и не хотели, чтобы у меня был не такой парень, как мой отец, что они хотят запугать Джастина, чтобы он не обидел меня, но, о боже, это было слишком.

Дедушка:

— Что? Как может быть грубым правильный вопрос? Ну ладно, хорошо, продолжим, раз уж малыш не выдерживает. Вот что, сможешь закончить предложение, Джейсон? Когда девушка говорит "нет", она имеет в виду...

Джастин, отчаянно глянул на меня:

— Нет?

Бабушка:

— Ты не уверен?

Джастин заерзал:

— Уверен. Нет — значит нет.

Бабушка:

— Ну, вот, видишь. Ты выбрал правильный вариант. Теперь еще одно, еще более трудное предложение, которое ты должен закончить. Секс до брака — это...

Я:

— Бабушка! Мне так жаль, Джастин.

Бабушка:

— В отличие от дедушки, я не собираюсь продолжать. Джастин?

Дедушка:

— Его зовут Джейсон.

Джастин:

— Эм... э...

Дедушка:

— Пока ты думаешь над ответом, скажи мне, как ты относишься к вождению в пьяном состоянии?

Джастин:

— Я категорически против этого, клянусь!

Бабушка:

— Мне кажется, он слишком много говорит "нет".

Наконец они позволили нам уйти, и я снова и снова извинялась.

— Это было жестоко, — прохрипел он.

— Знаю, прости. Обычно они не ведут себя так, правда. Они просто хотят знать, что с тобой я в безопасности.

— Не волнуйся об этом, — сказал он, сев за руль своего грузовика, но его голос был все таким же напряженным, как и в доме, и я знала, что он будет вспоминать об этом несколько недель.

Пристегнувшись на пассажирском сиденье, я посмотрела на небо. Было темно, виднелась горстка облаков. "Пожалуйста, уходи. Пожалуйста, не надо..."

Но кролик опять был там.

Холод сковал мое тело.

— Езжай медленно, хорошо? — сказала я Джастину. Лёд сбавил скорость и выжил. Джастин тоже выживет. Конечно. "Пожалуйста".

— Что бы тебе ни говорили твои бабушки и дедушки, я не пьян!

Да. Он все еще был на взводе.

— У меня просто боязнь машин, вот и все.

Он ехал не быстро. Этого было достаточно, чтобы я не сошла с ума.

Я закрыла глаза и откинулась на сидение. По крайней мере, мне не нужно волноваться о зомби. Поскольку они выходили прошлой ночью, им необходимо время, чтобы отдохнуть и... от этой мысли становилось тошно... переварить свою пищу.

— Мы на месте, — сказал Джастин.

— Уже? Мы же минуты две назад... — Я моргнула и увидела, что он уже припарковался. Машины выстроились по всей подъездной дорожке Рив, на траве и вдоль улицы. — Ого. Мы и правда приехали. — Должно быть, я потеряла счет времени.

Он выжил. Я выжила. Какой фантастический день! Предупрежден — значит вооружен. И знаете что? Я могла с этим жить. Буквально.

Мы шли к входной двери бок о бок. Луна была уже совсем золотой, облака рассеялись, и небо потемнело, хотя и было усеяно сотнями точек света.

Я удивилась, заметив, что Джастин осматривает кусты, машины и деревья, когда мы подходили к крыльцу. Я делала то же самое.

Он замедлился, выпрямился и прорычал:

— Коул

— Что? Где?

Я увидела его секундой позже. Коул стоял на крыльце, прислонившись к стене рядом с дверью, прямо под лучом света. Он выпятил челюсть, когда заметил Джастина.

Он не посмотрел на меня, занятый тем, что смотрел на Джастина. Он ждал меня?

— Это с ним ты решила пойти? — спросил Коул, в его голосе звучало отвращение.

— Она умеет выбирать хороших парней, — жестко сказал Джастин.

Губы, которые я целовала, скривились.

— Мне нужно поговорить с Али. Наедине.

— Я ни за что не оставлю ее с тобой наедине. Ты не из тех...

Коул оказался перед его лицом прежде, чем Джастин успел закончить фразу.

— Если ты не зайдешь внутрь, то будешь плевать зубами. Ты знаешь, что я могу сделать это. И уже делал это раньше.

— Прекратите! — Я встала между ними и оттолкнула их друг от друга. Коул по-прежнему не смотрел на меня. — Seriously, хватит. — Понятно, что у этих парней была какая-то история, но хватит уже. Испортить вечеринку до ее начала было чересчур.

— Почему бы не позволить Али самой выбрать? — сказал самодовольно Джастин, от чего я заскрежетала зубами в раздражении.

— Али, — огрызнулся Коул. — Я ждал тебя тут не просто так. И ты догадываешься почему.

— Я... — Я поняла, что у нас еще не было видения. Сегодня я видела Коула впервые.

Никто из нас не знал, что произойдет, когда наши глаза встретятся.

— Встретимся внутри, — сказала я Джастину.

Он посмотрел на меня, в его глазах промелькнула обида.

— Ты же сказала, что не встречаешься с ним.

— Нет. — По крайней мере, не сейчас. — Он мой друг. — В каком-то роде.

— Все его друзья умирают.

Да, но Джастин понятия не имел, почему.

— Ну, я не умру.

— Ладно. Как скажешь, — огрызнулся Джастин, и я поняла, что, скорее всего, потеряю его дружбу раньше, чем думала. — Надеюсь, ты любишь, когда тебе наносят удар в спину, потому что это все, на что он способен.

Он зашел внутрь, оставив меня наедине с Коулом... который схватил меня за запястье и потащил в тень.

— Ты хоть представляешь, какая змея этот парень? — потребовал он, прижимая меня к холодной стене. — Ты работаешь с ним?

— Нет! — Я опустила взгляд вниз, на его ботинки. — Я даже не знаю, где он работает.

Коул пробормотал под нос что-то вроде "Ты издеваешься надо мной?".

— Значит, ты встречаешься с ним.

— Я не встречаюсь с ним. — "Я хочу встречаться с тобой". — Мы просто друзья. — В каком-то роде.

— Такие же друзья, как и мы? — усмехнулся он.

Я скрестила руки.

— Я не целовалась с ним, если ты об этом.

Пауза. Резкий вдох.

— К твоему сведению, он из тех друзей, которые задушат тебя... пока ты спишь.

У них определенно была какая-то история.

— Он то же самое сказал и о тебе. Что между вами произошло?

— Это не твое дело.

Его голос повышался с каждым словом. Через несколько секунд он бы закричал, и все вышли из дома, чтобы узнать, кого Коул убил.

— Давай просто покончим с этим, хорошо? Посмотри на меня.

— Не хорошо. Разве ты не хочешь знать, где я был сегодня утром? — спросил он, положив руки мне на талию.

Такой теплый, такой сильный. И так отвлекает. Я прочистила горло.

— Ты скажешь мне, если я отвечу "да"?

— Укреплял твой дом. Я увидел беспокойство в твоих глазах, когда упомянул, что мы заливали... ну, то, о чем говорили прошлой ночью. Я хотел убедиться, что твои бабушка и дедушка защищены.

Это было самое приятное, что кто-либо когда-либо делал для меня.

— Спасибо.

— А потом я нашел тебя здесь с Джастином Сильверстоуном. — В его голосе слышался гнев. Он взял меня за подбородок и поднял мою голову. — Так что да, мы покончим с этим и пойдем разными путями.

Мне пришлось поджать губы, чтобы сдержать свой протест. Он имел в виду, чтобы мы разошлись навсегда или только на сегодня?

В тот момент, когда я встретила с его великолепными фиолетовыми глазами, мир исчез, а мой разум помутился. Мы больше не стояли...

...мы лежали, и он был сверху. Мы были одеты, хотя моя рубашка задралась до самого лифчика. Я лежала на траве. Мы были на чьем-то заднем дворе. Солнечный свет слепил нам глаза, но нам было все равно. Одна его рука лежала на моем животе, а другая на лице.

— Ты сожалеешь об этом? — спросил он.

— Нет. А ты?

— Никогда. Я просто хочу, чтобы мы могли...

Кто-то засмеялся на улице, и слишком короткое видение исчезло в клубах дыма.

Я легонько бью Коула в грудь. Думаю, судьбой предначертано, что нас каждый раз прерывали.

Он принял удар без комментариев. Когда я успокоилась, то пробормотала извинение, не зная, сколько еще извинений мне придется произнести сегодня вечером, и прислонилась лбом к его груди, несмотря на то, что не была уверена, не отстранится ли он. Его сердце бешено колотилось, как и мое, и я находила в этом утешение.

— Как ты думаешь, о чем я могла сожалеть? — спросила я.

— О свидании с Джастином?

Я снова ударил его.

— Что? Я просто предположил. — По крайней мере, он теперь не злился.

Без сомнения, это было моим любимым видением, хотя мы в нем толком ничего не делали. Я бы хотела узнать, что мы сделали до этого разговора... и к чему мы шли.

Чтобы там не было, счастье начало переполнять меня. Все, что мы видели, произошло в той или иной форме. Следовательно, Коул не расстался со мной навсегда. Мы могли бы растянуться на заднем дворе чьего-нибудь дома, прикасаться друг к другу, разговаривать и... да все что угодно.

— Пойдем в дом, пока я не сделал то, о чем потом буду жалеть, — пробормотал он, подталкивая меня к двери.

— Например?

— Не могу сказать. Зная тебя, ты убежишь.

Прежде чем он успел открыть дверь, из дома вышли двое парней, которых я никогда не видела. Они ухмыльнулись, заметив меня, и начали делать своим ртом движения, намекающие на то, чтобы я им кое-что сделала... или попытались это сделать. Их движения оборвались, когда они заметили Коула. Они нахмурились и, побледнев, отступили.

— Ты не врал, когда говорил, что все тебя боятся, — заметила я.

— Знаю, и мне это нравится. Никто не задает вопросов о том, что я задумал, они просто ожидают худшего и держат дистанцию. Тебе стоит взять пример.

— Ха! Я не боюсь тебя и никогда не буду. — Я не стала упоминать о тех случаях, когда, на самом деле, боялась его.

— И ты до сих пор продолжаешь это говорить. Но ничего, когда-нибудь у меня получится переубедить тебя.

Коул придержал для меня дверь, и я вошла в дом, промурлыкав:

— С твоими убийственными манерами? Удачи.

— Смешно.

Из динамиков на потолке гремела музыка, смешиваясь с голосами и смехом, создавая хаос.

Повсюду ходили ребята, кто-то пил из пластиковых красных стаканчиков, кто-то скандировал: "Тигры, вперед!". Некоторые разговаривали, а некоторые обжимались у стены. Я не нашла Джастина в толпе, но могла сказать, что здесь было больше оголенных частей тела, чем курицы в ведерке "KFS"?

Рубашки у девушек больше напоминали бюстгальтеры, а их юбки и шорты казались совершенно не по размеру. В своей розовой майке и джинсах я была одета слишком нарядно, но вряд ли это было причиной того, что все девушки смотрели на меня с отвращением.

Конечно, я ошибалась. Только вот, что не менее странно, парни тоже смотрели на меня, большинство из них делали тоже самое, что и те на улице. Дважды я проверила молнию, чтобы убедиться, что мои трусики не видны. (Не видны.)

— Осторожнее со змеями, — сказал Коул и отвернулся от меня. Он собирался уйти.

Я схватила его за запястье, останавливая.

— Просто, скажи мне, что сделал Джастин...

— Нет, я не буду говорить об этом здесь. — Он пристально посмотрел на мою руку.

Ладно. Я отпустила его.

— И кто теперь убегает?

Это сработало, он остался на месте. Долгое время мы просто стояли молча. Наконец, он почесал затылок и прорычал:

— Хочешь потанцевать?

— С твоим-то отношением ко мне? — И после того, что случилось, когда мы в последний раз танцевали на публике? Нет. Но это не то, что я сказала. — Да.

Я должна была найти Джастина. А не позволять Коулу затащить меня в центр танцпола, но позволила. Все остальные двигались в быстром темпе, но он крепко обнял меня, и мы начали медленно покачиваться.

Это была моя ночь, когда я могла притвориться, что у меня нет проблем, и я планировала оторваться по полной.

— Во сколько ты должна быть дома? — спросил он.

— В двенадцать тридцать. А что?

— Просто.

Я долго думала, стоит ли положить голову на плечо Коула. Думала, стоит ли мне обнять его за шею, запустить руки в его волосы, заглянуть многозначительно в его глаза. Я не знаю, что делала в этот момент, пока думала об этом.

— Расслабься. Я не кусаюсь, — сказал он. — Во всяком случае, не сегодня.

— Смешно.

— Думаешь, я шучу?

Да. Он сделал это только что. В конце концов, я все-таки положила голову ему на плечо, хотя бы для того, чтобы скрыть свое озадаченное лицо. Потом подумала: какого черта, почему бы и нет? "Ты же нормальная, помнишь?" Я обняла его за шею и запустила руки в его волосы. Он провел руками по моей спине, а затем опустил их на бедра.

Я хотела остаться так вечно, но после нескольких песен мы оба начали прижиматься еще теснее, тереться друг о друга, потеть от жары в комнате, тяжело дышать. Я выпрямилась. Наши взгляды встретились. Он наклонился ко мне.

Думаю, мы осознали последствия поцелуя на глазах у всех, потому что отстранились друг от друга за секунду до того, как чуть не поцеловались.

— Пойдем, — пробормотал он, уводя меня с танцпола. — Я не хочу оставлять тебя одну, но и оставаться с тобой не могу.

Я понимала. К счастью, я заметила Кэт, которая выглядела как всегда прекрасно, хотя была еще бледнее, чем во время своего фальшивого больничного.

— Не переживай, я буду с Кэт. — Я поспешила к ней, обеспокоенная.

На меня все больше смотрели девчонки с отвращением, а парни так и продолжали пялиться. Черт возьми! Почему?

— Это может плохо закончиться, — услышала я слова Коула.

Потому что он хотел разбить лицо каждого парня за то, что те посмели посмотреть на меня, как будто я... О. Неважно. Лёд стоял позади Кэт, и любой парень, который пытался подойти к ней, получал угрозы и маты в свой адрес. Кэт ругалась на Льда каждый раз, когда он это делал, но как только он отворачивался от нее, она ухмылялась.

— Эй, — сказала я, когда подошла к ней. — Все в порядке?

— Али! — Она сгребла меня в медвежьем объятии, которое оказалось на удивление слабым. — Я так рада, что ты пришла, потому что я великолепна, честно. И где же ты была, непослушная девочка? Если правильно помню, а я помню, парень, с которым ты сейчас, не тот, с кем ты пришла.

Я уклонилась от ответа, сказав:

— Очевидно, Коул и Джастин недолюбливают друг друга, и я не могу поболтать с одним, не разозлив другого.

— Конечно, — сказала она, подмигнув мне, как будто я только что рассказала шутку, которую она не поняла. — Все это знают.

— Ну, меня никто не предупредил!

— С чего бы? То, что происходит между ними, уже так естественно. Тебе не нужно говорить, ты и сама поймешь.

— Все равно, было бы неплохо меня предупредить.

— И пропустить все веселье? Неа. — Она окинула меня ухмыляющимся взглядом. — Все парни хотят кусочек моей Али. А почему бы и нет? Посмотри на себя, вся такая нарядная. Мне нравится, — добавила она певучим голосом.

Ладно, сегодня я немножко постаралась над внешним видом. Пришлось, учитывая, что мне нужно было взять с собой оружие. Не потому, что я знала, что встречу Коула. Правда. На моей шее висели три разных серебряных ожерелья, каждое разной длины, чтобы при необходимости задушить зомби.

Хотя я хотела обуть шлепанцы с блестками, на выбрала ботинки и заменила белый галстук на розовый с кружевами, потому что розовый прочнее. Ну, знаете, чтобы при необходимости задушить зомби. В левом ботинке у меня был спрятан нож. И в сумочке тоже лежал нож.

Я прикрыла свои травмированные руки перчатками. Да, перчатки вышли из моды, но, возможно, я верну их обратно. В конце концов, я была девушкой, ответственной за бахрому.

— Ты тоже выглядишь потрясающе, — сказала я ей. Ее кукольное алое платье облегало изгибы и заканчивалось чуть ниже попы. Красивый белый кружевной свитер, прикрывал ее руки. Верхнюю часть волос она собрала в дулю, остальные струились темными волнами.

— Да, да, я знаю. Однако быть такой красивой тяжело, — беззаботно сказала она.

Поппи и Рен подошли к нам, будто они были на задании, и их серьезные лица заставили меня волноваться.

— Что случилось? — спросила я.

Девушки обменялись мрачными взглядами. Они были эффектной парой: рыжая и афроамериканка с модельной внешностью, обе сногшибательно одетые. Поппи была одета во все белое, как ангел, а Рен — в топ и блестящие шорты.

Рен посмотрела на меня и сказала:

— Я предупредила тебя, что случится, если ты начнешь общаться с Коулом. Теперь ходят слухи, что ты спала с ним.

Широко раскрыв глаза, я посмотрела на Кэт.

Она сердито посмотрела на меня, и я поняла, что она обиделась, что я сначала подумала на неё.

— Эй! Я бы никогда ничего не сказала.

— Ты знала? — ахнули Поппи и Рен.

— Прости, — сказала я Кэт, игнорируя их. Не следовало думать на нее. Остальным я сказала: — Все думают, что я переспала с Коулом, это не так уж и ужасно, но для справки, мы просто разговаривали.

— Что ж, это не все, что нам сказали, — вмешалась Поппи. Как и Кэт, она была бледной, ее веснушки были очень заметны. — Слухи также утверждают, что ты переспала с Бронксом и Льдом... в одну ночь!

Рен кивнула, когда ее подруга заговорила.

— Люди говорят, что ты шлюха, и любому парню, который захочет получить от тебя кусочек, достаточно лишь улыбнуться. Я говорила тебе не спутываться с ним. Я говорила тебе.

— Я не... я бы никогда... — Черт возьми! Слова застряли у меня в горле.

Был только один человек, который ненавидел меня настолько, чтобы обвинить в чем-то настолько жутком. Маккензи Лав. Неужели она настолько злобная? То есть, я видела в ее глазах свою смерть, и ожидала чего-то от нее. Но это, несмотря на просьбу Коула, по словам Льда, быть со мной вежливыми, было уже слишком.

Ярость пылала в моей груди, как кислота, я начала искать ее в толпе. Я бы вежливо спросила ее, сделала ли она это. Затем, когда она самодовольно подтвердила, я бы разбила

ее тупую морду об пол!

К сожалению, я не нашла ее.

— Спасибо за информацию, девочки. Попробуйте немного сгладить ситуацию и скажите людям, какие они глупые. — Кэт переплела наши пальцы и увела прочь. — Что касается меня, то я иду в ванную и беру с собой Али, — крикнула она через плечо.

Я взглянула на Коула. Он разговаривал со Льдом, но смотрел на меня. Сюрприз, сюрприз, испепелял меня взглядом. Он напрягался с каждым моим шагом, сделанным от него. Неужели тоже слышал эти слухи? Сделает ли он что-нибудь своей бывшей, когда правда выйдет наружу? Если правда выйдет наружу?

Когда Кэт прошла ванную, я нахмурилась.

— Э, куда мы идем?

— В место, которое Рив показала мне прошлой ночью и попросила меня молчать о нем, поскольку даже ей не положено о нем знать, — прошептала она. — Но ты не в счет, так как одна из нас. Кроме того, тебе нужно время, чтобы успокоиться, а нам нужно место, чтобы поговорить наедине. Просто приготовься к тому, что тебе будет не по себе!

Она протиснулась сквозь толпу, завернула за несколько поворотов, спустилась по лестнице, и, наконец, мы остались одни. Куда бы ни посмотрела, я видела плюшевую мебель и блестящие безделушки. На стенах были обои с ангелами, и даже алебастровые колонны, которые вели в новую комнату.

— Чем занимаются родители Рив? — спросила я.

Кэт грустно вздохнула.

— Ее мама умерла. А отец — гениальный пластический хирург с руками ангела, по крайней мере, так он любит говорить. Каждую неделю он встречается с новой девушкой. О, и не называй его доктором. Он настаивает, чтобы мы называли его мистер Анкх.

Мы спустились еще на один лестничный пролет, и в воздухе появился металлический запах. Я сморщила нос. Я узнала запах крови. Мне хотелось задержать дыхание, но к нему примешивался еще один запах, который привлек мое внимание. Это была... гниль?

— Кэт, — сказала я, прижимаясь к ней. — Думаю, мы должны остановиться.

— Ни за что. Нам осталось чуть-чуть.

Мое сердце билось так сильно о ребра, что я боялась, что они треснут. "У тебя есть оружие, помнишь? С тобой все будет порядке. И Коул бы не пришел сюда, если бы он не сделал... Как он это назвал? Линию крови. Дом должно быть защищен".

Дойдя до конца длинного, узкого коридора, Кэт остановилась перед единственной дверью. Я была потрясена, когда она вытащила из лифчика отмычку и засунула кончик в замок.

— Ты всегда носишь ее с собой?

— Конечно. Однажды Лёд сказал мне, что я должна быть готова ко всему. Я спросила: "Что если меня похитят, запрут в комнате и будут держать в плену, что мне тогда делать?". На что он ответил: "Спасаться", а затем показал, как освободиться, на всякий случай. Однако отказался рассказать, где он этому научился. — Она повернула руку, и раздался щелчок. — Ага! — Легкий толчок, и дверь распахнулась.

Я позволила ей затащить меня внутрь. Просто собиралась выяснить, что вызвало этот запах, убедиться, что ничего страшного не происходит, а потом заставить Кэт уйти со мной.

Через несколько шагов она отпустила меня, подняла руки и закружилась.

— Ну, что скажешь?

Я осмотрела место. Пол больше не был покрыт мягким ковром. Здесь лежала темная плитка. Также тут стояло несколько металлических столов, некоторые с наручниками для рук и ног... и под каждым из них были сливные стоки.

Кажется... кажется, что она привела меня в какую-то... камеру пыток.

Задрожав, я потянулась к сумочке и взяла в руки нож. Прежде чем смогла отговорить себя от поиска улики, я прошла мимо нее, изо всех сил стараясь спрятать нож за рукой.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — прошептала она. Прошептала, но все равно ее голос отдавался эхом.

— Скорее всего, нет, — пробормотала я.

— Значит, ты не думаешь, что отцу Рив нужно купить ящик "Febreze"*? Может он делает здесь секретные операции?

— Думаю, это не ваше дело, — раздался позади мужской голос.

О... дерьмо.

Я почувствовала себя, будто сошла с аттракциона, когда резко развернулась лицом к незваному гостю. Он был лишь немного выше меня, поэтому предположила, что его рост 175 см. Его костюм в полоску не был похожим на костюмы моего отца, которые он иногда надевал в церковь. У него были пепельные волосы, загорелая кожа с морщинами, не слишком привлекательными.

Для пожилого мужчины он был довольно горяч... но смотрел на нас, как на крыс в клетке.

Свободной рукой я схватила Кэт за руку и спрятала ее за собой и, возможно, переборщила с силой, потому что она споткнулась и зашипела.

— Кто вы? — потребовала я, больше наигранно.

— Я владелец этого дома, — сказал он в то же время, когда Кэт пробормотала:

— Поздоровайся с отцом Рив.

Кэт выглянула из-за меня и помахала ему рукой.

— Здравствуйте, мистер Анкх.

Его челюсть сжалась, когда он кивнул в знак приветствия.

— Кэтрин. — Сказав мне грубо: — А ты кто?

"Ты встречала зомби. Так что эта ситуация не такая уж и страшная".

— Я подруга Рив.

— Да, я догадался. Как тебя зовут и что вы тут делаете?

— Мы просто искали тихое место, чтобы поговорить, честно-честно, — сказала Кэт, и даже мне захотелось ей поверить. Невинность в ее тоне казалось невозможно подделать.

Заслышав шаги, я удивилась, увидев доктора Райта, вошедшего в комнату следом за мистером Анхом.

— Ты не должен был позволять своей дочери... — Ее губы ярко-красного цвета сжались, когда она заметила меня. Ее глаза сузились. — Алиса Белл, что ты здесь делаешь?

Кэт схватила и сжала мою рубашку, шепча:

— Это доктор Райт?

Ни один из взрослых не посмотрел на нее, они продолжали смотреть на меня.

— Я Али, — сказала я.

— Я все еще жду ответа, — сказал мистер Анкх. — К тому же, это ведь ты приехала с... — усмехнувшись, он продолжил, — Джастином Сильверстоуном, не так ли?

— Джастином Сильверстоуном? — яростно спросила доктор Райт. Каждый день она

облачала свою стройную фигуру в какой-нибудь деловой костюм. Сегодня на ней было мягкое, струящееся платье, которое совершенно не соответствовало ее властному поведению. Она была его новой подружкой? — Коул не будет этому рад.

Кэт ущипнула меня за руку.

Я не знала, чего она хочет. Слишком запуталась. Доктор Райт, директор Высшей школы Ашера, общалась с отцом Рив в комнате, полной засохшей крови и наручников, но больше всего ее волновало с кем я приехала?

Ладно. Возможно, она больше заботится о своих учениках, чем о своей личной жизни... даже если из-за этой личной жизни ее могут просто убить. Если только... мистер Анх не держал здесь зомби?

Через мгновение я решила, что так и было. Этот запах был слишком характерным, чтобы исходить от мусора или плесени.

Коул знал об этом?

Мне не пришлось долго думать. Да, Коул знал. Иначе не позволил бы всей своей команде взять выходной и приехать сюда, под защиту Линии Крови. Должно быть это было безопасное место для зомби-охотников. Это означало, что отец Рив был на нашей стороне. Это означало, что доктор Райт тоже на нашей стороне, раз она с ним, здесь, в этой комнате.

И если все охотники ненавидели Джастина... а они ненавидели, учитывая то, как они реагировали на одно лишь его имя... я должна была задуматься, не был ли он на стороне зомби.

Но что мистер Анкх делал в этой комнате? Изучал зомби? Экспериментировал над ними? Это вообще возможно?

— Али, я хочу, чтобы ты ответила на мой вопрос, и я не потерплю лжи или уклонений, — сказала доктор Райт, ее темный взгляд пытался рентгеном проникнуть в мой мозг. — Джастин сказал тебе прийти сюда?

Так, так. Вот и подтверждение моим подозрениям.

— Нет, он не делал этого. А теперь я бы хотела вернуться на вечеринку с Кэт. — Нет причин впутывать ее в это. Коул и ребята обвинят меня. — Нам очень жаль, что мы вас беспокоили.

— Ты так просто не уйдешь, — сказала она, прежде чем господин Анкх сказал: — Хорошо, можешь идти. Но если что-то подобное случится снова...

"Ты пожалеешь об этом," — закончила я за него.

— Этого больше не произойдет.

Доктор Райт напряглась после того, как мистер Анкх перебил ее, но не стала протестовать.

Я потянулась назад и схватила Кэт за руку. Она молчала, пока я тащила ее к выходу. Мистер Анкх и доктор Райт посторонились, чтобы дать нам пройти. Я крепко сжимала свой нож и держалась на максимальном расстоянии, на случай, если просчиталась и кто-то из них решит напасть.

— Классика, — хихикнула Кэт, когда мы поднялись по лестнице. — Это было так дико! Ты все им говорила: "Мне все равно, делайте что хотите, я сильная и смелая". А они все твердили, "о, мы многое можем сделать, и мы сильнее".

Завтра, когда она будет пересказывать события другим... а она будет... я уже ударю отца Рив по лицу и привяжу доктор Райт к стулу. И это будет правдой.

— Как ты думаешь, что они делали вместе? Потому что доктор Райт совсем не в его

вкусе.

Обсуждали недавнее нападение зомби? Планировали убить зомби?

— Хотела бы я знать, — честно ответила я.

Вдалеке я услышала скандирование, и мои уши дернулись, когда я попыталась прислушаться. Люди кричали... "бей-бей-бей?"

Кэт, должно быть, тоже это услышала, потому что замолчала и захлопала в ладоши.

— Пять долларов на то, что это Коул.

— Не может быть, — сказала я, хотя подозревала самое худшее. "Если ты не зайдешь внутрь, то будешь плевать зубами. Ты знаешь, что я могу сделать это. И уже делал это раньше".

— Шутишь? Это всегда Коул.

Мы поторопились. Когда вбежали в гостиную, аплодисменты оглушили меня. Я протиснулась сквозь толпу, чтобы увидеть, что Кэт была права. Это был Коул.

Бой дня? Коул против Джастина. Они наносили удары и переворачивали мебель, катались и бегали по кругу скандирующих подростков. Джастину помогала ярость, а Коулу — опыт.

— Бей, бей, бей, — продолжали все.

Коул мог одолеть Джастина за несколько секунд, мог положить конец всем его мученьям. Вместо этого позволил ударить себя несколько раз по лицу, еще несколько раз в живот и в пах... ну почти. Только когда Джастин начал падать, Коул нанес ответный удар и по-настоящему начал его колотить.

Лёд подошел к Кэт и спрятал ее за собой на случай, если драка выйдет из-под контроля. Я заметила Маккензи... наконец-то!.. и даже Трину, их кулаки были устремлены к потолку, а рты растянуты в широких улыбках. Им это нравилось.

— Хватит! — крикнула я, перекрикивая аплодисменты.

Никто не посмотрел в мою сторону и не сделал вид, что услышал меня. Коул нанес еще два удара, всего два, но этого было достаточно. Жесткий двойной удар уложил Джастина на спину, где он и остался лежать без сознания.

Я бросилась вперед, собираясь проверить его, но темноволосая девушка, которая смотрела на меня в автобусе, опередила меня. Она пощупала пульс, затем похлопала его по щеке, пытаясь привести в чувство. Он застонал, но полностью не очнулся.

— Он в порядке? — спросила я.

Она подняла голову и нахмурилась.

— Держись от него подальше. Ты и твой парень сделали достаточно.

— Джастин в порядке? — настаивала я.

— Как будто тебя это действительно волнует. — Она повернулась к Джастину и провела пальцами по его щеке, явно закончив со мной.

Я понятия не имела, кто она, но не собиралась больше с ней пытаться заговорить. Очевидно, она хорошо о нем позаботится. Повернувшись, я поискала Коула. Он все еще стоял в центре комнаты. Мелкие бисеринки пота усеивали его лоб. Он тяжело дышал, кровь запеклась под носом и на подбородке, кулаки были сжаты. Маккензи и Трина стояли рядом с ним, похлопывая его по спине за хорошо выполненную работу.

Должно быть, он почувствовал мой взгляд, потому что мгновенно нашел меня.

— Ты в порядке?

— Что? — спросил он.

Я поняла, что он сказал только потому, что прочитала вопрос по губам. В комнате было слишком шумно и мы стояли далеко друг от друга, чтобы слышать слова. Он указал в сторону кухни, наклонив подбородок, и я кивнула.

Я повернулась к Кэт, чтобы сообщить ей, что уйду, но она обнималась со Льдом, и они целовались так, будто не могли дышать друг без друга.

Ладно. Вражда закончилась? Все прощены? Я надеялась на это. Они оба мне нравились. И может быть, тогда Лёд снова станет членом команды Али. Может быть, он наконец откроется и расскажет Кэт, что убивает зомби, и мне не придется ничего от нее скрывать. Мы могли бы остаться друзьями.

Коул ждал меня на кухне. Он прислонился к стойке и нетерпеливо постукивал ногой.

— Давай приведем тебя в порядок, — сказала я.

— Нет. — Он взял меня за руку и потащил в просторную кладовую... уже занятую. Когда свет хлынул в темное помещение, заставляя тени прятаться в укрытия, Рив и... ого, Бронкс. Рив и Бронкс отпрыгнули друг от друга, как будто между ними только что взорвалась бомба.

Их губы были опухшими, красными и влажными. Щеки Рив покраснели, когда она взглянула на меня. Мне стало ее жаль.

— Я ничего не видела... но должна рассказать Кэт. Ты же понимаешь, иначе мы обе будем страдать. Но тебе стоит пойти проверить гостиную, — сказала я. — У Коула и Джастина возникли небольшие разногласия, и они разбили несколько вещей. И твой отец внизу. — Далеко внизу.

Ее губы открылись от моей информации, и, в конце концов, она выбежала из кладовки.

Бронкс попытался последовать за ней, но Коул преградил ему дорогу.

— Ты же знаешь, что не должен с ней общаться.

Под глазом Бронкса дернулся мускул. Он продолжал молчать.

— И все же ты подумал, что ее отец не будет против, если ты засунешь свой язык ей в рот?

По-прежнему отказываясь отвечать, Бронкс оттолкнул его и вышел.

— Почему он не может встречаться с... — начала я.

— Нет. Я не буду обсуждать это с тобой. — Коул захлопнул дверь, и в комнате снова потемнело.

Дав ему минуту успокоиться, а себе — чтобы привыкнуть к темноте, я стояла тихо и спокойно. Постепенно начала различать предметы. В целом, шкаф был больше, чем моя спальня. На полках стояли банки с едой, на полу — кастрюли и мультиварка. Также там была лестница и другие вещи, которые ребята сочли необходимыми.

— Отец Рив прислал мне сообщение, — сказал Коул, — и сказал, что ты внизу.

— Он — один из вас?

Он некоторое время молчал, прежде чем признался:

— Да. Они с моим отцом друзья, и он финансирует нашу деятельность. Он не может распознать зомби, но видел, что они делают с нами, и помогает, когда нас кусают... при условии, что мы не будем вмешивать в это Рив.

Полезно знать.

— А доктор Райт?

— Она знает. Нам нужен был наш человек в школе, и она стала им.

Как я и думала. Теперь, о другом.

— Из-за чего вы подрались?

— Джастин решил узнать у меня, где ты. Я ответил, что не знаю. Он сказал, чтобы я шел к черту и держался от тебя подальше. Я ответил, что ты сделала свой выбор и ему нужно смириться.

— Так он ударил тебя первым?

— Нет. Он сказал, что ты в его команде и, если я попытаюсь тебя завербовать, тебя убьют.

— Так это ты ударил его первым?

— Да. И сломал ему нос.

Я провела рукой по лицу.

— Давай немного вернемся назад. У него есть своя команда?

Он фыркнул.

— Хочешь сказать, он не просил тебя ему помочь?

— С чем помочь? — Как и в случае с мистером Анхом и доктором Райт, у меня имелись свои предположения.

— С зомби.

— Нет. До этого времени я понятия не имела, что он в этом замешан.

— Он не замешан. Он угроза для нас.

А Коул был одной большой загадкой.

— Ты говоришь бессмыслицу. Он либо замешан, либо нет. Так что?

Коул стукнулся затылком о полку, вздохнул и сказал:

— Слушай сюда, потому что не собираюсь повторять. Я не должен говорить об этом сейчас, особенно учитывая то, что ты с ним встречаешься.

Я топнула ногой.

— Я не...

— Джастин был одним из нас, — сказал он, заставив меня замолчать. — Потом он встретился с группой людей, которые утверждали, что хотят уничтожить зомби, но, на самом деле, пытались вселить их злые души в живые тела. Вспомни свое путешествие, — добавил он, вероятно, почувствовав мое растущее замешательство. — Помнишь, как ты вернулась в свое тело?

— Нет, не очень. — Мне было слишком больно.

Он усмехнулся.

— Верно. Мне пришлось сделать это за тебя. В любом случае, эти люди утверждают, что проводят исследования, чтобы найти способ противостоять заражению зомби, но как мы можем им верить, если они готовы причинить вред невинным людям ради исследования?

— Откуда ты это знаешь?

— После того, как Джастин рассказал мне о них, я посетил их лабораторию и увидел людей в клетках, еле живых, в разной степени разложения. И мы уверены, что именно эти исследователи сожгли мой старый дом.

Лаборатория. Клетки. Разложение. Пожар!

— Джастин работает на людей в защитных костюмах? — Которые, очевидно, были таким же злом, как и зомби.

— Да.

— Ну, он мне не говорил о них, честно. — Я бы тоже не дала ему шанса упомянуть о них. Не хотела иметь ничего общего с теми, кто надеется вложить зло во что-то хорошее.

Коул ущипнул себя за переносицу.

— Джастин расскажет им о моем интересе к тебе, так что рано или поздно они свяжутся с тобой, тем или иным способом. Они связывались со всеми нами. Если откажешься помогать им, они попытаются убедить тебя, и это будет неприятный опыт.

— Мне все равно.

Помолчав, он сказал:

— Твоим бабушке и дедушке будет не все равно. — Он вздохнул. — Наверное, нам стоит перестать общаться, Али.

Что?

— Нет.

— Твоя жизнь скоро изменится. Ты будешь патрулировать почти каждую ночь. Возможно, тебя поймут бабушка и дедушка, и ты будешь постоянно попадать в неприятности. У тебя не будет свободного времени, а оценки снизятся. Ты постоянно будешь в синяках, возможно, тебе даже сломают кости. Иногда ты даже будешь хотеть умереть.

— И что? — Я уничтожу существ, которые убили мою семью... и не позволю им навредить другим семьям. Это был достаточно справедливый обмен.

— А вот что. Я не хочу этого для тебя. Если не будешь осторожна, социальные службы придут к тебе домой. Они обвинят твоих дедушку и бабушку в том, что тебя избивают. Такое случилось с некоторыми из нас.

— Я буду осторожна, — сказала я на одном дыхании.

— Ты не сможешь быть достаточно осторожной. Кроме того, тренировки займут слишком много времени, а пока ты не поймешь, что делаешь, будешь только помехой.

Он говорил мне все это, чтобы напугать меня. Верно? Ему нужно было знать, что я достаточно сильна и не отступлю от своего слова. "Верно?"

— Когда-то и ты был обузой. Как Лёд, как Маккензи. Но ты научился выживать. У меня тоже получится.

— Кроме этого, — продолжал он, не слыша меня, — если ты будешь общаться со мной, у тебя появятся и другие враги, помимо Джастина, и они нападут на тебя при любом удобном случае.

Ладно, да. До него дошли слухи.

— Мне все равно, — повторила я.

Я хотела бы видеть его выражение лица, когда он сказал:

— Легко говорить это сейчас, но однажды ты не выдержишь. Я видел это слишком много раз.

— Ну, этот день еще не настал, — пробурчала я, пытаюсь игнорировать боль внутри себя. Обиду, которая накатывала, жгла. Он не проверял меня. Просто хотел, чтобы я ушла.

— Когда это произойдет, а это произойдет, меня может не быть рядом. Поэтому нам надо все прекратить.

Вот оно. Правда. Он не хотел больше иметь со мной ничего общего. Ну, хорошо. Ладно. Я уйду.

Но... я не хотела уходить.

— Это Маккензи всем рассказывает, что я переспала с тобой и твоими друзьями? — спросила я. Он был должен мне.

Он покачал головой, и в темноте появился маленький луч света, просочившийся из

щели в двери. Каким грозным он вдруг показался, его лицо, которое я хотела рассмотреть, выглядело размытым... и таким ужасающим.

— Это не в ее стиле. Она очень откровенна в своих поступках. Когда ей кто-то не нравится, она не действует за его спиной. Она скажет все в лицо.

Не поверив, я развела руками.

— Кто еще мог рассказать всем, что я переспала с тобой и со всеми твоими друзьями в одну ночь? Кто еще мог знать, что я была с твоими друзьями?

— Не знаю, но выясню кто это сделал и позабочусь о нем. Или о ней.

Чего он не сказал: вред был уже нанесен, и никто из нас не смог ничего сделать, чтобы его исправить.

— Мне не нужно, чтобы ты мстил за меня, но немного... — заботы, сострадания, — ... поддержки было бы неплохо.

Я услышала, как он скрипнул зубами.

— Если бы я хоть на секунду подумал, что Маккензи виновата, поверь мне, я бы привел ее сюда и заставил на коленях умолять тебя о прощении. Просто поверь. Она не такая плохая, как ты думаешь.

— Она тебе все еще нравится? — спросила я, прежде чем смогла остановить себя.

— Не в том смысле, в каком ты думаешь. — По крайней мере, он ответил без колебаний. — Когда она переехала ко мне и моему отцу, я разорвал отношения.

Мой мысли зацепились за две вещи. Первая прозвучала незапланированно.

— Ты живешь со своей бывшей девушкой? — Вторую я отказалась озвучивать. Если он порвал отношения с Маккензи только потому, что она переехала в его дом, он мог все еще испытывать к ней чувства... и мог использовать меня.

— Опять же, не в том смысле, в каком ты думаешь. Мы не живем в одной комнате. И я не спал с ней с тех пор, как...

— Как что? — спросила я. "Заткнись! Это не твое дело. Он хочет от тебя избавиться. Хочет? Ха! Хочет. Прояви немного гордости и позволь ему сделать это".

Он почесал затылок.

— Перестал спать за несколько недель до начала занятий в школе. И мы не будем больше говорить об этом. Я ни с кем не говорю об этом.

Значит, меньше месяца. Немного.

— Почему ты решил порвать с ней?

"Хватит!"

Вместо того чтобы упрекнуть, он ответил:

— Потому что мне не нужны были проблемы с девушкой, которая живёт со мной.

А не потому, что он перестал заботиться о ней. Меня сейчас стошнит.

Незадолго до окончания моего седьмого класса и после нашего разговора о девственности мама снова усадила меня и сказала: "Алиса, есть один факт в жизни, который никогда не меняется. Мальчики много думают о сексе. Почти все время.

Они сделают и скажут все, чтобы затащить тебя в постель, и даже половина из того не будет правдой. Будь осторожна и не забывай еще об одном факте. Ты — сокровище, и ты заслуживаешь того, чтобы тебя любили, а не использовали".

Все это время я могла быть лишь заменой Маккензи, кем-то, с кем Коул мог скоротать время, пока она не съехала.

— Почему вы живете в одном доме?

Он пожал плечами.

— Ее отец и мачеха устали с ней возиться и выгнали ее.

Маккензи, нежеланная людьми, которые должны были заботиться о ней больше всего. Мне так не хотелось ее жалеть, особенно теперь, когда я знала, что она живет с Коулом, но все равно. Я немного смягчилась.

— Так что. Да. Между нами все кончено, — сказал он. — Мы не будем узнавать друг друга лучше. Мы не будем общаться, и я не буду тебя тренировать.

Я едва сдержала крик отрицания... боли. Я уже так много потеряла, что не могла смириться с мыслью, что могу потерять и его. Неудивительно, что так сильно давила на него, отказавшись от своей гордости.

— Зачем ты рассказал мне все это, если собирался выкинуть из своей жизни? — крикнула я.

— Я не знаю, — прорычал он. — Знаю только то, что это для твоего же блага. Когда-нибудь ты даже поблагодаришь меня.

Я сделаю еще одну попытку. Только одну.

— А как же видения? — "Пожалуйста. Передумай. Ты же хочешь меня".

— Как мы поняли, это проблески того, чего мы должны избегать.

Я вздрогнула, его слова эхом отдавались в моем сознании, наконец-то сломив меня. Нет, он не собирался менять свое решение. Но теперь и я не хотела этого. Он покончил со мной, а я покончила с ним. По крайней мере, попыталась. Не могу сказать о нем того же.

— Прости, — сказал он. — Я не должен был...

— Нет. Не надо. И я не буду благодарить тебя потом. Я поблагодарю тебя сейчас. — Он мог сломить меня, но я никогда не позволю ему узнать об этом. Я собралась с силами. Я была сильнее этого. — Ты прав. Мы не подходим друг другу. Прощай, Коул.

Дверь скрипнула, когда я ее открыла. Не оглядываясь назад, я зашагала прочь от него. Хотя мое зрение затуманилось, я видела, что несколько ребят стояли на кухне, продолжая пить пиво.

Кто-то схватил меня сзади за руку, останавливая.

— Тебя подвезти?

Коул пошел за мной.

— Да, — сказала я, и мой голос прозвучал так безжизненно. Я бы не отказалась сейчас выпить. — Меня подвезет Кэт.

— Хорошо. — Он отпустил меня, отошел и исчез за углом.

Я осталась стоять на месте. Я наконец-то нашла цель своей жизни, способ справиться с потерей, а он отнимал ее у меня. "Вот тебе новость, Коул Холланд. Я не позволю тебе сделать это". Я не буду сражаться с зомби вместе с ним... ну и что. И мне не нужны его секреты... черт знает что. Я все сделаю сама.

Я ворвалась в гостиную. Первое, что заметила — Джастина не было, как и темноволосой девушки, которая его осматривала. Маккензи, Льда и Бронкса тоже не было. Я нашла Кэт на диване, сжимающую в руке бутылку пива. Она выглядела бледнее, чем раньше, даже дрожала.

Видя отца на всех стадиях алкоголизма, я знала, как с ней справиться... с помощью силы. Я вырвала бутылку из ее кунг-фу хватки и поманила пальцами.

— Ключи.

— Зачем?

— Я отвезу тебя домой. — Я не стала ей говорить о том, что ездила только пару раз и еще не получила права.

— Ну, ладно. Знаешь, он всегда так делает, — ворчала она, роясь в потайном кармане своего платья. — Вскрывает, повинуюсь каждому приказу Коула. Иди, говорит Коул, и он идет. Тебе нужно это исправить. То есть, я надеялась, что ты отвлечешь мистера Авторитета, отвлечешь его, чтобы Лёд смог как следует побегать за мной.

— Думаю, Коул только что бросил меня, — проворчала я в ответ. Я не думала, я знала. По крайней мере, боль утихала. Даже пришло онемение. — Кроме того, мы и не встречались.

— Что! Он бросил тебя? Джастин, наверное, сильно его ударил. — Она протянула блестящий брелок в форме кошки. — Другой причины такой глупости я не вижу. Ты — лучшее, что когда-либо с ним случилось!

— Спасибо за вотум доверия, но я ему просто не понравилась. — Я взяла ключ и помогла ей подняться. Она покачнулась, и я обхватила ее рукой и повела к двери. Никто не попытался заговорить со мной. Если бы они попытались, я, возможно, разбила бы им носы.

— Давай поженимся, я и ты, и родим вместе тысячу детей, — сказала Кэт. — Это будет им уроком!

— Какая фантастическая идея. Давай поговорим об этом утром.

Снаружи прохладный ночной воздух ласкал мои руки и лицо. Облака появились в большом количестве, заслоняя луну... я резко остановилась. На небе мой кролик. Еще больше, чем раньше, еще ярче, держа в руках что-то маленькое и круглое.

— Что случилось? — спросила Кэт. — Твоя боязнь автомобилей снова дает о себе знать?

— Вроде того.

— Ты справишься. Моя машина любит сама ехать, отсюда и причины моих аварий. Но если серьезно, у тебя все получится.

— Мы должны... — Я увидела движение за деревом... увидела шлейф грязного свадебного платья... почувствовала запах гнили.

"Слишком рано", — подумала я, по моему телу побежали мурашки. Зомби не должны были выходить сегодня. Они должны отдыхать.

— Это облако кружится, или мне показалось? — спросила Кэт.

Я взглянул на кролика. У круглой штуковины в его руках теперь были стрелки... стрелки часов, и они тикали, тик-так, тик-так. Он предупреждает меня. Не об аварии, а о зомби. Время пришло; они были здесь.

— Иди внутрь, Кэт. Никого не выпускай на улицу, хорошо? — Я подтолкнула ее к двери. Я думала... надеялась, молилась... что Коул, отец Рив, или кто-то еще, усилил линию крови по периметру. Я не знала, как это работает и как долго это длится, но решила, что чем больше, тем лучше.

— Но почему?

— Не спрашивай. Пожалуйста, — сказала я. — Просто доверься мне.

Ворча себе под нос, она повиновалась и, спотыкаясь, вернулась через входную дверь, чтобы, надеюсь, охранять ее. Пока я смотрела на тени вокруг деревьев... танцующие, разделяющиеся... достала из кармана телефон и набрала номер Коула.

Он не ответил. Меня отправили на его голосовую почту. Избегает меня? Неважно. Я оставила сообщение.

— Кажется, возле дома Рив зомби. — Пока я говорила, другой рукой я нашупала нож в сумочке.

В тонком луче лунного света появилось тело, за ним еще одно и еще. Я сглотнула, страх пронзил меня.

— Забудь, — добавила я, а затем замерла, когда увидела, что рядом с одним из зомби мелькнула моя младшая сестра. Она была бледной в своем розовом платье и сжимающая кулаки. — Они точно здесь. — Затем нажала отбой. — Эмма?

— Иди в дом, Али, — сказала она и исчезла.

— Не могу, — все равно ответила. Сейчас я была единственной, кто видел зомби, единственная, кто мог победить их... и да, я была неопытной. Но именно этого я так хотела. Шанс спасти мир.

Хорошо это или плохо, но я сделаю это.

Глава 12

Голову с плеч!

Проблемы возникли довольно быстро. Во-первых, я понятия не имела, как изгнать свою душу из тела. В дневнике упоминалось, что "вера" — причина разделения, да, но как я должна ее использовать? Или я должна была уступить силе внутри меня... силе, которую не чувствовала?

Во-вторых, я понятия не имела, что случится, если у меня получится, а Кэт или кто-то другой выйдет наружу и попытается поговорить с моим телом. И давайте не будем забывать, что Кэт все равно выйдет, и тогда я провалюсь, но также кто-то может выйти через заднюю дверь и попасть в лапы к зомби.

В любом случае, итог один: я должна как можно дальше отвести зомби от дома.

Нервничая, я набралась храбрости и бросилась в бой, сжимая нож и устремляясь к своему врагу.

— Господи, — взмолилась я. — Дай мне силу, скорость и, может быть, один из тех защитных костюмов.

Не добежав до первых двух зомби... а за деревьями, отделявших владения Анхов от леса, было еще восемь... я крикнула:

— Ужин подан! Поймайте меня! — и свернула влево.

Они зарычали и устремились за мной, как я и планировала. Оглядываясь назад, я продолжала бежать. Невестище догоняла меня, двигаясь с каждым шагом все быстрее и быстрее. Ее Жених не отставал. Он никогда не отставал.

Я немного свернула... и хруст, вот оно. Купи один, получи второй в подарок. Хоть одна из его лодыжек была вывернута под странным углом, он продолжал быстро двигаться, будто скользил по земле.

Либо повреждение, нанесённое телу перед смертью, повлияли на душу, либо Коул с ребятами ранили его раньше, но он успел убежать до того, как его убили.

Если они не смогли его убить, то какой шанс на успех у меня?

"Не стоит об этом думать".

Поскольку я следила за тем, что происходит позади меня, то врезалась в дерево и отлетела назад. Перед глазами замерцали звезды, пока я пыталась вдохнуть. Паника грозила захлестнуть меня. "Вставай!" Я видела несколько серий "Планета Животных" и знала, что происходит с неподвижной добычей.

Я вскочила на ноги. Быстро оглянувшись, вскрикнула. Слишком близко, слишком близко, они были слишком близко. Я помчалась вперед, избегая деревьев.

"Давай, Белл. Ты можешь сделать это." Я могу увести зомби дальше в лес, замаскироваться в листве и ждать, пока не прибудет подкрепление (надеюсь). Вот только Коул упомянул, что в лесу за моим задним двором есть растяжки.

Наверняка они есть и здесь, хотя я не понимала, как душа может запутаться в веревках. Но, думаю, у меня должно получиться.

Лес закончился.

Может, стоит побежать к дороге, надеясь, что проезжающая мимо машина собьет парочку зомби. Но, опять же, нельзя вовлекать в это невинных людей.

На дороге никого не было.

Отлично. Мне некуда бежать.

Ладно, давайте подумаем. Отец Рив был подозрительным типом. Внутри и снаружи дома должны висеть камеры, и кто-то должен был просматривать видеозаписи. Мистер Анкх, довольно быстро поймал нас с Кэт.

Так что... мне придется бежать через лес и пробираться через ловушки. Если бы я осталась дома, то, наверное, избежала бы этой стычки. Но я могу попытаться загнать зомби в ловушку и, если получится, сжечь их рукой, как это сделал Коул.

И надеяться, что во время всего этого мистер Анкх обязательно меня увидит.

Я побежала, листья и ветки били меня по лицу. Из-за высоких деревьев над головой я лишилась столь необходимого лунного света, а также света, льющегося из дома.

Вокруг было темно, что вызвало приступ страха. Тем не менее, я не поворачивалась назад... на этот раз смотрела себе под ноги... и искала что-нибудь, что могло бы торчать из толстых корней деревьев. Не хотелось оказаться висящей на ветке и становиться "шведским столом" для всех зомби в округе.

Я заметила впереди кучу листьев и подумала, не были ли они специально навалены, чтобы что-то скрыть, учитывая, что вокруг не лежало ни листочка. Я перепрыгнула через них. Через две секунды услышала шум свист воздуха и хрип. Я оглянулась. Жених попал в растяжку и теперь висел вверх ногами, не в силах освободиться. Мило!

Если бы еще и остальные попали в растяжки, но нет, они все ближе и ближе подбирались ко мне. Я бежала все быстрее и быстрее, мое сердце колотилось как отбойный молоток. Адреналин хлынул в вены, заставляя мое тело гореть, а пот стекать по спине ручьями. Мои мышцы натянулись, а раны болели.

Несмотря на такое состояние, зомби меня не победят. Я им не позволю. Буду драться с ними, независимо от боли или результата. Я...

Жар внутри меня превратился в ледяной холод. Я не останавливалась и никуда не сворачивала, но вдруг почувствовала себя легче, свободнее, мои шаги стали увереннее. Оглянувшись назад, увидела, что мое тело застыло на месте, одна нога была впереди другой, как будто я остановилась на середине бега.

Зомби не заметили мое тело, словно оно было еще одним деревом.

Вера. Я каким-то образом проявила веру и извлекла душу. Да!

Повернув вправо, я чуть снова не врезалась в дерево, но меня это не волновало, потому что думала, будто смогу пройти сквозь него... пока не поцарапалась рукой о кору. Что за черт? Даже если я была душой, такие вещи, как дерево, все равно могли ранить меня? Это было нелогично и несправедливо.

"Разберусь с этим позже. Сейчас нужно сосредоточиться". Я осмотрелась вокруг, ища лучшее место для исполнения своего плана.

Вдалеке увидела мерцание света. Присмотревшись, мне показалось, что это мерцание превратилось в светящиеся огни... чего-то. Я нахмурилась. Впереди возвышалась большая скала, светившаяся так ярко, словно с неба упал кусочек солнца.

Зловонное дыхание коснулось моей шеи. Опасаясь, что меня вот-вот схватят или, что еще хуже, укусят, я вскрикнула, перепрыгивая через камень.

Позади послышался грохот.

Все еще стоя на ногах, невредимая, я посмотрела назад. Зомби, который приближался ко мне, споткнулся о камень. За ним по пятам бежал другой, и он тоже упал. Остальные оказались умнее и прыгнули, как и я, и о, их стало больше. Они были словно рой мух. Как

только я отмахивалась от одного, на его место прилетали трое других.

Лучше моему подкреплению поскорее прибыть!

Надеясь, что светящиеся огни мне помогают и направляют меня в нужную сторону, я побежала в их сторону. Через несколько метров попала в тупик, образованный ветками и листьями. Мне некуда было свернуть, и я продолжила бежать... прорываясь сквозь него, я обнаружила широкое открытое пространство.

Я развернулась. Невестище и высокий, мускулистый мужчина последовали за мной, они бежали ко мне, не останавливаясь. На ней было грязное платье. Мужчина был без рубашки, руки бледные, грудь черная, в пузырях и порезах.

Зарывав, они бросились на меня. Щелкнули зубы, испачканные слизью.

"Тебе нужно завалить их, — говорил мне отец. — Если тебя окружили, завали как можно больше противников, чтобы бежать".

Теперь, когда я оказалась окружена зомби, этот совет был как нельзя кстати. Присев, я взяла свой нож поудобней и плавным движением порезала ноги обоим зомби. Они перелетели через меня, упали, но быстро сориентировались и поднялись на ноги.

Невестище сделала еще один шаг ко мне и, схватив меня за волосы, дернула. Резкая боль охватила мою голову, когда я вывернулась из ее рук. Конечно, оба зомби тут же бросились на меня.

Я побежала к дереву, надеясь, что рядом с ним находится ловушка, и зомби попадут в нее. Что там находится хоть что-нибудь, что угодно. Но они не попали в растяжку. Не свалились в большую яму в земле. Их ничего не напугало. Они все тянули руки ко мне...

Я увернулась и ударила мужчину ногой в живот, отчего он отлетел назад. В то же время я схватила Невестище за волосы. Вырвав несколько прядей, потянула ее вперед, ударив лицом о дерево. От удара из ее носа потекла кровь, и она упала на землю. Они скоро придут в себя, уж я то знала.

Прибыли остальные зомби. Я пнула первого, и, как и его друг, он отлетел назад. Остальные сплотились. Я наносила удары. Била ногами. Уворачивалась, то в одну, то в другую сторону, избегая их рук.

Но я ненадолго продвинулась вперед.

Мне уже хотелось самой попасться в ловушку Коула. Я бы весела очень высоко, вне досягаемости.

"Вне досягаемости..." Черт, может, мне просто залезть на дерево?

Залезть. Точно. Я уперлась ботинком в углубление на стволе и подняла одну руку. Моя рука зацепилась за гладкий выступ. Светящийся выступ, поняла я, взглянув вверх. Мои мышцы напряглись, пока я поднимала себя на значительное расстояние от земли.

Подтянув свободную ногу, я подняла другую руку и обнаружила еще один светящийся выступ; мой ботинок даже зацепился за еще одну выемку. Я поднялась еще на несколько дюймов... еще... еще.

Чем выше поднималась, тем ярче становилось свечение, пока я не смогла различить ступеньки лестницы, прибитой к боку дерева. Это не было случайностью. Наверно, мистер Анкх сделал это.

Один из зомби схватил меня за ногу и дернул вниз; я изо всех сил ухватилась за ступеньку и ударила его по лицу другой ногой. Как только он отпустил меня, я вскарабкалась на дерево.

Добравшись до вершины, я тяжело задыхалась. Зомби попытались подняться за мной, но

не смогли разобраться как это сделать.

Аллилуйя, я только что выиграла себе отсрочку.

Я огляделась, сосчитав зомби. Шестнадцать. Чтобы победить, мне нужно лишь обезвредить каждого из них, положить руку на их сердца и превратить ладонь в огнемет. Легко.

Да. Точно.

Невестище оправилась от лоботомии и присоединилась к остальным, царапая когтями кору... и, наконец, начала подниматься по лестнице. Меня охватил ужас. Вот тебе и отсрочка.

Я знала, что нужно сделать, и взяла в руки второй нож. Убить столько, сколько смогу, и бежать, как говорил отец. "Хватит думать. Действуй." Я прыгнула, кувыркнувшись через зомби.

Из-за жесткого приземления, мои колени стукнулись друг от друга, а голова немного закружилась, но я быстро повернулась, выставив вперед руку, и начала действовать. Я ударила мужчину в горло так глубоко, что его позвоночник хорошо познакомился с рукоятью ножа. Он зарычал и отлетел в сторону.

У меня не было времени положить руку ему на грудь, чтобы попытаться поджарить его. Женщина ударила меня по щеке.

Я споткнулась о что-то твердое и упала. Хотела встать на ноги, правда хотела. Я хотела залезть на дерево и повторить этот маленький трюк с прыжком и ножом. Но чьи-то сильные руки обхватили меня за талию и удержали на месте.

Зубы впились в мое плечо. Я закричала от мучительной боли. Казалось, я вся горела. Мое зрение затуманилось, а мышцы сжались.

— Анкх, — крикнула я. — Коул. — Но я не слышала шагов, не было большого сильного мужчины, спешащего на помощь.

Все не может закончиться вот так. Я уже несколько раз сталкивалась со смертью и убегала от нее живой. И сделаю это снова.

— Я убью тебя! — крикнула я в ярости от того, что позволила себе стать такой беспомощной. — Ты покойник!

Шокированная, я заметила, что моя правая рука мгновенно нагрелась, светясь тем же белым светом, что и ступеньки. Я потянулась вверх, чтобы схватить зомби, все еще обгладывающего мое плечо, но смогла лишь провести кончиками пальцев по его лбу.

Этого оказалось вполне достаточно.

Он превратился в пепел.

Пепел посыпался вниз, свечение исчезло с моей руки. Мой шок усилился. Почему... Как...

"Мы узнали, что все, что говорим, в духовной форме, происходит, независимо от того хорошо это или плохо, если это не нарушает чью-то волю и если мы в это верим".

Слова Коула вспыхнули в моей памяти.

Я попыталась встать, но не смогла найти в себе силы. Зомби... везде... вокруг меня...

— Не подходите! — крикнула я.

Они взглянули на мою руку, увидели, что свечение погасло... исчезло... и бросились на меня, прижав к земле. Вот так просто открылся Сезон Охоты на Али. Я попыталась оттолкнуть Невестище, но она наклонилась и укусила меня. Они все кусали, кусали и кусали.

— Отпустите! Я... убью...

Никто не послушался, и моя рука больше не светилась. Еще одна вспышка боли пронзила меня. Я издала еще один крик, такой пронзительный, что мои барабанные перепонки будут кровоточить целую вечность.

Очень короткую вечность.

Я была одна, уже укушенная бесчисленное количество раз. Они вели себя как животные, стонали в экстазе, вонзали зубы, как будто они были собаками, а я — их любимой костью. Со мной покончено.

"Драться... убивать... уничтожать..."

Слова заполнили мой разум, и какое-то липкое масло с запахом серы, казалось, заполняло мои вены, покрывало мою кожу.

"Драться..." Я должна драться, ошеломленно подумала я.

"Убивать..." Я должна убить кого-то.

"Уничтожать..." Я должна уничтожить ВСЁ.

Челюсть Невестищи внезапно отвисла. Моя рука упала на землю, безвольная, бесполезная. Шелест листьев, топот шагов. Зомби, вцепившийся в мое плечо, отпустил меня. Снова грохот, свист воздуха, ужасный рев. Я попыталась сесть, но снова не смогла этого сделать. Жжение не прекратилось, даже не притупилось. Оно только усилилось.

В воздухе внезапно запахло чем-то божественным. У меня потекли слюни. Вкус. Я хотела попробовать это на вкус. Ради этого я готова была драться, убивать и уничтожать.

Резкая боль пронзила мою шею. На меня навалилась тяжесть.

Темные желания притупились. "Нечто божественное" превратилось в нечто отвратительное. Желчь поднялась по моему горлу, и меня вырвало.

— О, Али, — услышала я Коула, в его голосе звучал ужас. Нежные пальцы провели по моему лицу, подняли и повернули мою руку, чтобы осмотреть повреждения. — Мне так жаль. Я не должен был оставлять тебя. Прости меня. Я приехал сюда, сразу же как узнал.

— Я не знаю, откуда она узнала, — закричал мужчина, — но она поймала несколько зомби в наши ловушки. — Его голос был мне незнаком.

Нежные пальцы Коула вернулись к моему лицу.

— Каждый зомби, который напал на тебя, убит, Али. Честно. Они получили за то, что сделали с тобой.

— Мы должны вытащить ее отсюда. — Кажется, это сказал Лёд.

— Я возьму ее, — сказал Коул, и его слова прозвучали так резко, что я поняла: никто не посмеет ему возразить. — Позаботься о ее бабушке и дедушке.

Что значит позаботиться о моих бабушке и дедушке? Руки обхватили мое тело, поднимая вверх. При этом движении укусы, оставленные зубами зомби, заболели сильнее, и я заскулила.

— Я держу тебя, — сказал Коул. — Я не позволю, чтобы с тобой что-то еще случилось.

Казалось, прошло несколько часов, прежде чем мы прорвались сквозь деревья. Вдруг я услышала звуки вечеринки: приглушенные голоса, смех, быструю музыку, даже плеск. Должно быть, кто-то купался.

Я начала отталкивать Коула, причиняя себе еще больше боли, но мне было все равно. Я не хотела, чтобы кто-то меня увидел. Учитывая его силу, у меня ничего не вышло.

— Успокойся, — мягко сказал он. — В комнату, которую вы с Кэт обнаружили, есть подземный ход. Там мы сможем тебе помочь. Никто тебя не увидит, клянусь. И ты поправишься, слышишь меня? Я уже ввел противоядие. Тебе нужно другое лечение, но самое

худшее, что может случиться, это то, что ты пропустишь комендантский час и будешь наказана на несколько недель.

Может и так, но мои бабушка и дедушка будут каждую минуту волноваться, что меня нет, а я этого не позволю.

— Нужно... позвонить... — Это все, что мне удалось выдавить из себя. Больно... это было слишком... слишком больно... — Не могу... позволить...

— Лёд накачает твоих бабушку и дедушку, хорошо? С ними ничего не случится, — добавил он, вероятно, зная, что я буду протестовать против этого. — Они даже не узнают о его присутствии. Хорошо выспятся и проснутся утром бодрыми и свежими. Но все равно будут знать, что ты пропустила комендантский час, я ничего не могу с этим поделать, так как сейчас двенадцать двадцать пять, а Льда не будет еще минут пятнадцать, но они не узнают во сколько ты на самом деле вернулась домой.

Его голос начал отдаваться эхом. Мы, должно быть, в туннеле. Вероятно, в подземном переходе. Если я закричу... а мне очень хотелось закричать... звук моей агонии эхом отзовется в вечности, и Коул навсегда запомнит меня как слабачку. "Этого нельзя допустить".

Но я не была уверена, что хуже. Удар по моему эго или ощущение, словно попала в адское пламя.

Когда Коул остановился, мне едва удалось превратить крик в шипение. Я слышала звук других шагов, затем скрип петель. Затем он снова пошел, и меня положили на холодную, твердую поверхность. Внезапно вокруг меня раздались голоса, как мужские, так и женские.

— Сколько напало на нее?

— Я видел восемь. Наверно, было больше. Ее преследовало целое гнездо.

— Как долго они питались ею?

— Не знаю. Мы с ней не виделись около часа, так что думаю не долго.

— Есть выжившие?

— Нет, сэр. — В его голосе слышалась гордость, затем он замолчал на некоторое время. — Насколько серьезны раны Али?

Последующее молчание было жестоким и истрепало то, что осталось от моих нервов.

— Серьезные. То, что попало в ее душу, теперь в мышцах. Если это проникнет в кости...

Коул разразился проклятиями.

Должно быть, это очень плохо.

— Помогите... мне, — выдавила я. "Перестаньте разговаривать друг с другом и помогите мне!" Каждая секунда была хуже предыдущей.

Мою рубашку разрезали, возможно, даже лифчик. Мне было слишком больно, чтобы заботиться о том, кто видит мое тело. Если уж на то пошло, мне было слишком больно, чтобы заботиться о своей репутации. Я закричала, выражая самые острые грани своих мучений. Тот, кто раздевал меня, не останавливался. Мои ботинки и джинсы сняли в спешке.

Что-то холодное коснулось моей раны на шее, и все мое тело выгнулось, когда я издала еще один крик. Боль... Раньше я только думала, что знаю, что это такое. Это была настоящая боль. Боль в чистом виде. Боль, боль, боль.

— Сделай же что-нибудь! — крикнул Коул.

Еще один вопрос вертелся на краю моего сознания, но никак не мог сформироваться. Он беспокоил меня, каким бы ни был. Мне было не по себе, даже тошнило. А может, это был зомби-токсин или противоядие, или что там было во мне.

После укола в руку меня накрыло теплой волной. Головокружение затмило ощущение боли, отвлекая, и вдруг я оказалась плывущей по морю мягких облаков.

Плыла...

...далеко...

* * *

...плыла...

...назад...

Я боролась с желанием вернуться в свое тело. Я хотела остаться в этом огромном царстве небытия, где беды остались в прошлом и ничто не могло причинить мне вреда. Но я проиграла эту битву так же, как проиграла битву с зомби.

"Зомби".

Это слово вернуло меня обратно. Я упала... вернулась в тело... не в силах вырваться.

Мой живот сжался, и боль пронзила тело. Я застонала. Мой мозг был похож на большую, огромную миску желе, а глаза словно склеились. Мне пришлось заставить их открыться, быстро заморгав. Я попыталась сосредоточиться. На заднем плане слышалось тихое "бип-бип-бип". Я почувствовала сильный запах чистящего средства, перебиваемый запахом гнили.

Слишком яркая лампа висела надо мной, раскачиваясь взад и вперед. Последнее, что я помнила, была вечеринка, зомби. Бег, погоня, борьба. Зубы вонзались в меня. Как я сюда попала? И вообще, где я нахожусь?

Мое сердцебиение участилось, и звуковые сигналы уловили это. Я попыталась сесть, но что-то сдерживало мои запястья. Повернулась, чтобы посмотреть, и вскрикнула. Кожа на шее и руках натянулась, пронзая болью каждый сантиметр.

— Успокойся, — сказал кто-то.

"Не одна". Замерев, я осмотрела комнату. Но так и не нашла кому принадлежал этот голос.

— Кто здесь?

— И не шевелись, — добавил кто-то еще. — Ты же не хочешь, чтобы швы разошлись.

— Кроме того ты все равно не сможешь освободиться. — Я узнала женский голос, но не смогла определить, кому он принадлежал. — Тебя приковали.

Приковали? Я посмотрела на свои запястья. Они были пристегнуты наручниками к койке. Успокоиться? Не так просто!

— Отпустите меня! Сейчас же! — Слова царапали мое горло, как осколки стекла блендер.

— Если не успокоишься, я снова накачаю тебя наркотиками, и ты будешь совершенно беспомощна. Вы хотите быть беспомощной, мисс Белл?

Отец Рив, мистер Анкх, отодвинул в сторону занавеску. Он сменил свой костюм на окровавленный халат. На шее у него болтался стетоскоп. Его темные волосы были растрепанными, а глаза красным.

Рядом с ним стоял высокий мужчина с темными, хотя и не менее взъерошенными волосами. Черты его лица были грубее, на челюсти виднелась щетина. Глаза у него были голубого цвета, а нос с небольшой горбинкой в центре. Его лицо было заляпано грязью, но руки оказались вымыты дочи́ста.

Рядом с ним стояла доктор Райт в тонких очках на носу и со скрещенными на груди

руками. Она была в просторной рубашке на пуговицах и тренировочных штанах такой длины, что их пришлось подвернуть на лодыжках. Но от этого она не выглядела менее авторитетной.

— Как ты себя чувствуешь, Али? — спросила она. — Ты была без сознания почти всю ночь.

— Я чувствую, что хочу, чтобы кто-то отпустил меня. Подсказка. Этот кто-то — вы! Неизвестный мужчина произнес.

— Они просто зададут тебе несколько вопросов. Чем быстрее ты позволишь им начать, тем быстрее тебя освободят.

Отстранившись, я заметила, как Коул вошел в открытую дверь. Он не переоделся, хотя на его футболке и джинсах была кровь. Думаю, это была моя кровь. На его голове красовалась белая кепка, а темные волосы торчали из-под нее. Под его глазами залегли тени.

— Кто он? — потребовала я, указывая на неизвестного мужчину, наклонив подбородок.

— Это мой отец. Тайлер.

Мои глаза расширились, когда я перевела взгляд на более грубого на вид взрослого. Теперь, когда я узнала, что между ними есть связь, его черты лица стали напоминать черты лица Коула. Те же слегка вздернутые глаза, тот же упрямый подбородок.

Я заставила себя расслабиться на твердой кровати и резко кивнула.

— Ладно. Задавайте свои вопросы.

Мистер Холланд начал первым. Я просто не могла думать о нем как о Тайлере. Это было слишком неформально, слишком дружелюбно, когда он явно был кем-то другим.

— Как ты узнала, где находятся растяжки? Потому что я считаю, что ты никак не могла знать, где мы их сделали, если только не следила за нами.

Сказать правду или нет? Вероятно, возможность видеть светящиеся огни была знаком того, что мне суждено стать охотницей... или это одна из тех "многих других" способностей, о которых говорилось в дневнике. А может, и нет. Возможно, это покончит с неприязнью, которое направлено на меня. А может, и нет. Есть шанс, что неприязнь усилится.

В любом случае, я решила сделать это, рассказать о светящихся огнях. Выражения их лиц оставались жесткими и суровыми, даже когда они смотрели друг на друга, как будто им было интересно узнать, что думают остальные.

Они попросили меня описать огни, и я старалась не говорить тоном "вы такие идиоты, по-вашему, как они должны выглядеть". Они попросили меня выбрать цвет в таблице на ноутбуке. Кто бы мог подумать, что существует столько оттенков белого? Они рассказали мне о моем отце, о том, что он говорил и делал, а потом о дедушке, которого я никогда не видела.

— Мне кажется, я знаю, что ты видела, — сказал мистер Анкх. — Вернее, что вызвало свечение.

Когда он больше ничего не сказал, я огрызнулась:

— Ну. И что же?

Он и мистер Холланд обменялись мрачными взглядами, после чего мистер Холланд кивнул, а мистер Анкх сказал:

— Линию крови.

Коул упоминал о том, что вокруг дома разливают смесь химикатов, чтобы зомби не вошли. Но зачем им помечать деревья?

Мистер Холланд облизал губы.

— Зомби выходят раньше времени и охотятся за тобой. Почему?

— Не знаю, — ответила я. — Почему бы вам не сказать мне? Очевидно, вы знаете об этом больше меня.

Он рыкнул.

— Ты должна что-то знать. Иначе как бы ты пережила столько нападений?

Гнев взорвался во мне, раскаленной бомбой, поглощающей все на своем пути.

— Думаете, я работаю с зомби? Я заплатила им, чтобы они притворялись и нападали на меня, чтобы я обманом заставила вас позволить мне присоединиться к вам?

— А ты делала это? — спросил мистер Холланд.

— Ладно, — сказала я сладким тоном. — Вы правы. Вчера вечером я ужинала с Зомби Карлом. Ну, знаешь, стейки, мясо и бутылка марочного вина. Он рассказал мне все свои планы, но, к сожалению, я пообещала ему, что сохраню его секрет. В обмен я попросила его собрать своих лучших приятелей-нежитей и выследить меня во дворе моей подруги. И да, мы решили, что ничего страшного не будет, если они захотят использовать меня в качестве буфета на всю ночь, потому что обладать органами — это уже прошлый сезон.

Коул отвернулся, и я услышала приглушённый звук, исходящий от него. Он... смеялся надо мной?

Да как он смеет! Речь шла о моей жизни.

Мне следовало бы замолчать, чтобы не подливать масла в огонь его веселья, но мой гнев заставил меня продолжать.

— Знаете, скорее всего я лучший боец в этой комнате. Ты когда-нибудь думал об этом? — Неважно, что я чуть не умерла. — Может быть, если бы вы были опытнее, то не удивлялись бы так, когда кто-то проявляет необычные способности.

Все трое взрослых уставились на меня.

— Давайте кое-что проясним, — сказала я отцу Коула, — в чем именно вы меня подозреваете? Что, по-вашему, я сделала? Вы мне ничего не сказали. Думаете, я все расскажу людям, с которыми работает Джастин Сильверстоун? Что ж, я не собиралась делать этого. Их мотивы сомнительны, по словам Коула, а мне есть что терять.

Я ждала, но они ничего не ответили. Просто смотрели на меня в ожидании. Моя мама использовала тот же прием, и я знала — они надеялись, что я заполню тишину, рассказав все секреты.

— Вы со всеми новичками так обращаетесь? — спросила я. — Вы также заковывали Маккензи в цепи и допрашивали ее, прежде чем приняли в свой дом?

— О-о, — пробормотал Коул. — Начались серьезные вопросы.

Я проигнорировала его.

— Коул говорит, что ты самый любопытный человек, которого он когда-либо встречал. — Мистер Холланд почесал шею — действие, которое я не раз видела у Коула. — Но, если ты думаешь, что мы ответим без доказательств твоих намерений, ты тупа, как коробка с камнями. Джастин предал нас. Он научил этих людей, как охотиться на зомби — как охотиться на нас. Они не из тех, кто принимает отказ, и они, конечно, не стали бы думать дважды, посылая девочку-подростка к нам, чтобы уничтожить нас изнутри. Они хотят, чтобы мы исчезли, а не зомби.

— Почему?

— Почему? Мы боремся с ними, мешаем их исследованиям.

Я не стала указывать на то, что это он был туп, как коробка с камнями. Он просто

ответил на один из моих вопросов без своих драгоценных доказательств.

— Не могу поверить, что вы думаете, будто я здесь, чтобы саботировать вашу работу. Неужели считаете, что я намеренно подстроила автомобильную аварию, которая разрушила всю мою жизнь. — Я попыталась взять слово "разрушила" в кавычки, но наручники на запястьях не позволили этого сделать. — Хотите сказать, что я убила свою собственную семью, чтобы привлечь зомби и их подручных на свою сторону, чтобы начать работать с ними.

Мистер Холланд не проявил милосердия.

— Поверь мне, это возможно.

А это означало, что они мне не поверят, что бы я ни сказала.

— Хорошо. Допустим, я работаю с ними. Что я могу исследовать?

По какой-то причине Коул рассмеялся, уже не скрывая своего веселья. Мистер Холланд взглядом попросил его заткнуться, избавив меня от проблем.

— Что? — сказал Коул. — У тебя не получится ее запугать. Поверь, я пытался.

Мистер Анкх сказал:

— Что касается зомби, они хотят узнать, как получить бессмертие. У нас есть душа, о которой им ничего толком неизвестно. Что еще?

Может, они все-таки поверили мне? Теперь ответы давались легче. Или, может быть, это общеизвестная информация среди охотников и защитников. В любом случае, мне было плевать. Я с трудом переваривала то, что он только что сказал. Кто-то надеется найти способ позволить каждому провести вечность в виде гниющего, ходячего духа? Не круто. Итак, информацию об этих людях, которые могли видеть зомби, я получила. Тяжело, но получила.

— Откуда появились зомби?

Мужчины еще раз переглянулись, прежде чем мистер Холланд сказал:

— Зомби появились, потому что существует зло. Мы не знаем точно, как это произошло, можем только догадываться.

— Мы считаем, что источник зла был здесь еще до нас и постепенно смог пробиться в человеческую жизнь, — добавила доктор Райт. — Это словно болезнь, которую не лечат, она прогрессировала и становилась сильнее.

Мужчины нахмурились, но не стали ее упрекать.

Я была согласна с ее мнением.

— Как я уже говорила, из-за зомби произошла авария, в которой погибла моя семья. Я никогда не буду работать с ними или на тех, кто им помогает.

Пристально глядя на меня, мистер Холланд подошел ближе.

— Однажды, летней ночью, ради забавы, я и мои друзья вытащили твоего отца из его дома. Зомби либо следили за мной, либо охотились на него, потому что они появились из ниоткуда и напали. Мы с ним были единственными, кто среагировал. Это был первый раз, когда со мной произошло что-то подобное. На следующий день я пришел поговорить с ним, но он уже собрал вещи твоей мамы и переехал.

Слезы наполнили мои глаза при мысли о том, что, должно быть, пережил мой отец той ночью. Я хотела ненавидеть мистера Холланда за это, действительно хотела, но разве лучше отнеслась к отцу?

— Я сожалею о том, что сделал, — хрипло добавил мистер Холланд. — Также сожалею о твоей потере.

Слезы текли по моим щекам, и мне удалось хрипло выдохнуть:

— Спасибо.

Видимо, я заставила мистера Анха почувствовать себя неловко, потому что он поспешил сменить тему разговора.

— Что вы искали в моем доме, мисс Белл?

— И почему Кэт была с тобой? — спросила доктор Райт. — Она знает?

Я бы ни за что не сдала Кэт.

— Нет, она не знает. Мы хотели найти место, где можно поболтать наедине, вот и все. Кроме того, вы не можете винить нас за то, что мы бродили вокруг. Вы знали о вечеринке. Вы знали, что все будут пить и гулять по дому. Вам следовало запереть двери.

— Я это и сделал, — сказал он.

— Что ж, кто-то видимо открыл их!

Взрослые отошли в сторону, и вскоре до меня донесся шепот их разговора. Решают мою судьбу? Или достойна ли я присоединиться к ним? Возможно, они не слышали, но Коул уже все рассказал мне.

"Что ты делаешь? Сидишь, опустив руки? Сейчас у тебя есть шанс действовать". Хотя Коул наблюдал за мной... чувствовала жар его взгляда... я незаметно потянула за наручники. Движения, хоть и легкие, натянули швы и заставили меня поморщиться. Я стиснула зубы и продолжила. Беспомощность — это не то, с чем я могла смириться.

Успех! Мне удалось освободить руки от оков. Глянув вниз, я поняла, что раны открылись, кожа была поцарапана, и из нее проступали маленькие бисеринки крови. Но это того стоило.

— Мы решили довериться вам, мисс Белл, — объявил мистер Анкс. — Просто знай, что мы следим за тобой.

— Потрясающе, — ответила я мрачно. — Но вы должны поговорить с Коулом. У него другое мнение на этот счет.

— Мы знаем, что он разрешил тебе присоединиться к нам, и знаем, что он выгнал тебя, но Коул сделал и то, и другое без нашего разрешения. Поэтому ни то, ни другое не считается, — сказала доктор Райт.

Мистер Холланд посмотрел на своего сына.

— Она в твоём распоряжении, Коул. Удачи.

С этими словами они вышли из комнаты.

Коул подошел к моей кровати и сел рядом. Я наблюдала за ним боковым зрением. Он снял кепку и положил ее в сторону, проведя пальцами по волосам.

— Ты можешь посмотреть мне в глаза, — сказал он. — Уже почти утро, и ты просыпалась один раз ночью. У нас уже было видение.

— Правда?

— Да.

— Что ты видел?

— То же самое, что и в наше первое видение.

Поцелуй.

— Что ж, можешь забыть об этом. — Я отстранилась от него, не позволяя ни одной части наших тел соприкоснуться. Он заметил это и придвинулся еще ближе.

Я так не хотела делать это с ним, поэтому осталась на месте. Он прикоснулся ко мне, но это ничего не значило. Я больше не позволю.

— Куда делось ужасное трио? И почему ты смеялся?

Он ухмыльнулся.

— Потому что ты милая, когда задаешь слишком много вопросов, и неважно, что на них не может ответить ни один человек. Но я попробую. Они ушли сказать остальным, чтобы они обращались с тобой как следует. — Он поднял и изучил мое запястье, никак не прокомментировав отсутствие наручников. — Именно этого я хотел избежать. Тебя ранили.

— Я уже говорила. Я готова умереть за это дело.

— Возможно, когда-нибудь тебе придется, — отрезал он.

Я молча посмотрела на него, как и он часто смотрел так на меня... пока его большой палец не задел одну из моих ран, и я захныкала.

Он мгновенно смягчился.

— Жаль, что меня там не было. — В конце его голос сорвался. — Итак. Да. Теперь у тебя нет выхода. Ты застряла с нами.

Его голос прозвучал как-то зловеще.

— У Джастина был шанс.

— Да, и посмотри, к чему это привело. — Коул встал, подошел к тележке, на которой были разбросаны всевозможные вещи, и покатил ее. — Мы не повторим ту же ошибку дважды. Если ты не за нас, то ты за них, а с твоей способностью видеть Линию Крови в царстве душ, мы не можем позволить тебе быть за них.

Итак, мы перешли от зловещего к откровенно угрожающему тону.

— И что, ты убьешь меня?

Он сжал челюсть.

— Я бы никогда не сделал этого.

Очевидно, это сделают другие.

— Должна сказать, пока что мне не нравится, как ребята относятся ко мне. — Я еще не решила, что присоединюсь к ним, но после этих слов поняла, что решение уже принято. Бесспорно, мне не справиться в одиночку.

Он промыл мои раны.

— Ты полюбишь их. Они будут прикрывать твою спину.

А я буду прикрывать их спину.

— Значит, никто больше не может видеть Линию Крови в духовной форме?

— Сейчас нет, но несколько лет назад был один парень, который мог. Именно он привел моего отца, а потом и его друзей.

Я вспомнила о дневнике. Может быть, этот бывший лидер его написал.

— Он любил шифровать текст?

Нахмурившись, Коул посмотрел на меня.

— Почему ты спрашиваешь?

— Я расскажу тебе позже, — сказала я. — Наверное. Когда я снова смогу тебе доверять.

Он открыл рот, будто хотел надавить на меня, но, в конце концов, просто кивнул.

— Справедливо. И поскольку я знаю, как сильно ты любишь подробности, скажу тебе... без всяких вопросов... что никто так и не понял, как он мог это делать, когда никто другой не смог.

— Что с ним случилось? — спросила я, а затем раздраженно поджала губы. Несколько раз он упоминал о моей любознательности. Мне нужно научиться контролировать свой язык.

— Он умер во время сражения, вот и все. — Он закончил промывать мои раны и

обмотал бинтами оба моих запястья.

Тогда получается, что известно только два случая, когда люди обладали такой способностью. В дневнике говорилось, что мы все должны обладать способностями, если только примем силу внутри себя. Возможно, мы с этим парнем были единственными, кто это сделал.

— Тебя очень сильно укусили, — сказал Коул, — но противоядие все же нейтрализовало токсин. Следующие несколько дней ты будешь чувствовать усталость, но с тобой будет все в порядке.

Он сказал это так, будто существовал шанс, что противоядие не подействует, и я не знала, что чувствовать по этому поводу. Облегчение от того, что я выжила, или ужас от того, что могла умереть.

— Ты... Я имею в виду, что тебя тоже кусали раньше.

— Столько раз, что и не сосчитать. Чем дольше зомби остаются в живых, тем умнее они становятся. Учатся обходить наши ловушки... хотя никогда не обходят Линию крови. Они охотятся вместе. Устраивают засады. Выслеживают.

Эта фраза привлекла мое внимание. Меня выследили. Невестице и ее Жених приходили к моему дому много ночей, а затем снова у Рив. Очевидно, они выделили меня.

— Итак, Линия Крови... — подсказала я, не спрашивая.

— Хочешь узнать об этом больше?

Я кивнула.

В его глазах появился блеск, когда он сказал:

— Она создает энергию, которая заставляет предметы находиться в царстве душ, не позволяя зомби проникать сквозь них. Эта энергия также выделяет запах, который зомби считают оскорбительным, поэтому мы стираем нашу одежду в разбавленной смеси химикатов. Единственное, что она не может защитить — это человеческое тело.

Очаровательно.

— Мне нужно немного этой смеси.

— Получишь после того, как я научу тебя, как правильно ей пользоваться.

— Когда?

— Скоро.

С этим трудно поспорить, но, о, я так хотела.

— Твой отец тоже сражается с ними? — Ну, вот. Еще один вопрос.

— Нет. У него появилась аллергия на противоядие, и он вынужден держаться в стороне.

Что-то в его тоне заставило меня подумать, что однажды и у нас появится аллергия, но сейчас я не собиралась об этом беспокоиться.

— И что же будет дальше?

Взгляд Коула был таким же успокаивающим, как одеяло, сотканное из осколков разбитого стекла.

— Ты пойдешь домой и отдохнешь. Подумаешь, какой ложью будешь кормить своих бабушку и дедушку. И как только выздоровеешь, мы начнем твоё обучение.

Глава 13

Тук-тук, говорит Зло

Как мне и обещали, мои бабушка и дедушка мирно спали, когда я вернулась домой поздним воскресным утром. (Облака в форме кролика в небе не было. Я проверила. И да, теперь я знала, что облако связано с зомби, а не с машинами, но все равно была осторожной). Коул высадил меня, сказав:

— Я подвезу тебя завтра утром в школу. В семь пятнадцать. Будь готова.

Я сказала ему, что поеду на автобусе и он может не волноваться. Мне нужно было поговорить с Джастином, и лучше это сделать раньше, чем позже. Взгляд, которым Коул наградил меня после этих слов, мог бы заморозить Тихий океан.

Я осталась стоять на своем, поскольку не собиралась прыгать, когда он скажет "прыгай". Скорее побью его. Он бросил меня, оскорбил и позволил своему отцу допрашивать меня.

Я помогу ему с зомби, конечно, помогу, но я также хотела тренироваться с ним и стать лучшим бойцом. Хотела что-то изменить в этом новом мире, хотела помогать людям, но я не буду ему потакать.

Он уехал, не сказав ни слова. У меня было предчувствие, что завтра утром он будет ждать возле дома, несмотря на мои протесты. Видимо, он тоже не собирается прыгать, когда я скажу ему "прыгай".

Следующие полчаса я ходила вокруг дома, пытаюсь найти хоть какой-то признак Линии крови, которая оказалась столь мощной в борьбе с зомби. Но ничего не нашла и не почувствовала.

К тому времени, как я закончила, мои раны болели в тысячу раз сильнее, чем в начале. Вздохнув, я поплелась в свою комнату и скользнула в кровать, чтобы быстренько вздремнуть, прежде чем идти в церковь.

Через четыре "быстрых" часа меня разбудил звонкий смех. Соседские дети, должно быть, играли на улице, а мои бабушка и дедушка сегодня решили остаться дома.

Я вылезла из теплого одеяла, приняла душ, насколько это было возможно, не намочив швы, и оделась в рубашку с длинным рукавом и спортивные штаны, чтобы скрыть раны. Одежда оказалась зимней, а на улице было еще жарко, но что еще оставалось сделать?

Я, наконец, поняла предпочтения в гардеробе Маккензи.

Мой взгляд остановился на дневнике, который все еще лежал на столе. В какой-то момент мне придется рассказать о нем Коулу. К тому же, возможно, он сможет расшифровать его. Я подошла, открыла страницу на которой остановилась и удивленно моргнула.

Страница больше не была зашифрована.

Обескураженная, я села на стул и стала читать.

"Помнишь я упоминал о способностях? Так вот, некоторые охотники могут видеть будущее. Другие же могут видеть Линию Крови и находить наши убежища. Некоторые могут убивать сразу несколько зомби после укуса. Что-то в их душе заражает зомби и распространяется от одного к другому, как болезнь, причем охотник даже ничего не делает.

Но некоторые не обладают ни одной из этих способностей. А есть те, которые обладают сразу всеми.

Признаюсь. У меня есть все эти способности.

Вот откуда я знаю о грядущей войне. Вот откуда знаю, что ни один охотник... или обычный человек... не выживет, если не сделать что-то большее.

Но я знаю, что нужно сделать.

Я должен умереть".

Остальные слова остались зашифрованы. Я стукнула кулаком по столу, так что ноутбук задрожал. Почему, почему, почему? Как, как, как? Сначала обычный текст, потом зашифрованный, затем обычный, и снова зашифрованный. Почему он меняется? Из-за чего?

Вот что я знала: мы с Коулом видели будущее. Я могла видеть Линию крови. Я не была уверена, была ли моя душа ядом для зомби, и мне не хотелось этого узнавать. Если сложить все это вместе, получалось больше, чем я когда-либо знала... но этого все равно было недостаточно. Почему у меня столько способностей? И откуда они у меня?

Я потеряла глаза и отложила дневник в сторону. Завтра попробую прочитать его снова. Может быть, мне откроется другой отрывок, а может и нет. Но до тех пор мне нужно поговорить с бабушкой и дедушкой.

У меня было предчувствие, что, увидев меня, они скажут что-то подобное:

"Заберите у меня все, кроме дыхания".

"Заберите у меня все, и даже дыхание".

Но я удивилась, что они еще не ворвались в мою спальню и не потребовали ответов.

Я поплелась на кухню. Бабушка стояла у кухонного островка и делала сэндвичи.

В своей желтой блузке она выглядела, как лютик, и, заметив меня, мягко улыбнулась.

— Наверное, погода поменяется. Мы с дедушкой тоже проспали, поэтому решили в церковь пойти вечером.

— Я тоже пойду.

— Отлично. Ты голодна?

Ладно, это был вопрос с подвохом. Если бы я ответу "да", она скажет: "Что ж, тогда ты больше никогда не будешь есть!".

— Э... да? — Я все равно рискнула.

— Сэндвичи подойдут?

— Да? — Снова спросила я. Спрятав свою нервозность, сказала: — Итак, прошлой ночью...

За ее спиной были открыты шторы, и утренний свет освещал комнату. Над ее головой висели кастрюли и сковородки, отбрасывая тени на ее щеки. Она наклонила голову набок и вздохнула.

— Мы слышали, когда ты пришла. Через десять минут после комендантского часа — это не такая уж и большая проблема, но надеюсь, что в следующий раз ты позвонишь нам, если вдруг будешь опаздывать. Дедушка волновался.

"Спасибо, Лёд!"

— Конечно, да, — поспешно ответила я. — Прости, что не позвонила. Потерялась во времени. Прости, — повторила я.

— Ты прощена. — Она заправила волосы за ухо. — Теперь у меня к тебе два вопроса. Почему ты так одета, и как прошло твое свидание?

— Это мой новый стиль. — Я не могла сказать ей, что проснулась от холода, потому что на лбу у меня выступили бисеринки пота, иначе она решила бы, что у меня жар и мне нужно в больницу.

Она нахмурила брови, разворачивая пакет с булочками.

— Дорогая, это, наверно, худшая модная тенденция за последние десятилетия. В доме почти восемьдесят градусов, а я, женщина, у которой обычно в жилах течет лед, не могу освежиться. Ничто не стоит таких страданий.

Ну, некоторые вещи стоили.

— Что касается твоего другого вопроса, я не была на свидании с Джастином, помнишь? Мы не заинтересованы друг в друге в этом смысле.

— Ну, это, наверно, хорошо. Парень, который не видит, какой замечательной девушкой ты будешь, для меня дурак. — Она нарезала ветчину, положив кусочки на нижнюю булочку. — Ты умная, красивая, и ты не тварь.

Если бы у меня была еда во рту, я бы ее выплюнула. Тварь? Ну ладно, я не буду заострять на этом внимание. Уже начинала привыкать к ее грязному рту.

— Мама когда-нибудь рассказывала тебе, как познакомилась с моим отцом?

Бабушка ласково улыбнулась, но улыбка быстро угасла, так как в ее глазах проступила неприязнь к моему отцу.

— Она познакомилась с ним в школе. Они учились в одном классе, но у них не было общих уроков. — Она разворачивала сыр, пока говорила. — Если я правильно помню, они столкнулись в коридоре. Он сбил ее с ног, и ее книги разлетелись по всему коридору. Он был так смущен и бормотал извинения, пока помогал ей все собрать. Потом их глаза встретились, и все. Она была обречена.

Я уловила едва заметный намек на обиду, исходящий от нее, но в нем также были радость и обожание.

— Их глаза встретились, да? Прямо как любовь с первого взгляда. — А может быть, что-то большее. Может быть, у них были видения.

— Думаю, да. Они стали чаще видеться, а остальное ты уже знаешь. — Бабушка намазала какой-то апельсиновый соус на верхнюю булочку. — Ну, может быть, не все. Они сбежали через несколько недель после окончания школы.

Это объясняло, почему у них нет фотографий со свадьбы.

— Я хочу навестить их. — Эти слова вылетели необдуманно. — Я скучаю по ним. — Бабушка и дедушка несколько раз были на кладбище, но я всегда отказывалась идти с ними.

Бабушка закончила сыпать перец, и мягкая улыбка вернулась на ее лицо.

— Думаю, это замечательная идея.

Мы съели наши сэндвичи в уютном молчании, и, пока она будила дедушку, я запихнула в сумочку майку и шорты, плюс мой телефон, нож и солнцезащитный крем. Затем написала Джастину сообщение, спросила, все ли у него в порядке, и сказала, что нам нужно поговорить.

Я хотела знать, почему он работает с такими опасными людьми. Хотела, чтобы он знал, что я никогда не сделаю ничего, что поможет сохранить жизнь зомби. Хотела узнать его версию истории. Через десять минут я так и не получила ответа, и часть меня подозревала, что никогда и не получит.

Я написала Кэт сообщение, спросив, как она, и сразу же получила ответ:

"У меня все так хорошо, что я должна быть вне закона! А ты как?"

"Хорошо".

"Лёд сказал, что Коул вернулся на вечеринку за тобой и даже отвез домой".

"Да". Нет причин отрицать это.

Она сразу же спросила: "Вы снова вместе?"

"НЕТ! То есть, да. Может быть. Нет. Все сложно". Сейчас я не была самой большой поклонницей Коула, и я также не знала, что он чувствует к Маккензи.

"Забавно, — ответила она. — Я расцениваю это как ДА, ДА, 1000 раз ДА".

Мы с Коулом скоро начнем чаще общаться после школы, так что будет лучше, если все решат, что мы пара. К тому же, такой образ мышления имел дополнительный бонус в том, чтобы удержать парней от попыток залезть в мои якобы распутные штаны. Никто не захочет навлечь на себя его гнев, причинив боль его девушке.

Пришло еще одно сообщение. В смс от Мяу было написано: "Кстати, Лёд снова в моем списке смертников".

"После того как вы целовались у всех на глазах? — ответила я. — Почему?"

"Как всегда, он сбежал от меня к Коулу".

Меня пронзило чувство вины. Нет, он не делал этого. Я знала, чем он был занят, но не могла рассказать ей, не могла облегчить ее боль.

Мяу добавила: "Кроме того, облизывая его рот, я просто дразнила его тем, чего у него никогда не будет!"

"Так держать! PS... Уверена, что Маккензи Лав пустила слухи обо мне".

"Ты думаешь о том же, о чем и я? Темный переулок, кастет и тюремные правила".

И тут я поняла. Кэт была лучшей подругой в моей жизни. Она поддерживала меня, верила в меня, несмотря ни на что. И я хотела стать для нее таким же замечательным другом. Хотела сохранить ее навсегда. "Ты звезда!"

"Знаю. Мне пора бежать, поговорим завтра, хорошо? ХОХО"

— Али, — позвала бабушка снизу. — Ты готова?

Быстрый взгляд в зеркало, я увидела, что мои волосы уже высохли, но немного спутались. Мои щеки были слишком красными, а наряд — нелепым. Ну и ладно. Я побежала к машине.

— Тебе нужно научиться водить машину, — заметил дедуля, выезжая на шоссе. — Не то чтобы я не хотел возить тебя, но тогда тебе не придется идти пешком, если вдруг опоздаешь на автобус.

В небе по-прежнему не было ни одного кролика, что позволило мне расслабиться.

— Знаю, — сказала я, представляя, как он пытается меня научить. Он хватается за грудь, потому что я случайно выехала на встречную полосу. Он умирает на пассажирском сиденье, прежде чем я успеваю отвезти его в больницу. — Вы не будете против, если я возьму пару уроков вождения после школы? — Я умолчала о своем учителе. Коул или один из его друзей могли бы позаниматься этим после тренировки. Нужно будет спросить у него.

— Это пойдет тебе на пользу, — сказала бабуля, хлопнув меня по руке. — Я горжусь тобой, ты пробуешь что-то новое, заводишь новых друзей, например, Кэтрин.

Я открыла было рот, чтобы ответить, но заметила кладбище. Холодный пот заструился по моей коже, пока я ждала появления того "места". И оно появилось. Не было ни следов шин, ни следов на траве — ничего. Прошло время, и природа восстановила себя, скрыв следы нечестной игры.

Дедушка припарковался на гравийной дорожке.

— Я рад, что ты решила это сделать.

Я тоже.

— Ничего, если я побуду одна некоторое время? Просто хочу побыть с ними и, ну,

знаете, поговорить.

Бабушка как раз отстегивала ремень безопасности. Обдумав мою просьбу, она кивнула и села на свое место.

— Конечно. Ты взяла телефон?

— Да.

— Позвони нам, как будешь готова, и мы заберем тебя.

— Спасибо, — сказала я, а затем сделала то, чего никогда раньше не делала. Я наклонилась вперед и поцеловала их обоих в щеку.

Она прослезилась, а дедушка пробурчал, чтобы я была осторожней.

— Бабушка переживает, — сказал он.

Я немного погуляла по территории, солнце припекало меня через одежду. Когда я нашла тенистое, уединенное место за деревьями, я быстро переоделась в майку и шорты. Так намного лучше.

Мне больше не было жарко, и я начала остывать. Помимо всего, что касалось мертвецов, кладбище оказалось красивым местом с деревьями, сверкающими надгробиями и даже несколькими мраморными ангелами. Перед одним из таких ангелов стоял на коленях мужчина и тихо всхлипывал.

Я бродила вокруг, читала имена, размышляя, не является ли кто-нибудь из этих людей... зомби... или уже был им. Я поднималась на холмы, спускалась с холмов, обходила кучи листьев. Наконец, добралась до места назначения.

Дрожа, я села перед надгробием отца и подушечками пальцев провела по его имени. Серебряный камень блестел на свету. "Любимый муж и отец".

Впервые после его смерти я позволила себе подумать... действительно подумать... о его последних минутах жизни. Он вылетел через лобовое стекло. Если бы прожил еще хотя бы несколько секунд, он бы увидел машину, где все три его девочки были ранены и окровавлены. Видел ли он, что зомби приближаются? Знал ли, что умрет, как его отец?

Смотрел ли он на меня сейчас?

— Я люблю тебя, папа. Хотела бы быть более понимающей, верить тебе. Прости меня за все ужасные вещи, которые я когда-либо говорила за твоей спиной, и я очень благодарна за все, чему ты меня научил. Я убью столько зомби, сколько смогу, и однажды никому больше не придется жить в страхе. Обещаю.

Хотела бы сказать, что мне стало легче, но нет, я чувствовала себя так же, как и раньше. Я повернулась к могиле матери. Идентичное серебро также сверкало. На этот раз мне было трудно разглядеть что-то сквозь внезапно нахлынувшие слезы. "Любимая жена и мать".

— Я люблю тебя, мама. Я не должна была говорить с тобой так, как говорила в тот день на кухне. — В мой день рождения. Я потеряла свою семью в свой день рождения. По какой-то причине эта правда никогда не поражала меня.

Теперь, до конца своей жизни, мой день рождения будет ассоциироваться с горем и потерей. Это отстой во всех возможных смыслах. Но знаете, что? Я заслужила это и приму как должное. Я всегда буду дорожить своей семьей.

— Ты делала все, что было в твоих силах, и, несмотря ни на что, я знаю, что ты тоже любила меня. И ты была права. Гораздо лучше любить, чем ненавидеть. — Я сделала паузу, размышляя. — Иногда, когда закрываю глаза, я все еще вижу, как ты улыбаешься. Или стараешься не хмуриться. Я помню, как ты помогала мне с домашним заданием, хотя была еще безграмотнее, чем я. Помню, как ты отворачивалась от фотоаппарата, когда мы

пытались тебя сфотографировать. — Мои мысли перескакивали с одного на другое. Я перебирала в памяти разрозненные воспоминания, но ничего не могла с этим поделать.

— Я все еще думаю о том дне, когда ты надела то черное платье в мою школу, чтобы встретиться с моим учителем, потому что хотела, чтобы я гордилась тобой, а не стеснялась. Я гордилась, очень гордилась. И готова поклясться, что весь мир замедлил свой ход, а Бог включил фоновую музыку для твоего входа. Даже ветер дул так, как надо, чтобы твои волосы танцевали у плеч. В тот день у всех открылись рты, и каждая девушка, увидевшая тебя, захотела стать тобой.

Под конец, мои слова путались и обжигали горло. Теплая слеза скатилась по моей щеке. Я глубоко вдохнула... задержал дыхание... затем медленно выдохнула. Медленно я повернулась налево, где находилась последняя могила.

"Эммалина Лили Белл. Любимая дочь и сестра".

Мой подбородок задрожал, и слезы начали литься потоком. Ее надгробие было не таким большим, как у моих родителей, но оно тоже было сделано из серебристого камня. Они даже выгравировали ее изображение в центре.

— После твоей смерти я видела тебя два раза, — прошептала я. — Возле дома бабушки и дедушки, а затем снова возле дома моей подруги Рив. В первый раз ты предупредила меня, чтобы я зашла внутрь. Во второй раз мелькнула в воздухе и сказала то же самое. Это была... действительно ты?

Почему бы и нет? Существовал целый мир, о котором я ничего не знала.

Вдалеке застрекотал сверчок. Затем запела саранча. Листья шелестели от ветра. Прекрасный хор, но никаких признаков Эммы. Разочарование стало звоном колокола в моих ушах.

Я склонила голову, беззвучно плача. Я надеялась... Что ж, ладно.

— Мне так жаль, что не смогла тебя защитить, Эм. Я так сильно тебя люблю, и ты всегда будешь моим самым любимым человеком во всем мире. Я редко тебе говорила об этом. Ты делала всех вокруг счастливее и заслуживала того, чтобы каждую ночь в твоей жизни были вечеринки. А когда бы ты подросла, я научила бы тебя водить машину. Надеюсь, к тому времени я бы уже была опытным водителем, — добавила я с мягким смехом. — Ты бы ходила на свидания, а я бы следовала за тобой хвостом, убеждаясь, что парень ведет себя хорошо.

— Оу. Это было мило.

Я вскинула голову. Улыбающаяся Эмма сидела на вершине собственного надгробия, скрестив ноги и раскачивая их, с ее ног свисали балетки. Ее волосы были собраны в косички, а золотые глаза сверкали озорством, которое я так хорошо помнила.

— Извини, что молчала раньше, — сказала она, — но я очень хотела услышать твою речь.

— Я... Я...

— Позволь мне помочь тебе. Ты... ты... так рада, что я здесь, и задаешься вопросом, действительно ли это я. Так вот, это так! Твои молитвы были услышаны.

— Я...

— Тебе так повезло, знаю.

Надежда проснулась во мне, единственный свет в ужасной тьме.

— Ты... призрак?

Она почесала волосы.

— Призраков не существует. Кроме того, ангел, наверное, лучшее описание, хотя это тоже неправильно. Но оно больше подходит, ты так не считаешь?

Это был неожиданный ответ, который я бы не смогла придумать. Она была здесь. Она была настоящей.

— Почему ты не появлялась раньше? Мама и папа такие же, как и ты?

Ее улыбка пропала.

— Я свидетель, и у меня мало времени. Алиса, ты должна выслушать меня, хорошо?

Свидетель?

— Обязательно. — Я потянулась к ее руке, чтобы утешить ее, но мои пальцы прошли сквозь нее, холодный камень внезапно прижался к моей коже. — Я бы хотела прикоснуться к тебе.

— И однажды ты это сделаешь. А теперь послушай. Есть добро, а есть зло, но нет середины, что бы кто ни думал. То, что ты делаешь, опасно и ничем хорошим не закончится... а это хреново, потому что конец уже близок!

— Как ты...

— Тссс. Сейчас говорит Эмма. Я пыталась предупредить тебя, чтобы ты оставалась внутри. Я вспомнила кроличье облако, которое ты показала мне той ночью, и я формировала его каждый раз, когда знала, что монстры придут за тобой, но в последнее время ты игнорировала его и выходила на улицу.

— Так это была ты?

— Да. Моя новая способность, — сказала она, снова почесав волосы. — В любом случае, я хочу, чтобы ты была в безопасности, Алиса. Я люблю тебя.

— И я очень сильно люблю тебя, — прошептала я.

— Я не хочу, чтобы ты сражалась с зомби. Я хочу, чтобы ты держалась от них подальше.

— Эм...

— Нет. Послушай меня. — Она замерла, солнечный свет осветил ее, заставляя мерцать. — Если ты продолжишь в том же духе, тебе будет больно. Сильнее, чем ты думаешь.

— Если я умру, сражаясь с зомби, значит так тому и быть. — Я уже решила, что это дело стоит всего и вся, и я не изменю своего мнения.

Она покачала головой, ее косички хлопали по щекам.

— Я не говорю о смерти. Я говорю о боли.

— Я могу справиться с болью. — И уже доказала это.

— Ты не понимаешь, — воскликнула она. Она спрыгнула с камня, ее розовое платье было так близко, что мне оставалось только поднять руку, чтобы провести пальцами по краю. И я сделала это. Подняла руку. И снова мои пальцы прошли насквозь, заставляя меня грустить.

Ее образ мерцал, словно туман, развевающийся на ветру.

— Зомби... они хотят тебя и сделают все, чтобы заполучить тебя.

— Почему? — спросила я. — Откуда ты это знаешь?

На ее лице отразилась печаль.

— Алиса, пожалуйста. Скоро будет слишком поздно. Ты теряешь время. Пожалуйста. Они охотятся за тобой, и я не хочу, чтобы ты досталась им.

— Ты говоришь о них так, как будто они умные, разумные. И собираются группами. — Как будто ты их знаешь.

— Потому что они как раз такие, — прошептала она с оттенком ужаса. — Все больше и больше они становятся такими.

— Откуда ты это знаешь? Ты следишь за ними? — Сама идея вызывала у меня тошноту. — Эмма, не преследуй их. Мне все равно, что ты свидетель, что бы это ни значило, и что они не могут тебя тронуть. Или могут?

— Не могут.

Паника отступила.

— Хорошо. Но я все равно не хочу, чтобы ты приближалась к ним.

— Алиса, я не вынесу, если ты пострадаешь, как... — Ее глаза расширились, и она поджала губы. — Не бери в голову.

Я вскочила на ноги.

— Нет, продолжай, Эммалина Лили!

Она снова начала мерцать. Затем оглянулась через плечо и простонала.

— Отлично! Меня заметили. Просто... прислушайся к моему великолепному совету, — сказала она, повернувшись ко мне. — Однажды ты поблагодаришь меня. — И затем действительно исчезла.

* * *

Как и обещал, Коул заехал за мной в семь пятнадцать утра в понедельник. Я решила подшутить над ним, но только из-за наших видений. Не хотела, чтобы у меня было еще одно в школе. Поэтому, когда он подъехал к моему дому и понял, что я стою на крыльце и смотрю куда угодно, только не на него, припарковался, вышел и подошел ко мне.

Небо было чистым, голубым, без единого облачка. Эмма передавала мне, что сегодня встреча с зомби не предвидится.

Эмма. Всю ночь я пыталась поговорить с ней, но она больше не появлялась.

Слышала она меня или нет, но я сказала ей, что не смогу остаться в стороне. Просто не могу. Наконец-то я чувствовала, что стою на верном пути. Я могла помочь сделать этот город безопаснее, чтобы никому больше не пришлось наблюдать, как умирает любимый человек из-за того, что какая-то злобная нежить захотела перекусить в полночь. Я надеялась, что она меня поймет.

— Ты в порядке? — спросил Коул. Сегодня на нем была черная кепка, которая скрывала лицо. — Выглядишь уставшей.

— Большое спасибо, — ответила я. Как всегда, он пах аппетитно и вкусно. — Именно это каждая девушка хочет услышать утром.

Но на самом деле, он попал в точку. Я была очень уставшей.

— Я не сказал, что ты плохо выглядишь, а просто уставшей. — Он протянул мне шприц, плотно уложенный в маленький черный футляр. — Это твой ЭпиПен [\[2\]](#).

Мое противоядие от зомби-токсина.

— Спасибо. — Я аккуратно положила его в задний карман.

— Зомби не приходили ночью?

— Нет.

— Хорошо. Значит никто из них не избежал моих ловушек.

Конечно, он не говорил, что сражался с ними. Я не видела кролика.

— Хочешь сказать...

— Да. Мы отследили гнездо, направляющееся к твоему дому.

Эмма была права. Они охотились на меня. Но... почему? И почему она не сформировала облако?

— Нам удалось остановить большинство из них, прежде чем они смогли добраться до тебя, — добавил он. — Тем, кому удалось уйти, должно быть, висят на деревьях.

Я не видела их. Либо они стали лучше прятаться, либо я стала слишком рассеянной. Ни то, ни другое не сулило мне ничего хорошего.

— И когда вы, ребята, успеваете спать? — спросила я и, прежде чем смогла остановить себя, протянула руку к его рубашке и стала играть с пуговицей. "Ты не должна прикасаться к нему. Это усиливает притяжение, которое тебе не нужно". Стиснув зубы, я опустила руку.

— Разве ты не слышала? — Его теплое дыхание коснулось моего лба, напомнив мне о его высоком росте. — Мы спим во время уроков.

Я не услышала в его словах ни капли сарказма.

— Отлично. Просто замечательно. Затем ты скажешь мне разбить лагерь в кабинете директора, раз уж я буду проводить там так много времени.

— Скорее всего, так и будет.

Замечательно.

— Есть и хорошая новость, доктор Райт — одна из нас, поэтому она, по возможности, замолвит за тебя словечко. — Он замолчал. — Итак. Да. — Он прочистил горло. — Вообще-то мы спим посменно. Ты привыкнешь к этому. Прошлой ночью мы все не спали, потому что подозревали, что зомби направятся к тебе, и нам придется сражаться больше обычного.

— И именно это и произошло.

— Да.

— Мои бабушка и дедушка... — Моя рука метнулась к горлу. Я хотела посмотреть на него, узнать какие эмоции отразились на его лице, но не могла себе этого позволить.

— Если они выйдут ночью из дома, то они будут в опасности, да. Мы поставим возле дома ловушки, но будет лучше, если ты переедешь к кому-нибудь.

Я старалась не показывать своего ужаса, но уверена, что мне это не удалось.

— И к кому же?

— Ко мне, — сказал он просто.

Ни за что. Не только потому, что он расстался с Маккензи, когда она переехала к нему, но и потому... ну, просто потому!

— Как ты можешь даже предлагать такое?

— Потому что я хочу, чтобы ты была в безопасности.

— Нет. — Я не могла так обидеть своих бабушку и дедушку. Но тогда мне нужно будет защищать и их от зомби, не так ли?

Мой план по спасению других от подобной ситуации усложнялся с каждой минутой. Но я что-нибудь придумаю. Должна. А пока буду защищать бабушку и дедушкой ценой собственной жизни.

— Ты можешь поставить кого-нибудь из ребят охранять дом, — сказала я. — Я прослежу, чтобы бабушка и дедушка оставались ночью внутри. Я их не оставлю.

— У нас станет меньше людей, но да ладно, — ответил он. — Но только на первое время.

— Спасибо.

— Кстати, ты прекрасно выглядишь, — сказал он, ошеломив меня.

Уверена, эти красивые слова, должны были смягчить наше "расставание".

— Я думала, что выгляжу уставшей.

— Прекрасно уставшей.

— В зимней рубашке? Сомневаюсь.

— Я не про твою одежду. Я имею в виду тебя. — Он пропустил пряди моих волос сквозь пальцы, щекоча кожу головы. — В тебе что-то есть. Что-то, что отличает тебя от всех остальных.

Я потянула за волосы, разрывая контакт... и стараясь не растаять.

— То я тебе не нравлюсь. То снова нравлюсь. Реши уже наконец.

Он зарычал.

— Не будь такой. Я все испортил, ясно? Знаю, что ты... злишься на меня. Прости за то, что сказал на вечеринке. Остальные не доверяли тебе, а потом ты пришла с Джастином, и он начал трепаться. Я среагировал.

— И это моя реакция. Я буду такой, какой захочу.

— Неужели? — тихо сказал он.

— Да.

— Даже не смотря на то, что это было для твоего же блага?

— Даже несмотря на это.

— Али, — рявкнул он.

— Коул. — Он словно был медведем в клетке, а я — маленьким ребенком с палкой. Он мог находиться под замком, но ни в коем случае не будет подчиняться мне. Он был воином. Слишком молодым для армии, но у него была своя. Он сражался и убивал. И вот я здесь, намеренно провоцирую его.

Он мог бы избить любого другого за такое, но я знала, что Коул не причинит мне вреда. Даже не позволил своим друзьям кричать на меня. Но болело не только мое тело, и я не была уверена, что он это знает. Он ранил меня своим отказом, независимо от того, было ли это для моего блага или нет, когда я только начала излечиваться от других ран.

— В свою защиту скажу, что потерял много друзей, а ты выглядишь такой хрупкой. Будто тебя... легко сломать. Прости меня. — Его голос стал хриплым. — Пожалуйста. Мне нравится, что ты задаешь тысячу вопросов в день, и я не знаю, что буду делать, если тебя не будет рядом.

Ну вот, я начала расклеиваться.

— Я... — Я была такой неудачницей. Но он сказал "пожалуйста", а я обнаружила, что у меня нет защиты от этого слова. — Ладно. Ты прощен. Мы снова друзья. Но никогда больше не пытайся оттолкнуть меня ради моего же блага.

— Не буду, — сказал он. — Но ты должна пообещать, что мы будем и дальше продолжать узнавать друг друга.

"Встречаться с ним?" Нет, не буду. После всего, что произошло, мы должны быть друзьями, и только друзьями.

— Договорились.

— Отлично. Хочешь узнать, что я узнал о тебе к этому времени?

Я не могла остановиться, поэтому прошептала "да". Глупое любопытство.

— Я узнал, что ты упрямая, своевольная, веселая и...

Я ударила его кулаком в грудь.

— Эй!

— Ну, уж такая ты. — Он положил свою руку поверх моей, не давая мне нанести еще

один удар. — И мстительная.

— И почему ты хочешь узнать больше о таком человеке? — Я практически рычала.

— Может быть, потому что это мои любимые качества.

Вряд ли.

— Тогда тебе стоит снова начать встречаться с Маккензи. — К которой у него все еще могут быть чувства, напомнила я себе.

— Ауч. Ну вот, опять эта мстительная сторона. Но ты еще и милая. Ты не часто улыбаешься, но когда улыбаешься... — Он наклонился и потерся своим носом о мой. — Я ловлю себя на том, что мне приходят в голову очень непристойные мысли.

Я сглотнула. Это было не очень-то по-дружески, не так ли?

— Ч-что за непристойные мысли?

— Не могу рассказать о них, не нарушив парочку законов. — Он провел пальцами по моей руке. — Почему тебя никогда не целовали раньше? Как это возможно?

Я изучала его ботинки, грязь на них, новые шнурки.

— Мой отец никогда не разрешал нам выходить на улицу по вечерам, что означало отсутствие ужинов или свиданий в кино. Я не хотела, чтобы кто-нибудь заезжал за мной домой днем на свидание, потому что не хотела, чтобы потенциальный парень познакомился с моим отцом и увидел, какой он сумасшедший. Каким сумасшедшим я его считала.

— Ну, я уже знаю все о твоей сумасшедшей жизни, так что это не проблема.

— Знаю. — Подождите. Он пытался сказать мне, что теперь готов встречаться со мной? — Это не значит, что ты мне подходишь. Я думала, что смогу справиться с тобой, но вскоре поняла, что ошибалась.

— О, пожалуйста. Я бы с удовольствием посмотрел на парня, с которым ты справишься, чтобы вручить ему награду, — мрачно ответил он. — Итак, ты готова к видению или нет?

Видение. Точно. Все остальное сейчас не имело значения. Я расправила плечи, заставила свой разум отвлечься от глупых мыслей и сказала:

— Готова.

Я подняла голову. Коул сдвинул назад свою кепку, чтобы открыть лицо. Наши глаза встретились. И... ничего не произошло.

Я моргнула, покачала головой. Все еще ничего. Нахмурившись, я обхватила его щеки сильнее, чем нужно, и покачала головой. Снова ничего.

— Не понимаю, — сказал он, нахмурившись. — Даже когда ты была раненая и в бреду, я что-то видел.

Да. Мы целовались, сказал он.

— Это странно. — И никогда бы не подумала, что мне покажется странным отсутствие видения. Я опустила руки. — Если только... может быть, у нас нет ничего, чего мы должны избегать сегодня.

Нахмурившись, Коул сказал:

— Тебе просто нужно было так сделать, не так ли? Бросить мои же слова мне в лицо.

— Я не... — Ну, черт. Я сделала это, не так ли? — Ну, вини в этом только себя. Думала, тебе нравится моя мстительная сторона.

Входная дверь открылась, и бабушка выглянула наружу. Она заметила Коула и оглядела его с ног до головы.

— Мне показалось, что я слышала чьи-то голоса.

Я отпрыгнула от него, как будто кто-то обмотал веревку вокруг моей талии и потянул.

— О, привет, бабуля. Это Коул.

— Ещё один друг?

— Да. Мы учимся в одной школе. Он меня подвезет.

— Пока он не поговорит со мной и твоим дедушкой, вы никуда не поедете. — О, нет. Она только что использовала тот же строгий тон, что и с Джастином. — Внутри, вы двое. Сейчас же.

Дверь в дом захлопнулась, и последующий грохот эхом отдался у меня в голове. Коул пошел за ней, но я схватила его за запястье.

— Прости, — сказала я, но не была уверена, извиняюсь ли я за то, что должно произойти, или за то, что уже произошло.

Он вырвал свою руку, обнял меня и притянул обратно к своему телу.

— Забудь. Все заслужено. И кстати, я не думаю, что нам стоит избегать видений.

Я читала об этом в дневнике.

— Я до сих пор считаю, что мы видим будущее.

— Возможно.

Каким-то образом я поняла, что он хотел этим сказать: что сегодня у нас нет будущего. Я впиалась ногтями в его грудь и посмотрела на него расширенными глазами.

— Не переживай. Все будет хорошо. Ты все еще восстанавливаешься, уверен, что причина в этом.

— Хорошо. — Я поверила ему.

Он поцеловал меня в висок, успокаивая, а затем положил руки мне на плечи и заставил меня повернуться.

— Давай зайдем, пока твои бабушка и дедушка не вышли и не затащили меня в дом, а потом решили запереть тебя в твоей комнате для твоей же безопасности.

Я молилась о том, чтобы они не использовали свой сленг, не обвиняли в пьянстве и сексе, и чтобы все ушли в хорошем настроении.

Бабушка и дедушка ждали в гостиной. Они поставили свои кресла напротив дивана — единственное свободное место для нас с Коулом. Как только мы заняли свои места, начался допрос.

Дедушка:

— Какие у тебя планы на будущее?

Застонав, я уронила голову на руки. Он начинал допрос Джастина точно так же. Определенно, он и закончится так же.

Коул:

— Хочу поступить в колледж, а затем пойти работать в правоохранительные органы.

Бабушка:

— О, он мне уже нравится больше, чем тот другой парень.

Дедушка:

— Хорошо, очень хорошо. Закончи предложение. Когда девушка говорит "нет", она имеет в виду...

Да. Все точно так же.

Коул:

— Нет. И точка. Я не настаиваю на большем.

Бабушка:

— Вот, еще один прекрасный ответ. Но теперь еще более трудное предложение, которое

ты должен закончить. Секс до брака — это...

"Я хочу, чтобы зомби забрали меня".

Коул:

— Все зависит от отношений. То, что происходит между парнем и девушкой, никого больше не касается. Извините, но даже вас.

Дедуля и бабуля на минуту побледнели из-за этого, но вскоре успокоились. Я, конечно же, покраснела как омар. (Это было всего лишь предположение.) Однако ответ Коула показался мне исключительным.

Дедушка:

— Думаю, это справедливо. А как ты относишься к вождению в пьяном состоянии?

Коул:

— Считаю это глупым, и это единственное, о чем вам никогда не придется беспокоиться со мной и Али. Я никогда не пью, а если она выпьет, я не воспользуюсь ею. Я привезу ее домой. И всегда буду заботиться о ней, даю слово.

— Я тоже не буду пить, — сказала я. — Никогда.

Бабушка:

— Он как глоток свежего воздуха, правда?

Дедушка:

— Да, действительно.

Думаю, он произвел на меня такое же впечатление, как и на моих бабушку и дедушку. Под мускулами, шрамами и татуировками (которые мои бабушка и дедушка не могли видеть, так как он был в рубашке с длинными рукавами) он был действительно хорошим парнем. И поскольку они были под впечатлением, то отпустили нас без лишней суеты!

Мы заехали выпить кофе, чтобы помочь мне проснуться, и все равно успели в школу с запасом времени. После того, как он припарковался на том же месте, которое занимал раньше... видимо, никто не хотел с ним из-за этого спорить... он бросил свою кепку на заднее сиденье, снял рубашку с длинными рукавами, оставшись в рубашке с коротким рукавом, а затем помог мне выйти из своего джипа.

Сегодня мои швы ужасно болели, каждое движение вызывало зуд кожи вокруг них.

— Не могу поверить, что мы пережили это.

— Твои бабушка и дедушка любят тебя беззаветно. Я бы начал волноваться, если бы они не были такими строгими.

Его слова удивили меня, и я споткнулась о бордюр между зданием школы и бетоном на улице. Конечно, любовь ассоциировалась у меня с ними, они говорили мне об этом, но я не считала их любовь беззаветной.

В глубине души я все еще думала, что они считают меня слишком похожей на отца. Возможно, Коул был прав. Они так много сделали для меня и очень строго допрашивали его.

— Что? — сказал он. — Ты не знала?

— Нет. Просто я... отличаюсь от них. Я не мягкая, как моя сестра, не счастливая и не умеющая видеть положительные стороны, как моя мама. Я похожа на своего отца, которого они ненавидели.

— Поверь мне на слово. Они тебя не ненавидят. И чтобы ты знала, ты прекрасна такая, какая есть.

У меня не было времени среагировать на его слова... да я и не знал, как нужно реагировать. Мы шли молча мимо других учеников, все взгляды были прикованы к нам.

Они видели, как мы с Коулом танцевали на вечеринке, так почему... ах. Я поняла. Это было подтверждением того, что я спала с ним. Из-за всего произошедшего вчера вечером и сегодня утром я забыла о слухах и своем статусе шлюхи. Гнев захлестнул меня.

— Ты все еще считаешь, что Маккензи невиновна? — потребовала я.

— Да. Я поговорил с ней. Она сказала, что не распускала слухи.

Может ли он быть еще глупее?

— О, ну тогда ладно. Раз она так сказала, значит это правда.

Он клацнул зубами, напомнив мне первый день в школе, после первого видения. Теперь я точно знала, что это был жест раздражения.

— Я узнаю, кто это сделал. Поверь мне. Мне просто нужно время. — Он обнял меня и знак поддержки. — А пока, если кто-нибудь скажет тебе что-нибудь, сразу же сообщай мне. Я заставлю их пожалеть, что они вообще родились.

Это не спасет меня от насмешек. Потому что на самом деле слова не всегда были нужны, чтобы донести мысль. Действия работают не хуже.

Когда мы завернули за угол, Лёд, Бронкс и все остальные друзья Коула увидели нас и поспешили навстречу. Они улыбались и подкалывали Коула, но также хмуро смотрели на меня. Неважно.

Я вырвалась из объятий Коула и подошла к Маккензи.

— Давай поболтаем после школы, хорошо?

— В этом нет необходимости, — сказал Коул.

И все же она ответила:

— С удовольствием, — и одарила меня широкой улыбкой.

Я открыла рот, чтобы ответить, но заметила тишину позади себя. И догадалась, что парни подслушивали наш разговор. Придется подождать. Я ушла, не сказав больше ни слова. Коул не пытался меня остановить. Кэт и других девочек нигде не было видно, поэтому я пошла в класс. Джастин не смотрел на меня, но я все равно села рядом. У него были два подбитых глаза, распухший нос и рассеченная нижняя губа.

— Расскажи мне о своей работе после школы. — Это все, что я смогла сказать.

Он молчал, прежде чем неохотно ответить:

— Уверен, Коул рассказал тебе достаточно.

— Я хотела бы услышать это от тебя.

Он посмотрел на меня.

— Когда-то давно я бы с радостью рассказал тебе. Теперь ты спишь в постели Коула. Мне просто интересно, знаешь ли ты, что в этой постели завелись блохи.

Джастин специально сказал это, чтобы казаться жестоким.

— Если под блохами ты подразумеваешь трупы зомби, — прошептала я так, чтобы слышал только он, — то да. Не знаю, слышал ли ты, но я люблю трупы зомби.

Карандаш, который он держал, сломался пополам.

— О, теперь понятно. Я подозревал, что именно поэтому он обратил на тебя внимания.

Потому что я очевидно, невзрачная. Славно. Как я могла подумать, что этот парень милый?

— Какова твоя цель? Чего вы хотите добиться? Убеди меня, что ты на правильной стороне.

Он фыркнул.

— Я не обязан тебя ни в чем убеждать. Но передай своему парню, что нам не

понравилось то, как он испортил наши защитные костюмы. Да, мой босс навестил его на следующее утро и передал ему лично, но не уверен, что Коул усвоил урок.

Это было утро, когда Коул должен был отвезти меня домой, утро, когда Лёд ненавидел меня до глубины души. Коул упомянул о том, что проверял Линию крови вокруг моего дома, и я была уверена, что он сказал правду, но это была, скорее всего, только часть правды, что говорило о том, что он так же хорош в секретах, как и я. Нам нужно будет поговорить об этом. С этого момента только правда.

— Что твой босс сделал с ним? — потребовала я.

— Почему бы тебе не спросить у моей сестры-близнеца, Жаклин? — Он усмехнулся. — Ты уже познакомилась с ней? Это она отвезла меня домой после вечеринки. Ну, знаешь, когда ты бросила меня.

— Подожди. — Мои слова замерла на губах, когда пришло осознание. У брюнетки, которая посмотрела на меня таким взглядом, словно хотела, чтобы я умерла, когда пыталась привести его в чувство, у той, которая любила смотреть на меня во время каждой поездки в автобусе, были те же черты лица, что и у Джастина. Она должно быть была его близнецом.

— Ей никогда не нравился Коул, и то же самое она чувствовала к тебе, что ты станешь источником проблем. Я не послушал ее.

Не потому, что я ему нравилась, а потому, что он хотел узнать, что за я... или против... зомби.

— Не хочу тебя расстраивать, но всем девушкам нравится Коул. Любой, кто говорит обратное, лжет. — Даже когда я злилась на него, он мне нравился.

— После того, что он сделал со мной, Жаклин хочет его убить.

— Значит, она знает, чем ты занимаешься?

— Как ты думаешь, кто меня завербовал?

Прозвенел звонок, и начался урок, не давая мне возможности узнать больше. Ученики запикивали свои рюкзаки под парты, их одежда шуршала, когда они смотрели вперед.

Объявили о футбольной игре... мы выиграли... и раздались одобрительные возгласы. На ближайшую пятницу была назначена акция поддержки, что вызвало еще больше восторгов.

Мистеру Батлу потребовалось около десяти минут, чтобы успокоить всех, прежде чем он смог начать свой урок. (Как его зовут на самом деле?) Я была слишком погружена в свои мысли, чтобы обращать на это внимание. Мне хотелось узнать больше о людях, на которых работали Джастин и его сестра, какова их цель. Не думаю, что уничтожение зомби, как, по словам Коула, они любят утверждать. Иначе они бы работали с Коулом.

Перед самым звонком, сигнализирующем об окончании урока, меня вызвали в кабинет доктора Райт. Я знала, зачем она хотела меня видеть, и была недовольна. Я волочила ноги. В кабинете секретарша сразу же помахала мне рукой.

Доктор Райт сидела за своим столом, как всегда чопорная и правильная, одетая в темный деловой костюм, с волосами, собранными в пучок.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она, положив руки на папку.

— Гораздо лучше, спасибо.

— Превосходно. И ты усвоила то, что узнала?

— В большей степени.

— И ты не будешь болтать об этом с другими?

"Я не ребенок".

— Нет.

Колесики на ее стуле закрипели, когда она откинулась назад.

— Меня интересуют твои способности.

Бинго. Именно то, чего я боялась.

— Ты думала о том, как смогла увидеть огни?

— Ну, да. — А кто бы не стал?

— И?

— И я поняла, что у некоторых людей есть такие способности, а у некоторых нет, — сказала я.

В ее глазах мелькнул легкий огонек нетерпения.

— Я это уже знаю. Как ты думаешь, у тебя были эти способности в детстве?

— Без понятия.

— Твой отец тоже мог их видеть?

— Не знаю.

Она побарабанила ногтями по ручке стула.

— Я думаю, что да, да, ты родилась с этой способностью. Но тогда нужно понять, почему ничего подобного с тобой раньше не происходило.

Двое могут играть в игру предположений.

— Почему у некоторых людей болезнь развивается позже, а не в детстве? Почему все дети рождаются с голубыми глазами, но у большинства меняется цвет через несколько месяцев? — Мое собственное нетерпение слышалось в голосе. Либо я была частью их команды, либо нет. Подозрения со стороны взрослых заставит ребят сомневаться во мне.

Она поправила очки, раздумывая, что со мной делать.

— Ты можешь доверять мне, Али. Способность видеть зомби появилась у меня в двенадцать лет, после автомобильной аварии, как и у тебя. Я был шокирована, как ты можешь догадаться, но сделала все возможное, чтобы продолжать жить дальше. Только когда я возглавила эту школу и заметила странное поведение компании Коула, я поняла, что другие тоже могут их видеть. Потом появился отец Коула, который надеялся найти кого-то, кто мог бы помочь делу, и я была на его стороне. И тебя должно успокоить, что, хоть я была им нужна, они долгое время не доверяли мне. Но посмотри на меня сейчас.

— Я поняла, что вы хотите мне сказать. — Мне это не понравилось, но да, я поняла.

— А пока, можешь приходить ко мне с любыми проблемами. Я тебе со всем помогу.

— Обязательно, — сказала я и не шутила. Она была жесткой, как гвозди, но хотела помочь. И, как и я, она была любопытна. Желала получить ответы.

— Хорошо. Тогда, возвращайся на занятия.

С облегчением я вышла из кабинета. Коридоры были заполнены, готовые взорваться. Лёд ждал у моего шкафчика. Я попыталась пройти мимо него, но, как и раньше, он бросился в бой и не отставал от меня.

— Коула отстранили на весь день, — объявил он.

Неожиданная новость заставила меня оступить и взглянуть на него.

— Почему? — И почему доктор Райт не упомянула об этом?

Он пожал плечами.

— Ничего необычного. Он избил пару ребят, потому что они слишком много болтали.

Без сомнения, они говорили обо мне.

— Доктор Райт должна была за него заступиться. — Но теперь понятно, почему она не упомянула об этом. Я бы протестовала... сильно.

— Она не может это сделать, когда происшествие происходит на глазах у большого количества людей. В любом случае, он передавал, что заберет тебя после школы.

Хорошо. Нам нужно было немного потренироваться.

— Ладно. Спасибо.

— По поводу обеда...

— Если ты скажешь мне, что я больше не могу тусоваться со своими друзьями, я сделаю тебе больно!

— Нет смысла говорить тебе об этом. Рано или поздно они вышвырнут тебя из своего круга. Они так поступили и с Кэт, но она вернулась к ним, как только мы расстались.

— Поппи, Рен и Рив не отказались бы от нее. — Я думала, что у нее когда-то были другие друзья, и именно они ее прогнали.

— Не Рив, а Поппи и Рен. Она встречалась со мной, а я втягивал ее в неприятности. Они думали, что она потянет их вниз.

Как они смеют так обращаться с ней!

"Возможно, тебе придется перестать общаться и с ней".

О, да. Чувство вины разъедало меня, как рак, от которого нет лекарства.

— Али, — начал Лёд. — Слушай. Я...

— Давай не сейчас, — перебила я. Хотя понятия не имела, что он собирался сказать, я просто знала, что не выдержу еще одного расстройства.

— Хорошо. Значит позже.

— Позже. — Мы разошлись в разные стороны по коридору.

Высидев второй и третий уроки и осчастливив мисс Мейерс своим вниманием, я нашла Кэт в столовой за ее столиком. Остальных с ней не было. Она вертела на столешнице зеленое яблоко. Сегодня на ней была майка и узкие джинсы. Наверное, я никогда раньше не видела ее в майке. Впервые я заметила шрамы на внутренней стороне ее локтей.

Шрамы, напоминавшие следы от укусов.

Не может быть, чтобы Кэт принимала наркотики. Просто не может быть. Я бы никогда в это не поверила.

Сейчас она выглядела бледнее, чем в выходные. Под глазами залегли тени, а губы потрескались. Я села рядом с ней.

— Эй. Как ты себя чувствуешь?

Она вздрогнула от неожиданности, ее рука коснулась сердца. Затем Кэт улыбнулась мне, своей идеальной, лукавой улыбкой, которая притягивала меня, радовала и всегда располагала к себе.

— Немного устала. Наверное, Лёд высосал из меня жизнь, когда целовался со мной. Или заразил плотоядной бактерией.

— Мерзость!

— Нет. Это весело. — Она нарисовала сердечко вокруг яблока. — Сегодня он передал мне уже три записки с просьбой пойти с ним на свидание в эти выходные и даже поклялся вытатуировать мое имя на своей заднице, если я соглашусь.

— Вы снова вместе?

— Вряд ли. Он еще недостаточно страдал.

У меня было ощущение, что она не так заинтересована в его страданиях, как в защите своего сердца.

— И где же девочки? — Буду вежливой, решила я. Они поумнели и снова завоевали

расположение Кэт. Это все, что имело значение.

— Думаю, Рив с Бронксом. — Она взмахом руки указала на стол Коула. — Видишь, его нет с ними.

— Он мог пойти домой с Коулом. — Потому что я сильно сомневалась, что отец Рив отменил запрет на свидания с охотником. — Но... — Я наклонилась и прошептала: — Я видела, как они целовались на вечеринке.

— Что? — завизжала она, возбужденно хлопая в ладоши. — И ты только сейчас говоришь мне об этом? Я должна ненавидеть тебя вечно!

— Прости. Я хотела сказать. — Я не могла рассказать все, но это можно не утаивать. — Коул отвлек меня.

— И конечно же нам придется безжалостно ее дразнить.

— Конечно. Я уже ее предупредила.

— Ей понравилось? Он неплохо целовался?

— Я лишь мельком взглянула.

Кэт увидела кого-то за моим плечом и закусила нижнюю губу, на ее лице отразилось волнение.

— А вот и Рив. Бронкса нет с ней. Но девчонки пришли с ней.

Как только они сели, их сумки упали на пол, а еда была разложена по столу, Кэт заерзала на своем месте, стараясь скрыть секрет, для нее это явно было тяжело.

— Где вы были? — спросила я.

Рив не смотрела на меня.

— Нигде.

— Бегали за Бронксом, — сказала Поппи, убирая рыжие волосы назад, в то же время Рен сказала:

— Ее сердце разорвано в клочья. Может, кто-нибудь объяснит мне, что такого особенного в неудачниках этой школы? Или почему все мои друзья бегают за ними, зная, что их будущее будет под угрозой?

— Не могли бы вы рассказать мне, почему вы иногда так раздражаете меня? — Кэт успокоилась, ее волнение улетучилось. — Что он сделал, Рив?

Рен хмыкнула.

— Он узнал, что я встречаюсь с Джоном, устроил скандал, завел меня, а потом сказал, чтобы я проваливала, вот что. — Она бросила пакет на столешницу и начала копать в нем, пока не нашла шоколадку. — Я не понимаю его.

По крайней мере, он хотя бы поговорил с ней.

— Парни, — проворчала Поппи.

У нее тоже были проблемы с кем-то?

— Ты уже нашла себе кандидата? — спросила я, вспомнив, как она планировала осмотреться, пока не найдет того самого. Видите? Я могу быть милой.

Рен подпиливала ногти, все еще явно расстроенная из-за Кэт.

— Нашла, и ей отказали наотрез.

— Все было не так! Я никому не давала шанса отказать мне. Это тебя бросили.

— В последний раз я бросила его.

Кэт вскинула руки.

— Неужели больше никто не держит меня в курсе событий? Я больше, чем просто красивое лицо, знаете ли. У меня есть уши. Я люблю слушать. Я знаю, что в это трудно

поверить, учитывая, что из моего рта постоянно вылетают драгоценные камни, но давайте, хотя бы попробуйте.

Если бы не блеск в ее лесных глазах, я бы подумала, что она говорит правду. Остальные девушки пристыженно склонили головы.

— Извини, — сказала Поппи. — Я позвоню тебе позже и расскажу все подробности.

— Я тоже, — сказала Рен.

Мне нужно было взять уроки манипулирования у Бешеного Питбуля; она была мастером.

— Мне кажется я влюбилась в тебя, серьезно.

Здрав нос, она погладила свои волосы.

— Я серьезно должна перестать делать своих подруг лесбиянками, но, кажется, у меня не плохо получается. Это моя животная привлекательность.

Я прикрыла рукой свой смех.

Рен бросила в нее салфетку, попав в плечо.

— Тебе лучше позаботиться о своем эго.

— Почему? Оно идеально. — Прежде чем Рен успела ответить, Кэт прильнула ко мне. — Я забыла тебе сказать. Я завела дерево слухов. Вот. Смотри.

Она достала из кармана листок бумаги и протянула его мне. Развернув его, я ахнула. Имя за именем, стрелка за стрелкой, с пометками и примечаниями, заполняли всю страницу.

— Я знаю, ты думаешь, что Маккензи пустила слухи, но я также знаю, насколько Коул и вся его банда преданы друг другу. Они не поверят, что Маленькая Мисс Любовь до Ненависти сделала что-то плохое, пока мы не докажем это. Поэтому решила провести небольшое расследование. Я узнала о слухах от Поппи, — сказала она, указывая на нее.

Рыжие волосы разлетелись, когда Поппи кивнула.

— Я слышала от Рен.

Рен поднялась на ноги и указала на столик через четыре ряда от нашего.

— А я слышала это от Тиффани Чанг. Привет, Тиффани. Помахай.

Все посмотрели на нее.

— Я сказала "помахай".

Невысокая девушка с темными волосами и выражением лица "что происходит" помахала рукой, и Рен села обратно.

— Она.

Кэт продолжила с того места, на котором остановилась.

— Я спросила Тиффани, и так далее. Знаю, знаю. Я гений, и мне суждено стать лучшим следственным репортером во всем мире. Жаль, что я хочу быть трофейной женой. В любом случае, кто знает, удастся ли мне найти первоисточник, но я должна попытаться.

Учитывая время и усилия, необходимые для выполнения такой задачи, и ее абсолютную готовность помочь мне, в любом случае, я была потрясена.

— Спасибо, — сказала я, хотя знала, что этих слов мало.

— Ты бы сделала то же самое для меня.

Да. Я бы так и сделала.

— Ладно, раз мы решили во всем признаться, я собираюсь к Коулу после школы. — Я произнесла эти слова нерешительно, наблюдая за реакцией всех. Кэт ободряюще кивнула. Поппи склонила голову набок, ее глаза потемнели. Рив тоскливо вздохнула, а Рен

улыбнулась со смесью облегчения и... чего-то еще, чего я не могла понять. Но не этого я ожидала, после того, как они когда-то обошлись с Кэт. — Нам с Маккензи нужно поговорить. Возможно, я добьюсь от нее признания и избавлю тебя от необходимости вести расследование.

— Значит, Джастин официально не кандидат на свидание? — спросила Рен, проводя кончиком пальца по водяному кольцу, которое оставила газировка Поппи.

— Он никогда не был кандидатом. Мы просто были друзьями, вот и все.

— Но это больше не так? — настаивала она.

— Нет. — Очевидно, мы были по разные стороны войны.

— Хватит о Джастине! Я хочу услышать больше о Маккензи. — . Кэт взволнованно хлопала в ладоши. — Скажи мне, что твой разговор с ней будет включать в себя кулаки. Скажи, что ты собираешься вытереть пол ее лицом!

— Ну, я, конечно, попытаюсь.

Глава 14

Давайте послушаем песню Боли

Как и обещал, Коул ждал меня после школы. Он прислонился к джипу, скрестив руки. Черная кепка скрывала его лицо, а солнцезащитные очки скрывали глаза. На нем была майка, демонстрирующая массивные бицепсы и татуировку мрачного жнеца.

Подойдя к нему, я уперла руки в бока и посмотрела на него.

— Не ввязывайся больше в драки из-за меня. — Я не хотела, чтобы его отстранили от охоты... или что еще хуже. — Теперь дай мне свои ключи.

Он щелкнул меня по носу.

— Разве ты не слышала? Я делаю то, что хочу, когда хочу, и никого не слушаю.

Я могла бы ударить его коленом между ног и просто забрать ключи, доказывая обратное, но лишь сказала:

— Поверь, я была свидетелем этого. — И протянула руки. — А теперь будь хорошим мальчиком и сделай то, что хочу.

Он поднял солнцезащитные очки, и я увидела яркий блеск в его фиолетовых глазах.

— И чего же именно хочет Маленькая Али?

Маленькая Али. Аргх.

— Я хочу, чтобы ты дал мне свои ключи. — Нет причин притворяться милой. Он определенно таким не был. — И если ты еще раз назовешь меня Маленькой Али, я ударю тебя в горло. Слышала, ты любишь это делать с другими.

Внезапно заподозрив неладное, он быстро спросил:

— Зачем?

— Потому что ненавижу его.

— Я не про имя. А про ключи.

— Доброе утро. Потому что я хочу проткнуть тебя ими, зачем же еще?

— Зачем? — настаивал он.

Прекрасно.

— Потому что мне нужно попрактиковаться в вождении, и я обещала бабушке и дедушке, что сделаю это.

— Ты же сказала мне... — Он надел очки обратно и, обхватив мою шею, притянул к себе, сурово глядя на меня сверху вниз. — Что не умеешь водить машину?

— Конечно, умею. Но если ты спросишь у меня, умею ли я хорошо водить машину, то ответ будет другим.

Он подавил смех, но отступил и бросил мне ключи.

— Подожди пока парковка опустеет, прежде чем подвергать опасности мою драгоценную жизнь.

Когда я села в машину, мой взгляд устремился в небо. Оно все еще было прекрасного голубого цвета, а пухлые белые облака медленно проплывали. Но мне не следовало смотреть.

Кролик вернулся.

Ужас охватил меня, потому что теперь я знала, что это значит.

— Сегодня ночью появятся зомби, — сказала я монотонно. И то, что они придут в ночь, когда у меня не было никакого видения с Коулом...

— Сомневаюсь. Они уже много раз выходили, и теперь им нужен отдых.

— Поверь мне. Они придут.

— Откуда ты знаешь?

Я не знала, как рассказать ему об Эмме, поэтому огрызнулась:

— Просто знаю.

Коул резко потер ладонями бедра.

— Отлично. Сегодня на охоту пойдут все, на всякий случай.

— И я тоже?

Открыв рот, он посмотрел на мое лицо. Кивнул.

— Думаю, да.

— Хорошо. — Небольшой бонус: я выйду из дома и уведу зомби от дома моих бабушки и дедушки.

Я пристегнулась и завела двигатель. Услышав рев, испугалась, испытывая еще одно беспокойство. Я сидела за рулем автомобиля. Скоро поеду по дороге с другими машинами и буду отвечать за жизнь Коула.

Я понимала, что кролик не имеет никакого отношения к аварии, но это не успокаивало. Меня трясло, пот внезапно выступил на коже бисером, и при каждом вдохе воздух обжигал горло и легкие.

— У тебя все получится, — сказал Коул.

— Если я не...

— Я могу вытолкнуть тебя из машины и самому сесть за руль. И тогда буду в безопасности.

Шутка сработала, заставив меня усмехнуться.

— Забавно.

— Ты справишься, Али. — Сказал он серьезно. — Я верю в тебя и, ладно, конечно же я больше верю в себя. Но буду помогать тебе всю дорогу.

Ободряющая речь сработала. "Я могу это сделать. Могу." Я уже не была той девочкой, которая сбежала от Кэт и пошла домой под дождем. Я стала сильнее. Уже несколько раз сражалась с зомби и выжила.

Наконец парковка опустела, и я медленно поехала задним ходом. "Эй, Господь. Помнишь меня? Мне снова нужна твоя помощь". У меня свело живот, когда я переключала передачу. Коул был терпеливым, даже когда я едва разогналась до пятнадцати миль в час и другие машины сигналили, а потом с визгом пронеслись мимо нас.

Несколько водителей даже показали мне средний палец, и Коул каждый раз чуть не выпрыгивал из своего сидения. Тем не менее, темный внедорожник следовал за нами уже некоторое время, довольствуясь той же скоростью, что и улитка.

— Люди Джастина, — сказал Коул, вероятно, заметив, сколько раз я взглянула в зеркало заднего вида.

— Отлично. Поджигатели домов у меня на хвосте. — Как раз то, что мне нужно. Еще один фактор стресса. — Они попытаются что-нибудь сделать? — Лобовое стекло внедорожника было затонировано настолько, что я не могла разглядеть никого внутри.

— Нет. Им просто нравится заявлять о своем присутствии. Они свернут на следующем повороте.

Он был прав.

Я вздохнула с облегчением.

— Джастин сказал, что его босс навел на тебя.

— Зачем ты разговаривала с Джастином? — спросил он, пытаясь включить радио.

— Хотела получить ответы.

— С этого момента получай их от меня.

— Мы учимся в одном классе. Я не хотела игнорировать его и...

— Али. Ты не знаешь его и того, что он способен сделать, рассказать или исказить. Для всех нас будет лучше, если ты послушаешь меня.

— Ладно, ладно. Я буду его игнорировать.

Наша поездка длилась сорок минут, хотя должна была занять всего десять. Он жил в районе, где дома находились близко от друг друга, а сами напоминали фермы. В каждом из них было красно-белое дерево, отдельно стоящие сараи, проволочные заборы и поля пшеницы вместо деревьев.

Припарковавшись, я смогла полностью расслабиться. Мы в безопасности. Мы живы. "Еще раз спасибо, Господи! Серьезно!"

— Не могу обещать, что ты сядешь за руль, когда мы будем уезжать от погони, — сказал Коул, — но если немного потренироваться, то сможешь устраивать гонки с моей бабушкой... она любит ездить на своем скутере.

— Обычно я не так ужасна. Прости. Просто... авария... и еще тот кролик...

— Какой кролик?

Вот дерьмо. Как бы эмоционально я ни была выжата, наконец нашла в себе силы рассказать ему про облако, даже показать. Я поведала ему, как видела его каждый раз перед появлением зомби и как в первый раз потеряла всех, кого любила. Как моя умершая младшая сестра явилась мне и сказала, что она каким-то образом создала это облако в качестве предупреждения. В середине разговора Коул протянул руку и начал массировать мне шею, как он любил делать это себе, будто утешая.

— Ты, наверное, думаешь, что я сошла с ума? — спросила я нерешительно.

— Как будто я тот, кто может судить о вменяемости другого человека.

— Это не ответ на вопрос.

— Хорошо, как насчет такого? Нет, я не думаю, что ты сумасшедшая.

Я решила поверить ему.

— Ты когда-нибудь видел свидетеля? Так она себя назвала. Не призрак, она сказала их не существует, и не ангел, так как их нет, а свидетель. — Может быть он видел кого-то из погибших друзей.

— Нет.

— А слышал когда-нибудь этот термин?

— Только в суде, а так нет.

— А кто-нибудь другой?

— Насколько мне известно, нет.

— Оу, — сказала я, мои плечи опустились.

— С тобой все в порядке, Али. Ты можешь видеть зомби, когда другие не могут. Думаю, встреча со свидетелем ничем не отличается от этого. — Он взъерошил мои волосы, заставив меня почувствовать себя трехлетней. — А теперь пойдём, у нас много дел.

Бросив ему ключи, я вышла из джипа и направилась к дому. На полпути он оказался рядом со мной, переплел наши пальцы и потянул меня к сараю, находящийся позади дома.

— Сюда, — сказал он... но так и не выпустил мою руку.

Мы держались за руки, словно были парой.

Чем ближе мы подходили к двери, тем громче я слышала ругательства и стоны, доносившиеся изнутри. Я моргнула, подумав, что там пытаются людей.

Оказывается, да, их пытали. Только по их же воле. По всему сараю стояли тренажеры, тренировочные маты и даже боксерский ринг, и там оказались все парни, которые стояли с Коулом в первый день в школе, а также было несколько незнакомых мне парней.

Коул представил мне их. Лукас, великолепный, чернокожий, поднимал штангу. На нем был браслет домашнего ареста, и все же я была уверена, что видела его на вечеринке у Рив.

Дерек, тоже чернокожий, стоял в конце сарая и стрелял в манекен, похожий на зомби. Бронкс бил кулаками по боксерской груше. Brent, блондин, старался удержать ее на месте. Коллинз, парень с побритой головой и тоже с браслетом домашнего ареста, и Хаун (Спайк), парень азиатской внешности с темными волосами и глазами, сражались на мечах, и, судя по звуку лязга металла о металл, на настоящих.

Шведский стол из горячих, потных парней и боевого оружия. Я оказалась в фантазии каждой девушки.

Лёд и Маккензи бегали по беговым дорожкам. Трина и Круз (Салага) латиноамериканец с каштановыми волосами и шрамом на щеке, были на ринге, и боксировали без перчаток. То есть выбивали друг из друга все дерьмо.

Пока я стояла и разглядывала все вокруг, то смогла различить тысячу разных запахов. Что-то цветочное от Маккензи, что-то мускусное от Хауна. Что-то фруктовое от Коллинза.

— И вы это делаете каждый день после школы? — спросила я, пытаюсь скрыть свою нервозность.

— В основном. Сила и выносливость спасут тебе жизнь. Кроме того, мы можем взять с собой оружие в потусторонний мир, оно помогает нам уложить зомби, чтобы легче было их убить.

— Поэтому я буду учиться пользоваться им.

— Да, но из-за твоих травм, сегодня ты будешь учиться становиться душой, бегать на беговой дорожке и стрелять по мишеням. Как только выздоровеешь, мы начнем заниматься всем остальным.

— Ладно.

— Готова?

— Да.

— Хорошо. — То, как он оглядел меня с ног до головы, заставило меня почувствовать себя букашкой под микроскопом. Он вбирал в себя все, не пропуская ничего. — Покинь свое тело.

Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, что он сказал.

— Вот так просто? — Я щелкнула пальцами и огляделась вокруг. — Здесь?

Он кивнул.

— Вот так просто. Здесь и сейчас.

Долгое время я пыталась, клянусь, пыталась, но безрезультатно. Как бы я ни старалась вытолкнуть свою душу из тела, у меня ничего не получалось.

— Ты уже делала это раньше, — напомнил мне Коул.

— Да, но меня вынудили зомби.

— Как насчет этого? Покинь свое тело, или я перекину тебя через колено и отшлепаю на глазах у всех.

Я сделала вдох и выдохнула:

— Хотела бы посмотреть на твою попытку!

Он начал идти ко мне. Я с визгом шлепнула его по руке и отскочила в сторону.

— Пять, — сказал он, в его глазах появился стальной блеск.

Я попыталась пошутить.

— Возомнил себя моей мамочкой?

— Четыре.

Коул продолжал считать. Отлично. Я сделала вдох и выдох, моя решимость росла.

— Три.

Я закрыла глаза, представила себе зомби с кладбища, тех, что напали на моего отца.

Моя решимость превратилась в жгучий огонь в груди. Вера. Мне просто нужно поверить. Я смогу это сделать.

— Два.

Я сделаю это. Сделаю. Ничто не остановит меня.

И я с легкостью вышла из своего тела.

Сначала мне стало холодно, в следующую минуту мороз пробрал до костей. Со стучащими зубами я осмотрела амбар и увидела свечение Линии Крови, мазки на каждом из окон. Увидела, как все двигались медленнее, чем я предполагала, пот струился по их вискам, они излучали яркий свет... энергию?

У Коула было самое яркое свечение.

Запахи внутри здания усилились, теперь они казались настолько сильными, что у меня защипало в ноздрах.

— Возвращайся, — сказал Коул, его голос стал намного громче.

Съежившись, я повернулась и увидела, что мое тело застыло на месте, расположившись прямо рядом с ним. Мое выражение лица было напряженным и сосредоточенным.

— Как...

— Замолчи, — крикнул он, и я снова вздрогнула.

— Это ты замолчи! — крикнула я в ответ.

Коул протянул руку, чтобы закрыть мне рот, но его рука прошла сквозь меня. На мгновение мне показалось, что я искупалась в теплом меде.

— Что? — спросила я.

Побледнев, он указал на свой рот. Его челюсть двигалась, но губы оставались закрытыми.

Я сразу же вспомнила. Что ни скажешь в потустороннем мире, все сбывается.

— Ты можешь говорить, ты можешь говорить, — поспешно произнесла я.

Мгновенно его губы открылись.

— Ни слова больше, — прорычал он.

Сузив глаза, Коул протянул руку, чтобы коснуться своими пальцами пальцев моего тела, затем жестом попросил меня сделать то же самое. Сделав, как он сказал, часть меня вернулась в тело, словно ее притянули за веревку.

— Прости, — поспешно сказала я. — Мне жаль, но я думала, что не смогу нарушить свободу воли, что бы ни сказала.

— Я говорил тебе, что есть правила, а из правил бывают исключения. Иногда, при произнесении правильного приказа в случае защиты свободная воля оказывается слабее и отходит на второй план.

— Но почему? Я сказала зомби отпустить меня, но они все равно вернулись за добавкой. Поверь, я защищалась.

— Ты говорила с ними со всеми сразу, думаю, это и ослабило силу твоего приказа, каждый из зомби испытал лишь часть принуждения, а не всю силу.

— О. — Очевидно, мне предстояло узнать больше, чем я предполагала.

— Теперь снова покинь свое тело.

В течение последующих сорока пяти минут я смогла покинуть свое тело только четыре раза.

— Достаточно, — наконец сказал он. — Практикуйся дома в запертой комнате, которую ты не должна покидать. Но только ничего не говори. Ты должна научиться делать это мгновенно.

— Хорошо. Но как мне сделать так, чтобы моя рука светилась, как у тебя, когда ты превратил зомби в пепел? — Я уже делала это однажды, но не была уверена, смогу ли повторить.

— Во время боя, когда я хочу нанести смертельный удар, это происходит само собой.

— Тебе даже не нужно об этом думать? — Вау.

— Больше нет. Теперь слушай. — Его голос стал глубже. Этот тон, вероятно, был причиной того, что он был лидером группы. — Не пробуй делать это дома. Ты можешь случайно сжечь дом своих бабушки и дедушки. Если ты вырубешь кого-то, предоставь нам закончить все. Но если твоя рука загорится сама по себе, когда мы будем сражаться, не пытайся остановить это. Просто иди с ней. Мы не будем мешать.

Подтекст: Я могу случайно ранить кого-то из его друзей. Потрясающе.

— А также, — продолжил он. — Во время тренировок никогда не оставляй свое тело в таком месте, где тебя могут найти люди. Во время боя иногда приходится делать поблажки. Старайся так не поступать, но если придется, то ладно. Но ничего не говори вне тела. Ты можешь причинить себе вред, и лучше не рисковать

— Понятно. — Хотя, потренировавшись, мы могли бы приучить себя говорить только правильные вещи. Нет необходимости упоминать об этом маленьком драгоценном камне сейчас, пока его губы, вероятно, пульсировали от моей случайной команды.

— Лёд, — позвал он.

Лёд понял, что от него хочет Коул без дополнительных слов. Он остановил беговую дорожку, спрыгнул с нее и схватил бутылку воды, осушив ее за несколько секунд.

— Твоя очередь, — сказал мне Коул.

И знаете что? Я буду бежать рядом с моим самым нелюбимым человеком в мире.

— Ты взяла одежду для тренировок? — спросил Коул.

Я облизнула губы, осмотрев свою рубашку и джинсы. Я пропотела бы в них за несколько минут и выглядела бы ужасно, а не раскрасневшейся, как Маккензи.

— Нет.

— Не беспокойся. Я купил тебе кое-что. — В его тоне был намек на веселье. — Ванная там. Я положил все, что тебе понадобится, в твой шкафчик.

У меня был шкафчик?

Ванная была похожа на обычную раздевалку, которая есть в каждой школе по всей Америке. Мой шкафчик был длинным и красным и находился рядом со шкафчиком Коула. Внутри лежал синий спортивный топ и самые короткие, самые обтягивающие шорты, которые я когда-либо видела, а также пара носков и кроссовки.

Мои щеки покраснели, пока я переодевалась. По крайней мере, он не купил мне трусики.

Когда я вышла, то почувствовала себя голой. Мой живот, как и ноги были обнажены. Коул, который ждал меня возле кулера с водой, присвистнул, оглядывая меня. Я снова почувствовала себя жуком под микроскопом, только на этот раз в стикини и стрингах.

— Мило. — Его голос стал хриплым.

— Твоя игра в переодевание — отстой, — пробормотала я, оттягивая подол шорт. Он рассмеялся.

— Не согласен. Но если тебе от этого станет легче, то я могу тоже раздеться.

— Не стоит. — Вероятно, я буду бессвязно бормотать и пускать слюни.

Его развратная ухмылка говорила о том, что он прочитал мои мысли.

— Давай начнем. — Он повел меня к беговым дорожкам.

Хотя Маккензи ни разу не взглянула в мою сторону, она напряглась, даже споткнулась. Я проверила ее время. Она бежала уже полтора часа. Я также проверила ее скорость и угол наклона, и установила себе более высокую и быструю, затем стала ждать, чтобы нажать "Старт". Я хотела, чтобы сначала Коул ушел.

Конечно, он задержался.

— Не обращайте внимания друг на друга, — сурово приказал он.

Она хмыкнула.

— Да, папочка.

Его глаза сузились, но он продолжал смотреть на меня.

— Осторожней. Не переусердствуй.

Я открыла рот, чтобы ответить, но Маккензи опередила меня.

— Выглядите жалко. Вам обоим должно быть стыдно.

— Неужели мне стоит провести с тобой беседу, Кенз?

Он называл ее сокращенным именем. Как мило.

— Нет, — огрызнулась она.

— Хорошо.

Она добавила:

— Если мне придется выслушать еще раз о том, как подружиться с новенькой, я скормлю себя зомби.

— Не стоит. Я позвоню в колокольчик и отдам тебя им. — С этими словами он зашагал прочь, наконец-то оставив нас наедине.

"Соберись, Белл".

Первые десять минут бега мы с Маккензи слушались Коула. Не знаю, почему она его послушалась, я же не могла отвести глаз от Коула. Он снял кофту и сменил джинсы на черные шорты, которые так висели низко на талии, что была видна дорожка темных волос, которая уходила под шорты, прежде чем присоединиться к Лукасу возле штанги.

Его мышцы напряглись, когда он поднял штангу. Опустил. Поднял. Пот начал выступать на его коже, стекая вниз... вниз... вниз...

— Надеюсь, ты наслаждаешься его вниманием, — сказала Маккензи, время хорошего поведения явно закончилось. Ее хвост раскачивался при каждом резком шаге. — Это ненадолго.

Я даже не была уверена, что привлекла его внимание, не в том смысле, который она имела в виду.

— То, что ты не смогла удержать его, не означает, что у других девушек будут проблемы с этим. — Смелые слова от девушки, которая никогда не была с ним на настоящем свидании.

— Об этом ты хотела со мной поговорить? — Она вытерла лоб тыльной стороной ладони. — Я разочарована. Ожидала, что ты как минимум ударишь меня, но я догадывалась, что ты трусишка.

— Не переживай, когда-нибудь мы подеремся. — Мои бедра уже горели от напряжения, пот стекал по груди и спине. Позволила ли я себе замедлиться? Черт, нет. — Так почему ты распустила эти слухи?

— Я не распускала.

— Ох, пожалуйста. В отличие от твоих парней, я не глупа, когда дело касается красивого лица.

— Считаешь меня красивой, да? Я тебе, наверное, даже снилась.

Я считала Кэт красивой. А Маккензи мне хотелось побить.

— Когда я закончу с тобой, тебе повезет, если у тебя останутся все зубы.

— Как оригинально. Почему бы тебе не думать, прежде чем говорить? Я не скрывала своей неприязни к тебе. Я не скрывала того факта, что хотела твоего ухода. Как и сейчас. Но пускать слухи о твоей сексуальной жизни? Шутишь? Мне не двенадцать.

Ни разу за время своей речи она не назвала меня проституткой. Я старалась держать себя в руках.

— Больше никто не мог.

— Мне не очень хочется развеивать твои иллюзии, куколка, но есть и другие. Многие девочки в Ашере думают, что они достаточно смелые, чтобы переспать с одним из моих парней, и многим девчонкам отказывают. Тебе не отказали, и я уверена, что зависть взяла вверх.

— В твоей логике есть небольшой изъян. Никто не говорит о Кэт, а она встречалась со Льдом.

— Вообще-то, она влюблена в меня, — сказал Лёд, стоя у ринга, и не стыдясь того, что подслушивал. — А я, кажется, говорил тебе, что ее друзья перестали с ней общаться на некоторое время. К тому же, если верить слухам, то я неплох.

Мои руки сжались в кулаки.

— В чем проблема? — сказала я Маккензи, стараясь говорить тише. — Почему как кто-то начинает встречаться с одним из этих парней, тут начинают распускаться слухи.

— Во-первых, не слушай Льда. Может, ее друзья и перестали с ней общаться, но никто никогда не распространял слухи о ее сексуальной жизни. Всем было пофиг. Во-вторых, я. Не. Делала. Этого.

Я запомнила кое-что из тренировок моего отца: эмоции делают людей безрассудными. Когда люди безрассудны, они совершают ошибки. Не только физически, но и словесно. Сейчас Маккензи была на грани ярости. Если подтолкнуть ее к этому краю, она может случайно признаться в том, в чем я все еще была уверена, что она сделала. Может быть, она даже похвастается.

Поэтому я пошла дальше и высвободила свою внутреннюю тигрицу.

— Ты когда-нибудь задумывалась, что другие говорят о тебе за спиной? Ты живешь с парнями, с которыми я якобы спала. Ты угрожаешь всем, к кому они проявляют интерес. Это тоже пахнет завистью, тебе не кажется? Можешь не отвечать. Это так. Я думаю, ты все еще влюблена в Коула. Держу пари, ты даже...

С воплем она прыгнула со своей беговой дорожки на мою. Мы упали назад, и она оказалась сверху. Приземлившись, я приняла на себя основную тяжесть удара, отчего мои легкие начали гореть. Моя голова стукнулась о бетонный пол, а перед глазами замелькали звезды.

Печально ли, что моей первой мыслью было: "Слава Богу, я сошла с беговой дорожки!"

Она оседлала мои бедра и ударила, ее кулак врезался в мою щеку. И снова вспыхнули звезды, на этот раз ярче, когда мой мозг перевернулся.

Я не стала ждать очередного удара. Вмазала ей по лицу, рассекая еще не зажившую губу. Ее голова повернулась в сторону, кровь брызнула на пол. Я поднялась и схватила ее за волосы, толкнула вниз и нависла над ней. Удар, удар, двойной удар.

Стало больше крови, теперь она стекала по подбородку. Маккензи пыталась со мной бороться, но волосы закрывали ей глаза, и из-за этого она не могла в меня попасть.

Я вспомнила слова Джастина о том, что она неплохо дерется лишь пока стоит. Я могла бы избить ее до потери сознания, прямо здесь и сейчас. Но тогда мне не видать ответов. Я подняла руки и сказала:

— Мы не должны этого делать. Просто скажи мне...

— Аргх! — Она резко поднялась на ноги и ударила меня в живот.

У меня перехватило дыхание, и я начала откашливаться.

— Я хочу... — Жесткие руки... теплые, сильные, знакомые... обхватили меня и притянули к еще более жесткому телу.

— Хватит, — рявкнул Коул, и от звука его голоса я вздрогнула.

Бронкс и Лёд держали Маккензи.

Она пыталась высвободиться, отчаянно стараясь дотянуться до меня.

— Думаешь, я не знаю, что люди говорят обо мне? Думаешь, я бы хотела, чтобы кто-то прошел через такое, даже если испытываю к нему ненависть? — Каждое слово, словно камнем летело в меня.

Забавно. Но я начала ей верить. Маккензи было больно. Не от моих ударов, а от душевных мук. Она страдала. Она страдала до сих пор.

Я прижалась к Коулу.

— Прости, — сказала я ей. — Прости за то, что я сказала. Мне жаль.

— Неважно. — Парни позволили ей вырваться. Она выскочила из сарая, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Мои плечи поникли под тяжестью стыда. Как я могла быть такой слепой?

Что ж, у меня на это был ответ, не так ли? Я обвинила ее в ревности, но, на самом деле, это я ревновала. Она была бывшей Коула. Она жила с ним. Я понятия не имела, есть ли у него еще чувства к ней. И я разозлилась.

— Давай приведем тебя в порядок, — сказал Коул. Он переплел наши пальцы и повел меня в раздевалку, где посадил на раковину. Затем достал откуда-то аптечку.

Отлично. Швы на моей руке разошлись. Кровь стекала вниз, скапливаясь на ладони. И теперь, когда я заметила это, то почувствовала жжение. Вдобавок ко всему, я почувствовала, как у меня болело лицо.

— Ты пытался сказать мне. Я должна была прислушаться. — Слезы обожгли мои глаза, и я опустила взгляд, чтобы он не заметил. Капли застыли на ресницах. Я вытерла их дрожащей рукой... и столкнулась лицом к лицу с пирсингом в соске Коула.

Оу, ну привет. И почему я не заметила этого раньше?

— Да, надо было. — Он отрезал нитки, промыл рану, обезболил кожу какой-то мазью, а затем начал зашивать рану. Даже с мазью было ощущение, что сотня пчел решила поиграть с моей рукой в игру "Угадай, где больнее всего", но я лишь прикусила нижнюю губу и терпела.

— Тебе уже приходилось это делать, — заметила я. У него была твердая рука, он знал, где вдевать иголку, когда обрезать концы.

— Да, — повторил он. — И не только себе. Мы помогаем друг другу. — Закончив, он обмотал рану марлей. Затем, положил свои руки рядом с моими бедрами, протиснул свое тело между моих ног и наклонился ко мне, заглядывая в мои глаза. — Ты в порядке? Правда?

— Да.

— Хорошо. — Затем он поцеловал меня.

И все снова повторилось. Я позабыла о том, что происходит вокруг, и полностью сосредоточилась на Коуле. На его губах, целующих мои. На его языке, ласкающий мой. На его вкусе, таком сладком и притягательном, как клубника и шоколад. На его запахе — темном, насыщенном, пряном. На его теле, теплом и сильным, обнимающем меня.

У меня и в мыслях не было сопротивляться. Мои руки обвили его талию, притягивая еще ближе. Мы прижались вплотную друг к другу, и мне это нравилось. Я даже обхватила его ногами и уперлась лодыжками в поясницу, удерживая его на месте.

Думаю, я была ему небезразлична.

Его пальцы запутались в моих волосах, наклоня мою голову, углубляя поцелуй.

— Ты вкусная.

— Потом поговорим. Поцелуй меня.

— Черт, да.

В сказанном было что-то такое знакомое, но я не могла понять, что именно. Мне было все равно. Осталось только "здесь и сейчас" и он. Коул был без рубашки, и, о, чудо, я почувствовала все его мышцы, каждый бугорок от шрамов, даже холодный металл, пронзающий его сосок.

— Мне остановиться? — прохрипел он.

— Нет. Да. Я...

Он прижал меня к себе, и я...

— Ладно, — сказал раздраженный голос рядом с нами. — Не это я ожидал увидеть.

Коул отпустил меня и повернулся лицом к незваному гостю, скрывая меня за своей спиной.

Его отец стоял у входа.

— Слышал, кошечки подрались, — сказал мистер Холланд. Высокий, грозный, и он... шутил?

"Кто-нибудь, убейте меня. Сейчас же!"

— Ничего серьезного, — легко согласился Коул.

Мистер Холланд стукнул ботинком по стенке.

— Вижу.

"Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, убейте меня".

— Мы как раз собирались уходить, — добавил Коул, откашлявшись.

Мистер Холланд махнул рукой в сторону двери.

— Ну, тогда не буду вас задерживать. Идите.

Я спрыгнула с раковины, обошла Коула и ушла, не оглядываясь.

* * *

Одна огромная разница между жизнью со знающим папой и не знающими бабушкой и дедушкой заключалась во сне. С папой таких проблем не было, но бабушка и дедушка ложились спать в девять. Они называли себя "ранними пташками". Это избавляло меня от необходимости накачивать их наркотиками, как предлагал Коул, чтобы я могла улизнуть.

В девять тридцать Коул ждал меня на заднем дворе. Коул, который поцеловал меня. Коул, который отказался обсуждать это после. Ладно, хорошо. Это я отказалась.

Коул, который сводил меня с ума.

В девять тридцать три я была возле дома и стояла рядом с ним... а в воздухе витал запах гнили.

Как и предупреждала Эмма, зомби были близко.

Нервозность сменилась на предвкушение. Я потратила несколько часов, тренируясь покидать свое тело, и у меня неплохо получалось. Сегодня я не собиралась стоять сложа руки.

— Я не могу сегодня оставить кого-то возле твоего дома, прости, но я расставил столько ловушек, что никто не пройдет через твои ворота, хорошо? — Коул схватил меня за руку, и мы быстро побежали, я старалась не отставать от него. — Беги по моим следам.

— Я думала, мы будем сражаться с ними здесь, — задыхаясь, произнесла я. Сегодня вечером наступило полнолуние, большой золотой шар освещал черное небо. Иногда по небу проплывали облака, но звезд не было видно.

— Лёд напал на след одного гнезда и уже преследует их. Они направляются к твоему дому, но мы хотим проверить, последуют ли они за тобой.

Это был вопрос, на который я тоже хотела знать ответ.

— А если нет?

— Мне сообщат, и мы вернемся.

Мы выбежали из леса, его джип стоял у обочины. За рулем сидел Бронкс, его волосы были скрыты под темной банданой, такой же, как у меня. Коул практически запихнул меня внутрь, а затем сел рядом со мной. Шины слегка завизжали, когда мы выехали на дорогу.

Это напомнило мне ту ночь, когда погибла моя семья. Как отец запихнул меня в машину, как мне пришлось пристегиваться. "Я сохраню выдержку". Эта ночь другая. И закончится она тоже по-другому. Хотя внутри машины было темно, я смогла разглядеть целый арсенал пистолетов, арбалетов и мечей.

Сегодня умрут зомби, не мы.

— Взяла оружие? — спросил Коул.

— Да. — Перед тем как отвезти меня домой, он дал мне нож и острый кинжал. Завтра я буду учиться драться на мечах и стрелять из арбалета. Я не могла уже дожидаться. До тех пор должна была пользоваться тем, чем умела.

Джип резко въехал в поворот, заставляя меня подпрыгнуть на сиденье.

— Осторожнее, — сказал Коул.

Бронкс как обычно был... немногословен. Спустя несколько крутых поворотов и бесчисленное количество перекрестков, джип резко остановился на обочине. Коул выпрыгнул... взяв два меча... и потянул меня за руку.

Он потащил меня вверх по холму, через деревья, выводя нас на поляну. Бронкс не отставал от меня ни на шаг.

— Что мне делать? — Хотя я и не видела его друзей, но подозревала, что они

находились где-то поблизости, наблюдали и ожидали. Я чувствовала цветочный запах шампуня Маккензи, мускус одеколона Хауна и почти все остальное, что чувствовала в доме Коула.

Темные облака закрыли луну, создавая тусклый, почти красноватый цвет. Для нас это было идеальной маскировкой. Мы оделись в черное с ног до головы, а под глазами у нас были нарисованы черные полукруги. Я понятия не имела зачем, Коул попросил меня добавить краску на лицо, но у него и Бронкса тоже были полоски, так что ладно.

— Сегодня ты будешь смотреть и учиться. — Он бросил мечи, взял меня за руку и подтащил к дереву. Он наклонился и соединил пальцы. — Залазь на верх.

Используя его руки как стремянку, я забралась на одну из веток и присела. Затем взяла в руки оба своих ножа.

— Позволь мне помочь, — сказала я. — Должно же быть что-то, что я смогу сделать.

Он остался стоять на земле, его фиолетовые глаза пригвоздили меня к месту.

— Сегодня мы последняя линия обороны, так что нам не придется сражаться со многими. Если вообще придется, — добавил он. — Оставайся там, ну только если не наступит крайняя необходимость. Ты еще выздоравливаешь, а мне нужно будет убить оставшихся зомби.

— Но...

— Поскольку ты пока умеешь пользоваться только ножами, — вмешался он, — тебе придется подходить вплотную, чтобы обездвигнуть их. Подойдя слишком близко, твои раны могут открыться, ты истечешь кровью и ослабнешь, и они разорвут тебя на части.

Итак, по сути, я был приманкой.

— Тебе не стоило давать мне оружие, если планировал, чтобы я просто наблюдала. — Соблазн вмешаться был слишком велик.

— Мы должны быть готовы ко всему.

Я вздохнула. Хоть мне и не нравилась его логика, но я ее понимала.

— Мне не нравится, что мы вот так сразу бросаем тебя в пекло, что у тебя не было тренировочной симуляции. Ты растеряешься во время боя. Но если зомби охотятся именно на тебя, мы должны знать, и это самый быстрый способ.

В ночи раздался вой. Не волчий, а мужской. Присев у моего дерева, Коул положил мечи перед собой.

— Обычно мы оставляем наши тела дома, чтобы они были подальше от дороги и никто не мог причинить нам вред, пока мы не в состоянии защитить себя. — Он достал из одной кобуры на лодыжке небольшой арбалет, а из другой — пистолет. — У Бронкса и меня сегодня не получилось это сделать, так как нам пришлось везти тебя сюда. Мы оставим тела прямо здесь, рядом с тобой. Не волнуйся, если зомби приблизятся. Наши тела не пострадают. Следи за людьми и, если увидишь, отпугивай их.

Задрожав, я сказала:

— Хорошо.

— Я говорил тебе, что зомби не чувствуют боли? — спросил он, все еще обучая меня. — Если тебе придется сражаться, не пытайся причинить им боль. От этого не будет никакого толка. Они издают звуки, когда ты их бьешь, потому что напуганы и начинают злиться. Поэтому твоя единственная цель — вырубить их.

— Хорошо. — Я уже решила, что это наилучший вариант. И не поменяю свое мнение на этот счет.

Раздался еще один вой. Затем послышался крик. Хрип и стоны. Звуки доносились со всех сторон. Я не была уверена, кто их издавал: зомби или друзья Коула. Затем послышалось шуршание листьев, топот ног.

— Да, они преследуют тебя, все в порядке, — сказал Коул. — Бронкс?

Бронкс кивнул.

У обоих парней были солнцезащитные очки на голове. Коул бросил мне свои, но я их выронила. Отлично!

— Сейчас, — сказал Коул.

Они одновременно покинули свои тела.

Наверное, кто-то щелкнул выключателем, потому что яркий свет внезапно осветил всю поляну, бросая слишком яркие лучи в мою сторону и прогоняя все тени. Я прищурилась, глаза слезились.

Теперь я поняла зачем были нужны солнцезащитные очки, как и темные круги под глазами. Черный цвет поглощал свет, отражая слишком яркие блики и позволяя мне сохранять оптимальное зрение. Умно.

Это была моя последняя разумная мысль.

Лёд выбежал из зарослей, черная краска размазалась по его лицу. Солнцезащитные очки где-то потерялись. Он упал на землю, перекатившись.

— Сейчас, сейчас, сейчас! — В тот момент, когда он остановился, у него в руках оказалось два пистолета, и он прицелился.

Хорошая новость. Зомби прибыли... и не парочку, а целое гнездо.

Раздалась какофония звуков: топот, свист, хлопки. Коул и Лёд выстрелили, посылая в воздух пули и стрелы. Послышалось еще больше стонов, когда зомби спотыкались и падали. Запах гнили усилился, заставляя меня задыхаться.

Еще больше зомби пробирались сквозь кусты, некоторые запинаясь о своих же, некоторым удавалось устоять на ногах. Но, как только на них падал свет, они поднимали руки, чтобы прикрыть глаза. Я никогда раньше не видела их при хорошем свете. Теперь я жалела об этом. Они могли пахнуть гнилью и выглядеть так же, в грязной одежде, с побитыми лицами и рваной, обвисшей кожей, но сейчас в них было что-то странно... прекрасное.

Их кожа напоминала колотый лед, сверкающий ониксом и сапфиром. Глаза, казавшиеся черными в темноте, при свете становились сверкающими рубинами и совершенно гипнотическими.

Зомби, которых не ранило оружие Коула или Льда, бросились к деревьям, поняв, что не смогут добраться до парней при таком свете. Удача была на нашей стороне... пока порыв ветра не подкрался сзади и не понес мой запах на сражающихся. Зомби замерли, пригнувшись... их рубиновые взгляды устремились на меня. Внезапно они забыли о свете.

И пошли вперед.

— Они окружают нас, — услышала я, как Лёд говорил Коулу между выстрелами. — Лезут со всех сторон.

Лёд стоял лицом вперед, а Коул прикрывал его спину. Бронкс вытянул обе руки, чтобы прикрыть левую и правую стороны. Бум, бум, бум. Пули полетели во все стороны.

Коул выкинул пустую обойму, затем быстро и легко вставил другую, которая ожидала на его поясе. Все трое парней нацелились на шею зомби, делая все возможное, чтобы повредить спинной мозг.

Они наносили столько ударов, что образовались груды тел. И все же, они так и не добились успеха. Как только один зомби падал, на его место вставали еще два. Они просто продолжали прибывать. Когда у Коула закончились стрелы и патроны, он поднял мечи и прорубил себе путь сквозь толпу. Головы отлетали от тел, тела опадали... но, как и прежде, ни голова, ни тело не умирали.

Он двигался с плавной грацией, отклоняясь назад, когда кто-то тянулся к нему, затем обходил вокруг, чтобы смести всех перед собой и ударить того, кто оказывался позади.

Раздались чьи-то шаги.

— Ложись, — услышала я чей-то крик. Лёд и Бронкс прекратили огонь. Трина и Круз проскочили сквозь стену зомби и вышли на свет, их руки светились. Они атаковали толпу, испепеляя одного врага за другим.

Прозвучало еще одно:

— Ложись! — И следующими я увидела Маккензи, Дерека и Хауна, затем Лукаса и Коллинза. Я поняла, что в форме души от их браслетов не было толку. Я не видела только Брента.

Некоторых ребят покрывала кровь. Все вспотели, покраснели от напряжения. А я была здесь, на дереве, ничего не делала, и позволяла им подвергать свою жизнь риску.

Я не останусь здесь.

Видите? Я знала, что искушение возьмет верх.

Зомби преследовали охотников, и вскоре мы оказались полностью окружены. Все продолжали стрелять, сражаться и пытаться прижать свои светящиеся ладони к разлагающимся грудям. Большинство существ шипели, когда жар от ламп непрерывно заливал их, их кожа темнела... темнела... превращаясь в густой черный пар, поднимающийся из пор.

Казалось, они не замечали этого. Может быть, потому что не чувствовали боли. Разве не об этом говорил Коул? И казалось, что зомби действуют организованными группами, нацеливаясь на конкретного охотника, разделяя их, прежде чем нанести удар с большей силой.

Гамму звуков пронзил крик. Маккензи попятилась назад, выдергивая руку из пасти зомби. Вместо следов зубов я увидела черную жижу, пузырящуюся под кожей, и поняла, что зло попало прямо в ее вены.

Она продолжала сражаться, но ее движения замедлялись... замедлялись... до скорости улитки. Еще одному зомби удалось укусить ее в ту же раненую руку, черная жижа распространялась вверх, вверх, вверх. Ее следующий крик затих, пока не стало тихо. Новая группа зомби бросилась на нее, исчезая внутри нее, поднимаясь и увлекая ее вниз. Никто из ребят не видел этого; они были слишком заняты, обороняясь.

Я сделала глубокий вдох... задержала дыхание, еще немного... Я могу это сделать. Я сделаю это... затем с силой выдохнула, одновременно выталкивая свою душу из тела, как и тренировалась. Сейчас, из-за адреналина, действовать было легче.

Спрыгнув на землю, я присела на корточки, а затем выпрямилась, держа оба ножа в руках. Свечение здесь, свечение там. Парни, Линия крови. То, чего следует избегать. Я побежала к зомби, окружившие Маккензи.

Я ударила зомби в шею. Он отстранился в сторону. Повернувшись, пронзила другого ножом в живот. Еще поворот, еще удар. Краем глаза я увидела, что тело Маккензи покрылось черными пятнами и дергается, оно больше не светилось, а ее пальцы сжимались от боли.

По крайней мере, зомби, окружавшие ее, забыли об помеченной еде, которую могли получить, и сосредоточились на мне.

Один подкрался ко мне и, схватив за запястье, потянул вниз. Я ударила его ножом в глаз, ослепляя. Затем практически сделала стойку на руках, чтобы ударить ногой зомби, который приближался ко мне сзади. Мои изможденные мышцы бедер напряглись, но он отшатнулся.

— Зомби сегодня не победят, — сказала я, когда они собрались вокруг меня. Это было объявление, в которое я молилась и верила.

Я вскочила на ноги, когда они бросились на меня, успев провести ножом через одну яремную вену, затем через другую. Почувствовала, как что-то твердое уперлось мне в спину, но не запаниковала, поскольку уловила знакомый запах сандалового дерева. Коул.

— У тебя неплохо получается. — Он сражался позади меня, прикрывая мне спину.

Теплый порыв ветра закружился вокруг меня, искрясь мощью и давая мне прилив сил. Он верил в свои слова, и я верила в его слова. У меня все получалось, а теперь станет еще лучше.

— У тебя тоже. — Я развела руки в разные стороны, высоко поднимая одну и опуская другую.

— Продолжай в том же духе, только будь осторожней.

Быстрее... быстрее... зомби все наступали, заслоняя меня, но они были слишком медлительны. Я резала, резала и резала... плечи, руки, кисти, торсы, животы, бедра... и дергающиеся тела начали опадать вокруг меня.

Бронкс подскочил, обе его руки светились ярко-белым светом, и нанес смертельные удары.

Мы с Коулом продолжали сражаться, но сияние так и не заполнило мои руки. После того, как мы закончили пробиваться через толпу к Маккензи, мы посмотрели на Льда, а затем на Коллинза.

Меня укусили несколько раз, ничего серьезного, но последующая боль все же смогла замедлить движения. Каждый раз зомби в ужасе отпрыгивали от меня, как будто понимали, что я угощу их дополнительной лаской своих лезвий.

Когда битва закончилась, когда сражаться было уже не с кем, я потеряла все силы. Не могла сопротивляться, когда невидимая цепь потащила меня вверх... вверх... вверх... вверх... и на дерево. Раньше мне приходилось касаться своего тела. Впервые я испытала такое притяжение.

Я вдохнула, и мир снова обрел четкость.

Даже находясь в своем мире, я слишком ослабла, чтобы удержаться в вертикальном положении, и просто упала с ветки. Я шлепнулась на землю и покатилась, потеряв по пути ножи. В руке что-то кольнуло, и я, не глядя, поняла, что снова разошлись швы.

Вокруг меня валялось слишком много трупов, чтобы их считать, зомби напоминали мух, застрявших в липкой бумаге, которая пролежала несколько недель.

— Лёд, отнеси Маккензи к Анху, — услышала я крик Коула. Он подошел к своему телу, все еще стоявшему перед деревом, и протянул руку. Мгновенно двое соединились.

— Уже иду, — ответил Лёд. Он подхватил Маккензи и зашагал прочь.

— Трина, Хаун, найдите Брента.

— Уже идем, — ответила Трина.

— Остальные убейте оставшихся зомби.

— В этом нет необходимости, — сказал незнакомый голос, выйдя из тени.

Кто-то щелкнул выключателем, и весь лес внезапно погрузился в кромешную тьму. В поле моего зрения замелькали пятна. Я услышала звук множества шагов, треск... чего-то, а затем появился целый рой людей в защитных костюмах.

— Мы забираем зомби, — сказал тот же человек.

Коул бросился на него, но его рука прошла сквозь него. Очевидно, что опасный человек был душой.

— Трус! Я должен был догадаться, что ты появишься.

Они, должно быть, наблюдали за битвой издалека, не приходя нам на помощь, ожидая удобного случая, чтобы нанести удар. И сейчас был самый подходящий момент, когда мы с Коулом вернулись в свои тела, раненые и слишком слабые, чтобы сопротивляться?

— Идите, — огрызнулся Коул своим оставшимся друзьям.

Все, кроме Бронкса, бросились прочь. Они все еще был душой, а значит, мог получить повреждения от костюмов. Обычно это не вызвало бы беспокойства, я убедилась, что способности Коула и его друзей намного выше. Теперь же мы все были уязвимы.

Один из костюмов подошел ко мне и наклонился. Перед его лицом была прозрачная панель, и когда я прищурилась, то увидела Джастина.

— Ты выбрала не ту сторону, — сказал он.

Теплый ветерок обдувал меня, и я подумала, что, возможно, ветерок каким-то образом возник от силы его слов, как будто в них была сила, которую я могла почувствовать даже в этом мире.

— Я на правильной стороне, — процедила я сквозь зубы. Его воля не вытеснит мою.

Его сестра подошла к нему, самодовольно ухмыляясь сквозь маску. Ее широкая улыбка придавала ей дикий вид. Она не произнесла ни слова, но они и не нужны были. Она рассмеялась.

Я беспомощно наблюдала за тем, как костюмы забирают то, что осталось от все еще живых зомби, и утаскивают их.

После того, как они исчезли, покрытые кровью руки подняли меня. Я прижалась к груди Коула, его сердце бешено колотилось.

— Я держу тебя, — сказал он.

— Мне не так больно. Я могу идти. — Он выглядел расслабленным, но я знала, что он тоже чувствует последствия нашей битвы.

— Либо нести тебя, либо преследовать эти костюмы. Я выбрал тебя.

— Думаю, это хороший выбор. — Пока он нес меня сквозь деревья, мой взгляд остановился на сестре, которая материализовалась в нескольких футах от Коула, ее фигура уже мерцала то там, то здесь. На лице застыло грустное выражение.

— Слишком поздно, — прошептала она. — Прости, Алиса, мне очень жаль. Он придет за тобой.

Глава 15

Король и королева разбитых сердец

Слова сестры прокручивались у меня в голове всю дорогу до дома Коула. "Он придет за тобой." Кто придет? Почему?

Но как только мы приехали, я сразу же забыла об этом. Внутри сарая я увидела ребят на больничных каталках. Большинство из них были подключены к капельницам, а мистер Анкх ходил вокруг и проверял показатели. Некоторые спали, некоторые испытывали слишком сильную боль, чтобы задремать. Но Brent... он лежал неподвижно, его тело покрывали черные нарывы.

Из всех ребят он больше всех нуждался в медицинской помощи, но мистер Анкх даже не подошел к его кровати. Доктор Райт чистила и перевязывала людей с незначительными травмами, но даже не взглянула на его кровать. Это могло означать только одно...

Коул выругался, от него веяло печалью. Он усадил меня на кровать и сказал мистеру Анкху:

— Трина и Хаун все еще там, ищут... — Его голос оборвался. Он сжал губы.

Но Трина и Хаун лежали на каталках и... ох. Нет. Они были не здесь. Хотя их тела и лежали рядом, но на самом деле они блуждали по лесу в форме души.

— Я уже послал твоего отца за ними, — сказал мистер Анкх.

Лицо доктора Райт как всегда было суровым, но она положила руку в перчатке на сердце.

— Мне очень жаль, Коул. Он был замечательным мальчиком.

Коул наклонил голову.

— Он не... он не может... — сказала я.

— Да. Он может. — Я никогда не слышала от него такого грубого тона. — Через несколько дней мы узнаем, ушла ли его душа или он стал зомби.

Неужели никак нельзя было узнать об этом здесь и сейчас? И была ли такая возможность? Несмотря ни на что, я не хотела однажды проснуться мертвой душой.

— Нам придется пронести его тело в его дом, в собственную постель, а утром о нем сообщит его девушка. Пойдут слухи, что он умер от той же болезни, что Бутс и Даки. — Он горько усмехнулся. — Может, это заболевание больше не будут относить к "редким", а?

— Мне жаль, — прошептала я. Мне было знакомо чувство опустошения от потери, тошнотворное ощущение, когда понимаешь, что кто-то, кого ты любишь, сильно пострадал.

— Ложись на койку, Коул, — сказал мистер Анкх, и, прежде чем он успел ответить, добавил. — Нужно дать тебе лекарство.

Через несколько минут нас с Коулом подсоединили к капельницам. Он молчал, но я чувствовала, как боль исходит от него огромными волнами. Я плохо знала Brenta, но даже я оплакивала его потерю.

— Он не хотел идти другим путем, — сказал Коллинз.

Коул уронил голову на подушку.

Доктор Райт прошла мимо и похлопала его по руке.

Мой подбородок задрожал.

— Ты не должна плакать, — сказала она мне, и хотя слова казались жестокими, на самом деле они поддержали меня. — Это не то, что нужно сейчас.

— Знаю. — Но... скольких друзей Коул потерял вот так? Скольких еще потеряет? А что насчет меня? Я узнаю этих ребят получше, возможно, полюблю их, а потом потеряю тоже.

Когда Трина и Хаун зашли в сарай, оба старались сдержать слезы. Я наблюдала, как желание заплакать становилось все сильнее, когда они подошли к своим телам и скользнули внутрь, словно накрываясь мерцающим одеялом.

— Не могу поверить, что он мертв, — прохрипела Трина. Ее руки были в засохшей крови и черной слизи. А волосы, теперь покрытые засохшей кровью, торчали в разные стороны. На верхней губе была царапина, на щеке — синяк, и большая шишка на подбородке.

Теплая слеза скатилась по моей щеке.

Я наблюдала, как мистер Анкх приподнял Трину и крепко обнял.

Бронкс, который приехал вместе с Коулом и мной, занял койку рядом с ней. Молча, он прикрыл рукой опухшие глаза. Он тоже был весь в кровоподтеках, а его синие волосы торчали во все стороны.

Следующим в сарай вошел мистер Холланд. Он направился к своему сыну.

— Мне очень жаль. Он был хорошим парнем. Мы будем помнить о нем, как помним о всех остальных.

Коул резко кивнул, и еще одна слеза скатилась по моей щеке.

— Позаботься об Али, — сказал он, и пустота в его голосе разбила мое сердце до конца жизни. — Ей сегодня сильно досталось.

Помолчав, мистер Холланд похлопал сына по плечу.

— Как скажешь. — Он повернулся ко мне, промыл мои раны и перевязал их так аккуратно, насколько это было возможно. — Я слышал, ты спасла кое-кого сегодня вечером.

— Мы все это сделали.

— Скромная? Неужели? Никогда бы не подумал. — Он выбросил окровавленные бинты в мусорку рядом с моей койкой. — Значит, Маккензи сама выбралась из толпы зомби? И Лёд тоже?

— Я сделала то, что должна была, то, что любой из ребят сделал бы для меня.

— Да, но ты сделала это без тренировок.

Я вздохнула.

— Это та часть, где ты обвиняешь меня в работе с плохими парнями?

Уголки его губ дернулись, также как у Коула.

— Нет. Ты не знала, куда тебя везут, поэтому ничего не могла сделать. Костюмы преследовали зомби, а зомби преследовали тебя.

Кстати...

— Что они сделают с этими зомби?

— Кроме того, что запихнут их в человеческие тела? Хотел бы я знать.

После этого он отошел от меня. Вся команда погрузилась в тягостное молчание, каждый погрузился в свои мысли. Если бы только я могла сказать что-нибудь, чтобы утешить их, но вспомнила свое презрение к врачам, медсестрам, друзьям и родственникам, которые предлагали мне нелепые банальности после аварии.

"Все будет хорошо". Да, они продолжают сражаться, но никогда не забудут о том, что в любой могли погибнуть.

"Время исцеляет". Потерять любимого человека — то же самое, что потерять конечность. Ты всегда будешь чувствовать, что чего-то не хватает.

"Мне очень жаль". Мне было жаль, но эти слова ничего не значили ни для кого из них. Их друга больше нет, и они не увидят его до самой смерти. Эта мысль не утешит их сегодня.

— Зомби стали более выносливыми, — сказал Лёд, нарушив тишину своим грубым голосом, которым обычно говорил со мной. — Раньше свет заставлял их убегать. Сегодня этого не произошло.

— Не думаю, что они стали выносливыми, — сказал Коул, его тон стал таким же мрачным. — Я считаю, что они были серьезно настроены добраться до Али.

— Но почему? — спросила я, озадаченная.

Ни у кого не было для меня ответа.

* * *

Следующие несколько месяцев прошли как в тумане. Brent больше не ходил в школу Ашера. Он уже закончил ее и жил самостоятельно, вдали от семьи, так что никто в школе не знал о нем. Никто не понимал, почему Коул и друзья были на взводе, готовые сорваться в любой момент.

Коул устроил небольшие похороны по Brentу, и то, как он и остальные, стойко держались, переживая смерть друга, глубоко затронуло меня. Я рыдала как ребенок.

Иногда я задумывалась, кто будет следующим. Коул? У нас больше не было видений, и мы все еще не знали, что это значит. А что насчет Льда? Как Кэт отнесется к его потере? Не очень хорошо, это точно.

Но, как я уже поняла, что бы ни происходило вокруг нас, жизнь всегда продолжается. Каждый день после школы я тренировалась и занималась с Коулом. На ринге я никогда не была так хороша, как на поле боя. Я не могла имитировать прилив адреналина или прилив борьбы или бегства, независимо от того, что мы тренировали.

Я определенно была слабым звеном.

Коул бесчисленное количество раз опрокидывал меня на задницу, колот мечами и ножами, но ни разу не поцеловал меня. Не то чтобы я думала об этом. И это правда.

Я не спала почти каждую ночь. Если не патрулировала в лесу рядом с домом вместе с Коулом, то расставляла ловушки для зомби. Если я не ставила ловушки, то выслеживала гнезда. Если я не выслеживала гнезда, то наблюдала за монстрами из окна или пыталась расшифровать остальную часть дневника.

Мне открылись еще два отрывка: один был о первых зомби, о чем мне рассказывала доктор Райт, и один о первых охотниках, о которых она не упомянула. Те первые охотники не могли покидать свои тела и должны были научиться сражаться с зомби, находясь в своей естественной форме. Но потом смерть одного из них спасла их.

Зомби съели его душу прямо из тела, и каким-то образом инфекция распространилась, почти уничтожив нежить. Почти. Это все, что я смогла разобрать, но, возможно, это было к лучшему. Каждый новый отрывок запугивал еще больше.

В конце концов, я не выдержала и показала дневник Коулу, но страницы для него были зашифрованы... все страницы. Это означало, что я каким-то образом понимала слова.

Коул понятия не имел, как я это сделала и кто мог быть автором, но попросил меня передать все это его отцу для дальнейшего изучения, на что я отказалась. Не хотела расставаться с ним.

Коул спорил со мной, но, в конце концов, согласился. Да, он сфотографировал страницы, но смирился.

Мне никогда не было скучно, это точно, несмотря на то, что зомби перестали появляться. С той ночи, когда они охотились на меня, их больше не было, и Коул решил, что это потому, что они наконец-то решили отдохнуть.

Я предположила, что команда Костюмов может быть как-то связана с этим, но он сказал, что его отец и мистер Анкх следили за ними, и с их стороны тоже не было никаких движений.

Мои бабушка и дедушка были недовольны мной. Я постоянно засыпала на уроках, и мои оценки ухудшились. Меня дважды отправляли в кабинет директора, читали нотации, наказывали и снова водили к психотерапевту.

В первый раз, когда меня отправили в кабинет директора... доктор Райт отпустила меня без всякого наказания, спасибо... Рен и Поппи перестали со мной общаться, как будто я стала радиоактивным мусором.

— Мы не хотим связываться с неприятностями, — сказала Поппи. — Не сейчас, когда каждые наши действия могут быть опубликованы в Твиттере. Ни один колледж не захочет нас взять.

— Мы предупреждали тебя, что это случится, — сказала Рен.

Да, в тот же день она улыбнулась мне в столовой, молча намекнув, чтобы я добивалась Коула. И теперь я понимаю, зачем — она хотела встречаться с Джастином Сильверстоуном. Я видела их в коридорах, держащимися за руки. Очевидно, они были новой "той самой" парой в школе Ашера.

Кэт встала на мою сторону, и за это я полюбила ее гораздо сильнее. Теперь я не собиралась отпускать ее. Никогда. И мне все равно, что скажет Коул.

— В нашу первую встречу я сказала тебе, что ты будешь на верхней строчке в моей «пятерке», — сказала она. — И ни капли не солгала и не преувеличила.

— А ведь правда, — ответила я, смеясь.

— К тому же, как я могу отпустить тебя, когда так близка к завершению дерева слухов?

Ах, да. Дерево слухов. Честно говоря, я уже забыла о нем. Я пыталась загладить вину перед Маккензи за то, что обвинила ее, но самое большее, чего от нее добилась — это злобный взгляд.

Однажды, во время обеда мое терпение лопнуло.

— В чем твоя проблема? — потребовала я, сидя за нашим столом. И, да, я теперь сидела с командой Коула. — Я же извинилась.

Кэт, которую я притащила с собой, наклонилась к Маккензи и сказала:

— Да. В чем твоя проблема?

Сверкающие изумрудные глаза переместились с меня на Коула, который сидел по другую сторону от меня.

— Отмени запрет и позволь мне разобраться с этим.

— Нет. Запрет остается в силе, — сказал Коул, покачав головой.

Запрет, который запрещает причинять вред Али?

— Ну же, — ответила я, — отмени его.

Маккензи вскочила на ноги, наклонилась и хлопнула рукой по столу, отчего все зазвенело.

— Во-первых, мне не нужны твои извинения, кексик. Во-вторых, — сказала она, глядя на Коула, — ты не сможешь запрещать нам вечно.

— Вообще-то, тебе нужны мои извинения, Динь-Динь, — сказала я.

Она проигнорировала меня.

— Если не хочешь, чтобы я кричала на твою лапочку, как насчет того, чтобы я пересказала ей твои слова? — Наконец ее внимание снова переключилось на меня. — Каждый раз, когда я спрашиваю его, встречается ли он с тобой, он отвечает, что нет. Но потом он оказывается рядом с тобой, а там, ты уже знаешь, какой он с тобой.

Да. Он ведет себя дружелюбно. Но на этом все, ничего больше.

— И что ты думаешь по этому поводу?

— Я думаю, он использует тебя. Либо так, либо он лжет мне и самому себе. Вот только мне интересно, что он говорит тебе. — Она вышла из столовой, расталкивая учеников со своего пути.

В спину ей последовали многочисленные оклики "эй".

Сидя на месте, я осознала один ужасный факт. Маккензи и Коул говорили обо мне, и довольно много, учитывая, что она сказала "каждый раз".

О чем еще они говорили?

Просила ли она снова начать отношения? Очевидно, она все еще его любила. Но что он чувствовал к ней?

Делали ли они что-нибудь вместе после моего появления, я не знала и не должна была беспокоиться, но... я беспокоилась.

— Тебе стоит последовать за ней, — сказала Кэт Трине, и я поняла, что она сделала это, чтобы отвлечь внимание от меня. Каждый раз, когда я думала, что не смогу полюбить ее больше, она удивляла меня, завоевывая еще один кусочек моего сердца.

Трина ела сэндвич и даже не взглянула на Кэт.

— Тебе обязательно лезть в каждую ссору? — спросил Лёд Кэт. Он сидел рядом с Маккензи, а теперь рядом с Триной... и пытался отодвинуться от нее, как будто ему была невыносима мысль о том, что Кэт увидит его рядом со своей предполагаемой спутницей. — Али сама справится.

— Ты слышишь это надоедливое жужжание? — спросила она меня, не обращая на него внимания.

Он устало покачал головой.

— Ты такой ребенок, кошечка Кэт.

— Бжжж, бжжж.

— Не понимаю, что я в тебе нашел, — сказал он.

Она ахнула и бросила апельсин ему в голову. Он легко увернулся.

— Ты видел все мои замечательные качества, придурок!

Лёд громко рассмеялся.

— Уверена, что они у тебя есть?

— У меня их много, и ты это знаешь!

Официально они не встречались, но каждый, кто видел их вместе, понимал, что они принадлежат друг другу. Она заставляла его смеяться, как мы уже видели, выводила его из депрессии из-за Брента, а он отвлекал ее от беспокойных мыслей. В последнее время она слишком часто была бледной и молчаливой, но когда я спрашивала, она отмахивалась от меня и меняла тему.

Я не знала, что с ней делать. Да что там, я в принципе не знала, что мне делать.

Позже в тот же день я снова оказалась на боксерском ринге с Коулом, мы оба были в форме души, наши тела лежали на койках, но я была слишком рассеянной, чтобы чему-то научиться. Я думала о Кэт и вспоминала некоторые из наших разговоров, пытаюсь понять, что с ней может быть не так.

Уход Рен и Поппи не тревожил ее.

— Честно? Я ожидала этого, — сказала она. — Просто надеялась, что они с первого раза поняли, насколько ужасна их жизнь без меня.

Она пропустила еще несколько дней в школе, но когда я спросила почему, она ответила:

— Моя мама подумала, что было бы здорово провести время вместе, — и снова отмахнулась.

— Али!

Резкий голос Коула вернул меня из моих мыслей. Как раз вовремя, чтобы увидеть... но не успеть среагировать... как он завел ногу назад, сбивая меня, и снова опрокидывая на пол.

"Тебе нужно сосредоточиться," — говорило его выражение лица. Нам нельзя было разговаривать в таком состоянии.

"Виновата," — ответила я.

Он не помог мне встать. Он никогда этого не делал. Я сама поднялась.

Каждая секунда, проведенная здесь, должна была сделать меня сильнее. И знаете что? За это он нравился мне гораздо больше. Мне нужно стать сильнее. Зомби...

— Али. — Коул снова ударил ногой, и я упала во второй раз, оказавшись на спине, выпуская воздух из легких. Он развел руками, и я поняла, что он спрашивает: "Что я тебе только что сказал?"

"Извини", — пробормотала я, вставая.

Он молча ткнул пальцем в мою сторону: "Начинай первая".

Я кивнула, давая ему понять, что поняла. Зная, насколько он быстр, я не стала долго раздумывать, как лучше его атаковать. Просто напала. Но даже тогда у него оказалось преимущество. Я наносила удары, он блокировал. Я била ногами, он уклонялся. В те несколько раз, когда Коул ловил мой кулак, он должен был оттолкнуть меня, вывернуть мне руку за спину, да что угодно. Но он этого не сделал. Просто отпустил меня и позволил мне снова напасть на него.

Это меня раздражало. Впервые с тех пор, как мы начали тренироваться вместе, он не делал мне больно. А поддавался.

Больше ударов, больше блокировок. Больше ударов ногами, больше уклонений.

— Ух ты. Вытащи свой тампон, Холланд, и опрокинь ее, как мужчина, — позвал Лёд.

Я слегка сморщилась от громкости его голоса. Я привыкала к увеличению своих чувств, даже к интенсивности запахов.

Лукас и Коллинз... оставившие свои тела дома, потому что арестные браслеты не работали в форме души... стояли рядом с ним и усмехались.

Коул посмотрел на Льда.

Но ему следовало быть внимательнее. Я уже отвела локоть назад, не останавливаясь и не думая. И вот, наконец, нанесла удар. На ринге его душа отшатнулась.

На койке, где лежало его тело, голова Коула повернулась в сторону, а из носа хлынула кровь.

Ладно, я не удержалась. Просто рассмеялась. Я смеялась так сильно, что чуть не описалась, наклонившись и держась за живот. И мне было хорошо. Так прекрасно. Не

думаю, что я когда-либо так смеялась.

Коул пролетел через комнату и скользнул в свое тело. Он сел на кровати, кровь все еще сочилась из его носа, и проворчал:

— Это было не так уж смешно. — Но я слышала в его голосе веселье.

Я сделала то же самое, и при первом же прикосновении моей души с телом, стала единым существом, воздух стал теплым, звуки и запахи вернулись к норме.

— Как раз таки наоборот, — сказала я. — Было очень смешно. — И я снова рассмеялась. Наконец, успокоившись, спросила: — У тебя сломан нос?

— Нет. Для того, чтобы причинить мне большой вред, нужна кувалда. Мне жаль, кексик, но ты не кувалда. — Он повернул нос в разные стороны, затем вытер кровь тыльной стороной запястья.

— Буду рада изменить твое мнение, — мило сказала я.

— Пожалуйста. Я ведь не дурак. Достаточно уже рукопашной. Мое лицо может не выжить. Пришло время для мечей. Посмотрим, стала ли ты лучше.

Я подошла к стене с оружием в дальнем конце сарая, пока Коул ставил манекен в центр ринга. И нет, я говорю не о нем или одном из его друзей (ха-ха), а о боевой кукле в полный рост.

Чаще всего я тренировалась не с манекеном, а с кем-то из ребят, но вчера я чуть не отрубила голову Крузу. И не потому, что мои навыки были потрясающими, а потому, что споткнулась, а потом споткнулся он. Так что сегодня мы решили проработать основы, которые я уже проходила тысячу раз.

Я выбрала короткий меч с более легкой рукояткой.

— Если бы ты отжималась, как я тебе говорила... — Трина вышла из ванной, одетая в свою обычную черную майку и спортивных штанах, с белым полотенцем, накинутым на шею — ... тебе бы не пришлось брать меч для хлюпиков.

После той ночи в лесу она по-настоящему приняла меня в команду. Когда я была с Кэт, она подходила ко мне и болтала обо всем на свете, что сводило Кэт с ума. К счастью, она никогда не просила меня бросить Трину. Хотя... может быть, именно это ее и беспокоило? То, что я не сделала этого сама?

Металл просвистел в воздухе, когда я со свирепостью размахивала своим выбором.

— Легкий меч убивает не хуже тяжелого.

Она провела рукой по своим коротким волосам и усмехнулась.

— Может быть. Но ты не будешь круто выглядеть, совершая им убийство.

— Возвращайся на ринг, Али, — позвал Коул.

— Сэр, да, сэр, — сказала я, и несколько ребят рассмеялись.

Я заняла свою позицию. Прежде чем успела сделать первый замах, я увидела Маккензи, выходящую из ванной. Она была одета в камуфляж и вооружена для битвы. Сегодня ночью она выслеживала гнезда. Маккензи сухо кивнула мне... в ее глазах не было ненависти.

Что ж, ладно. Это что-то новенькое.

— Я поговорил с ней, — сказал Коул, удивив меня.

Знаю. Я ударила манекен сильнее, чем планировала.

— И что же ты сказал ей на этот раз? — Последние два слова были резкими, признаю это.

— Что бы с тобой ни случилось, она не пострадает. Я также напомнил ей о том, что ты спасла ей жизнь.

"Что бы с тобой ни случилось..." Меч выскользнул из моих рук в тот момент, когда я ударила им о манекен. Я повернулась, намереваясь посмотреть в лицо Коулу, и мне это удалось, но я также поцарапала ему шею, когда руками пыталась удержать равновесие.

— Прости!

Он вытер пятно крови.

— Хорошо, так и быть. Признаю, ты можешь быть настоящей занозой в... шее.

— Эй!

— Что? Я подчистил свою фразу. — Он поднял меч и встал за моей спиной, показывая, как правильно нужно держать меч, прежде чем переложить его в другую руку. Когда наши руки соприкоснулись, по позвоночнику пробежала дрожь.

— Трина сражается с топором, — сказала я, чтобы скрыть свою реакцию. Что он имел в виду, говоря "что бы с тобой ни случилось"? В одну минуту он был горяч, в другую — холоден, и это сбивало с толку. — Может, мне тоже стоит научиться сражаться с ним?

— Трина сильнее тебя. У нее достаточно силы, чтобы расколоть кость, независимо от того, какое держит оружие. — Теплое дыхание ласкало мой затылок. — Сейчас у тебя больше получается с мечом.

У меня по всему телу побежали мурашки.

— Как скажешь.

Медленными и легкими движениями, Коул направил мою руку с кинжалом к туловищу манекена.

— Зомби могут не чувствовать боли, но они чувствуют силу. Ударь одного здесь... — мы вонзили меч в бок, — ... и тело прогнется в этом направлении, оставляя другую сторону открытой.

Он направил мою руку с мечом вверх и сделал вид, что обезглавливает манекен. Это заставило мои руки скреститься.

— Как ты уже знаешь, в реальном бою зомби часто находятся слева и справа от тебя, — продолжил он. — Используй силу в своих же интересах и не стой на месте. — Он развернул нас обоих, развел мои руки в изящной дуге, растягивая их все шире и шире, пока мое тело не образовало крест.

Если бы зомби действительно напали на нас, я бы зарезала одного и обезглавила другого. Вот так. Коул отошел от меня и заставил меня повторять движения снова и снова, пока я не смогла сделать это с закрытыми глазами.

— Какие правила боя? — спросил он меня, пока я работала.

По большей части, его правила совпадали с правилами моего отца. Когда между ними возникали разногласия, я всегда вставала на сторону Коула. У него было больше опыта.

— Никогда не стоять на месте.

— И?

— Если мой меч застрянет в теле зомби, то нужно отпустить его. Не пытаться выдернуть. Это сделает меня незащищенной и будет стоить драгоценных секунд, которые я не могу себе позволить.

— И?

— Если я потеряю все свое оружие, прежде чем убью большое количество зомби, мне не следует пытаться поджарить их, потому что меня не хватит надолго и от этого не будет никакой пользы. Я должна убежать и спрятаться.

— Не должна. А так и сделаешь.

Наконец манекен убрали, и я смогла свободно размахивать мечом. Металл угрожающе свистел. Я училась быстро крутить запястьем, а значит и мечом, чтобы никто не смог отследить мои движения... и заблокировать его.

Когда Коул был удовлетворен этим, а у меня болели от перенапряжения ранее переутомленные мышцы, мы перешли на стрельбище. Он выбрал пистолет 22-го калибра и несколько обойм. Я уже научилась разбирать его, собирать обратно и заряжать магазин. В темноте.

Очевидно, что такое оружие не приносит большого вреда зомби и уж точно не остановит его, но оно идеально подходит для новичков из-за слабой отдачи.

Вставив затычки в уши, я прицелилась в бумажную мишень и нажала на спусковой крючок, пока не закончились патроны. Я поставила пистолет на предохранитель и положила его на стойку перед собой, затем вынула затычки.

— Уже лучше, — сказал Коул. — На этот раз ты ранила его в руку и бедро, а не воздух вокруг него.

Я нахмурилась.

— Я делаю все, что в моих силах.

Прежде чем он успел ответить, мой телефон завибрировал в кармане.

— Подожди, — сказала я и взяла его. Я посмотрела на экран. Бабушка. Она научилась писать смс, хоть и отказывалась что-либо сокращать.

"Я жду тебя дома к ужину".

Я быстро ответила:

"Хорошо".

"СЕЙЧАС".

Я вздохнула.

— Мне пора домой. — Наверняка кто-то из учителей позвонил ей и пожаловался на мое поведение.

— Хорошо. Дай мне минуту. — Коул притянул меня к себе и положил подбородок на мою голову. Мне очень нравилось, какой он высокий. По сравнению с ним я чувствовала себя маленькой. — Ты уже достаточно хорошо меня знаешь? Доверяешь мне?

— Я... Я... — Я была застигнута врасплох, несмотря на намек, который он сделал или не сделал некоторое время назад. "Что бы с тобой ни случилось..." — Я просто немного запуталась, — призналась я. — Почему ты спрашиваешь?

— Мы решили, что узнаем друг друга получше, прежде чем начнем серьезные отношения.

У меня отвисла челюсть.

— Так вот чем мы занимались в последнее время?

Он отодвинулся, его глаза были устремлены на единственную цель. Меня.

— Хочешь сказать, что нет?

— Эм, нуу, хм. — Он все еще хотел встречаться со мной? И всегда хотел со мной встречаться? — А как насчет того, что ты сказал Маккензи? Не сегодня, а раньше.

— Не думаю, что наши отношения должны касаться ее. И я понимаю, что не хочу сдерживаться с тобой, — сказал он мрачно. Он провел рукой по моей спине. — Так что позволь тебе помочь. Мой любимый цвет... черт, я не знаю. Никогда не задумывался об этом. Мой любимый фильм... как его... "Добро пожаловать в Зомбилэнд". Но не потому, что хорошие парни в конце побеждают, хотя это тоже плюс, а потому что Эмма Стоун горячая

штучка.

Я фыркнула. Он был типичным парнем.

— Моя любимая группа...

— Дай угадаю, — вмешалась я. — White Zombie? Slayer?

— Red. И не потому, что хочу, чтобы у зомби текла кровь. А что насчет тебя? Кто тебе нравится? Потому что, честно говоря, я удивлен, что ты знаешь White Z и Slayer.

— Мне тоже нравится Red, но я равнодушна к Skillet. Раньше слушала их с сестрой. Но почему ты удивлен, что я знаю другие группы?

— Ты выглядишь как ангел.

— И ты считаешь, что ангелы сексуальные? — чопорно спросила я, стараясь выглядеть невозмутимой, чтобы не выдать, какой беспорядок творится у меня внутри. Все это время он хотел узнать меня получше и встречаться со мной. Какое безумие!

— Очень сексуальные.

Я рассмеялась, еще один настоящий смех, от которого содрогнулось все мое тело. В эти дни веселье давалось мне все легче и легче. Что было странно. Я должна быть серьезней, чем когда-либо. Так много всего происходило, так много можно было потерять... так много можно было бояться.

— В таком случае, — сказала я, — да, я начинаю доверять тебе. Но... было ли что-нибудь у тебя с Маккензи после того, как вы расстались? — Я должна была знать.

— Нет. Мы просто друзья, и я думаю, она начинает это понимать.

— Мы тоже друзья, — напомнила я ему.

Его хватка на мне усилилась.

— Я не хочу быть твоим другом, Али. Я хочу быть кем-то больше. — Его пальцы пробрались под мою футболку, так что мы оказались кожа к коже. — Оставь свое окно незапертым сегодня вечером. Я приду, чтобы доказать это.

У меня перехватило дыхание.

— Доказать, то есть ты будешь тренировать меня? — прохрипела я. Знала, что он хочет сделать, признаю это, но я нервничала и совершенно не знала, как реагировать.

Он поцеловал меня в висок.

— Именно. Только не тому, чему я учил тебя на ринге.

* * *

Как такой многообещающий день мог закончиться так отвратительно, этого мне никогда не узнать.

Отец Коула позвал его к себе, и Трина предложила отвезти меня домой. На небе не было ни одного кроличьего облачка, что было небольшой милостью, но мои бабушка и дедушка ждали меня на крыльце, качаясь на качелях, чего никогда раньше не было. Я вышла из машины и прогнала Трину, прежде чем они успели подойти и задать ей кучу вопросов.

Как только они заметили меня, то встали и направились в дом. Я последовала за ними, оставив заходящее солнце... и хаос, который пришел с ним... позади.

— Все в порядке? — спросила я, с тоской глядя на лестницу, ведущую в мою спальню.

— Давайте просто сядем и насладимся ужином, хорошо? — сказала бабушка. — Поговорим после.

Я пожевала нижнюю губу. Знала, что лучше не протестовать.

— Хорошо.

На ужин был мясной рулет с картофельным пюре и столько сладкого чая, сколько я могла в себя вместить. Тренировки вызывали сильный аппетит, и, несмотря на напряжение в воздухе, я всасывала еду, как будто пылесосом, поставленным на высокую мощность.

— Все было вкусно, спасибо.

И едва я произнесла эти слова, произошел взрыв.

— Ты принимаешь наркотики? — потребовала бабушка, забыв о своей недоеденной еде. От шока я опустилась в кресло.

— Нет! Конечно, нет.

Дедушкино лицо приняло свое самое суровое выражение.

— Мы хотим верить тебе, хотим, но я проверял, и ты демонстрируешь все классические признаки.

— Какие признаки? — спросила я, догадываясь.

— Звонил твой учитель. — Бабушка оперлась локтями на стол. Обычно она всегда придерживалась манер, но их отсутствие, навело меня на то, что она была возмущена. — У тебя двойка по ее предмету. Ты спала на ее уроке. Она также сказала нам, что ты связалась с плохой компанией.

Ага! Это было связано с Коулом.

— Ты говорила с директором, доктором Райт? — Во время одного из моих визитов в ее кабинет она сказала мне, что сделает все возможное, чтобы оградить меня от неприятностей.

— Да, — призналась бабушка.

— И что она сказала?

— Что мы не должны волноваться, что ты хороший ребенок, как и ребята, с которыми ты общаешься.

— Ну вот.

— Но мы ей не верим! — сказала бабушка, ударяя кулаком по столу. — Все улики говорят об обратном.

— Могу сдать анализы. Я докажу, что не принимаю никаких наркотиков. — Мысленная пометка: спросить у Коула, нет ли каких наркотиков в противоядии от зомби.

Это их несколько успокоило, и они еще минуту-другую поворчали по поводу моих оценок.

— Кто-то издевается над тобой в школе? — мягко спросила бабушка. — В этом проблема?

— Нет. Меня просто легко отвлечь, вот и все. Но я борюсь с этим.

— Давай попробуем еще раз. — Дедушка указал на мою обесцвеченную челюсть, наклонив подбородок. — Мы заметили синяки, Али.

Дерьмо. Я делала все возможное, чтобы скрывать их с помощью одежды, макияжа и аксессуаров.

— Ладно, если хотите правду, слушайте. Я занимаюсь боксом, — призналась я. Лучше дать им немного правды, чем полную пачку лжи. — Я знала, что вы будете волноваться, хотя для волнения нет причин, поэтому решила не говорить вам.

— Бокс? — Бабушка быстро моргнула, явно пытаясь понять. — Зачем?

— Для самообороны. Я хочу уметь защищать себя от хулиганов.

Они переглянулись, а потом дедушка сказал:

— Кто тебя тренирует и почему мы впервые об этом слышим?

— Трина, девушка, которая меня подвезла. — Я боксировала с ней несколько раз. — Иногда с Коулом, — добавила я тихо.

Глаза бабушки расширились, и ее рука метнулась к горлу.

— О, Боже. Мне неприятно это признавать, но я думала, что человек, который тебя подвез, был парнем. Я собиралась потребовать, чтобы ты перестала с ним встречаться. С ней. И до сих пор требую, — добавила она с кивком. — Очевидно, что эта история с боксом вредит твоей учебе, и как бы я ни уважала Коула, он тоже в пролете.

— Не говори так. Это больше не будет мешать учебе, обещаю, и он не плохой.

— Нет. С этого момента мы хотим, чтобы после школы ты была дома.

Меня охватила паника.

— Нет. — Я покачала головой, чтобы подчеркнуть. Я любила их, но не могла позволить им отнять у меня это. Тренировки были так же важны для моего выживания, как и для моей конечной цели. Полное уничтожение зомби.

— Да. — Дедушка посмотрел на меня такими полными решимости глазами, что я поняла: он уже сталкивался с подобным сопротивлением, возможно, из-за мамы. — Мы итак ни в чем не ограничивали тебя, чтобы помочь тебе адаптироваться. Теперь мы попробуем другой способ. Этот способ.

На мгновение я услышала только звон в ушах, затем к нему присоединился резкий шум моего дыхания, создавая симфонию диссонанса. Коул предупреждал меня, что однажды мне придется съехать. Мы оба думали, что причиной будет безопасность моих бабушки и дедушки, а не их собственное упрямство.

Мне было всего шестнадцать лет. По закону я не могла съехать. А я хотела? Если да, то как мне обеспечивать себя? Несколько ночей назад я слышала, как бабушка и дедушка говорили о деньгах. Они сказали, что папа открыл счета на себя, и на мою маму, и они обсуждали, сколько дать мне сейчас, сколько положить в фонд колледжа для меня и сколько оставить себе, чтобы оплачивать мою еду и одежду. Если бы был способ получить доступ к своей части сейчас, я бы продержалась некоторое время.

— Ты все еще можешь завтра пойти с Кэт за покупками, — сказала бабушка. — Мы не хотим мешать тебе жить, мы просто создаем небольшие границы.

Ах, да. Мы с Кэт планировали провести весь день вдвоем. Я все еще была рада этому, но теперь это волнение было приправлено отчаянием. Мне нужно поговорить с Коулом, чтобы понять, что делать в связи с новыми обстоятельствами.

Бабуля подошла и похлопала меня по руке.

— Мы не хотим, чтобы ты чувствовала себя здесь взаперти, но ты должна что-то изменить, дорогая. Если бы твоя мама была здесь, она бы просто обалдела от твоих оценок.

— Она бы перевернулась в гробу, — пробормотала я, стараясь не рассердить и не ранить их чувства. Они хотели как лучше, я знала это, но это было слишком важно для меня. Я отодвинула стул и встала. — Послушайте. Я продолжу свои занятия боксом, а вы примите это. — В моих словах была сила, даже в этом мире. Я не могла нарушить их волю, но могла попытаться изменить ее. — Это хорошо для меня. Впервые в жизни я живу.

— Али...

— Нет. Ничего не говорите. — Я не хотела, чтобы их ответ перечеркнул весь мой мир. — Я иду в свою комнату. Просто... подумайте об этом, хорошо? Мне это нужно больше, чем вы думаете.

Я не стала дожидаться ответа. Побежала вверх по лестнице и закрылась в своей спальне.

Чтобы отвлечься, я открыла дневник, чтобы проверить, не открылись ли новые отрывки. К моему удивлению, был один.

"Если ты читаешь это, то ты очень похож на меня. Одинокий, другой. И, если ты готов пожертвовать собой, ты можешь изменить ситуацию в войне добра и зла. Просто задай себе один вопрос. Как лучше потратить свое время? Если твой ответ — научиться побеждать врага, способного уничтожить все, что тебе дорого, ты на правильном пути. Если твой ответ — жить дальше и ждать конца... то этот конец наступит быстрее, чем ты думаешь".

Кем бы ни был автор, он всегда говорил мне нужное в конкретный момент.

"Теперь задай себе второй вопрос. Готов ли ты отдать свою жизнь ради спасения других? Если ответ "да", то ты готов к третьему вопросу. Осознаешь ли ты, что смерть — это единственный способ по-настоящему жить?"

Дальше все было зашифровано.

Я думала об этих словах несколько часов. Впервые я сказала бабушке и дедушке, что живу. Было ли это потому, что часть меня погибла в той катастрофе вместе с моей семьей, только для того, чтобы возродиться в этом новом мире? Или смысл дневника был более буквальным?

Автор однажды упомянул свою больную душу... ну, больную для зомби... и тот факт, что он должен был умереть, чтобы другие смогли жить. Неужели он позволил монстрам съесть себя?

Я подумала о том, что зомби всегда отпускали меня после того, как кусали. Во время последней схватки предположила, что они боятся того, что я сделаю с ними, что буду мстить. Теперь мне стало интересно, не вкусили ли они ту же болезнь в моей душе. Интересно, они также реагировали на других охотников.

Когда наступила полночь, я так и не нашла ответы... и на первый план вышел новый вопрос. Где был Коул? Он сказал, что придет.

Как по команде, мой телефон подал сигнал.

Я прочитала: "Не могу приехать, извини. Б и Л нашли гнездо. Раненые. Ловушки отключены, охрана выставлена, так что оставайся внутри. С тобой все будет в порядке. Увидимся завтра".

Мое сердце бешено стучало. Я так сильно хотела подробностей, что чувствовала их привкус, но знала, что лучше не отвечать. Отвлечение внимания может привести к его гибели. Бронкса и Ляда нужно было подлатать, и я уверена, что остальные члены банды вернутся в гнездо, чтобы убить всех, кого оставили парни. Но меня раздражало, что я не с ними.

В ту ночь я долго не могла заснуть, в голове шумело от избытка энергии. Думаю, мне не суждено стать красоткой. В восемь я приняла душ и оделась в футболку, шорты и шлепанцы, скрыв свои раненые запястья разноцветными браслетами. Решила не спускаться на завтрак, хоть и была голодна. Я понятия не имела, что сказать бабушке и дедушке и как вести себя в этой ситуации.

Наконец-то я позволила себе написать Коулу. Спросила, как дела у Ляда и Бронкса. Через пять минут ответ так и не пришел. Наверное, он спал. Выходные были единственным временем, когда мы могли отдохнуть. Ну, некоторые из нас.

Кэт припарковалась у обочины в десять, как и планировали, а я схватила сумочку... мой секретный набор для выживания, в котором были фонарик, маленький ломик (для битья), пилочка для ногтей (для нанесения ударов), противоядие и мобильный телефон... и на

полной скорости выскочила из дома. Мне не нужно было волноваться о бабушке и дедушке. Они на заднем дворе занимались садоводством.

Я села на пассажирское сиденье "Мустанга" Кэт, и по моей коже пробежали мурашки. Каждый день был холоднее предыдущего. Я вдыхала ее знакомый запах... нежный, цветочный парфюм... и увидела ее как всегда лукавую улыбку.

— Ладно, ничего себе, — сказала она. — Так и знала, что ты по мне соскучилась. Твой спринт от крыльца до машины должны занести в книгу рекордов.

Сегодня на ее щеках появился румянец, а из-под глаз исчезли тени.

— Что ж, тогда я заслуживаю награды.

— Мне нравится ход твоих мыслей. Давай выпьем кофе, прежде чем отправимся в торговый центр. Я угощаю.

Пока она ехала до ближайшего "Старбакса", я проверяла небо на наличие облака судьбы. Хорошая новость: кролика не было. Плохая: небо было серым, покрытым большими тучами, как будто назревала гроза. Если солнце за тучами, оно не могло помешать появлению чувствительных зомби. Верно?

Я сделала еще одну мысленную пометку: спросить об этом Коула. Пока не узнаю, нужно быть начеку. На всякий случай.

— Есть новости от Коула? — спросила она.

— По поводу чего? О чем? Ты что-то слышала?

Она замурлыкала от удовольствия.

— Успокойся. Ничего я не слышала. Думаю, можно с уверенностью сказать, что он весь твой. Клянусь, он практически пожирает тебя глазами каждый день в школе. Я пыталась намекнуть, чтобы ты рассказала о Льеде. Он не звонил и не писал со вчерашнего вечера, а это так на него не похоже. По сути, он мой преследователь.

Фух.

— Коул упоминал, что он плохо себя чувствует. Но ему уже лучше, так что, думаю, ты сможешь у него все спросить позже. — Я знала, что он в порядке, потому что в противном случае, Коул бы уже позвонил мне.

— Возможно. По крайней мере, он дважды в день пытается подцепить меня.

— Подцепить, в смысле... — Я не могла заставить себя произнести это слово.

— Секс? — прямо заявила она.

— Ну... да.

Мы доехали до кофейни, но впереди нас стояли три машины.

— Тогда да. Он был моим первым, — добавила она. — Моим единственным. А как насчет тебя?

— Ох, нет. Я никогда...

Ее красивые карие глаза расширились.

— Никогда?

— Никогда.

— Счастливая. Лучше бы я этого не делала. Не потому что это плохо, а потому что это все изменило. Это стало всем, что Лёд хотел делать со мной. Но хватит обо мне. Ты же думала о том, чтобы заняться с Коулом грязными отношениями, не так ли? — спросила она, ободряюще кивнув, чтобы я ответила.

— Нет. Да. Может быть. Ох, я не знаю. — Взволнованная, я крутила ремень безопасности. — Я даже не уверена, что мы официально встречаемся, хотя он сказал, что

хочет, чтобы я узнала его поближе, а когда я сказала, что еще не знаю, он вывалил подробности о себе, как будто это пули, а я — мишень.

— Девочка, он хочет обмакнуть тебя в "Глазированные хлопья" и съесть на завтрак. Кстати, это его любимые хлопья.

У меня... не было слов.

— Если уж на то пошло, могу сказать, что это огромный шаг, и теперь, когда Лёд — мой бывший, мне придется жить с тем, что тот, кого я презираю или нет, видел меня голой.

Единственный луч солнечного света проник в машину, осветив ее глаза, придав им яркий оттенок зеленого, заглушая коричневый. Солнце! Мило! Одним беспокойством стало меньше. Но, конечно, через секунду этот луч исчез, как будто его и не было. Тьфу!

Мы проехали еще на несколько дюймов, когда она сказала:

— Я знаю, что ты целовалась с Коулом. Вообще-то, все в клубе знают, что ты целовалась с Коулом, и я удивлена, как до сих пор ты еще дышишь, а не погибла от гипервентиляции легких. Он настолько хорош?

Мечтательно вздохнув... я смогла произнести всего лишь три слова.

— Он был потрясающим.

Ее смех был похож на звон сказочных колокольчиков, веселый и чистый.

— Подруга, ты в беде.

— Ага.

Она барабанила пальцами по рулю.

— Что ж, вот тебе мой совет. Если ты решишься на это, настаивай на презервативе и принимай таблетки. И знаю, знаю. Я говорю так, будто преподаю урок секса. Но ты же не хочешь, чтобы и Малыш Коула рос в духовке? Так что подумай об этом. Кто знает, где была Маккензи? Нас там не будет!

Для того, чтобы принимать таблетки, мне нужно было сначала поговорить с бабушкой, но даже мысль о том, чтобы обсуждать это с ней наполняла меня ужасом.

— Жаль, что ты не видишь своего лица, — сказала Кэт, покачивая головой. — Ладно, поскольку занятия с профессором Бешеный Питбуль все еще продолжаются, я расскажу тебе то, что сказал мне мой отец, и, надеюсь, помешаю тебе выброститься из машины. Поговори с ним, прежде чем что-то делать. Я серьезно, Кэт. Я имею в виду, Али. И не начинай разговор прямо перед поцелуем или в середине поцелуя. Посади его... пока ничего еще не произошло. Если у парня в голове только секс, он скажет все, что угодно, чтобы получить его. Кэтрин, то есть Али, ты меня слушаешь? Ты должна выяснить, что чувствуешь к нему, но умоляю тебя, пожалуйста, скажи, что ты еще не готова.

— Хорошо, — сказала я, снова приходя в ужас. Сначала мне нужно было поговорить с бабушкой, а потом с Коулом? Лучше я буду сражаться с зомби! — Значит, твой отец сказал тебе все это? — Смелый человек.

— Я хотела сказать мама, конечно же. — Она снова рассмеялась, на этот раз нервно. — В любом случае, идеальное место для того, чтобы поговорить с Коулом — это свидание. Ты должна узнать, вы встречаетесь или нет? Что он к тебе чувствует? Будет ли он встречаться с другими? Затем, конечно, ты переходишь к более важному вопросу. Будет ли он обнимать тебя после этого? Поверь, это очень важно. Однажды Лёд оставил меня одну через две секунды после того, как мы закончили, просто одел одежду и вылез через окно, и я подумала: "Ты что, издеваешься надо мной?" Но, конечно, он не мог мне ответить, потому что его там не было!

Прежде чем я успела ответить, мы подъехали к окну и сделали свои заказы. Что я могла ответить на подобное?

Она заказала мокко со льдом, а я — горячий латте со сливками и корицей.

— И вот еще что, — сказала она, проезжая к другому окну, чтобы расплатиться.

Я с трудом подавила стон.

— Тебе будет некомфортно говорить об этом с Коулом. Но подумай об этом с другой стороны. Если ты не поговоришь с ним, то тебе не придется раздеваться перед ним. Все просто.

Но буду ли я когда-нибудь чувствовать себя комфортно?

— С вас девять семьдесят пять, — сказал бариста.

Заплатив, мы получили свои напитки. Я уже целую вечность не наслаждалась таким кофе. С тех пор, как однажды утром моя мама решила, что не может жить без кофеиновой добавки. Она заставила меня заказать кофе без кофеина, сказав, что я еще слишком мала, чтобы пить настоящий. Тогда я жаловалась, но сейчас воспоминания заставили меня улыбнуться. Она просто заботилась обо мне.

— Это намного лучше, чем просто лёд, — сказала Кэт, довольная собственной шуткой.

Я думаю, моей маме понравилась бы Кэт. Она бы ее повеселила.

Мы провели несколько часов в торговом центре, просто гуляя, разговаривая ни о чем, примеряя одежду и даже купив несколько вещей. В то время как ее тянуло к нарядным вещам, меня наоборот, к мешковатым. Знаю, не очень сексуально, но сейчас я больше переживала о том, чтобы весь мир не узнал о моих навыках владения мечом, чем о своей красоте.

Выходя, мы столкнулись с Поппи и Рен, которые как раз входили в здание. Рен подняла голову и перекинула волосы через плечо, делая вид, что не замечает нас. Поппи слегка помахала нам рукой.

Рен шлепнула ее по руке.

— Не здоровайся с ними. Иначе они утянут тебя за собой.

Внутри меня вспыхнул гнев.

— И что я в них нашла? — пробормотала Кэт.

Она вела себя так, будто их уход ничего для нее не значил, но я чувствовала, что это не так. На мгновение грусть промелькнула в ее глазах, но затем она тоже перекинула волосы через плечо и пошла дальше.

Пока мы ехали к моему дому, я сказала:

— Я знаю, ты скучаешь по ним, и, если хочешь снова подружиться с ними, пожалуйста, не останавливайся из-за меня. Мы с тобой можем продолжать видеться, просто не будем говорить...

— Не заставляй меня бить тебя. — Она слишком резко свернула за угол. — Они уже делали это, потом мы со Льдом расстались, и вдруг они снова стали звонить мне. При этом Джастин раньше тусовался с Коулом, а теперь Рен встречается с ним. Они лицемерят и осуждают, а я, как ты уже догадалась, вся в любви.

— Это правда.

Она усмехнулась.

— Кроме того, жизнь слишком коротка, чтобы притворяться и играть в такие игры. Я хочу проводить свое время с людьми, с которыми мне хорошо. Людьми, которые делают меня счастливой.

Глубокие слова, которые я узнала только после смерти моей семьи.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Потому что я только что сделала тебя самой счастливой девушкой в мире.

Когда мы подъезжали к дому, разразилась гроза. Дождь лил с неба, ударяя в лобовое стекло. Она припарковалась у обочины, а я собрала свои вещи.

— Пойдем ко мне, — сказала я. — Можешь сегодня переночевать у меня. — Я не хотела прощаться с ней. — Конечно, если у тебя нет никаких планов.

— Не знаю. Уверена, что выдержишь мое общество? Папа говорит, что меня трудно вытерпеть в больших дозах.

— Не заставляй меня давать тебе подзатыльник.

Она рассмеялась, и я не могла не присоединиться к ней.

Как только мы вышли из машины, то сразу же промокли до нитки, пока дошли до дома. Но мы все равно смеялись, так что я посчитала этот момент важным.

— Али, — позвала бабушка из кухни.

Меня охватила паника, и я поняла, что должна была поговорить с ней сегодня утром. Если она заговорит о боксе в присутствии Кэт, я не представляла, что мне тогда делать.

Мы пошли на кухню, и, чем ближе мы подходили, тем сильнее становился запах жареной моркови. Бабушка стояла у кухонного островка, нарезаая листья салата.

Я расслабилась, когда она мило улыбнулась нам.

— Кэтрин, дорогая, останешься на ужин? У нас будет жаркое. Это одно из любимых блюд дедули.

— Ты не против? — спросила Кэт у меня.

— Конечно, нет, — ответила я, мой тон говорил ей о том, каким глупым был этот вопрос.

Она просияла.

— Тогда да, я с удовольствием останусь на ужин.

— Отлично. — Бабушка положила листья салата в миску. — Ужин будет готов через пятнадцать минут. Почему бы вам, девочки, не подняться наверх и не обсохнуть. Вы похожи на мокрых кошек.

Это вызвало новый приступ смеха, и мы бросились бежать. В моей комнате мы вытерлись полотенцем, и, решив, что это не поможет, переоделись. Я одолжила ей футболку, которая была ей велика, и спортивные штаны, которые пришлось подвернуть на ногах и талии.

По привычке мы проверили свои телефоны. У нее было одно смс от Льда, он спрашивал, не хочет ли она пообщаться позже. Видите? Я знала, что он быстро поправится. У меня было одно смс от Коула, в котором он сообщал, что заедет за мной в одиннадцать. Я улыбнулась. Лёд спрашивал. Коул сообщал. Но я хотела его увидеть. Он...

Раздался стук.

От грохота я обернулась. Очень бледная и трясущаяся Кэт выглядела так, будто пыталась подойти ко мне, но на середине пути упала на колени. Я бросилась к ней и помогла подняться.

— Ты в порядке?

— Я буду в порядке. — Она, прихрамывая, села на край кровати и провела рукой по лицу. — Небольшое головокружение, вот и все.

Небольшое головокружение, возникшее внезапно, без предупреждения. Я подумала о ранах на ее руках. Вспомнила другие случаи, когда видела ее такой же бледной и трясущейся. Подумала о многих днях, которые она пропустила в школе.

— Кэт, с тобой что-то не так, и я хочу знать в чем дело. — Я села рядом с ней и скрестила ноги. — Больше никакой лжи. Ты можешь рассказать мне все, ты же знаешь, я сохраню секрет.

Вздыхнув, она откинулась назад, подпрыгивая на матрасе.

— Ну... помнишь, я говорила тебе, что моя мама работает врачом в больнице и что она рассказала мне о тебе, и поэтому я была там?

— Да.

— Ну, я солгала. Прости, — добавила она, прежде чем я успела произнести хоть слово. — Я просто не хотела говорить тебе правду. Я никому не говорила, даже Льду.

— Тогда в чем дело? — Смятение и беспокойство боролись во мне. — Почему ты была там?

Она закрыла лицо руками.

— Я больна. Мои почки работают не совсем правильно. Мне нужен диализ, очень часто. По этой причине я лежала в больнице. Я подслушала, как две медсестры говорили о тебе, и решила проведать.

Тревога охватила меня, заставляя дрожать. Одно слово эхом отдавалось в моем сознании. "Больна. Больна. Больна".

— С тобой все будет в порядке?

— Моя мама... у нее тоже были проблемы с почками, и она умерла довольно молодой. Сразу после моего рождения.

— Кэт. — Я схватила ее за руку и держала, не желая отпускать.

Она убрала руки от лица. Верхний свет отражался от слез в глазах, скорее зеленых, чем карих.

— Я не хочу, чтобы ты стала относиться ко мне по-другому. Я все еще я.

Да, она по-прежнему была одним из лучших людей, которых я знала. Я хотела спасти ее, как-то, как не смогла спасти свою семью и Брента, потому что потеря ее уничтожит меня.

Каждый день часы тикали... или нет. Конец может наступить в любое время. В любое мгновение, вдох, секунду. Умрет, умрет, умрет.

Кэт. Бабушка. Дедушка.

Коул.

Я держала его на расстоянии, ходила вокруг него на цыпочках, сначала решая дать ему шанс, потом отталкивая. Да. Нет. Волновалась. Нервничала. Всегда сдерживала какую-то часть себя.

Хватит. Я больше не позволю страху управлять моей жизнью. Эта мысль приходила мне в голову и раньше, но в этот раз эти слова имели вес. На этот раз я не отступлю.

— Ты сказал, что Лёд не знает? — тихо спросила я.

— Нет, не знает. — Ее глаза встретились с моими, блеск внутри них был жестким и суровым. — Я хочу, чтобы так и дальше оставалось. Ладно? Я не должна, но все еще люблю его. Если он узнает, то либо бросит меня, либо удвоит свои усилия, чтобы быть со мной в оставшееся время. Я не хочу, чтобы он бросал меня, но и не хочу, чтобы был со мной только потому, что у меня осталось мало времени. Я хочу, чтобы он боролся за меня только потому, что любит.

— Он не заметил твоей усталости? Твоих ран?

— Конечно заметил. Но в те дни, когда я устаю, я говорю ему, что у меня месячные, его это устраивает. Проблемы девушек его пугают. Что касается ран, я сказала ему, что в младших классах подралась, и маленькая ведьма расцарапала меня, как слабачку. Он до сих пор спрашивает у меня ее имя и адрес по крайней мере раз в неделю. Думаю, он хочет увидеть матч-реванш.

Мне хотелось смеяться над этим. Но также хотелось и плакать.

— Я не скажу ни слова, обещаю.

Постепенно напряжение ослабевало.

— Ладно. А теперь, давай сменим тему, я наконец-то закончила дерево слухов. Ты не согласишься, кто это сделал.

Я уже забыла о нем, но любопытство взяло верх.

— Кто?

— Сестра Джастина, Жаклин.

— Ну, конечно, — сказала я, и ее имя включило лампочку в моей голове. Мне было стыдно, что я не догадалась об этом раньше. Я не разговаривала с Джастином после той ночи в лесу, когда он и его команда украли моих зомби, а Жаклин отворачивалась от меня каждый раз, когда наши взгляды пересекались. — Она ненавидит меня.

— Ненависть — слишком мягкое слово. Но, думаю, здесь нет ничего личного. Она ненавидит всех, кто связан с Коулом. Даже меня ненавидела, когда я встречалась со Льдом. Не то чтобы она когда-нибудь говорила почему.

Я знала почему, но не могла ей сказать.

— Ты собираешься ей что-нибудь сказать? — спросила Кэт.

— Нет, — сказала я выдохнув. — Все кончено. Конец. — Я не собиралась рисковать из-за чего-то подобного, не тогда, когда мне было что терять. К тому же, Коул будет насаждать на Джастина, а у него и так сейчас хватает забот.

У нас всех.

Глава 16

Хорошее, плохое и действительно ужасное

В десять пятьдесят девять вечера я заметила мигающий свет за окном. Сигнал Коула. Он был здесь.

Гроза оставила свой след: небо превратилось в бесконечное пространство полированного оникса, земля была темной и грязной. Я наблюдала за ней последние пять... кхе-кхе... шестьдесят семь минут и гадала, как мне удалось это заметить. Что ж, теперь я знала.

Переполненная чувством вины, я дважды проверила подушку, которую положила на кровать, затем на цыпочках спустилась по лестнице и подошла к задней двери. Дедушка и бабушка были намного старше моих мамы и папы, и их слух был не таким острым. Я пользовалась этим преимуществом, их новые правила не оставляли мне выбора. Я должна была сделать это.

Когда я открыла дверь, она заскрипела, и я вздрогнула. Подождала несколько секунд, ничего не услышала и закрыла дверь, затем засунула ключ в карман брюк. Ночью было намного холоднее, чем днем, и я вдруг очень обрадовалась, что надела рубашку с длинными рукавами, теплые носки и ботинки.

— Привет, ты...

Наши глаза встретились, и весь остальной мир исчез...

... он прижал меня спиной к стене спальни, а я всем телом опиралась на него. Я обхватила ногами его бедра. Его руки сжимали мою талию, а мои зарылись в его волосы. Он прижал меня к себе с такой силой, что у меня перехватило дыхание.

— Ты в порядке, принцесса?

Принцесса. Он снова назвал меня принцессой, как будто я пришла прямо из сказки. Я прижалась к нему.

— В порядке.

— Еще?

— Пожалуйста.

Он снова меня поцеловал, еще более страстно и неистово.

Впервые никто не мог прервать нас. Мы могли досмотреть видение до самого конца: множество поцелуев и тяжелое дыхание, переходящее в тишину. В этой темноте я испытала всплеск различных эмоций. Возбуждение, тоска, нервозность. У нас так давно не было видений, что я думала, будто они прекратились навсегда.

Для меня это означало одно — у нас есть будущее.

— Почему сейчас? — спросил он в настоящем. Позади него возвышался забор, по сторонам — деревья. Не было ни лунного света, ни фонарика, но я ясно видела его лицо. Влажные волосы были зачесаны назад, фиолетовы глаза светились. — Что изменилось?

— Думаю, я. — Как я уже поняла, какая-то часть меня отталкивала его, сопротивлялась ему. А сегодня, после разговора с Кэт... не знаю, сколько еще у нас осталось времени, и завидовала той связи, которая была у нее со Льдом. Я хотела такой связи с Коулом, и поняла, что готова, что могу получить ее, если только рискну.

— Что ж, одобряю. Я хочу этого. — Его голос стал хриплым, тягучим, как шоколад. — Того, что мы видели.

— Я тоже, — призналась я.

— Теперь ты знаешь меня достаточно хорошо?

Я знала, что он сильный, решительный, осмотрительный, и что он заботится о своих друзьях больше, чем о себе. Коул не подчинялся никаким правилам, кроме своих собственных. Во времена Дикого Запада он был бы разбойником. Я знала, что его чувство юмора соответствует моему, и наоборот.

— Да, — прошептала я. — Да. Но не секс, — добавила я. — Пока нет. Но...

— Но это больше, чем у нас было.

— Да, — повторила я.

— Ладно. — Он взял меня за руку и повел через темноту и грязь. Я знала, что здесь есть ловушки, но не видела их. И не видела никаких признаков зомби. — Один из парней будет заходить к тебе домой каждый час, проверять обстановку.

— Спасибо. — Джип Коула снова стоял у обочины. С той лишь разницей, что за рулем сидел не Бронкс. Коул занял место водителя.

Я пристегнулась и повернулась к нему лицом.

— Все живы? — спросила я, пока мы ехали.

— Да. Все быстро восстанавливаются.

— Где оказалось гнездо?

— В мавзолее на кладбище.

— И они... что? Просто спали?

Он кивнул.

— Мы открыли дверь, а они просто стояли и смотрели на нас. Они даже не сопротивлялись, когда мы напали.

— Может, с ними было что-то не так. — Например... сущность отравленной души, повлияла на них?

— Может. Мы никогда не сталкивались ни с чем подобным.

— Так вы убили их без каких-либо проблем?

— Ага.

Уверена, они праздновали после этого. Устройте мне вечеринку жалости, потому что жалею, что меня там не было. Я повернулась к окну и провела кончиком пальца по нему, оставив след.

— Как ребята их выследили?

Коул прибавил скорости, обгоняя одну машину, затем другую.

— Они патрулировали и пошли на запах, который был сильнее, чем обычно.

Он замолчал, оставив меня наедине с своими мыслями, которые быстро переключились с зомби на Коула. Я знала, куда он меня везет. К нему домой. Мы пойдем в его спальню, и что дальше? Будем целоваться? И, черт! Несмотря на то, что мы не занимались сексом, я не планировала начинать “беседу” с ним. Все могло выйти из-под контроля, или я могла передумать.

— Итак... вы, охотники, верите в рай или ад? — спросила я, не давая себе расслабиться. — Ходите ли вы в церковь?

— Не знаю за других парней, но да, я хожу в церковь. Мы с отцом ходим каждое воскресенье. А ты?

— Да, я тоже.

Мы доехали до места назначения, и он припарковался на своей подъездной дорожке.

Выйдя из машины, он подошел ко мне и помог выйти из машины.

— Не нервничай, — сказал он. — Мы не сделаем ничего, чего ты не захочешь.

В этом-то и была проблема! Я не знала, чего хочу. Ну, сейчас или никогда.

— Мы официально встречаемся? Я имею в виду, мы вместе и встречаемся только друг с другом?

Он остановился на крыльце и посмотрел на меня со странным выражением на лице.

— Может мы и общались редко, но уже давно вместе. Нам просто нужно было кое-что уладить.

Волнение охватило меня, достаточно сильное, чтобы вызвать дрожь в теле.

— Ох.

В его глазах промелькнула ярость.

— Ты встречалась с кем-то еще?

— Нет!

Ярость пропала, но его новое выражение лица не успокоило меня. Я думала, что дедушка был решительно настроен против бокса, но это...

— Ладно, — сказала я. — Мне просто нужно было убедиться.

— В следующий раз сделай это раньше.

Зайдя внутрь, я быстро осмотрела гостиную, прежде чем он потащил меня по коридору. Я приходила сюда бесчисленное количество раз, но никогда не была внутри дома. Только в сарае. Пустота поразила меня.

Коричневый диван, кресло и журнальный столик, но никакой другой мебели и никаких фотографий на стенах. Ни ваз, ни цветов, ни каких-либо украшений. Подождите. Подумаешь, никакой другой мебели. Здесь был сейф, большой, черный и, вероятно, полный огнестрельного оружия, достаточно для того, чтобы уничтожить весь город.

— Твой отец... — начала я.

— Он не дома.

— А Бронкс и Маккензи?

— Бронкс спит в своей комнате, а Кенз нет дома.

Кенз, снова. Прозвище означало привязанность. Я могла бы позволить сомнениям о его чувствах ко мне... и его чувствах к ней... проникнуть в мой разум, пустить корни и вырастить дерево, но не стала. "Больше никакого страха", — напомнила я себе. К тому же, я либо доверяла ему, либо нет. Я не могла получить и то, и другое.

Мои мысли разбежались, когда мы вошли в спальню Коула. Он закрыл дверь с тихим щелчком. Я нервно огляделась. У него была широкая кровать с темным одеялом и простыней. Тумбочка, на которой лежала книга (я не могла разглядеть название). Комод. Очень опрятно. Очень... одиноко.

Не говоря ни слова, Коул прижал меня к стене. Штукатурка оказалась прохладной, что заставило меня задохнуться, затем он вжался в меня, такой горячий, что в голове произошло короткое замыкание.

— Ты уверена?

— Д-да.

Он долго смотрел на меня, прежде чем, наконец, поцеловал, и его язык проскользнул в мой рот. Сначала поцелуй был медленным, но вскоре перерос в нечто дикое. "Неужели так будет всегда?" — ошеломленно подумала я.

Каким-то образом моя нервозность исчезла и руки оказались под его рубашкой, мои

ногти впились в его кожу. Я хотела ощущать его всего. Но не могла подойти достаточно близко.

Как и в видении, мои ноги обвили вокруг его талии. Он отошел назад, увлекая меня за собой. Больше стена не была тем якорем, который удерживал меня в вертикальном положении. Им стал Коул.

Он подошел к кровати, и я сильнее прижалась к нему. Затем он наклонился... наклонился... и мягкость матраса поглотила мой вес. Он лег на меня сверху, продолжая целовать.

К моему удивлению, он не стал заходить дальше. Ну, не совсем. Мы только целовались, наши руки изучали друг друга то тут, то там. Наконец он застонал и поднял голову. Его зрачки оказались огромными, поглотив всю фиолетовую радужку.

— Нам нужно остановиться.

Что? Почему?

— Л-ладно.

— Когда ты будешь готова к большему, мы продолжим. — Он лег рядом со мной и прижал меня к себе.

— А если я хочу подождать до свадьбы?

— Ты просишь меня жениться на тебе? — спросил он, усмехаясь.

— Нет!

— Если это то, чего ты хочешь, то не отступай. Не позволяй никому отговаривать тебя от этого, даже мне. И мне неприятно это говорить, но я, наверное, попытаюсь.

— И я, вероятно, буду разочарована, если ты этого не сделаешь. — Я прижалась к нему, и он провел пальцами по моим волосам, позволяя нескольким прядям упасть мне на плечо, а затем он снова их убрал. Я с удовольствием отметила, что он дрожит так же сильно, как и я.

— Ты скучаешь по своей другой жизни? — спросил он.

Я была удивлена такой сменой темы, но мне не понадобилось времени на обдумывание ответа.

— Да, но только потому, что я очень скучаю по своей семье. Я бы хотела... хотела бы сказать папе, что он не сумасшедший. Хотела бы сказать маме, как сильно я ее люблю. И я бы хотела, чтобы моя младшая сестра оказалась жива и здорова. Она была светом в моем мире.

— Она больше не приходила к тебе?

— Нет. — И, несмотря на мрачность ее предсказаний, я жалею, что она этого не сделала. — В последний раз, когда я ее видела, она сказала мне: "Он придет за тобой".

— Кто он?

— Я так и не смогла понять этого.

Коул сел и посмотрел на меня через плечо с мрачным выражением на лице.

— Ты расскажешь мне об аварии? О том, что случилось потом, с твоими родителями?

Я облизала губы и заставила себя говорить, пока не замолчала, как каждый раз до этого.

— Я пришла в себя и увидела отца, освещенного фарами машины. Три зомби сидели возле него, исчезая внутри тела и возвращаясь обратно. Потом я потеряла сознание, а когда пришла в себя, те же зомби каким-то образом вытащили мою мать и делали с ней то же самое.

— Твой отец еще был жив?

— Не думаю. Он не издавал ни звука.

— А мама?

— Думаю, м-мертва. В машине на ней было так много к-крови. — Мои зубы начали стучать.

— Она не могла пойти к зомби, чтобы попытаться спасти твоего отца?

— Н-нет. — Верно?

— Не будем больше об этом говорить, — сказал Коул, возвращаясь ко мне. — Ты немного в шоке.

— Со мной все будет в порядке. Но почему ты спросил об аварии? — Здесь и сейчас, а не в другое любое время.

Последовала долгая, тяжелая пауза.

— Тот "он", о котором говорила твоя сестра...

— Да?

— Просто выслушай меня, хорошо? Что, если твой отец был жив до того, как зомби укусили его, они могли его заразить. Он мог...

— Нет! — крикнула я. Затем повторила более мягко: — Нет. Это невозможно.

— Али.

— Нет. — Я смотрела в потолок, слезы наворачивались на глаза и текли по щекам. Он говорил, что мой отец мог стать тем самым злом, которого он когда-то боялся, и это просто не могло быть правдой. Этого не может быть.

Если бы мне пришлось сражаться с собственным отцом... если бы мне пришлось убить его... Нет! Я не смогла бы этого сделать. Я бы не сделала этого.

Но кто-то же мог. Насколько я знала, они уже сделали это.

— Представляю, что такое тяжело представить, и ты знаешь, что я бы не стал об этом говорить, если бы не считал такое возможным. Я бы никогда не причинил тебе боль, но хотел подготовить тебя на всякий случай, потому что... это случилось с моей мамой.

Меня переполнял ужас.

— Твоя мать стала зомби?

— Да. Я видел, как мой отец превратил ее в пепел, — решительно сказал он.

— Я... я... — Все, что я могла сделать, это сильнее обнять его, предлагая утешение, какое могла.

— Она пришла за мной, чтобы превратить в зомби. Я боролся с ней, но не мог ударить, потому что она была моей мамой, и ей удалось укусить меня. Я крикнул папу, и, когда он вбежал в мою комнату, она набросилась на него. Она почти победила, но он собрался с силами и убил ее светящейся рукой. А потом еще долго плакал.

— Ах, Коул. Мне очень жаль.

— Зомби не сразу забывают прошлую жизнь. Они помнят, что у них было, и ненавидят то, что у нас все еще есть. Они хотят забрать это у нас. Тот факт, что за тобой так упорно охотятся...

Да. Я не хотела признавать, но он был прав. Мой отец мог охотиться на меня.

Коул вздохнул и сказал:

— Пойдем. Я отвезу тебя домой.

— Хорошо, — мягко ответила я. Мне нужно было время, чтобы придумать план.

Через несколько минут мы уже садились в его машину, а вскоре после этого припарковались у обочины. Он проверил свой телефон, пока вел меня через лес, и нахмурился.

— В твоём доме что-то происходит, — сказал он.

— Что случилось? — Внезапно оглянувшись в поисках зомби, я побежала вперед.

— Этого мне не сказали. — Коул бежал впереди, не давая мне попасть ни в какие ловушки. На полпути я почуяла запах гнили. Он был везде, настолько густой, что моя кожа покрылась пленкой.

Я посмотрела вверх, но не увидела в небе кролика.

Почему Эмма не предупредила меня?

— Зомби где-то рядом, — сказала я, поглаживая свой нож. — Ты их видишь?

— Пока нет, но они рядом. Запах очень сильный. — Одной рукой он достал арбалет, а другой позвонил Льду.

Чем ближе мы подходили к моему дому, тем быстрее мы бежали. Мы не увидели ни одного зомби. Добежав до моего забора... там, слава Богу, зомби тоже не было... я мельком увидела, как Круз вышел из-за дома, открывая ворота, слишком взволнованная, чтобы попрощаться с Коулом. Мне нужно было проведать бабушку и дедушку.

— Что за... — услышала я его слова.

Первое, что заметила: в доме не было света. Второе: повсюду сновали полицейские.

— Оружие, — напомнил мне Коул.

Я бросила нож на землю и побежала к дому.

— Бабушка! Дедушка! — Офицер, стоявший у задней двери, схватил меня, удерживая на месте.

— Ты Али? — потребовал он.

Свет на крыльце освещал нас. Это был полный мужчина, с озабоченностью на лице.

— Да. Где мои бабушка и дедушка? С ними все в порядке? Что случилось?

— С тобой все в порядке? — потребовал он.

— Я в порядке. Мои бабушка и дедушка...

Он проигнорировал меня, крикнув:

— Я нашел девушку. — Он посмотрел на Коула, который шел за мной. — Кто ты?

— Ее парень, — ответил Коул.

На лице полицейского отразилось понимание. Другие полицейские поспешили к нашей маленькой группе, задавая кучу вопросов, в процессе которых я все разузнала. В дом ворвался "грабитель" и напугал моих бабушку и дедушку. Дедушка сказал бабушке спрятаться, а затем отправился искать меня. Он не смог найти меня. Грабитель, увидев его, ударил. Тем временем бабушка позвонила в 911.

Это не мог быть зомби. Коул говорил, что по всей территории проходит Линия Крови. Но... откуда этот запах?

— Джастин, — пробормотал Коул.

Мои глаза расширились. Думаю, Джастин не стал бы этого делать, но вот его люди скорее всего. И все же, этот запах гнили...

Я разберусь со своей логикой позже. Дедушка сейчас находился в больнице, в стабильном состоянии и быстро поправлялся. А бабушка была дома и ждала, когда позвонят мои похитители. Только меня не похищали, я сбежала.

Чувство вины будет преследовать меня вечно. Я привела эту войну на порог дома моих бабушки и дедушки. Я даже не сражалась сегодня ночью. А целовалась, веселилась, пока они волновались и страдали.

— Могу я ее увидеть? — прохрипела я.

— Конечно, — сказал полицейский, который первым меня увидел.

Они еще не закончили допрашивать Коула, но он пошел за мной в дом, отказываясь оставлять меня одну. Я нашла бабушку в гостиной, она сидела на диване и беззвучно плакала. Ее глаза были красными и опухшими. Должно быть, они сказали ей, что меня нашли, но не пускали ко мне, пока допрашивали.

Увидев меня, она поднялась на ноги и кинулась меня обнимать. Я обняла ее в ответ, крепко стискивая, и плакала вместе с ней.

— Прости, — сказала я.

— Поговорим об этом позже. Я рада, что с тобой все в порядке.

После всего того, что они сделали для меня, я только и делаю что разочаровываю бабушку и дедушку. И что самое ужасное, я знала, что буду продолжать это делать.

* * *

Дедушка вернулся домой из больницы через несколько дней. Он выглядел таким уставшим, что мне хотелось побить врача, который его выписал, и страховую компанию, которая отказалась оплачивать его лечение.

Я предложила бабушке взять деньги со счета в колледже и оплатить ему повторное лечение, но она отказалась. Она очень хотела, чтобы дедушка вернулся и был под ее присмотром.

У него залегли синяки под глазами, а щеки впали. Его кожа была бледной, а все мышцы болели. Мой дедушка был таким милым человеком. Как кто-то мог причинить ему такую боль?

По приезду в школу мы с Коулом столкнулись с Джастином и его сестрой на парковке. Коул заметил их, когда они выходили из автобуса. Он вышел из машины и крикнул:

— Сильверстоун!

Джастин встретился с ним взглядом. Не говоря ни слова, они накинулись друг на друга и начали драться.

Я вышла и подошла к Жаклин.

— Вмещаешься и закончишь так же, как твой брат, — сказала я сквозь стиснутые зубы. — Нам нужно поговорить.

Она перекинула волосы через плечо.

— Пошла ты.

— Если ты еще хоть раз приблизишься к моим бабушке и дедушке, — прорычала я, — я вытру пол твоим лицом. Ты меня поняла?

Она нахмурилась, и ветер растрепал ее волосы.

— О чем ты? Мы ничего не сделали твоим бабушке и дедушке.

— Точно также, как не распускали слухи обо мне?

Парни были заняты тем, что ругались и били друг друга.

Она пожала плечами.

— Да, это я распустила слухи. И что?

— Ты злобный маленький тролль, который любит причинять боль невинным людям. Я знаю, что ты и твои люди пришли в мой дом, чтобы поиздеваться надо мной. Когда ты обнаружила, что меня там нет, вы набросилась на моих бабушку и дедушку.

— Я же сказала! Я ничего не делала твоим бабушке и дедушке.

— Но ты знаешь, кто это сделал, и расскажешь мне. — Я не стала дожидаться ее ответа.

Она должна была понять, что я настроена серьезно. Я ударила ее в нос, и кровь мгновенно хлынула из него. Ее колени подкосились, и она, застонав, упала на землю.

Доктор Райт выбежала на улицу, двери школы с грохотом захлопнулись за ней.

— Хватит! — кричала она. — Парни, прекратите. Али. Сейчас же!

Охранникам пришлось разнимать ребят. Я подняла руки и сказала:

— Это была самооборона.

В итоге, нас всех отстранили от уроков.

Кэт заходила ко мне вечером, но ввиду некоторых секретов, мы тоже поссорились.

— Я рассказала тебе о своей болезни, но ты не хочешь рассказать мне, что с тобой происходит? — сказала она, подняв руки в отчаянии. — А я знаю, что что-то происходит. Ты все больше и больше времени проводишь с Коулом, у тебя постоянно синяки, и я бы подумала, что он тебя избивает, если бы не видела синяки и у других, с кем ты общаешься. Я знаю, что ты занимаешься тем же, что и Лёд, и знаю, что ты от меня что-то скрываешь.

— Да, — призналась я, — но больше я ничего не могу тебе сказать.

На ее лице отразилась обида.

— Ты не доверяешь мне?

— Доверяю, но эти секреты принадлежат не мне. Я не могу предать их.

— Но я твоя подруга.

— Да. И они тоже.

— Али...

— Прости, я просто не могу, — повторила я.

Она ушла, раздраженная.

Остаток вечера я провела как в тумане, бродя по дому, проверяя двери и окна, с оружием в руках. После стольких лет сомнений в нем, я превратилась в копию своего отца.

Не было причин идти на вылазку. Коул и ребята были там, проверяли ловушки и патрулировали территорию. Я могла спокойно идти спать, но не могла заставить себя заснуть.

Дедушка и бабушка запретили мне видеться с ним. На этот раз по-настоящему. И они не шутили. Бабуля спала на диване в гостиной.

Надо было что-то сделать.

На следующее утро я написала ему сообщение.

"Сможешь прийти сегодня на ужин?" Он понравится бабушке и дедушке, когда они узнают его поближе.

Он сразу же ответил.

"Да. Все в порядке?"

"Просто хочу увидеть тебя".

"Буду в X. Я тоже."

X, должно быть, означало "время". Усмехнувшись, я решила написать Кэт.

"ПРОСТИ МЕНЯ". Я плохо себя чувствовала из-за того, что задела ее чувства.

Я не ждала, что она ответит мне, но прошло всего несколько минут, прежде чем раздался знакомый гудок. "Нет, это ты меня прости. Я была назойливой, а ты знаешь, что я никогда не бываю назойливой".

Я усмехнулась. У Кэт был талант. Она могла заставить меня смеяться, независимо от обстоятельств. "Друзья?"

"Лучшие."

Почувствовав, будто с моих плеч свалился груз, я убрала оружие и спустилась на завтрак. Бабушка уже накрыла на стол, а дедушка занял свой стул. Он сидел, ссутулившись, в помятой одежде. Он так и не удосужился причесаться, только оставшиеся пряди безвольно свисали по бокам. Круги под глазами стали темнее. Его ладони лежали на столе, и он смотрел на них, о чем-то задумавшись. Может быть, он подхватил какой-то вирус пока был в больнице?

— Дедуля, — мягко сказала я.

Он вздрогнул, как будто я дала ему пощечину, его красные глаза посмотрели на меня.

— Да? — Его голос был хриплым, чего раньше точно не было.

— Ты хорошо себя чувствуешь? Тебе подать что-нибудь?

— Я в порядке, — пробормотал он.

Бабушка принесла большую сковороду с яичницей, от которой поднимался пар; запах ветчины и сыра плыл в воздухе. Я заняла свое место слева от дедушки. После того, как бабуля положила каждому из нас по порции и заняла свое место, мы ели в тишине. По крайней мере, мы с ней. Дедуля, что-то ворча себе под нос, водил вилкой по тарелке.

— Тебе нужно поесть, — сказала ему бабушка.

Он перестал ворчать и уставился на нее. Действительно уставился, будто завис на ней.

— Что? — спросила она, ерзая на стуле. — У меня что-то на лице?

Он не сказал ни слова.

Она посмотрела на меня, молча задавая мне тот же вопрос. Я покачала головой в знак отрицания, затем вернула свое внимание к дедушке. Его пальцы впились в стол, костяшки пальцев побелели, будто он пытался сдерживать себя.

От... нападения?

Его губы растянулись в оскале. Он издал низкий рык. Каждый мускул в его теле напрягся.

Дедушка резко встал, и я сделала то же самое. Он бросился к бабушке, а я попыталась его перехватить. И поймала его как раз вовремя. Мы упали на пол, сильно ударившись. Бабуля закричала.

— Еда, — прорычал дедушка, выгибаясь, пытаясь высвободиться из моей хватки, чтобы добраться до своей жены.

"Еда?" Только зомби хотели... О, нет. Нет, нет, нет. Он был жив. Он не мог быть... не мог...

Я попыталась прижать его руки, но не смогла. Он оказался сильнее, чем я думала. Потом мой спокойный, милый дедушка ударил меня по щеке несколько раз, и я перестала пытаться. Боль ослепила меня, и только занятия с Коулом помогли мне оставаться в сознании.

— Что ты делаешь, Карл? Остановись! Ты делаешь ей больно!

Мне было неприятно это делать, но я ударила его в ответ. Бабушка бросилась к нам, вероятно, намереваясь помочь мне, но все, что она сделала, это раззадорила его, заставив его драться со мной еще сильнее.

— Возьми мой телефон, — крикнула я. — Он в моей комнате. Позвони Коулу. Пожалуйста, бабушка. Пожалуйста. Только Коулу. Он поможет нам. Пожалуйста!

Она колебалась, отступив на несколько шагов, выражение ее лица было мрачным от ужаса и неуверенности. Дедушка снова попытался меня ударить. И я сцепилась с ним, понимая, что если отпущу, то все станет намного хуже. Я не могла одновременно бороться с

ним и защищать бабушку.

— Ну же! — крикнула я. — И не возвращайся сюда. Дедушка не в себе. Он может причинить тебе вред.

— Али, я...

— Иди!

Наконец она ушла, исчезнув за углом. После ее ухода вся сила ярости дедушки переключилась на меня. Он больше не довольствовался тем, что бил меня. Вместо этого он стал царапать и кусать меня. Забудьте о то, что я говорила. Я больше не могла удерживать его и рванула прочь от него.

— Успокойся, дедушка. Ладно? Ты не хочешь этого делать.

Он вскочил на ноги... но тут же обмяк, его тело рухнуло на пол. А глаза закрылись. Он затих.

Я с ужасом наблюдала, как его душа поднимается из тела.

Ужаснувшись... я поняла. Его укусил зомби. Заразил его. Убил.

Он был мертв.

Но продолжит жить дальше.

Он выглядел таким же больным, как и тогда, когда находился в своем теле, но теперь его кожа приобрела более серый оттенок. Его взгляд прошелся по комнате, так и не остановившись на мне. Он принюхался, облизал губы и двинулся к единственной двери.

— Дедушка, — сказала я и покинула свое тело.

Мгновенно его внимание переключилось на меня, и он забыл о бабушке. Он преследовал меня по всей комнате. Когда он сделал выпад в мою сторону, я отпрыгнула в сторону. В доме не было Линий Крови, поэтому мы оба прошли сквозь стол и еду.

Получалась некая цепочка. Мы кружили вокруг друг друга. Он двигался ко мне. Я убегала в сторону. И потом все заново. У меня был нож в сапоге, но я не могла заколоть его. Просто не могла заставить себя его вырубить. У меня не хватало духу, сжечь его.

Наконец в комнату вошел хмурый Коул, за ним Маккензи, Бронкс и мистер Холланд. Мистер Холланд спросил, где моя бабушка, и после того, как я ему сказала, он ушел. Бронкс ногой закрыл дверь. Я намеренно избегала взгляда Коула. Сегодня мы видели друг друга в первый раз, и я не могла позволить себе видение прямо сейчас.

— Не убивай его, — сказала я. — Пожалуйста. Должен быть другой способ.

— Молчи, — сказал Коул. — Следи за своими словами.

Дедушка понюхал воздух и облизал губы.

— Еда.

Мои друзья вышли из своих тел и окружили его, быстро усмирив, опрокинув его на пол, сцепив руки за спиной, а лодыжки связали светящейся веревкой.

— Может быть, нам надо... — начала я, поджав губы и опустив взгляд, когда фиолетовые глаза Коула встретились с моими. Наши взгляды встретились...

Коул стоял передо мной, его руки лежали на моих плечах.

— Мне жаль. Этого не должно было произойти. Человек, которого ты любила, никогда бы не ударил тебя. Я не знаю, когда его укусили. То, что ты видела сегодня, было его оболочкой. Просто оболочкой.

— Тогда как он смог войти в дом, — спросила я, и слезы потекли по моим щекам, — ведь вокруг дома есть Линия крови?

— Когда ему разрешили войти, это отменило Линию крови. Его дом. Его правила.

Мое сердце раскололось. Я должна была проверить, нет ли следов укусов. Я же почувствовала запах гнили в ту ночь.

— Если бы у меня было больше времени, я бы придумала способ...

— Другого способа нет, — настаивал Коул, его тон был резким. — Он должен был умереть. Насколько мне известно, никто никогда не возвращался после такого.

Он лучше знал, не так ли. Он видел, как его собственная мать умерла таким же способом...

— ...Ееееддааа.

Голос дедушки прорвался сквозь видение. Мир вернулся в нормальное состояние. Коул стоял в другом конце комнаты, прижимая к себе дедушку.

— Позволь мне сделать это, Али, — прорычал он.

Я поняла, что сила моих слов до сих пор останавливала его от действий... точно так же, как сила его слов почти разжала мою челюсть, чтобы произнести нужные слова. Я сопротивлялась.

— Что с ним? — Плакала бабушка за закрытой дверью. — Почему он сделал это с Али? Это на него не похоже. Он хороший человек.

— Я же говорил вам, что здесь опасно, миссис Брэдли, — услышала я слова мистера Холланда.

Маккензи вернулась в свое тело.

— Нам нужно еще время, — крикнула она.

— Али, — напомнил Коул.

Я не могла свалить на него это бремя.

— Я... я... я сделаю это.

Он изучал меня, прежде чем жестко кивнуть.

— Уверена?

Я посмотрела вниз. Проблема первая: мои руки были в порядке. Вне всякого сомнения, я могла зажечь свет. Вопрос был в том, смогу ли я сделать это по команде?

— Я не хочу делать ему больно, — сказала я, и мой подбородок задрожал. Проблема вторая: моя любовь к этому человеку.

Нет, не к человеку. Больше нет.

— Обещаю, он ничего не почувствует.

Дедушка пытался вырваться, и я начала плакать. Он хотел убить бабушку, а я не могла ему этого позволить. На самом деле никаких проблем не было. Я закрыла глаза, покопалась внутри себя и нашла резервуар решимости.

— Да, — сказала я и поверила в это всем своим сердцем. — Уверена.

Что-то внутри меня раскололось, и тепло взорвалось в моих руках, поднялось вверх и разлилось по плечам. Я открыла глаза. Обе мои руки светились, от кончиков пальцев до ключиц.

Коул, Маккензи и Бронкс смотрели на меня с благоговением.

Спотыкаясь, я подошла к дедушке, пока у меня не сдали нервы, присела рядом с ним и подождала, пока Коул повернет его. Дедушка оскалил зубы в мою сторону. Дрожа, избегая его взгляда, я провела ладонью по его груди.

За один удар сердца он исчез, а в воздух полетел пепел. Я озадаченно посмотрела на свои руки. Коул сказал, что это занимает некоторое время.

— Али, — позвала моя бабушка. — Али, ты в порядке? Поговори со мной!

Коул вернулся в свое тело.

— Али. Не трогай тут больше ничего.

— Али! — Теперь в голосе бабушки звучала паника. — Я твоя бабушка и требую, чтобы ты поговорила со мной.

Но я должна была прикоснуться к своему телу. Должна была вернуться и ответить бабушке.

— Нет, — крикнул он, когда я протянула руку.

Пальцы души соприкоснулись с пальцами естественной формы. У меня перехватило дыхание, когда две половинки меня соединились. Свечение исчезло, но я чувствовала остатки жара, маленькие вспышки молний, треск и шипение.

— Ты в порядке? — потребовал он.

— Да. — Я крикнула:

— Я в порядке, бабушка. — Но дедушка не в порядке. Свежие слезы каскадом хлынули по моим щекам. — Как я это сделала? — спросила я Коула.

— Не знаю. Я никогда не видел ничего подобного и боялся, что ты обожжешь свое тело, когда прикоснешься к нему. В следующий раз слушай меня. Я не выдержу еще одного такого испуга.

— Али? — сказала бабушка дрожащим голосом. — Мне нужно увидеть тебя своими глазами.

Я умоляюще посмотрела на Коула, молча прося разрешения рассказать ей о том, что только что произошло. Она заслуживала знать.

Он кивнул.

— Правду?

Маккензи запротестовала, но Коул сказал:

— Да.

Я открыла дверь в столовую, и бабушка вбежала внутрь, мистер Холланд следовал за ней по пятам. Оба они осмотрели комнату.

— Карл! — ахнула бабушка, бросаясь на неподвижное тело дедушки, как бы защищая его от дальнейшего вреда. — Очнись. Ты должен проснуться.

Мне пришлось подавить рыдания.

— Он не может, бабушка. Он... он умер.

— Нет. Он проснется. Он должен.

В конце концов, она все осознала и заплакала еще сильнее.

Коул помог ей встать на ноги и подвел к одному из стульев, которые поставил на место.

— Али хочет кое-что рассказать вам до приезда полиции.

Я села рядом с ней. Меня трясло и было трудно дышать, я понимала, что у меня начнется гипервентиляция, если не успокоюсь.

Я боялась, что она посчитает меня сумасшедшей, нас всех сумасшедшими, но рассказала ей о зомби. О папиных способностях, а теперь и о моих. Я рассказала ей, что люди, пытающиеся контролировать зомби, проникли в дом, и каким-то образом зомби укусил и заразил дедушку.

Зомби изменили Дедулю. Убили его тело... а мне пришлось уничтожить его душу.

С каждым моим признанием она издавала болезненный стон, и каждый из этих стонов душил меня. К концу я едва понимала себя.

— Это... это... — Она не могла заставить себя произнести слова, которые осудили бы

меня, но понимала, что она думает об этом. Она должна была.

— Знаю, в это трудно поверить, — сказал мистер Холланд, помогая мне. — Но она говорит вам правду. Вот почему она часто пропадала после школы. Вот почему у нее были синяки. Вот почему она ушла той ночью.

Коул сел рядом с нами, его серьезный взгляд был устремлен на бабушку.

— Нужно позвонить в 911. Нельзя больше ждать, иначе возникнут вопросы. Скажите им, что он упал.

Я знала, почему он этого хотел. Полиция провела бы вскрытие и решила, что дедуля умер от "редкой" болезни.

Ее подбородок дрожал, слезы продолжали стекать по щекам, оставляя красные следы. Она посмотрела на меня, вглядываясь в мое избитое лицо.

— Ему было так стыдно. Сегодня утром он сказал мне, что люди, которые ворвались в дом, вытащили его на улицу. Он был так напуган, думал, что они хотят его убить. Но они вывели его за забор, держали его и рассказывали об ужасных вещах, которые собирались с ним сделать. Он сказал, что чем страшнее ему становилось, тем сильнее он чувствовал маленькие уколы жара в груди. Он думал, что у него сердечный приступ. Затем он услышал сирены. Они отпустили его, и он бросился обратно в дом.

Меня охватила всепоглощающая ярость. Итак. Люди, с которыми работал Джастин, были виноваты в этом. Они заставили моего дедушку выйти за Линию Крови, напугали его, что как афродизиак для зомби, а затем наблюдали, как его пожирают.

Может быть, Джастин и Жаклин не знали об этом. А может, и знали. В любом случае, их руководитель хотел, чтобы дедушка заразил меня... превратил в зомби. Но я не знала, хочет ли он проводить эксперименты на мне или убить меня.

— Мне жаль, Али, — прошептал Коул, и я поняла, что мы пришли к одинаковым выводам.

Моя жизнь только что приняла очередной ужасный поворот, и у меня появилось плохое предчувствие, что дальше будет только хуже. Но знаете что? У меня уже несколько раз было такое чувство... и я ни разу не ошибалась.

Глава 17

Кошмар масштаба зомби

В третий раз менее чем за шесть месяцев я присутствовала на похоронах. В отличие от предыдущих, это утро выдалось ярким и прекрасным. Воздух был настолько холодным, что мне понадобилось пальто, и дул сильный ветер; такую погоду любил мой отец.

На этот раз я присутствовала на похоронах. Да я и не могла не приехать. Бабушка нуждалась во мне. Я сидела рядом с ней и сжимала ее дрожащую руку. Я позволила ей поплакать на моем плече, а потом поплакала на ее.

Коул сидел по другую сторону и держал меня за руку. Он был моей опорой. Он подвез нас, запрещая кому-то из нас вести машину, пока мы были в таком состоянии. У нас не было видения, и это удивительно, но у меня не было сил выяснять причину.

Еще один сюрприз... Коул подарил мне iPod с музыкой, которая, по его мнению, должна была мне понравиться. Он заметил, что у меня его нет. Поблагодарив его, я расплакалась. Я знаю, что он переживал из-за того, что случилось с дедушкой, и пытался поднять мне настроение, но его вины в этом не было.

— Мы пытаемся что-то разузнать об "Анима Индастриз", — сказал он, когда я успокоилась. На мой недоуменный взгляд он добавил: — Компания, на которую работает Джастин. Мы найдем способ уничтожить их, раз и навсегда.

— Хорошо. — Чем раньше, тем лучше.

Я наблюдала, как люди проходят мимо гроба дедушки, чтобы отдать дань уважения... и видела, как Эмма пробирается сквозь них. Никто ее не заметил. По ее щекам текли слезы. Она остановилась передо мной и положила свои маленькие ручки мне на плечи.

Я почувствовала слабое тепло.

Коул напрягся. Чувствовал ли он ее? Или видел?

— Мне жаль, — тихо сказала она. — Я думала, что, если я перестану предупреждать тебя о нападениях, ты перестанешь охотиться на зомби. Вместо этого они сотворили это с дедушкой, точно так же как они...

— Кто? — спросила я, и несколько человек посмотрели на меня.

Эмма побледнела.

— Али, не заставляй меня... не здесь.

— Кто, — потребовала я, и бабушка сжала мою руку, пытаясь успокоить меня.

— Я... Али, ты думала о том, кто такой свидетель? Это умерший, живущий на небесах и наблюдающий за жизнью тех, кого любил. Вот чем я занимаюсь. Наблюдаю за тобой. Радуюсь вместе с тобой. Когда тебе больно, мне тоже. Отступи.

— Не могу.

Я думала, что после этого Эмма уйдет, но она не ушла. Вздохнув, она сказала:

— Я хотела спасти тебя от этого, но вижу, что твоя решимость слишком велика. Это... папа, — прошептала она. — Он ищет тебя и хочет обратить. Они пытались сделать маму такой же, но она боролась со злом и победила. Она там, наверху, со мной, и тоже хочет, чтобы ты была в безопасности. Отступи, Алиса. Ради нас. — С грустной, мягкой улыбкой она исчезла.

Я была в шоке. Мой отец стал зомби. Вот о чем она пыталась предупредить меня раньше, говорила о том, что может причинить мне такую боль, какую я никогда не

испытывала. Мой отец был зомби, и я ничем не могла ему помочь.

Ему все равно не нужна моя помощь.

Он приходил за мной. Хотел убить.

Я все еще была в шоке, когда Коул высадил нас с бабушкой у дома. Он хотел остаться со мной, но ему нужно было помочь отцу. Поэтому обещал позвонить мне позже, но я быстро ушла в дом.

Бабушка ушла в свою комнату, а я — в свою. Кэт звонила мне, но я перевела ее на голосовую почту. Через час после этого позвонил Коул, но и его я перевела на голосовую почту. Я лежала на кровати, погрузившись в кошмар, о котором и не подозревала.

Мой отец стал зомби.

Мой отец, которого я подвела.

Мой отец, которого я преподнесла зомби на блюдечке с голубой каемочкой.

И я не могла его спасти.

Что мне делать? Дрожащей рукой я взяла дневник, пролистала страницы. Здесь должны были быть ответы. Я знала, что они есть. Если бы только еще один отрывок превратился... в... английский.

До того, как я успела окончить мысль, появилось еще несколько абзацев, иероглифы сменились буквами.

"На протяжении борьбы с зомби ты столкнешься со многими трудностями. Люди будут называть тебя сумасшедшим. Некоторые члены твоей семьи и друзья будут заражены. Некоторые из твоих родных и близких умрут.

Никогда не забывай, что зло это зло. Ты не можешь его изменить. Не можешь исправить. Но, если ты позволишь ему, оно приведет тебя во тьму.

Тебе, наверное, интересно, кто я такой, откуда все это знаю и почему ты это читаешь. Нет, это не волшебство. Я написал это для тех, кто может стать душой".

Душой. Интересно, означает ли это, что я смогу прочитать все, если покину свое тело. А другие смогут прочитать это, если покинут свое тело? Возможно, но в данный момент я была слишком выжата эмоционально, чтобы беспокоиться об этом.

"Если ты читаешь это, находясь в естественной форме, значит, ты, как и я, больше знаешь о духовных вещах. Если тебе трудно читать, не волнуйся. Когда твой разум будет готов к восприятию остальной информации, ты сможешь прочитать остальные отрывки.

Хочешь узнать больше о зле? Нет. Думаю, тебя больше интересует любовь. Ты хочешь знать, что можешь сделать, чтобы спасти людей, которых любишь. Я знаю, потому что тоже жаждал этой информации. Расскажи им правду. Научи их. Невидимый, неизвестный враг — все равно враг. Если они будут знать, они смогут бороться. Даже если они не поверят тебе, ты хотя бы попытался".

Мое зрение затуманилось от нового потока слез. Я жалела, что не сказала дедушке правду. Жалела, что не научила его сражаться. Теперь было слишком поздно.

* * *

Должно быть, я плакала, пока не заснула, потому что следующее, что помню, — это стук в мое окно.

Я резко села, волосы рассыпались по плечам, а дневник упал на пол. Я протерла глаза, сердце бешено колотилось в груди. Коул открыл окно и залез в мою комнату, но это только заставило мое сердце биться еще сильнее. Он был вооружен. И одет в черное с головы до

ног, под глазами у него были черные пятна, поглощающие свет, ножи закреплены на руках, а клинки торчали из сапог.

— Прости, что делаю это сейчас, в такое время, но ты не отвечала на мои звонки и сообщения, — сказал он, — а ты нужна нам. Мы нашли гнездо в доме примерно в миле отсюда. Собираемся убить их, и нам нужна твоя помощь. Мы никогда не видели, чтобы у кого-то загоралась рука так, как у тебя, или зомби так быстро превращали в пепел, и надемся, что ты сможешь уничтожить их всех.

Сражаться с врагом. Это я могла, как бы плохо себя ни чувствовала.

— Мне нужно переодеться.

— Поторопись.

Пока я приводила себя в порядок в ванной, Коул нерешительно сказал:

— Я видел сегодня твою сестру.

Я замерла, рубашка, которую натягивала, зацепилась за уши.

— И я слышал, о чем она сказала, — добавил он.

Значит, он знал. Знал, что мой отец может быть частью этого гнезда.

— Мне жаль, Али.

Дрожа, я закончила одеваться и вошла в комнату. Коул стоял, прислонившись к стене и скрестив руки на груди.

— Ты сможешь сделать это? — спросил он.

Могла ли я? Я убила своего дедушку. Если у папы будет возможность, он нападет на меня, как это сделал дедушка. В другой жизни отец бы ненавидел себя за это. И в той, другой жизни, думаю, он хотел бы, чтобы я убила его. Но смогу ли я дальше жить, если убью его во второй раз?

— Мне нужно сказать бабушке, что я отъеду, — сказала я, проигнорировав его вопрос. — И кому-то нужно будет приехать и поохранять ее.

Он никак не прокомментировал смену темы.

— Я позаботился об этом. Мой отец уже едет сюда.

Отлично. Мы вместе спустились по лестнице. Бабушка вышла из-за угла, выглядя старше своих лет. Увидев нас, она поняла, что происходит. К моему удивлению, она не стала меня останавливать. Просто поцеловала меня в щеку и сказала:

— Будь осторожна.

— Обязательно, — заверила я ее.

— Мы укрепили Линию крови вокруг дома, — сказал Коул, — и мой отец должен приехать с минуты на минуту. Он останется с вами до конца ночи.

— С-спасибо. — Она ушла, не требуя никаких подробностей. Возможно, потому что начала плакать.

Я хотела пойти за ней, но заставила себя остаться на месте.

— Ненавижу это. Все это

— Знаю, но единственный способ сделать все лучше — это продолжать выполнять нашу работу. — Он обхватил мои щеки и посмотрел в мои глаза... и мир исчез...

... Я лежала на спине, откашливая кровью. Коул нависал надо мной, слезы текли по его щекам...

... Видение исчезло, и я снова стояла перед ним.

— Это было... — Он покачал головой. — Ты остаешься здесь.

— Потому что меня могут ранить? — После того, как он только что сказал мне, что

единственный способ улучшить ситуацию — это продолжать выполнять наше дело? Я яростно покачала головой. — Мы не знаем, когда видения сбываются. Первое сбылось, спустя долгое время, и, кроме того, я не могу оставаться здесь до конца своей жизни, избегая этого.

— Ты умирала!

— Ты исцелишь меня.

— Ты умирала у меня на руках, — кричал он, тряся меня. — Умирала, а я ничего не мог сделать. Поэтому ты остаешься здесь. Позволь мне и остальным разобраться с этим.

— Нет. Ты сказал, что нужна моя помощь.

— Али, пожалуйста. Я не могу тебя потерять...

— Остановись. — У меня пересохло во рту, и страх захлестнул меня, но я сделала храброе лицо. — Мы теряем время. — Я прошла мимо него и потянулась к дверной ручке. — Если хочешь, оставайся, но я ухожу.

Я вышла на улицу. Солнце садилось, небо было покрыто дымкой фиолетового цвета.

Люди в масках окружили меня.

Закричав, я попятилась назад, думая, что это иллюзия, продолжение видения, но кто-то схватил меня своими железными руками и отнес к ожидающему фургону, пока остальные заходили внутрь и пытались схватить Коула. Я услышала свист его лезвий.

Я боролась со своим похитителем, но у меня не получалось ослабить его хватку.

Позади меня раздался громкий взрыв. Меня и мужчину впечатало в бок автомобиля. Моя голова стукнулась о металл, а зрение затуманилось. Деревянные щепки посыпались дождем, пока я смотрела, как мужчина пытается подняться.

— Алиса, моя милая Алиса, — услышала я чей-то голос изнутри машины и узнала его.

Мой отец пришел за мной.

* * *

Очнулась я привязанная к стулу в замешательстве. Постепенно зрение начало проясняться. Сильная боль охватила мою голову. Все тело болело. Мне казалось, что я перенеслась во времени на следующий день после автомобильной аварии, когда мир вокруг меня рухнул.

Что ж, мой мир снова рухнул.

Воспоминания захлестнули меня. Коул пришел ко мне домой. Затем у нас было видение моей смерти. Потом я вышла из дома... или попыталась выйти. Какие-то люди в масках напали на меня. Схватили. Взрыв. Фургон. Мой отец.

Коул. Бабушка.

В моем горле образовался ком. Они живы. Я больше не хотела ни во что верить.

Я попыталась освободиться от веревок. Мне нужно найти их, нужно им помочь. Потянув за веревку, я поняла, что нахожусь в какой-то лаборатории. Свет был приглушен, но я видела людей в лабораторных халатах, суетящихся вокруг. В воздухе чувствовался металлический привкус, а также запах разложения, и меня передернуло.

— Отлично. Ты проснулась. — Женщина в защитном костюме подошла ко мне. Она сняла маску и развела руки в сторону. — Добро пожаловать в "Анима Индастриз".

— Доктор Райт, — прохрипела я. — Вас тоже поймали?

— Как мило. Ты настолько доверяешь мне, что готова проигнорировать улики и убедить себя, что меня тоже схватили, как и тебя.

В считанные секунды самодовольство в ее голосе разорвало это доверие на ленточки, преподнося правду. Я не хотела в это верить, но отрицать глупо. Она была шпионом. Предательницей.

— Вот оно, — сказала она, кивнув. — Ты наконец-то поняла, что я использовала вашу маленькую группу для получения информации, не более. Что мои люди следили не за зомби, а за маячком, который я установила на ваши ботинки. Это оказалось так просто.

"Убью ее".

— Вы сказали, что вам можно доверять, — прорычала я.

— Я часто лгу. — Она усмехнулась. — Возможно, даже о том, о чем соврала. Не могу точно сказать.

Я еще сильнее дернула за веревки.

— Вы привезли сюда Коула и мою бабушку?

— Нет, мы не сделали этого, и нет, я не знаю, где они. Не мы взорвали бомбу, они пропали, когда мои люди вернулись, чтобы обыскать то, что осталось от дома.

Это правда? Или очередная ложь?

— Зачем вам это? — потребовала я.

Она положила одну руку на бедро — царственная поза, которую не мог испортить даже защитный костюм.

— Отец Коула хочет уничтожить всех зомби. Мы же хотим их использовать.

Использовать абсолютное зло?

— Почему?

— Почему? Из-за денег. Они — оружие. Ни одна армия не сможет выстоять против них. С помощью зомби, мы сможем уничтожить любого, за кого нам больше заплатят, и нам не придется и пальцем пошевелить.

— Но они убивают нас! — Не говоря уже об остальном мире.

— Нет. Мы научились их контролировать. Позволь мне показать. — Она посмотрела на меня через плечо и указала пальцем.

Через секунду свет загорела ярче. Я прищурилась и попыталась повернуться, но не смогла этого сделать. Я услышала чьи-то шаги, а затем в поле зрения появилась Жаклин. Она тоже была одета в защитный костюм, прозрачная маска скрывала пристыженное выражение лица... конечно же, еще одна ложь. Она держала конец веревки.

К которой был привязан мой отец.

Я моргнула и замерла. Он был таким же высоким, каким я его помнила, но его волосы поредели. Кожа стала сероватой, а на лице и шее появились темные пятна. На нем был костюм, манжеты и подол которого были потрепаны.

Я так хотела его увидеть, так сильно по нему скучала, что испытала внезапный прилив радости. Это чувство было подавлено, когда красные глаза, от исходящего света, посмотрели на меня.

— Отпустите меня, — сказала я и снова попробовала вырваться. Хотя не была уверена, попытаюсь помочь ему или убью.

Неожиданно моя душа начала отделяться от тела...

— О, нет, не надо. Оставайся на месте, — крикнула доктор Райт. — Твоя душа тоже будет связана, потому что ты заберешь веревку с собой, но это вызовет лишь раздражение у зомби, которого мне придется сдерживать. Если это произойдет, я буду настолько раздражена, что, в конце концов, приведу в лабораторию твою подругу Кэт, чтобы преподать

тебе урок.

Скрежеща зубами, я заставила себя успокоиться.

— Присоединяйся... к нам, — прохрипел отец.

— Его перевоплощение поразило нас, — сказала доктор Райт, и в ее голосе действительно звучала гордость. — Обычно к этому моменту они становятся безмозглыми, голодными, но все, чего он хочет, это провести время со своей единственной живой дочерью.

Слезы застилали мне глаза. "Он не твой отец. Не совсем. Просто... не реагируй на все это сейчас. У тебя начнется истерика. Сможешь поплакать позже".

С уголка его рта капала слюна. Его пальцы сгибались, как будто он готовился к нападению.

— Будем вместе... снова. Мы.

Несколько дней назад я бы все отдала за такой момент. Шанс побыть с ним, поговорить, и теперь он у меня был. Отец мог быть одним из зомби, но он узнал меня и хотел остаться вместе. Он скучал по мне.

Признаю. Я тоже скучала по нему, очень сильно, и часть меня испытывала искушение согласиться. Соблазн был, но я знала, что лучше.

— Нет, папочка. Я не могу. — Слезы потекли по моим щекам.

Он замолчал, и я услышала стоны и ворчание других зомби.

— Пожалуйста. — С его рта капала слюна.

— Можешь не отвечать, — сказал доктор Райт. — Это не имеет значения. Мы позволим ему превратить тебя.

Меня охватил страх, и я начала вытаскивать руки из веревки, швы на руках разошлись. Теплая жидкость стекала по моим пальцам и скапливалась на полу. Стоны и ворчание переросли в рычание, зомби впали в ярость.

Они почували мой страх.

Я заставила себя не шевелиться.

— Я надеялась, что ты поймешь, что мы — лучший выбор, — со вздохом сказала доктор Райт. — Мне интересны твои способности.

— Жаль, потому что я скорее умру, чем помогу тебе.

— Так и думала, что ты это скажешь. — Она улыбнулась с ледяной уверенностью. — Но, когда ты станешь зомби, неужели думаешь, что сможешь мне сопротивляться? Видишь ли, веревки пропитаны химическим веществом, которое Коул использует для своих Линий крови. Зомби не смогут их разорвать, что позволяет нам управлять существами там, где мы захотим. А когда мы подпускаем зомби к человеку, инстинкт берет верх. — Отец зашипел на нее, а доктор Райт сверкнула на него глазами. — Хватит.

Он попытался вырваться.

Жаклин споткнулась.

— Доктор Райт...

— Ты будешь вести себя хорошо, — отрезала она, и я не была уверена, к кому она обращается — к девочке или к моему отцу. — Хочешь, чтобы я скормила Али другим зомби?

Значит, к отцу. Он сделал еще один рывок, гораздо более сильный, и на этот раз Жаклин пришлось отпустить его, чтобы не упасть на землю.

— Прекрати...

Он бросился на доктора Райт, пытаясь поцарапать ее или укусить, но не смог пробиться

сквозь костюм.

Доктор Райт схватил его за веревку и попытался повалить на землю.

— Хватит уже, мистер Белл. Али заслужила наказание. А теперь вам нужно успокоиться.

— Еда! — крикнул мой отец.

Я услышала позади себя крики, затем торопливые шаги.

— Они убегают, доктор Райт, — крикнул кто-то.

— Продолжайте вести протокол! — потребовала она.

Следом раздались решительные крики. Еще шаги. Затем еще больше, хотя они были более легкими. Люди кричали. Зомби шипели. Затем в мою шею и плечи вонзились острые иглы, наполняя кислотой вены.

Я кричала и билась, пока мой стул не упал вперед. Я пыталась выйти из своего тела, чтобы защититься и бороться, но из-за этой кислоты, мои силы колебались на нулевой отметке. По крайней мере, веревки наконец ослабли, и я смогла освободить руки.

Я извивалась и пыталась сражаться с гнездом зомби... но мои руки просто проходили сквозь них. Они были душами, а я — человеком. Те, кто укусил меня, отошли, задыхаясь, захлебываясь, но это мне не помогало. Одни зомби хотели покончить со мной, а другие просто прорывались вперед.

— Папа! — закричала я.

"Драться..."

"Убивать..."

"Уничтожать..."

Эти мысли кружились в голове, пока каждое соприкосновение с зомби обжигало меня. Вскоре я почувствовала, будто кто-то содрал с меня кожу, обнажив мышцы.

Вторая линия, спотыкаясь, отошла в сторону, а третья подошла к тарелке. Они были как акулы, зарываясь глубоко, проникая сквозь кожу, мышцы и кости, не обращая внимания на яркий свет, светящийся на них.

"Драться... убивать... уничтожать".

"Нет, — подумала я. — Нет!" Я не сдамся. Люди могут бороться со злом, говорил Коул, и я буду бороться. Если смогу выиграть эту битву, возможно, смогу пережить инфекцию.

"Дратьсяубиватьуничтожать".

"НЕТ!"

— Прекратите, — сказала я. — Прекратите.

Один за другим, не в силах противостоять силе моих слов, они начали отходить от меня. Когда вокруг же никого не осталось, я все еще не могла заставить себя подняться. Мое тело было объято пламенем.

— Не... подходите, — прохрипела я.

Я осмотрела комнату. Несколько людей в костюмах лежали на земле, стараясь выбраться. Зомби, очень много зомби, пытались прорваться сквозь их костюмы. Зомби усеивали пол, практически карабкались по стенам и качались на оборудовании. Те, кто еще не напал на меня, образовали стену слева и дрожали от желания вернуться ко мне.

Может быть, они бы и вырвались из-под моего приказа, но вдруг отец навис надо мной, своим огромным телом загораживая их. Его глаза вспыхнули красным светом, и он облизал губы... опустил голову...

— Присоединяйся ко мне. Присоединяйся ко мне.

В его словах было не меньше силы, чем в моих, и я обнаружила, что пытаюсь сесть, чтобы дотянуться до него.

— Папа, я люблю тебя. Пожалуйста, помоги мне. Ты должен мне помочь.

Крик разорвал воздух, за ним последовал еще один и еще. Зомби, которые образовали стену, желая напасть на меня, падали, их тела сводило судорогой.

— Али! — услышала я из другого конца комнаты.

Коул! Коул был здесь.

"Драться..."

"Нет! — подумала я снова. — НЕТ".

Мой отец выпрямился и повернулся лицом к новой угрозе.

— Али! — снова крикнул Коул.

— Коул! Я здесь.

Снова раздался вой, на этот раз сопровождаемый стонами боли.

Началась битва между зомби и охотниками.

Мой отец сражался рядом со мной, отбрасывая своих собратьев-зомби к стенам, подальше от меня. По венам потек адреналин. Если останусь на этом месте, он тоже, и один из охотников убьет его. А учитывая, как отец помогал мне... я не могла этого допустить. Он тоже боролся со злом!

Я закрыла глаза и попыталась забыть о соевей боли. Это оказалось нелегко, но я нашла способ, моя решимость не позволяла ничего другого. Медленно, мой душа начала подниматься из тела... подниматься... "я могу это сделать..." В тот момент, когда я полностью освободилась, почувствовала прилив сил, холодный воздух поборол жар. Коул бросил мне два ножа.

Зомби бросился на отца, но он не видел его, так как сражался с другим. Вскочив на ноги, я скрестила руки... проткнула яремную вену, развела руки... замахнулась, и проткнула еще одного. Мое тело выгибалось, ноги постоянно двигались сквозь копошащуюся массу. Но даже если мне не хватало мастерства, я доминировала. Эти зомби были слабее тех, с кем я сражалась.

Я потеряла отца из виду. Краем глаза заметила Коула, который сражался так же яростно, как и я. Он был покрыт черной жижей, весь в царапинах, но все равно сражался. За меня. Спасая меня. Чтобы убить тех, кто хотел уничтожить нас всех. Хаун был позади него, но он не стоял на ногах.

Он лежал на спине и не двигался, пока мой отец... "нет, нет, нет..." зарывался в его тело, исчезал, потом поднимался и снова продолжал, черная слизь стекала у него по подбородку. Трина пыталась добраться до Хауна, чтобы спасти, даже когда зомби кусали ее за ноги.

Я пробивалась к ним. Кто-то ударил меня сзади, сбив с ног. Я впечаталась лбом в какое-то... тело. По крайней мере, это смягчило мое падение. Секундой позже зубы впились мне в ногу, и еще больше огня пронеслось по мне. Я ударила другой ногой, отбрасывая нападавшего.

Коул оказался возле меня через мгновение, убивая кусаку.

— Ты молодец, — сказал он, уже вступая в бой с другим противником.

— Да. — Ни за что не призналась бы в обратном. Я пригнулась, дважды ударила зомби лезвием по лодыжкам, повалив его на колени.

Я повернулась к следующей цели и снова увидела отца. Он бросился на Коула, оскалив

зубы. Они сцепились. Я с ужасом наблюдала, как отец снова и снова пытался укунить Коула.

— Остановись, — крикнула я, но не верила, что он это сделает.

Коул увернулся от зубов моего отца, одновременно отмахиваясь мечом. Я опустила свои ножи. Может, отец и хотел спасти меня, но он никогда не сможет контролировать себя в отношении других. В конце концов, он поступит так же, как дедушка. Попытаётся убить меня, причинить вред. Он уничтожит всех, кого я успела полюбить.

Я не могла этого допустить.

У меня было меньше секунды, чтобы принять решение, и я его приняла. Я посмотрела вниз на свои руки.

— Засветитесь, — сказала я, и они мгновенно повиновались. Мои руки, от кончиков пальцев до плеч, светились.

Со слезами, текущими по щекам, я протянула руку. Моя рука дрожала. Господи, дай мне силы.

— Папа, — сказала я.

Он повернулся ко мне лицом.

— Прости. — "Другого пути нет. Придется сделать это".

— Али, — сказал он.

Я прикоснулась к нему.

Через секунду от него остался только пепел. Думаю... думаю, он улыбался.

В один миг мой отец умер.

Навсегда.

Из-за меня.

Коул как раз замахнулся мечом, чтобы сразить им моего отца. Вот только отца там больше не было. А я.

Металл вонзился в мой живот.

Сначала я ничего не ощутила. Через несколько секунд почувствовала все: боль, намного сильнее той, с которой я когда-либо сталкивалась, пронеслась по моему телу.

На лице Коула отразился ужас. Из него вырвался крик отрицания. Круз и Лёд внезапно оказались рядом, помогая мне опуститься на землю. Перед глазами замигали черные точки.

— Али!

Я попыталась что-то сказать, но вместо этого закашлялась, чувствуя, как кровь поднимается по груди и собирается во рту.

— Мне очень жаль, очень жаль, — сказал Коул, и я знала, что он навис надо мной.

Это было наше видение. Что сказать? Оно быстро сбылось.

Он поднял меня на руки.

— Не смей умирать. Ты не умрешь, слышишь меня?

После всего, что я пережила, чтобы попасть сюда?

— Не... мечтай... — Еще один кашель прервал мои слова. Что-то потянуло меня вверх... вверх... вверх в бесконечное белое пространство.

Глава 18

Счастливое начало для Алисы

Я понятия не имела, где нахожусь. Вокруг были облака, много белых облаков, затуманивая мое зрение, пока...

Эмма прошла сквозь облако, но одетая уже не в розовое платье. Теперь она была в белом халате, ниспадающем до самых ног. Ее волосы были распущены, длинные, гладкие и такие красивые. Ее глаза были как всегда ярко-золотыми, и в них плескались разные эмоции.

— Я умерла? — спросила я, смирившись с этой мыслью.

— Ненадолго, — ответила она. — Ты убила его.

Воспоминания захлестнули меня. Мой отец — зомби. Мой отец, собирающийся причинить боль Коулу. Мой отец, мертвый из-за меня.

— Прости, — прохрипела я. — Мне очень жаль.

— Знаю, — ответила она печально. — Хотела бы я сказать, что всем зомби настал конец, но это не так. Хотела бы я сказать, что это конец "Анима Индастриз", но не могу. Хотела бы сказать тебе, что у вас с Коулом все будет хорошо, но не могу сделать и этого.

Нет. Я отказывалась сейчас беспокоиться об этом. У меня была вера, а если есть вера, невозможно беспокоиться.

— Все наладится, вот увидишь.

— У тебя было столько яда в организме, Али. Ты действительно думаешь, что они смогли нейтрализовать его весь? А люди такие злые. Они злятся и хотят...

— Али, — раздался чей-то голос.

Голос Коула.

Образ Эммы начал исчезать.

— Не уходи, — заплакала я, протягивая к ней руки. — Пожалуйста.

— Это не я ухожу, Али. А ты. — На ее лице появилась душераздирающая улыбка... облака, окутали ее... пока она не исчезла, будто ее тут и не было.

— Али.

Вдалеке я слышала равномерное пиканье.

— Прощай, Эм, — прошептала я. — Увидимся. — Я увижу ее снова, я знала это.

"Хотела бы сказать тебе, что у вас с Коулом все будет хорошо, но не могу сделать и этого."

— Али. Я знаю, что ты меня слышишь. Твои пальцы дергаются.

Я прогнала слова сестры и сосредоточилась на парне, который вернул меня из мертвых. Знала, что отказ от беспокойства не спасет меня от трудностей, но это спасет меня от того, чтобы испортить момент.

Я принимала каждый день по мере его наступления и справлялась с любыми препятствиями, которые возникали на моем пути, но одно знала точно. Токсин полностью нейтрализовали. Я знала это, потому что была жива, а мой разум — чист от зла.

— Давай, спящая красавица, — сказал Коул. — Ты была без сознания несколько дней, пора перестать наказывать меня и проснуться.

Я с трудом открыла глаза. Коул сидел на стуле рядом с моей кроватью и опирался на нее локтями, его плечи, будто, опустились от облегчения. Наверно наркотики действовали на меня, потому что я не чувствовала боли, но могла бы смотреть на него вечно. Он был

прекрасен. В царапинах, в бинтах, но чистый и совершенно восхитительный воин.

На мгновение я подумала, не было ли это видением. Но нет, оно произошло следом...

... Мы качались на качелях на крыльце, держались за руки, тихо разговаривали и смеялись. Моя голова лежала на его плече. Солнце почти взошло, золотые и розовые цвета рассыпались по небу.

— Сегодня у тебя нет вопросов? — спросил он.

— Конечно есть. Вообще-то у меня их тысячи.

— Спрашивай.

— Первый вопрос. Почему ты еще не поцеловал меня?..

Я не знаю, как долго длилось видение, но, когда оно померкло, одинокая слеза скатилась по моей щеке. Счастливый конец для меня, подумала я. Или, лучше сказать, счастливое начало.

Наконец.

Видите? Все будет хорошо.

Что касается "Анима Индастриз", то они уже использовали свою лучшую карту. Моего отца. И проиграли. Я оплакивала его потерю, и они больше не могли использовать его против меня.

И, да, то, что мне пришлось сделать, все еще причиняло боль. Мой отец пытался бороться за меня, потому что любил. И все же я убила его. Убила его второй шанс. Я. Только я.

Мне придется с этим жить.

Я утешала себя только тем, что произошедшее было необходимо. Он боролся со злом, но зло победило. Он бы снова и снова причинял боль моим друзьям, если бы я оставила его в живых.

— Мне понравилось это видение, — сказал Коул, нежно проводя пальцами по моей руке.

— Да, — прохрипела я, потому что горло саднило.

Он поднял мою руку и поцеловал костяшки пальцев.

— Я чуть не потерял тебя, Али. Дважды. Твое сердце остановилось. Но ты вернулась.

— Я упрямая, — сказала я.

— И слава Богу.

Мы одновременно улыбнулись.

— Ну, и скольким мы надрали задницу?

Его выражение лица стало серьезным.

— Большая часть сотрудников Анимы сбежала, но все зомби, которые там были, мертвы. Нам даже не пришлось сражаться с ними. Они просто начали падать, один за другим. Они перестали двигаться, и мы сожгли их.

"Может быть, потому что моя душа отравила их". Я расскажу ему о своих подозрениях... позже. Сейчас мне нужны были ответы, и я не была уверена, как долго смогу оставаться в сознании.

— Как ты нашел меня? Как тебе удалось выбраться из моего дома? — Бомба! Как я могла забыть о своей бабушке? Я попыталась сесть. — Бабушка...

— В порядке. Она с моим отцом, ждет в коридоре. — Он мягко подтолкнул меня обратно к кровати. — Анкх зашил твои раны. Не хочу, чтобы швы разошлись. И прежде чем спросишь о сражении, ты будешь рада узнать, что мой отец и твоя бабушка порылись в

завалах и смогли спасти некоторые из твоих вещей.

— Например? — Если я потеряла фотографии моей семьи... дневник...

— Не знаю. Я не отходил от тебя ни на шаг.

— Очень мило с твоей стороны.

— Не совсем. Если бы ты решила умереть, я собирался побить тебя.

Мне было больно смеяться, поэтому я сосредоточилась на получении остальных ответов, которые мне были нужны.

— Что случилось?

— У тебя дома?

Я кивнула.

— Твоя бабушка была в своей комнате. Один из сотрудников "Анимы" бросил мини-гранату. Я спрятался. Когда пришел в себя, мой отец уже был там, а люди в костюмах исчезли. Мы нашли твою бабушку, ее изрядно потрепало, но раны оказались несерьезными. Потом появился Джастин. Он рассказал мне, что происходит, и рассказал где ты.

Доктор Райт солгала о бомбе... удивительно... и Джастин помог нам. Почему? Это не имело смысла, не соответствовало тому, что я знала о нем и его людях.

— Все живы?

Он опустил глаза.

— Нет. Хаун...

"Мертв". Задрожав, я огляделась вокруг, пытаюсь собраться с мыслями. Мы находились в роскошной спальне. Над кроватью висела бархатная портьера. На стенах были обои пастельных цветов. Хрустальная люстра была усыпана тысячами сверкающих капель.

Все эти потери мы понесли не зря. Всю эту физическую и душевную боль. И будет еще больше, намного больше, потому что мы продолжим охотиться и сражаться. Мы должны. Мы должны защищать тех, кого любили.

Иначе все, что мы сделали, будет напрасно, и мы не увидим светлое будущее... только тьму.

Я прокашлялась.

— Где я?

— В доме Анкхов.

Раздался стук, и мистер Холланд заглянул в комнату.

— Мы слышали голоса и надеялись, что ты очнулась. У нас тут целая комната людей, которые хотят тебя проведать.

Я приподнялась, стараясь хоть чуть поправить волосы, но они оказались сильно запутанными. Исправить мой внешний вид было невозможно.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал Коул.

Конечно. Но я все равно оценила комплимент. Хотя у него все еще было серьезное лицо, так что, думаю, он действительно в это верил.

— Зовите их, — сказала я, стараясь не вздыхать мечтательно.

Первая вошла бабушка.

Коул встал и отошел к окну, а она бросилась ко мне, осторожно обнимая, заставляя чувствовать себя лучше, затем она села на стул, на котором сидел Коул. На лбу у нее были синяки, но других ран я не заметила.

Следом в комнату вошли Лукас, Дерек, Коллинз, Круз, Лёд и Бронкс.

— Хорошо выглядишь, — сказал Лёд.

— Малышка Али нанесла серьезный удар, — сказал Лукас.

— Если хочешь, то я буду тренироваться с тобой, в любое время, — сказал Дерек.

— Когда тебе надоест Коул, я буду в твоём распоряжении, — сказал Коллинз, заработав угрожающий взгляд Коула.

— Ты неплохо справилась. Для новичка, — сказал Бронкс.

Это были первые слова, которые он сказал мне, у него оказался хриловатый голос. И все же я дорожила ими. С его стороны, это была высокая похвала.

— Спасибо, ребята, — ответила я.

— О, какие у тебя хорошие друзья, — сказала бабушка, покачав головой.

Парни вышли, а за ними вошли Маккензи и Трина.

— Мне неприятно это говорить, — сказала Маккензи, оглядывая меня, — но ты была там просто великолепна.

— Да, это так, — сказала Трина, ухмыляясь. — Я заметила, что она использовала несколько моих приемов.

— Не правда. Это были мои движения!

Уходя, они начали спорить.

Затем в комнату ворвалась Кэт.

— Теперь моя очередь, — объявила она, бросаясь ко мне. Она схватила меня за руку и вцепилась так крепко, будто я была спасательным кругом, а она тонула. — Как лучшая подруга, я должна была быть первой. Кто-то должен понести наказание за мои страдания, но не волнуйся, это будешь не ты, Али.

Я была безумно рада ее видеть, но взглянула на Коула.

— Она знает, — сказал он. — Когда Кэт не смогла связаться с тобой, она позвонила Льду и мне около тысячи раз. Она уже собиралась рассказать всему миру, что тебя похитили, когда мой папа наконец-то разрешил нам ввести ее в курс дела.

— И вы должны были сделать это давным-давно! — воскликнула Кэт. — Как будто я не справлюсь с информацией о том, что зомби существуют. — Она наклонилась, переставая улыбаться, и прошептала: — Я не уверена, что смогу справиться с информацией о том, что зомби существует. Когда тебе станет лучше, мы поговорим об этом.

— Обязательно, — прошептала я в ответ. Затем, добавила громче: — Значит, вы со Льдом снова вместе?

— Да, мы снова вместе, — крикнул Лёд из другой комнаты в то время, как Кэт сказала: — После того, как он еще немного пострадает. Ты же знаешь, он мой мальчик для битья.

"Ты рассказала ему?" — лишь губами произнесла я.

Она отрицательно покачала головой.

"Тогда я не стану ему говорить". Хотя, если подумать, он мог уже знать. Наверняка мистер Холланд и мистер Анкх навели о ней справки, когда Лёд только начал с ней встречаться. Но об этом я подумаю в другой день.

— Все знают, кто я для тебя, Китти-Кэт, — сказал Лёд, прислонившись к двери и скрестив руки на груди.

— Но это не значит, что они будут терпеть нас. А теперь иди! Девочкам нужно поговорить.

— Да, мэм. — Ухмыльнувшись, он ушел.

Мы с Кэт болтали обо всем и ни о чем, смеялись и наверстывали упущенное, пока мои глаза не начали закрываться.

Она поцеловала мою руку, на ее лице отразилось беспокойство.

— Знаешь, Али, когда я впервые увидела тебя в больнице, ты выглядела почти здоровой. У тебя было пару царапин. Серьезно. Меня кусали комары и это выглядело намного ужаснее. В этот раз ты лежишь в кровати и выглядишь как... — Она махнула рукой. — Неважно. Даю тебе два дня, чтобы поправиться.

Я так любила эту девушку.

— Или?

— Или я навсегда расстанусь со Льдом, прямо здесь и сейчас, — громко сказала она.

— Эй, — крикнул он, давая понять, что стоял все это время в коридоре и подслушивал.

— Ну, я могу и так это сделать, — добавила она. — Мой сосед каждый день зовет меня на свидание. И он симпатичный. Если "симпатичный" — это новое слово для "возмутительно сексуальный".

Злой Лёд ворвался в комнату.

Кэт рассмеялась.

— Ладно, хватит. — Бабушка выпроводила всех из комнаты, кроме Коула. — А ты, — сказала она, целуя меня в лоб, — пожелай спокойной ночи своему другу и поспи немного. — Она вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

— И что дальше? — спросила я, зевая.

— Для начала ты и твоя бабушка переедете к Анкхам.

В особняк?

— Думаю, я справлюсь с этим, — сказала я.

— Пока ты не поправишься, — сказал Коул, и мы улыбнулись друг другу... пока я не испортила улыбку очередным зевком. Он нежно поцеловал меня в губы. — Поспи. Я буду здесь, когда ты проснешься.

— Снова твои приказы, — сказала я, закрывая глаза. Но я и не хотела, чтобы он был другим.

Благодаря ему я научилась выживать в этом новом мире. Более того, узнала, как его сделать лучше.

В глубине души я знала, что борьба с зомби — единственное, что может удовлетворить меня сейчас, единственное, что позволит мне почувствовать жизнь на полную катушку. Когда наступит конец, я смогу покоиться с миром, зная, что сделала все возможное, чтобы прийти к светлому будущему. И рядом со мной будет Коул. Мы будем вместе.

А со всем остальным я справлюсь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

из любви к человеку причинить ему острую боль, которая быстро пройдет, а не доставлять ему долгих мучений

автоматическая одноразовая ручка с адреналином, используемая для внутримышечного введения раствора в случае анафилактического шока